

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ю. К. Кириенко — Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921—1945 гг.) 3
- Б. М. Шпотов — Корпорация «Дженерал моторс» и становление американского менеджмента 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В. А. Кучкин — Юрий Долгорукий 35

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

- История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней). Главы XVIII—XIX (автор В. П. Титов) 57

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин — Записки для немногих 80

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 100

ПУБЛИКАЦИИ

- Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 119

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- И. В. Чуркина** — Иезуиты в России (1772—1820 гг.) 144
И. Д. Маланин — Культовые камни и камень Алатырь 151

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. И. Борозняк** — Германская историография Сталинградской битвы 154
А. С. Кан — Й. Хеслер. Советская историческая наука. 1953—1991. 163
М. Ле Гевель — В. З. Роговин. Сталинский неонэп 166
А. А. Дорофеюк — История автомобильного транспорта России до 1917 г. 167
А. Я. Шевеленко — Ю. М. Кобищанов. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций 168
Н. Ф. Котляр — Т. Н. Джаксон. Исландские королевские саги о Восточной Европе. С древнейших времен до 1000 года; ее же. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Первая треть XI века; А. В. Назаренко. Немецкие латиноязычные источники. IX—XI веков 169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. В. Фарсобин** — Надо собирать свидетельства о судьбе пленных и заключенных в СССР 172
Э. В. Харитонов — Правда, да не вся 174

Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921—1945 гг.)

Ю. К. Кириенко

Казачество — один из феноменов не только российской, но и мировой истории. Оно прошло сложный путь развития, сыграло крупную роль в судьбах Отечества. Казачество покрыло русское оружие неувядаемой славой в войнах, которые вела Россия, превратило «Дикое поле» в богатейшую житницу страны. Казаки были первопроходцами в открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока. В годы гражданской войны в русских регионах страны казачество оказало организованное сопротивление советской власти, что придало здесь борьбе длительный и ожесточенный характер. Вот почему большевики принимали крутые репрессивные меры к этому военно-служилому сословию, вплоть до многочисленных фактов геноцида. И в мирное время насильственное расказачивание продолжалось. В результате всех этих обстоятельств казачество понесло огромные потери, значительная его часть оказалась за пределами своей Родины.

В наши дни, когда идет процесс возрождения казачества, необычайно возрос интерес к вопросу о его судьбах, его прошлому, настоящему и будущему. Уже несколько лет продолжается острая дискуссия по этому вопросу. За последние годы состоялось несколько «круглых столов», научных конференций, посвященных истории казачества¹. Увидел свет ряд сборников научных трудов, брошюр и статей по этой проблематике². И все же остается немало вопросов, вызывающих споры, и среди них дискуссия о том, являлось ли казачество сословием или отдельным народом. Прав А. И. Козлов, который считает, что в изучении данной проблемы «необходимо пристальное, объективное, взвешенное всестороннее исследование, а главное — деидеологизированное, деполитизированное, строго научное, академическое»³.

Надо иметь в виду, что споры по этому вопросу возникли давно, особенно они усилились после окончания гражданской войны, но главным образом в эмиграции, где оказалась значительная часть казачества. Другая его часть, оставшаяся в стране, в процессе расказачивания, прошла через жестокие репрессии, лагеря, ссылки в отдаленные районы, и никакого участия в спорах принять не могла.

Февральскую революцию казачество приняло в надежде, что она освободит его от многих полуфеодальных пут и пережитков. Оно надеялось, что в рамках буржуазного строя ему удастся путем реформ (восстановление войсковых кругов и Рады, выборность войсковых атаманов и правительств

из казаков, широкое местное самоуправление с правом законодательного решения земельного вопроса в своих краях) не только сохранить, но и приумножить свои привилегии.

По мере развития революции казачество стало опасаться за целостность своих земель. Более того углубление революции ставило под сомнение само существование казачества как военно-служилого сословия. Все это вынуждало его верхи идти на тактические маневры. В июне 1917 г. на Учредительном общеказачьем съезде в Петрограде в докладе по аграрному вопросу была выдвинута идея: «Казачество — это народ, а не сословие, которое можно было бы уничтожить», и лозунги социалистических партий о самоопределении народов якобы знакомы и близки русскому казачеству⁴. Съезд готов был причислить казачество к особому народу, лишь бы получить право на самоопределение, посредством которого оно надеялось закрепить свои сословные привилегии и в первую очередь сохранить муниципализацию казачьих земель. Вот почему идеи федерализма получили широкое распространение на казачьих съездах, кругах, радах, совещаниях и конференциях уже с июня 1917 г. Казачий федерализм стал формой защиты казачьих интересов и средством борьбы с революцией.

В Киеве на съезде представителей народов и областей, «стремящихся к федеративному переустройству Российской республики», 8–15 сентября 1917 г., делегат от «Союза казачьих войск» Иванов утверждал, что казачество не является сословием, а представляет собой специфическую и жизнеспособную ветвь русского народа, имеющую все данные для самостоятельного существования.

Вместе с тем следует отметить, что руководители казачества, ратуя за единую, неделимую Российскую республику в федеративном исполнении, выступали против политического самоопределения народов и национально-территориальной автономии. Так, например, Малый войсковой круг 3 августа 1917 г. в Новочеркасске принял решение о необходимости борьбы «с сепаратистскими явлениями в Финляндии и других частях России»⁵.

Атаман А. М. Каледин, выступая 14 августа 1917 г. с речью на Государственном совещании в Москве от имени 12 казачьих войск, отметил центробежное стремление групп и национальностей в стране. Призвав к укреплению «демократического республиканского строя», он заявил: «Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлением должен быть поставлен предел в самом зародыше»⁶.

После Октябрьского переворота, в канун выборов в Учредительное собрание за несколько дней до публикации в советских газетах декрета ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁷ были опубликованы политические платформы Всероссийского и донского казачества, которые были почти идентичны. Совет «Союза казачьих войск» и атаман Каледин, учитывая программу РСДРП, предусматривающую «уничтожение сословий» в своих политических платформах подтвердив, что «Россия должна составлять единую демократическую федеративную республику», упредив вышеназванный декрет, декларировали, что казачество относится к особой бытовой группе, которая имеет право на самоопределение. «Признавая единство Российской республики, отмечалось в платформах, — казачество входит в нее на правах федерации, с правом образования союзов с другими областями и национальностями»⁸.

Осенью 1917 г. на юге страны был создан «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», который ничего общего к сепаратизму не имел, а главной своей целью считал недопущение развала России. Инициатором этого Союза был генерал Каледин. Как вспоминает бывший председатель Донского войскового круга в 1917 г. и глава Донского правительства в зарубежье Н. М. Мельников, когда донская делегация после Московского Государственного совещания возвращалась в Новочеркасск, Каледин, оценивая положение страны сказал, что «по его мнению, Россия идет к гибели и нужно теперь же думать о ее спасении, причем высказал предположение, что спасти всю Россию сразу из центра едва ли удастся, что всего вероятнее события могут развернуться так, что

Россию можно будет восстанавливать частями, по кускам, постепенно оздоравливая отдельные оазисы, что одним из таких оазисов, мог бы стать казачий Юго-Восток, но что для успеха дела необходимо, чтобы Дон, Кубань и Терек не действовали порознь, а объединились бы в один Юго-восточный Союз»⁹. Далее Мельников заключает, что мысль Каледина была высказана совершенно четко и ясно: Юго-Восточный союз не самоцель, а путь к возрождению России.

Однако создание в октябре 1917 г. во Владикавказе Союза, а в ноябре и его правительства в Екатеринодаре, по словам генерала А. И. Деникина, было в целом; «чисто фиктивное», которое не оказало никакого влияния на ход событий и осталось «незамеченным для широких кругов населения Юга»¹⁰. М. П. Богаевский в своем «Ответе перед историей», оценивая деятельность широко задуманной казачьей федерации, вынужден был признать, что «Юго-восточный союз, ставивший себе цели государственные и стремившийся к объединению казачества для устройства местной жизни, оказался предприятием мертворожденным»¹¹.

В 1918 г. была попытка возродить эту идею в форме «Донско-Кавказского союза». Вдохновителем этого неосуществившегося проекта был донской атаман П. Н. Краснов. Новой попыткой установить союзные отношения между Доном, Кубанью и Терекком была так называемая Южнорусская конференция, проходившая в июне 1919 г. в Ростове. Ее инициатором явилось кубанское правительство. Генерал Деникин оценил эту конференцию «как демонстрацию центробежных по преимуществу сил» и отнесся к ней «резко отрицательно»¹². Конференция закончилась неудачей для казачества Юго-Востока. Последней попыткой соглашения между Доном, Кубанью и Терекком был созыв Верховного Круга Дона, Кубани и Терека 18 января 1920 г. в Екатеринодаре, который принял декларацию об установлении Союзного государства и создания общей власти. Но было уже поздно. Верховный Круг не имел возможностей провести свои решения в жизнь. Надвигалась новороссийская катастрофа.

В годы гражданской войны между генералом Деникиным и руководством донского и особенно кубанского казачества существовали разногласия, однако в целом они не имели принципиального характера. Это были противоречия внутри белого движения на Юго-Востоке страны. Кубанский атаман генерал А. П. Филимонов утверждал: «Причины антагонизма между главным командованием и кубанским представительным учреждением заключались в резких политических разногласиях в оценке методов и способов борьбы с большевиками и того положения, которое в этой борьбе занимало казачество вообще и Кубань в частности. Трудно было примирить прямолинейный консервативный централизм Ставки с федералистическими и даже самостийными течениями»¹³.

В годы гражданской войны на Дону были довольно сильны автономистские, а на Кубани федералистские настроения среди казачества. Более того, в Раде образовалась группа «самостийников» из части кубанцев-черноморцев, которая проповедуя идею, что казачество — это особый славянский народ, посматривала в сторону Украины как своей этнической родины. Но в целом и донские и кубанские атаманы и основная масса казачества считали себя неотъемлемой частью России, русскими людьми. Что касается образования ряда казачьих республик, то это было лишь тактическим шагом, средством отделить себя от центрального большевистского правительства в Москве. Никто иной как глава так наз. самостоятельного донского государства Краснов многократно заявлял, что оно существует «впредь до восстановления России»¹⁴. Образование казачьих республик на Юго-Востоке России в целом не имело национальной почвы, а объяснялось классовыми, сословными, политическими и дипломатическими причинами, в частности, борьбой против российского бюрократического централизма, советского централизма.

Великодержавная, не гибкая политика главнокомандующего вооруженными силами на Юге России Деникина по отношению к казачеству явилась одной из важных причин краха белого движения в этом регионе. Кубанский

атаман Филимонов, анализируя конфликт Кубанской Рады с Добровольческой армией, отметил, что «Деникин подрубил сук, на котором сидел сам»¹⁵.

31 октября 1924 г. в Праге П. Н. Милюков выступил с докладом «О белом движении». В прениях, а по сути как содокладчик, дополнил его председатель Донского Войскового Круга в годы гражданской войны кадет В. А. Харламов. Отметив, что казачество было крупнейшим фактором белого движения на юге России, так как в рядах добровольческой армии до 70% состава приходилось на долю казачества, он заявил: «Казачество боролось за воссоздание русской государственности, казачий же сепаратизм сочинен. Борьба с этим выдуманым сепаратизмом ослабляла движение, вносила в него развал и довела до Новороссийска...» В заключительном слове Милюков сказал, что он принимает ряд важных положений и дополнений, высказанных Харламовым¹⁶.

После Крымской трагедии Войсковые атаманы Дона, Кубани, Терека и Астраханского казачьего войска и их правительства, Войсковые круги и Рада, а также казачьи воинские части и беженцы оказались за рубежом.

14 января 1921 г., в Константинополе был заключен союзный договор между Доном, Кубанью и Терекком о том, что, «сохраняя неприкосновенными свои конституции — по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и общественно-политическим», они действуют объединенно. Для совместной работы был создан Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, в состав которого вошли Войсковые атаманы и председатели правительств. В своем обращении к казакам по поводу создания Союза войсковые атаманы и правительства, напоминая о том, что, наконец, осуществлены давнишние чаяния казачества, заявили: «Казаки твердо верят в скорое возрождение России. Мысля будущую Россию построенной на демократических федеративных началах, казаки, считая необходимым продолжение вооруженной борьбы с советской властью при полном единении всех русских сил и сохранения единого военного командования, будут неустанно отстаивать право устраивать жизнь своих краев на основах подлинного народоправства и здорового экономического развития»¹⁷. Это была официальная точка зрения руководства казачьего зарубежья.

Однако в эмиграции оказались и группы «самостийников», которые продолжали проповедь своих идей. В Варшаве, с августа 1921 г. не без помощи польских правящих кругов, начала издаваться еженедельная газета «Голос казачества» (выходила до мая 1922 г.) с самостийнической программой. Во главе газеты стали М. Н. Гнилорыбов, И. А. Билый и М. Ф. Фролов. Монархист генерал Краснов, касаясь казачьей «самостийности», писал: «Говорить о казачьей «самостийности» это делать дело Кондратия Булавина, учить казаков бунту... Вне России казакам не быть. Казаки лучшая жемчужина царской короны и ею они и должны оставаться. Вынуть их нельзя — они исчезнут, затеряются, будут стерты с лица земли». Далее он призвал казаков отбросить «глупые мечтания о непригодных для России республиках и федерациях»¹⁸.

11—12 июня 1923 г. в Белграде на заседаниях Объединенного совета Дона, Кубани и Терека были утверждены основные положения казачьей политической платформы. Основная задача казачьего зарубежья в ней формулировалась так: «Борьба с коммунизмом и свержение диктатуры коммунистической партии в лице советской власти на территории России». В платформе указывалось, что казачество является крупной бытовой группой, наиболее развитой и свободолюбивой частью русского народа, что оно стремится к единству России, считает себя как и раньше ее неотъемлемой частью. Вместе с тем казачье зарубежное руководство считало целесообразным, в интересах наиболее успешного возрождения России, сбросить свои конституции, сохранив за казачьими краями известную временную самостоятельность — до восстановления государственной власти, признанной всем народом. Самостоятельность эту оно, как и во время минувшей борьбы с большевиками, рассматривало как временный этап на пути к возрождению целого. Вопрос о форме государственной власти в России оставался

открытым»¹⁹. Эти положения вызвали критику со стороны правых и левых политических сил русского казачьего зарубежья.

Накануне открытия в Париже Зарубежного съезда, который должен был объединить все политические слои белой эмиграции, ввиду отказа либеральных и демократических сил участвовать в его работе, Объединенный совет Дона, Кубани и Терека поддержал последних. Он сообщил, что казачество в подавляющей своей части не пошлет представителей на Зарубежный съезд, так как не считает его общеэмигрантским. Участвовать в нем будут лишь персонально некоторые казаки из правых. Совет заявил, что казачество стремится к возрождению и восстановлению России и своих родных краев, что оно «считает себя составной частью России, будет стремиться к восстановлению государственного единства России... Насильственное установление формы правления, идущее извне или изнутри России, казачество считает недопустимым; исключительное право разрешить этот вопрос принадлежит только русскому народу». Вместе с тем в заявлении Совета указывалось что казачеству должно быть предоставлено самое широкое самоуправление в известном казачьем понимании.

Одновременно была опубликована программа «Казачьего союза» — самой массовой общественной организации казачьего зарубежья. В преамбуле программы говорилось, что казачество своим прошлым, своей религией, языком, происхождением, условиями географическими и экономическими связано с русским народом, что совершенно самостоятельным казачество, в нормальных условиях жизни в России, остаться не может, — что судьбы его тесно связаны и переплелись с судьбами всего государства, что попытка отделиться и тем самым отрезать Россию от угля, нефти и выходов к морю — явилась бы преступлением по отношению к России и казачеству, поэтому «Казачий союз» «совершенно определенно отмежевывается от самостийности». Далее программа очень разумно и правильно отмечала: «Казаки не могут упускать из виду особенностей своего положения: русский народ был и останется, а казачество было, но может и не остаться. Мы не можем закрывать глаза на это и должны избегать того, что может поставить казачество во враждебное положение по отношению к массе русского народа»²⁰. Далее программа по сути дела повторяла основные положения политической платформы Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, так как находилась под его большим влиянием.

С 4 по 11 апреля 1926 г. в Париже проходил Зарубежный съезд, который в целом носил правоцентристскую окраску. На первом заседании с приветственной речью выступил генерал Краснов, который призвав к «самой жестокой и непримиримой борьбе с III Интернационалом и его слугами», затем обрушился на официальных руководителей зарубежного казачества. Вспоминая славную многолетнюю историю казачьих войск, он отметил, что в них всегда проходила борьба двух начал: созидательного и разрушительного. Как первое, так и второе, имело своих атаманов-вождей. Русская история помнит и чтит имена казаков, строителей русской славы, раздвигавших границы русской земли и несших культуру и просвещение в дикие страны, и она же с презрением клеймит имена атаманов казачьей вольницы — Разина, Булавина и Пугачева. Совершив экскурс в историческое прошлое, Краснов, коснувшись казачьего зарубежья, сказал: «Времена и способы борьбы изменились, но в войсках осталась незначительная часть казаков, живущих фантастическими мечтами об отдельном от России существовании, о восстановлении гуллиевой казачьей вольницы, стремящейся к необузданной свободе, анархии и коммунизму». Он обвинил Объединенный совет Дона, Кубани и Терека и его атаманов в том, что они «пошли с теми, кто на чужбине предопределяет России быть федеративной республикой и, не спросив русский народ, надевает на него социалистический хомут»²¹.

Во время работы Зарубежного съезда казачья группа делегатов во главе с Красновым в Шуаньи посетила претендента на российский престол великого князя Николая Николаевича²².

После речи Краснова на Зарубежном съезде атаман Богаевский 6 апреля

направил в адрес его председателя П. Б. Струве письмо-протест с просьбой огласить его на съезде. В письме говорилось: «Все это сказано по нашему адресу только потому что, мы, как большинство казачества, не прошли на Зарубежный съезд, не считая его выразителем воли всей русской эмиграции. На нас, выборных войсковых атаманов, до последней возможности борющихся с большевиками и продолжающих оставаться непримиримыми врагами III Интернационала, вылит ушат грязи». Однако Струве не только не огласил это письмо, но и отказал делегату съезда Мартышенко в праве выступить на съезде от имени группы казаков и присоединить их голос к протесту Богаевского²³.

В дни работы Зарубежного съезда в милюковских «Последних новостях» и в газете А. Ф. Керенского «Дни» было опубликовано «Заявление тридцати одного», в котором, лично от себя и от имени представляемых ими казачьих организаций, заявлялось, что они никакого участия в выборах на Зарубежный съезд не принимали и что казаки, явившиеся на этот съезд, не имеют права выступать от имени казачества и могут говорить лишь от себя лично или от имени пославших их организаций. Будущие постановления съезда к казачеству не относятся и ничем его связать не могут. Далее следовали авторитетные подписи: председателей Донского, Кубанского и Терского правительств Н. Мельникова, С. Топоркова, Е. Букановского, председателей Донского войскового круга В. Харламова и Кубанской краевой рады Ф. Сушкова, за председателя Правления «Казачьего союза» Н. Кочетова, председателя Правления общеказачьего сельскохозяйственного союза генерал-лейтенанта В. И. Сидорина и других видных деятелей казачьих организаций и станичных атаманов зарубежья²⁴.

Для российской белоэмиграции 20-х — 30-х годов характерным стала утрата привлекательности старых идей, разложение, а то и раскол существовавших партий, организаций, движений и групп. Им на смену пришли новые идейные течения, организации, движения и группы: евразийцы, младороссы, Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), русские фашисты, Русское студенческое христианское движение (РСХД) и др. Они создавались в целом среди молодежи.

Этот процесс захватил и казачью молодежь. В общеказачьей студенческой станице в Праге, насчитывающей 650 человек²⁵, были в основном великовозрастные студенты поколения сформированного мировой войной, революцией и гражданской войной, которому чехословацкое правительство дало возможность получать высшее образование. По своим политическим воззрениям студенчество было неоднородно. Значительная часть стояла на позициях «единонеделимцев», то есть поддерживала платформу Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, другая не только сочувствовала идеям казачьей «самостийности», но и выдвинула из своей среды лидеров вольноказачьего движения: М. Ф. Фролова, И. И. Колесова, В. Г. Глазкова и др.

Содержание журнала «Казачий сполох» (1924—1931, орган общеказачьей студенческой станицы в Праге), его политическая направленность, частая смена состава редколлегии позволяют сделать вывод, что в студенческой станице шла непрерывная борьба обеих вышеназванных группировок с переменным успехом. Студенчество в основной массе критически относилось к старшему поколению, особенно к казачьему руководству за его действительные и мнимые ошибки в годы гражданской войны, неумение сплотить различные группы казачества в эмиграции. Бесконечные дразги между генералами Богаевским и Красновым подрывали авторитет атаманов в глазах казачьей молодежи.

Студенчество проявляло повышенный интерес к происхождению казачества, к его истории. К десятой годовщине русской революции (февраль — октябрь 1927 г.) редакция журнала «Казачий сполох» опубликовала ответы на вопросы анкеты ряда общественных деятелей, писателей и ученых: 1. Влияние революции на культурный, экономический и бытовой уклад казачества. 2. Современное положение казачества. 3. Возможные последствия революции для будущего казачества. Известный исследователь истории казачества С. Г. Сватиков ответил так: «Казачество не есть явление вечное.

Оно вызвано к жизни определенными условиями исторической жизни и исчезнет, как таковое, когда эти условия исчезнут». Один из идеологов евразийства П. Н. Савицкий сказал следующее: «Казачество есть исключительная принадлежность русского исторического процесса. Исторически казачество выполняло две функции: оно «открывало» новые пространственные направления в расширении и развертывании России и оно приобщало к русской стихии все новые народы и группы. Причем, нужно всячески подчеркнуть двусторонность этого приобщения: казачество, будучи проводником русской культуры, в то же время вбирает и органически в себе сочетает элементы приобщаемых народов и групп».

И, наконец, крупнейший историк русского зарубежья А. А. Кизеветтер ответил следующее: «Сила казачества во все периоды его истории состояла в совмещении своеобразного самоуправляющегося строя с сознанием органической связи казачества с русским государством и народом. Эта связь не однажды была расшатываема с разных сторон и в разных направлениях. Сверху, со стороны петербургского правительства, налагала руку на волюности самоуправления казачества. Снизу, со стороны некоторых отдельных групп казачества, порою выдвигалась мечта о превращении самоуправляющихся общин в суверенно-независимые политические образования. И то и другое шло вразрез с исторически сложившейся подлинной природой казачества, как известной своеобразной общественной формой. Я думаю, что будущая послебольшевистская Россия должна будет устроиться как страна, в которой политическое единство должно будет опираться на многообразие самоуправляющихся отдельных клеточек общегосударственного организма. В эту схему и должны будут войти казачьи общины со всей свободой своего самоуправления, свободой, которая будет не ослаблять, а усиливать сознание органической связи казачества со всем русским народом. Если пережитые в период революции потрясения, в конце концов, приведут к закреплению в массе казачества именно этой тенденции, — в таком случае казачеству предстоит в дальнейшем яркий расцвет»²⁶.

В 1927 г. группа донцов и кубанцев, вышедших из «Общеказачьего сельскохозяйственного союза» и членов редколлегии журнала «Путь казачества», недовольные своим редактором левым кадетом Харламовым из-за идейной направленности издания, создали в Праге новую политическую организацию «Вольно-казачье движение». Его первым председателем был генерал И. Ф. Быкадоров. Печатным органом «самостийников» стал двухнедельный политический и литературный иллюстрированный журнал «Вольное казачество». Первый номер его вышел в Праге 10 декабря 1927 г. под редакцией Билого и Фролова. Журнал просуществовал до начала второй мировой войны. Отдельные его страницы с литературными произведениями и политическими и историческими статьями иногда печатались на украинском языке. На обложке были слова: «Казакия — наша цель», «Наш девиз — казачья воля». На последней странице обложки журнала красовалась карта будущего государства «Казакия», в которое входили шесть казачьих войск Европейской части России вместе с Калмыкией, Черноморской и Ставропольской губерниями. Постоянными авторами журнала стали: И. Ф. Быкадоров, Т. М. Стариков, И. А. Билый, М. Ф. Фролов, С. Федоров, казак-калмык Шамба Балинов и др. Идеологом движения и журнала стал генерал и историк Быкадоров, который в своих книгах, статьях в казачьей прессе пытался теоретически обосновать, что казачество является древней ветвью славянства, особым народом с присущим ему национальным духом. Поэтому ему необходимо на казачьих землях Европейской части России создать свое самостоятельное государство «Казакию», как федерацию Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Яицкого и Оренбургского казачьих войск (штаты)²⁷. Эти идеи стали основой программы вольноказачьего движения.

Оно возникло в восточно-европейских странах с славянским населением, получивших независимость в результате национально-освободительной борьбы после первой мировой войны и создавших свои суверенные государства, в которых проживала значительная часть казачьих беженцев

(Югославия, Чехословакия, Польша и ранее получившая самостоятельность Болгария). Это обстоятельство являлось важным аргументом в постулатах лидеров казачьих «самостийников» в обосновании необходимости создания независимого государства «Кзакии».

Более жесткая политика коммунистической партии и советской власти на Дону, Кубани, Тереке по сравнению с другими регионами России (факты геноцида по отношению к казачеству, его переселения, аресты, ссылки, репрессии против реэмигрантов, массовое раскулачивание и даже выселение целых станиц в годы коллективизации, административное расчленение казачьих областей, сложившихся исторически и др.) неумолимо вело к расказачиванию. Все это вызывало ненависть к существующему режиму в СССР, который задушил казачьи республики на Дону, Кубани и Тереке.

Лидеры «самостийников», основываясь на этих настроениях, считали, что спасти казачество от гибели может только независимое государство «Кзакия». Теория же, что «казачество — это славянский народ» была создана в тактических целях обоснования столь популярного права на самоопределение народов с целью создания самостоятельного казачьего государства.

Журнал «Вольное казачество» выходил регулярно, как ни одно казачье белоэмигрантское издание в течение 12 лет, потому что не испытывал материальных трудностей. Это объясняется тем, что он субсидировался, конечно, тайно польскими правящими кругами, заинтересованными в сепаратистских тенденциях в СССР. Правительство Польши проводило колонизацию страны, притесняло православную церковь, не создавало благоприятных условий как в других славянских государствах для российской эмиграции, что вынуждало ее покидать страну. В то же время оно открыто поддерживало вольноказачье движение. Так, в декабре 1938 г. на III окружном съезде в Варшаве атаман Ф. М. Штовхань, открывая съезд вольных казаков в Польше, благодарил польский народ во главе с президентом проф. М. Мосцицким за то, что он «приютил нас в своем государстве и дал нам возможность работать на освобождение наших родных краев от оккупации красных Московитов». Минутой молчания делегаты почтили память маршала Ю. Пилсудского — «творца новой Польши», а в перерыве с флагом «Кзакии» возложили венок на могилу неизвестного солдата. Сенатор С. Седлецкий в приветственном слове пожелал съезду «продуктивной работы на освобождение своих краев от оккупации красной Москвы и создания своего независимого государства Кзакии»²⁸.

Журнал самостийников часто рассылался в казачью диаспору бесплатно для привлечения сторонников. Он не только пропагандировал идеи так наз. казакйцев, но и способствовал организационному расколу старых станиц, хуторов и куреней в странах казачьего рассеяния и образованию новых — самостийной ориентации.

Вольноказачье движение получило определенное влияние только среди донских и кубанских казаков. Терцы твердо стояли на позициях «едини неделимцев». Аналогичной точки зрения придерживались и выходцы из остальных казачьих войск, созданных царским правительством во второй половине XVIII и в XIX веке (за исключением отдельных лиц). Концепция казачьих «самостийников» (казакйцев), подверглась острой критике в русской эмиграции и, в частности, в казачьей среде. Газеты всех политических направлений от правой «Возрождение» — до демократической — «Дни» отрицательно отнеслись к выходу журнала «Вольное казачество». Так, например, либеральные милюковские «Последние новости» в большой статье «Казачье самостийничество», раскритиковав казакйцев, отметили, что даже «подавляющее большинство казачества убедилось, что новым отщепенцам в его рядах не место». Другой журнал («Путь казачества») признал, что орган казакйцев придерживается «польско-украинской ориентации». Относительно новых союзников казакйцев журнал писал: «Круг союзников далеко не замыкается пределами петлюровцев и Польши. Последние лишь фасад в этом деле... Раздробление России и отторжение от нее Украины,

казацких краев, Северного Кавказа и др. нужно кому-то другому, сильному и при известной обстановке, способному достигать своих целей»²⁹.

С официальной критикой «самостийцев» выступил и донской атаман Богаевский и не только от себя лично, но и от Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. Он опубликовал большую статью «О казацкой самостийности», в которой признал, что в красновской конституции 1918 г. действительно утверждалось, что «Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство»³⁰ и что этот пункт конституции послужил аксиомой для казацких в развитии своей теории. Автор считал, что «все казацкие войска, силою обстоятельств, стали самостоятельными.., казацкие края отделились тогда от советской власти, но не от России». Не разделяя надежд молодых горячих голов казацких на быстрый крах большевиков, Богаевский предположил, что падения советской власти может быть придется ждать «целое поколение». Далее он задает вопрос: а согласятся ли коренные крестьяне и пришлые, которых на Дону больше чем казаков, на «самостийность» войска и если не подчинятся этому решению, тогда, что снова воевать с ними? Донской атаман закончил статью такими словами: «Довольно с нас крови и ужасов гражданской войны! Не будем же вновь призывать ее страшных призраков о ненужной казацеству полной независимости от России, с которой мы кровно связаны пятый век... Кто из вас, казаки, не вернулся бы с радостью к недавней жизни до революции, когда ни о какой «самостийности» никому и не снилось»³¹.

В поддержку Богаевского выступил председатель Донского правительства Мельников, который одновременно был и председателем «Казацкого союза». В статье «О самостийности», отмечая исторические особенности развития казацества он писал: «все это не создало особой нации, особого народа, и в наших глазах казацество есть лишь ветвь русского народа в смысле отдельной его бытовой группы», которая хочет оставаться в составе России. Подчеркнув, что все декларации об «особой казацкой нации», «особом народе» ничего изменить не могут, он заявил: «Так же думают наши казаки и сейчас на Дону» «Россию не зря (говорят они) 1000 лет собирали наши предки — нам ее не разматывать»³².

«Вольное казацество» не осталось в долгу. Завязалась острая полемика между официальными руководителями зарубежного казацества и «самостийниками». Быкадоров в большой статье «Пособники Советской власти», помещенной в двух номерах «Вольного казацества», не объективно, что видно даже из заголовка, раскритиковал позицию руководителей российской, и в частности, казацкой эмиграции³³. В статье «Вынужденная полемика», самостийники, страдавшие нетерпением, рассчитывавшие на иностранную помощь и войну с СССР, писали, что сидеть и ждать у моря погоды «целое поколение» они не могут. «Наше поколение, значит, не дожидается, собственно, этого «надения»... «А что будет там? — Там десять лет идет ликвидация казацества. Нет никаких признаков и поводов для того, чтобы думать, что политика московской власти в отношении казацества изменится, хотя бы в какой-либо мере. А что будет при таком темпе чекистской «работы» через 20—30 лет? Весьма возможно, что вопрос «самостийности» разрешится тогда сам собой, потому что «отделять» уже некого будет»³⁴.

В 1928 г. в Париже был издан сборник анкет под названием «Казацество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казацества». Он был подготовлен к 10-летней годовщине русской революции по инициативе войсковых атаманов Дона, Кубани и Терека и Правления «Казацкого союза», которые обратились к виднейшим представителям эмиграции — военачальникам, историкам, писателям и политическим деятелям различных течений зарубежья с просьбой высказать свое мнение по поставленным в анкетах вопросам. В анкете донского атамана Богаевского указывается, что казацество — значительная бытовая группа России, что «оно вовсе не собирается отделяться от России и образовывать свои фантастические казацкие республики, как об этом мечтают некоторые наши «самостийники»³⁵.

В анкете кубанского атамана В. Г. Науменко говорится: «В подавляющем большинстве казаки считают себя неотделимыми от русского народа, а казачьи земли — от России». Терский атаман Г. А. Вдовенко ответил так: «Казачество — явление русской жизни, и развитие казачьих войск находилось в тесной связи с жизнью русского государства» и что «мечты о полном государственном отделении у казачества никогда не было». Аналогичных взглядов придерживались и председатели казачьих правительств Дона, Кубани и Терека: Н. М. Мельников, С. М. Топорков и Е. А. Букановский³⁶.

Бывший глава Временного правительства, а после корниловщины и Главнокомандующий российской армией Керенский, причислив казачество к отдельной бытовой группе русского народа, отметил, что в будущей федеративной России «в новых условиях свободного внутреннего государственного строительства казачество внутри своих областей сотрет грань между собой и так называемыми иногородними». Главнокомандующий вооруженными силами Юга России в гражданской войне генерал А. И. Деникин, которому в оперативном отношении подчинялись донская и кубанская армии и отдельные соединения терских и астраханских казаков, так характеризует поведение казачества: «В эти смутные годы казачья масса никогда и нигде не проявляла стремления к отрыву от России. Казачья старшина не ладила в общерусскими элементами — это правда. Обе стороны — одна в отстаивании государственных интересов, другая казачьих вольностей, переходила не раз границы необходимого». Касаясь «самостийных» настроений в казачьей среде Деникин пишет: «Но самостийностью болела лишь часть казачьих верхов — одни по заблуждению, другие — по своекорыстию. Такие идеи, как «Кубанцы — это самостоятельная ветвь славянского племени» или «самостоятельная казачья нация», рождались у людей скорбноголовых или с продажной совестью и не имели, не могут иметь отклика в казачьей массе, сознающей себя по крови и до костей русскою»³⁷.

В сборнике представлены и анкеты руководителей казачьих «самостийников»: Быкадорова, Старикова, Федорова и др. с их известными постулатами: казачество — это народ, которому необходимо свое суверенное государство.

Интерес представляют и мнения крупнейших политических и общественных деятелей, историков зарубежной России. Милюков в короткой анкете написал следующее: «Казачество... рассматривает себя как часть России... Сохранится ли в будущей Новой России казачество? Как бытовая группа, сложившаяся в течение веков, оно не может не сохраниться. Но бытовые особенности с распространением культуры и прогресса стираются, и быт наполняется новым содержанием. Очевидно, казачество не сможет — вероятно, и не захочет — остаться в стороне от этого прогресса»³⁸.

Струве в анкете записал: «Казачество или, точнее, казачества были и остаются единственным явлением в русской политической действительности. Казачества не суть государства и в то же время они не просто вольные сообщества случайно и временно сошедшихся, несомых историческим ветром пылинок-людей... (я нарочно употребляю тут множественное число)».

Кизеветтер, подчеркнув, что казачество всегда мыслило себя составным элементом общерусской государственности и аванпостом ее самозащиты от внешних врагов, вынужден был констатировать: «Эту подлинную историческую традицию искажают теперь те представители казачества, которые, в угоду самостийным тенденциям и вразрез с исторической истиной, выдвигают вздорные теории о том, что казачество есть особая нация, отдельная от русского народа»³⁹.

Высказывания крупнейших ученых русского зарубежья не потеряли своего значения для исторической науки.

Генерал Краснов не принял участия в сборнике анкет. Однако в печати он ответил на вопросы анкеты в статье «Казаки, их прошлое, настоящее и возможное будущее», в которой по-солдатски резко критиковал самостий-

ников⁴⁰. Как писатель Краснов свое политическое кредо выразил в большом романе «Единая, неделимая».

Самостийничество отрицалось не только в верхах, но и в низах. Ряд зарубежных казачьих станиц и хуторов выступили с резким осуждением «атаманов казачьей смуты». Так, общеказачья станица в Чехословакии в издаваемом ею журнале в редакционной статье писала: «Мы отрицаем питаемое врагами России самостийничество, как духовное голутвенство, как ложь и измену отечеству, как движение, направленное к разложению и ослаблению государственного целого»⁴¹.

«Вольное казачество» симпатизировало тоталитарному режиму Муссолини. В двух номерах журнала в большой статье «О фашизме» говорилось: «Поучиться фашистским методам спасения государства мы считаем необходимым, ибо они оказались блестящими. Тактика фашизма оказалась правильной и быстро привела к осуществлению поставленной цели. Из состояния разложения и распада фашизм, и именно фашизм, превратил Италию в цветущую страну». И далее разюмировалось, что большое итальянское общество вылечил доктор — «фамилия этого доктора — фашизм»⁴².

В начале 1930 г. в Праге вышла книга Быкадорова «История казачества. Происхождение казачества. Возникновение республик вольного казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости. (1549—1671 гг.)». Книга вызвала негативную реакцию среди эмигрантов. Известный историк русского зарубежья С. Г. Пушкарев написал большую отрицательную рецензию на эту работу⁴³. Подвергли серьезной критике этот труд «генерала русской смуты» казачьи младороссы⁴⁴.

«Вольное казачество», как и вся русская, казачья пресса белой эмиграции, была антисоветской, антибольшевистской, однако этот орган «самостийников» допускал крайности в ряде вопросов, прежде всего в своем отношении к российскому государству, русскому народу и его культуре. Старая рубрика журнала «На Дону, Кубани, Тереке» была заменена новой — «В Казакии», в которой помещались статьи с такими, например, заголовками: «Что делают оккупанты?», «За что высылают московские оккупанты казаков с Кубани?», «Неудачи оккупантов» и др. Гражданскую войну в России они представляли не как внутреннюю, а как внешнюю казацко-русскую войну (1917—1920 гг.), в ходе которой рязанские и тамбовские Иваны оккупировали казачьи края. Журнал осуждал союз атаманов с Добровольческой армией и считал, что нужно было не воевать с Украиной, а заключить с ней союз против Московии. Такая позиция «Вольного казачества» не могла не привести к расколу в рядах «самостийников».

1 ноября 1931 г. в Париже доклад о ранней истории донского казачества сделал Ш. Балинов. В прениях по докладу выступил Быкадоров, который не согласившись с утверждением докладчика о том, что будто бы Москва силой подавила казачье независимое государство, сказал, что самостоятельность казачества кончилась раньше движения Разина, а именно в 60-х годах, и не под давлением России, а в результате напряженнейшей борьбы казачества с Турцией, когда оно отказалось от своей независимости. Объединение Великороссии, Украины и казачества послужило на пользу последнего. Далее генерал, отметив, что «Вольное казачество» за четыре года своего существования к тому времени не приобрело союзников и не может похвастаться реальными достижениями, заявил: «Поэтому надо выбрать другой путь — единение казачества и такое единое казачество в составе сильного государства... Идея Казакии не осуществима». Выступление Быкадорова вызвало возмущение у аудитории, состоявшей в основном из самостийников, и несогласие участвовавших в прениях. И только один казак Гладков, приветствовав «генерала русской смуты», заявил: «У казаков, кроме русских, нет союзников», поэтому «нужно смиренно сложить свои лапки и просить прощенья у русских». На вопрос Гладкова «является ли казачество нацией?» Быкадоров отвечал довольно неопределенно и, в конце концов, сказал, что этот вопрос «чисто теоретический, для политической цели

«Вольного казачества» решающего значения не имеющий». Таким образом, главный идеолог вольноказачьего движения, по сути дела, отказывался от своей концепции. Журнал «Вольное казачество» в статье «Дезертир», подвергнув острейшей критике Быкадорова, писал: «Этот человек сегодня извилисто и блудливо пытается осквернить распятое казачество и поставить крест на свое недавнее прошлое, на все свои вчерашние слова и деяния»⁴⁵. Казакийству был нанесен ощутимый удар.

В период подготовки «Вольно-казачьего съезда» для избрания своего атамана собирались средства для проведения этого мероприятия. В ходе сбора денег в станицах и хуторах имелись случаи упоминания имени Быкадорова, как лица тесно связанного с казачьей самостоятельностью. В связи с этим он обратился с открытым письмом к казакам, которое было опубликовано в крупнейшей газете русского зарубежья «Возрождение». (Письмо было перепечатано многими эмигрантскими газетами). В письме генерал объявил, что более года никакого участия в журнале «Вольное казачество» и вообще в самостоятельном движении он не принимает и никакого отношения к ним не имеет. Более того Быкадоров заявил что он пришел к «твердому убеждению, что казачья самостоятельность — является не благом, а большим злом для настоящего и будущего казачества». Далее Быкадоров по пунктам аргументировал свои суждения:

1. Создание казачьего государства (Казакии) совершенно неосуществимо. Проповедь этой идеи — есть просто средство для субсидирующего журнал «Вольное казачество» для достижения своих целей и задач ничего общего с благом и будущим казачества не имеющее.

2. Если бы оно было осуществлено, то это были бы новые Балканы с разделением казачьих земель между Россией, Украиной и Кавказом и с бутафорской Казакией. Обращение казачьего населения в каждой части в положение пограничной стражи. Это было бы равносильно возвращению казачества в своем развитии на сотню лет назад.

3. Казачья самостоятельность ведет к изоляции, так как никаких добрых союзных отношений у самостоятников-казаков с самостоятниками украинцами и горцами Кавказа нет и быть не может.

4. Обещания лиц, субсидирующих журнал «Вольное казачество», предоставление широкой базы для борьбы с большевиками, оказались просто обманом.

5. Та зависимость, в которой оказался журнал и все Вольное казачество, от субсидирующего источника грозит опасностью использования казачества, — как пушечного мяса, для целей и задач, совершенно ничего общего с благом его не имеющих.

6. «Вольное казачество» обратилось в орудие травли и распространения лжи про Донского атамана ген. Богаевского, разложения станиц, отрыва части казаков от общерусских национальных сил.

7. Развитие казачьей самостоятельности в СССР вело бы к обращению всего русского народа во врагов казаков и в первую очередь так наз. иногороднего населения казачьих областей. Восстание же под лозунгом самостоятельности, не связанное с общерусским движением, заранее обречено на неудачу, с окончательным обескровлением казачества.

8. Судьба казачества, как в прошлом, так и в настоящем и будущем тесно связана с судьбами всего русского народа, русской государственностью, русской культурой.

9. Донской атаман ген. Богаевский избран представителями всего казачьего населения Дона, и за отсутствием таковых, не может быть переизбран. Избранный же «атаман» на вольноказачьем съезде, может быть атаманом исключительно Вольного казачества, то так как он уже давно назначен иностранным источником, субсидирующим журнал «Вольное казачество», то для съезда, который бы установил фиктивное избрание, — собирать казачьи трудовые деньги является в настоящее критическое в экономическом отношении время — преступлением⁴⁶.

Этим актом Быкадоров-идеолог «самостоятников» казачьего зарубежья не только формально отказался от своей теории, своих заблуждений, но

и разоблачил взгляды, которые служили интересам Польши, а не России, русского народа и самого казачества.

В связи с этим журнал «Вольное казачество» в статье «Предатель должен быть заклеямен!» писал: «Больно и прискорбно смотреть, как человек, написавший «Историю казачества», имевшую успех у казаков, теперь сам себя бичует, лакейски расцелываясь перед тем, что отвергал несколько времени назад... Полное отрицание того, чему Быкадоров раньше поклонялся и во что верил!»⁴⁷.

Все это подрывало постулаты «казакийцев», некоторые из них стали проповедовать идею независимости только отдельных казачьих республик, создания Черноморской Антанты. Так пражский журнал «Дон» самостоятельного направления, ратуя за независимую Донскую республику, констатировал: «В последнее время некоторыми казаками проповедуется теория о «единой казачьей нации и внедряется в казачьи головы мысль о необходимости создания казачьего государства «Казакии»... нет такой нации... Что, например, общего, между яицкими казаками и казаками-черноморцами или казаками-калмыками? Язык? Песня? Обычай? Бытовой уклад? Народные герои в прошлом или настоящем? Нет, все это у них разное, резко отличное». Журнал делал вывод: «Существовало и существует разнонациональное казачество»⁴⁸.

Один из лидеров вольно-казачьего движения генерал Стариков в дискуссии с Харламовым, по сути дела, признав, что казачьей нации не существует, заявил, что идя на образование самостоятельного государства, казачество в силу исторических и политических причин «спасает себя от гибели»⁴⁹.

Брожение в Вольно-казачьем движении, в конце концов, вылилось в острый организационный кризис. В 1933 г. группа сотрудников журнала «Вольное казачество» в составе И. Безуглова, В. Глазкова, И. Колесова, Г. Еременко, С. Балыкова и др., покинула редакцию из-за разногласий с редактором журнала Билым по поводу его авторитарного руководства и единоличного распределения иностранной помощи. В Братиславе группа создала Временное центральное правление вольного казачества с центральным печатным органом журналом «Казакия». Журналы с одноименным названием самостоятельного направления стали затем выходить в Софии и Праге, а в Париже — «Информация Парижского представительства Временного центрального правления вольного казачества» и газета «Единство и независимость».

Летом 1934 г. редакция журнала «Вольное казачество» была вынуждена покинуть Прагу и обосноваться в Париже. Попытка созвать Большой войсковой круг вольного казачества в зарубежье для преодоления кризиса не удалась. Тогда сторонники Билого в июле 1935 г. на окружном съезде во Франции избрали его походным атаманом вольного казачества. Временное центральное правление вольного казачества, посчитав эти выборы незаконными, постановило: «Походным атаманом Билого не признавать, как лицо недостойное этого положения»⁵⁰. Итак, организационный раскол среди самостоятников произошел (он был не первый и не последний).

В среде русской эмиграции особенно после прихода к власти в Германии Гитлера усилился раскол по вопросу, какую позицию ей следует занять в случае нападения Германии на СССР. Значительная и лучшая часть русской эмиграции заняла оборонческую позицию, выступала против интервенции, считая, что советская власть погибнет в результате эволюционного развития страны. Другая часть — непримиримых готова была хоть с чертом идти против своей родины. Вольноказачье движение относилось ко второму направлению. В передовой статье газета «Единство и независимость», — орган казаков-националистов в Париже, писала: «Русские эмигрантские «паны» — Милюков, Кирилл с Казем-Бекем, быв. вождь белой армии Деникин и др. — трогательно единодушны в заботах о судьбе советской власти, они дрожат за потерю «клочка русской земли», квалифицирующую политику красной Москвы, как политику национальной России»⁵¹.

В марте 1936 г. в Париже один из лидеров казачьих националистов

Ш. Балинов на публичном собрании, устроенном «Обществом ревнителей казачества», прочел доклад «Русское оборончество» и казачье «пораженчество», который затем был в издательстве редакции журнала «Ковыльные волны» издан отдельной книгой⁵². Содержание ее, судя по названию, не нуждается в комментариях.

В середине 30-х годов на основе организации казачьих самостийников, существовавшей в Чехословакии, был создан особый орган, который получил официальное название «Казачий национальный центр» (КНЦ), во главе которого стал В. Г. Глазков. КНЦ стал ориентироваться на фашистскую Германию, связывая с ней возможность создания «Казаккии». Пражский журнал либерального направления «Казачья мысль» предупреждал об опасности возникновения казачьего фашизма, «организации и оформлению донского гитлеризма»⁵³.

В марте 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию, превратив Чехию и Моравию в свой протекторат. В 1940 г. начальник управления делами русской эмиграции в Германии генерал В. В. Бискупский, по согласованию с Красновым, назначил генерала Е. М. Балабина атаманом общеказачьего объединения в протекторате. Назначение было утверждено имперскими властями. В задачу атамана входило объединение казаков всех войск «в одну общую неполитическую организацию» для защиты их интересов. Балабин призвал всех казаков в протекторате ликвидировать многочисленные политические и общественные организации, ранее враждовавшие между собой, и вступить в Объединение, руководствуясь уставом, утвержденным германскими властями⁵⁴. Все политические и общественные казачьи организации в Протекторате прекратили свою деятельность за исключением КНЦ.

22 июня 1941 г. в день нападения гитлеровской Германии на СССР КНЦ в Праге послал Гитлеру, Герингу, Риббентропу и Нейрату телеграмму: «Казачий национальный центр в исторический момент решения вождя приносит ему именем всего казачества в зарубежье... выражения радостного чувства верности и преданности... Мы, казаки, отдаем себя и все наши силы в распоряжение фюрера для борьбы против нашего общего врага. Мы верим, что победоносная германская армия обеспечит нам восстановление казачьей государственности, которая будет верным сочленом держав Пакта трех».

Одновременно КНЦ был преобразован в Казачье национально-освободительное движение (КНОД). Его представитель в Берлине передал особый меморандум послам Италии и Японии. Правительствам Финляндии и Румынии были направлены приветствия в связи с вступлением в войну «с жидо-большевизмом». На собраниях «самостийников» в Праге, Берлине и Париже принимались резолюции в поддержку КНОД и фашистской Германии. Так, казак А. Гусельников на одном из казачьих собраний заявил: «Мы идем с той современной Германией, национально-социалистические начала жизни которой так близки социальным началам нашей казачьей жизни»⁵⁵.

В конце 1941 г., когда германские войска достигли Дона, «Казачий вестник» усилил пропаганду теории о том, что казачество – это народ, которому необходимо самостоятельное государство – «Казаккия». Один из лидеров самостийников А. Ленинов стал объявлять казаков «последовательными арийцами»⁵⁶. «Казачий вестник» был тесно связан с немецкими спецслужбами, в частности, с гестапо. В дни фашистской оккупации Дона организатор антисоветских казачьих сил походный атаман С. В. Павлов весьма нелестно охарактеризовал деятельность «казаккийцев» и их газеты. По свидетельству его сподвижника П. Н. Донскова, атаман заявил: «Не время заниматься бумажной археологией, когда Россия в огне. Надо идти защищать казачью землю, а не лаять из чужой подворотни... «казаккийцы», пользуясь привилегированным положением у немецких политических органов, не идут защищать свою «Казаккию»⁵⁷. (Автор данной статьи тщательно просмотрел газету «Новочеркасский вестник», выходившую в этом городе в дни фашистской оккупации с августа 1942 г. по февраль 1943 года.

В ней было опубликовано немало материалов, посвященных истории и культуре казачества, однако обнаружить утверждения типа «казачество — это особый народ» не удалось)⁵⁸.

Самостийники, рассчитывавшие с помощью оккупантов воссоздать казачьи республики, а затем и «Кзакию», просчитались. Германское командование в период победоносного шествия своих войск и не думало о воссоздании казачьих республик на Дону, Кубани и Тереке и тем более о создании «Кзакии». И только тогда, когда фашистские войска были уже изгнаны с оккупированных казачьих земель, определился коренной перелом в ходе второй мировой войны, германское правительство 10 ноября 1943 г. выступило с декларацией по казачьему вопросу. В ней признавалось право казачества на самостоятельность, неприкосновенность его земель, сохранение прежних привилегий и др.⁵⁹.

После окончания второй мировой войны тяжелая участь постигла казачью эмиграцию, как ту ее часть, которая сотрудничала с гитлеровцами и активно участвовала в войне на их стороне, так и ту, которая пыталась остаться в стороне от грозных событий или даже участвовала в движении сопротивления нацизму.

Значительная часть казаков была насильственно передана войсками союзных держав советской стороне, где они прошли все круги ада, включая расстрелы, ссылки и другие надругательства. Лишь малая часть казачества в эмиграции сохранилась и смогла позднее развернуть свою деятельность в Западной Германии и во Франции, а позднее из Западной Европы перебазировалась в Америку, в основном в США. Здесь оказались и лидеры «казакийцев» Билый, Глазков, Безуглов, Балинов и др. Споры о судьбах казачества на какое-то время потеряли свою остроту.

В настоящее время донской атаман за рубежом и председатель «Тройственного союза казаков Дона, Кубани и Терека» проф. Н. Ф. Федоров, проживающий в США, считает казачество неотъемлемой частью русского народа и весьма отрицательно характеризует деятельность «казакийцев» и их руководителей⁶⁰.

Проповеди «самостийников» в российском зарубежье о том, что казачество — это особый народ и их практические дела — поучительны. Все это должно послужить уроком для тех кто на новом историческом витке пытается реанимировать теории «казакийцев». Незнание этих уроков может привести возрождающееся казачество к непредсказуемым последствиям.

Примечания

1. «Круглый стол» по проблеме возрождения казачества — Социологические исследования, 1992, № 9; Тезисы докладов научной конференции «Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения». Краснодар, 1992; Тезисы докладов международной научной конференции «Казачество в истории России». Краснодар, 1993; Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (Всероссийской) научной конференции «Возрождение казачества (история, современность, перспективы)». Ростов-на-Дону. 1995.
2. Казаки России (проблемы истории казачества). М. 1993; Проблемы истории казачества. Волгоград. 1995; СКОРИК А. П. Возникновение донского казачества как этноса, изначальные культурные традиции. Новочеркасск. 1992; КОРОЛЕВ В. Н. Были ли казаки сословием? — Голос казака. 1993, № 1; ЗОТОВ В. Казачество — российский феномен. Свободная мысль, 1994, № 10. ТРУТ В. П. Кто же они — казаки? Ростов-на-Дону. 1995 и др.
3. КОЗЛОВ А. И. Казаки — нация, сословие? — Возрождение казачества (история, современность, перспективы), с. 30.
4. Казачья жизнь. 1917, № 4 — 5, с. 24 — 39.
5. Постановления Донского войскового Малого круга 2 — 7 августа 1917 г. Новочеркасск. 1917, с. 4.
6. Государственное совещание. 1917 год в документах и материалах. М.-Л. 1930, с.76.
7. Декреты советской власти. Т.1. М. 1957, с. 71— 72.
8. Вольный Дон, 4, 8. XI. 1917; Вольность, 10, 11. XI. 1917.
9. Родимый край. Париж, 1930, № 6, с. 25 — 26.
10. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. Париж. 1922, с. 182.

11. Донская волна. 1919, № 25(53), с. 10.
12. Белое движение: начало и конец. М. 1990, с. 202.
13. Генерал-лейтенант ФИЛИМОНОВ, Кубанский атаман. Разгром кубанской рады. — Трагедия казачества. М. 1994, с. 102.
14. КРАСНОВ П. Н. Всевеликос Войско Донское. — Белое дело. Дон и добровольческая армия. М. 1992, с. 9, 19, 55, 102, 104; См. также его обращение в декабре 1919 г. — «Любите Россию!» Казачий сборник. Берлин. 1922, с. 54.
15. Трагедия казачества, с. 107.
16. Последние новости, Париж, 14, 15.XI.1924.
17. Донская летопись. Белград. 1923, № 1, с. 270—271.
18. КРАСНОВ П. Казачья «самостийность». Берлин. 1921, с. 30—32.
19. Казачьи думы. София, 1923, № 11, с. 6—7.
20. Казачий союз. Сводка. Париж. 1926, № 3, с. 2—3, 20, 22.
21. Возрождение, Париж. 5.IV.1926.
22. Последние новости, 8.IV.1926.
23. Дни, Париж. 9.IV.1926; Последние новости, 10.IV.1926.
24. Последние новости, 8.IV.1926; Дни, 7.IV.1926.
25. Казачий сполох. Прага, 1926, № 8, с. 1—2.
26. Казачий сполох, 1927, № 12, с. 7, 9.
27. Вольное казачество. Прага, 1927, № 1, 2; 1928, № 3—25.
28. Вольное казачество, 1938. № 253, с. 27.
29. Последние новости, 26.I.1928; Путь казачества. Прага, 1928, № 29(122), с. II.
30. Основные законы Всевеликого Войска Донского. Ростов-на-Дону, 1991, с. 3.
31. Вестник казачьего союза. Париж, 1928, № 14—15, с. 5—7.
32. Там же, с. 25, 26.
33. Вольное казачество, 1928, № 10—11.
34. Вольное казачество, № 10, с. 7.
35. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992, с. 15—16.
36. Там же, с. 17—18, 19, 24, 91, 198, 244.
37. Там же, с. 49, 50, 30.
38. Цит. по парижскому изд. 1928 г. с. 59. В ростовском переиздании 1992 г. мысль П. Н. Милюкова искажена.
39. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем... 1992, с.62, 51.
40. Русский колокол. Берлин, 1928, № 4.
41. Казаки. Прага, 1929, № 1, с. 3, II.
42. Вольное казачество, 1929, № 46, с. 10.
43. Казаки. 1930, № 2, с. 24—32.
44. Казачий набат. Прага, 1931, № 1, с. 14—19.
45. Вольное казачество. 1931, № 92, с. 23—24; № 93, с. 12—13.
46. Возрождение, 19.III.1932.
47. Вольное казачество, 1932, № 102, с. 14.
48. Дон. Прага, 1933, № 1, с. 4.
49. Вольное казачество, 1933, № 122, с. 9.
50. Бюллетень Временного центрального правления вольного казачества. Братислава. 1935, № 3, с. 1; Вольное казачество, 1935, № 178—179, с. 3—5.
51. Единство и независимость, Париж. 19.II.1935.
52. ШАМБА БАЛИНОВ. Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». Париж. 1936.
53. Казачья мысль. Прага. 1936, № 6—7, с. 13—14.
54. Вестник общеказачьего объединения в Протекторате Чехия и Моравия. Прага. 1940, № 1, с. 1—2.
55. Казачий вестник. Информация казачьего национально-освободительного движения. Прага, 1941, № 1, с. 1; № 3, с. 5.
56. Казачий вестник. 15.II.1942.
57. ДОНСКОВ П. Н. Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне. — Трагедия казачества, с.548, 554.
58. См. Новочеркасский вестник, 1942—1943, № 1—145.
59. Казачий словарь-справочник. Т. I. Репринтное воспроизведение М. 1992, С. 164—166. Данный 3-х томный словарь-справочник издан в США редакцией, придерживающейся казакийской теории истории казачества.
60. Донские войсковые ведомости, 10.1, 1993; ФЕДОРОВ Н. Ф. От берегов Дона до берегов Гулзона. Воспоминания. Ростов-на-Дону, 1994, с. 147—148, 156.

Корпорация «Дженерал моторс» и становление американского менеджмента

Б. М. Шпотов

Менеджмент как теория и практика управления крупными компаниями появился в период бурного развития «большого бизнеса», принявшего особенно отчетливые формы в Соединенных Штатах Америки. В становлении менеджмента важное место занимали деловые эксперименты, такие как «научная организация труда» Ф. У. Тейлора, и распространение передового опыта управления крупными фирмами, определявшими развитие целых отраслей промышленности. В истории американских корпораций были и переломные, критические моменты, требовавшие поиска и принятия новых, нестандартных решений в сфере управления.

Крупнейшие автомобилестроительные концерны США нередко указывали путь другим фирмам и отраслям по части организации производства, применения маркетинга, индустриального дизайна и особенно менеджмента¹. В первой трети XX в. выдающуюся, хотя и неодинаковую роль в развитии автомобильной индустрии играли конкурировавшие между собой «Форд мотор компани» и «Дженерал моторс». Если компания Форда дала уникальный образец поточного производства дешевого массового автомобиля (модель «Т»), то корпорация «Дженерал моторс», преодолев глубокий внутренний кризис начала 20-х годов, подняла на качественно новую ступень все стороны автомобильного бизнеса и менеджмента. В 30-е годы она прочно заняла и поныне занимает ведущее место в автомобилестроении США.

Компания «Дженерал моторс» была учреждена 16 сентября 1908 г. по инициативе президента автомобилестроительной фирмы «Бьюик» Уильяма Крапо Дюранта. В отличие от Форда, Дюрант предпочитал объединить «под одной крышей» как можно больше фирм и предприятий, выпускавших разные марки автомобилей. Их акции он скупал или, чаще, обменивал на акции «Дженерал моторс». К 1910 г. ему удалось объединить компании «Бьюик», «Кадиллак», «Олдсмобил», «Окленд» и свыше десяти более мелких фирм. Присоединив в 1918 г. с помощью финансовых комбинаций компанию «Шевроле» и им же созданную «Юнайтед моторс», Дюрант собрал громадную хотя и децентрализованную корпорацию.

Предлагая покупателям автомобили различных марок и разной цены, он сделал правильный ход. Создание подобных объединений практиковалось многими компаниями, ибо давало возможность увеличивать сбыт

Шпотов Борис Михайлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

экстенсивным путем (из автомобилестроителей только Форд резко интенсифицировал производство). Однако Дюрант расширял «Дженерал моторс» без всякой системы, приобретая зачастую малоперспективные и убыточные компании и залезая в долги, которые был не в состоянии выплатить. Уже в 1910 г. «Дженерал моторс» контролировалась синдикатом банкиров Нью-Йорка и Бостона. Обратившись за финансовой помощью к концерну Дюпонов, Дюрант, который в 1915 г. вновь возглавил «Дженерал моторс», продолжал брать кредиты у других банковских домов, в том числе Моргана и Нобеля. Он стремился искусственно поддерживать высокий курс акций своей фирмы на рынке ценных бумаг.

Но несмотря на все его ухищрения, дела шли неудовлетворительно, и прежде всего — из-за плохого управления. В этом конгломерате почти самостоятельных компаний царил неразбериха и финансовый хаос. Большинство предприятий работало в убыток. Не было и автомобиля, пользовавшегося на рынке таким же спросом, как фордовская модель «Т». Не обладая никакими техническими познаниями и не задумываясь о том, как должно быть построено управление корпорацией подобного типа, Дюрант полагался на собственный «гений» и непоколебимо верил в «конечный» успех. Между тем за его плечами были лишь опыт работы продавцом, страховым агентом, а также операции с недвижимостью. Автомобильный бизнес был тогда новым и весьма прибыльным делом, за которое охотно брались люди, слабо представлявшие себе и специфику производства, и менеджмент, и организацию сбыта «экипажей с мотором».

В дальнейшей истории «Дженерал моторс» исключительно важную роль сыграл Алфред Причард Слоун. Он родился 23 мая 1875 г. в Нью-Хейвене (шт. Коннектикут) в семье оптового торговца — импортера чая и кофе. В 1895 г. закончил Массачусетский технологический институт. Получив диплом инженера-механика, стал работать чертежником на предприятии в Ньюарке (шт. Нью-Джерси), выпускавшем шарикоподшипники, затем перешел в компанию по производству холодильников, которая быстро обанкротилась. Тогда он убедил отца купить шарикоподшипниковый завод, где работал раньше.

Вскоре у этого захудалого предприятия появились новые заказчики в лице ряда автомобилестроительных фирм, включая «Форд мотор компани» и «Дженерал моторс». Предприятие Слоунов быстро пошло в гору, и в 1916 г. там работало уже 4 тыс. человек. Став вице-президентом, а затем и президентом компании, имевшей дело с автомобилестроителями, Слоун хорошо ознакомился с их производственной технологией, детально изучил рынок сбыта, а также финансовую и коммерческую стороны дела.

Слоун высоко оценил такие принципы Форда, как снижение цен на автомобили при одновременном расширении объема их производства и высокая оплата труда рабочих. Сравнивая же качество менеджмента у фирм-поставщиков и их клиентов — автомобилестроителей, он пришел к выводу, что первые гораздо лучше управляются. Слоун ввел в своей фирме научную организацию труда, нанял специалистов — химиков и металлургов, установил строгий контроль за качеством продукции. При нем очень возросла роль менеджеров, ранее занимавшихся поставками тех или иных материалов или авточастей, а теперь получивших ключевые посты в автомобилестроительных объединениях. Это и определило дальнейшую карьеру Слоуна, установившего тесные хозяйственные связи с «Дженерал моторс».

В 1916 г. Дюрант предложил Слоуну продать его шарикоподшипниковую фирму корпорации «Юнайтед моторс», созданную при участии и под эгидой «Дженерал моторс». Сделка состоялась, а Слоун получил пост президента «Юнайтед моторс». Под его началом оказались высококвалифицированные инженеры и менеджеры из бывших фирм-поставщиков — «Дейтон инжиниринг лаборатори», «Ч. Ф. Кеттеринг компани», «Клаксон компани» и др. В 1918 г. «Дженерал моторс» инкорпорировала все эти фирмы, а Слоун вошел в ее директорат.

Отношение Слоуна к своему патрону было неоднозначным. В Дюранте его привлекали оригинальные идеи, неистощимый оптимизм, дружелюбие,

стремление к инновациям. Именно Дюранту пришла в голову идея выпускать, наряду с автомобилями, бытовые электрические холодильники, в производство которых (на экспериментальной стадии) он вложил собственные сбережения. Но его стиль руководства Слоун называл диктаторским, поскольку Дюрант предпочитал принимать решения единолично и проводить их в жизнь, не считаясь с соображениями менеджеров, отвечавших за определенные участки работы. Действовал же Дюрант интуитивно, часто не вникая в суть дела ².

Личные взаимоотношения Слоуна и Дюранга были хорошими, но при его руководстве Слоуну мало что удавалось сделать. Была учреждена аудиторская служба, информировавшая акционеров о финансовом положении «Дженерал моторс». В 1919 г. автомобили начали продавать в кредит с помощью специально созданного банка. Появилась и сберегательная касса для рабочих и служащих — их деньги корпорация пускала в оборот и возвращала с процентами. Здесь Дюрант опередил Форда, однако автомобили последнего по-прежнему доминировали на рынке.

Корпорация Дюранга имела большие потенциальные возможности, но их реализация требовала кардинальной реформы управления ею. Между тем подготовленный Слоуном проект реорганизации «Дженерал моторс» Дюрант положил под сукно. Тем временем все более усложнялась структура фирмы. Практически она уже не поддавалась управлению и контролю, а неверные волевые решения вскоре поставили ее на грань банкротства.

В 1919 г. Дюрант решил последовать примеру Форда и создать отделение по выпуску тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Но такое решение было безрассудным, так как рынок сбыта этой продукции давно захватили крупные специализированные фирмы Маккормика, «Интернэшнл харвестер» и др. Форду удалось проникнуть на этот рынок благодаря самым низким ценам на трактора, что сделало их производство убыточным (в 1928 г. выпуск «фордзонов» в США был прекращен), но «Дженерал моторс» не имела соответствующих мощностей, позволявших увеличивать производство и снижать цены, да и конструкция трактора «Самсон» оказалась неудачной. В 1922 г. отделение пришлось закрыть, причем убытки превысили 30 млн. долл.

Слоун и другой дальновидный менеджер — руководитель «Бьюика» Уолтер П. Крайслер не раз предупреждали Дюранта о рискованности его затеи с тракторами и выступали против безудержного расширения корпорации, но тот был уверен в возможностях своего гигантского объединения, приобретая все новые фирмы (отделения «Шеридан», «Понтиак боди» и др.), вкладывая деньги в другие дорогостоящие программы, беря дополнительные займы. После окончания первой мировой войны все отделения корпорации увеличили закупки сырья и материалов, рассчитывая на оживление спроса. Но если корпорация могла более или менее успешно функционировать в условиях устойчивой конъюнктуры, то к экономической депрессии она была совершенно не подготовлена.

В середине 1920 г. спрос на все автомобили резко упал, что вынудило автомобилестроительные компании пойти на сокращение расходов, ликвидацию запасов и снижение цен. Форд даже заставил своих дилеров под угрозой расторжения контрактов выкупить у компании «излишки» автомобилей и запчастей. И только Дюрант отказался снижать цены — под тем предлогом, что это отразится на курсе акций «Дженерал моторс». Тщетно доказывал ему Слоун, что выправить положение можно лишь наведя элементарный порядок в использовании капитала и материальных ресурсов.

У Дюранга не было недостатка в советах опытных финансистов, в частности из компании «Дюпон де Немур», вошедших в директорат «Дженерал моторс». Однако Дюрант мало считался с мнением специалистов. Перед началом депрессии от него ушел Крайслер, вскоре основавший собственное дело. На заводских дворах стояли тысячи нераспроданных автомобилей, на складах накапливались громадные запасы сырья и материалов. Дюрант же, внимательно следивший за курсом акций на бирже, не располагал никакими достоверными данными о стоимости имущества корпорации.

Обдумав создавшееся положение, Слоун решил подать в отставку и отправился путешествовать, однако по возвращении в США узнал, что Дюрант уже отстранен от дел. С падением курса акций деятельность «Дженерал моторс» оказалась парализованной. От окончательного краха корпорацию спасли аварийные меры, предпринятые концерном Дюпонов, — погашение долгов Дюранта, скупка обесценившихся акций и установление жесткого контроля над ее финансами. На повестку дня встала задача полной внутренней реорганизации «Дженерал моторс». Ее президентом стал Пьер Дюпон, а Слоун, будучи вице-президентом, вошел в директорат «Дюпон де Немур».

Дюрант же, уйдя в конце 1920 г. в отставку, вновь занялся автомобильным бизнесом. В период экономического подъема 20-х годов он даже преуспел, создав с помощью своих излюбленных финансовых комбинаций новый концерн, причем его автомобили «стар» конкурировали с «фордами» и «шевроле». Однако в начале 30-х годов фирма Дюранта, как и многие другие автомобилестроительные компании, не входившие в число крупнейших, обанкротились. В 1947 г. он умер в нищете.

Как и многие другие «пионеры» и зачинатели нового, автомобильного бизнеса, Уильям К. Дюрант неплохо разбирался в людях, обладал явной склонностью к азарту и риску (порой чрезмерному!), твердо верил в свой успех. Он ставил и решал задачи крупного масштаба, был заметной фигурой в финансово-промышленных кругах. Наряду с малоперспективными, он вовлекал в систему «Дженерал моторс» сильные компании и способных людей, оставшихся в фирме и после ухода. Но интуиция подменяла у него широту кругозора и умение анализировать, а приверженность к финансовым комбинациям как практически единственному фактору расширения бизнеса оставалась у него неизменной.

Дюрант совершенно не заботился о приведении управленческой структуры «Дженерал моторс» в соответствие с ее ростом, который происходил в основном за счет присоединения новых компаний (отделений), самостоятельно занимавшихся выпуском и продажей автомобилей своих марок, имевших собственные бюджеты и менеджмент. «Конфедерация» самоуправляющихся компаний оказалась неуправляемой в тот критический момент, когда особенно требовалось быстрое, эффективное и скоординированное взаимодействие всех отделений корпорации. Между тем эффективный менеджмент в организации, расширяющейся «по горизонтали» возможен только при централизации ее руководства и контроле за отделениями³. Хотя «Дженерал моторс» и владела контрольными пакетами акций вошедших в ее систему компаний, а некоторые, как, например, «Бьюик», являлись ее полной собственностью, управление ими оставалось сильно разобленным. Уделяя много времени переговорам с банкирами и биржевыми маклерами, Дюрант переложил производство и продажу автомобилей на генеральных менеджеров отделений, т. е. на среднее управленческое звено.

Слоун не случайно назвал новых руководителей корпорации «автомобилестроителями». Ее президента Дюпона можно было назвать таковым лишь условно, но он всецело полагался на Слоуна и открыл дорогу реформам. Между тем ситуация складывалась катастрофическая: в январе 1921 г. «Дженерал моторс» продала всего 6150 автомобилей (с конвейеров Форда в это время сходило по 8—9 тысяч автомобилей ежедневно). Слоун настаивал на снижении цен, но только в мае осторожный Дюпон разрешил понизить их в пределах от 11 до 21%, в зависимости от марки автомобиля. Форд отреагировал на это снижением цен на 25%. В 1921 г. компания «Шевроле» понесла убытки в размере 8,7 млн. долл., а вся корпорация — 38,6 млн. Только «Бьюик» и «Кадиллак» оставались рентабельными. В конце этого года на долю «Дженерал моторс» приходилось всего 14% общего объема продаж автомобилей в США, тогда как Форд завладел 62% рынка⁴.

Одним из самых слабых мест «Дженерал моторс» было управление финансами. Нерациональное использование капиталовложений, нескоординированная ценовая политика, обусловившая конкуренцию между отделениями, в первую очередь и подтолкнули Слоуна к безотлагательному

созданию более централизованного и эффективного менеджмента. При совете директоров корпорации были созданы два комитета — Финансовый и Исполнительный. В состав первого входили главным образом банкиры, представлявшие интересы крупнейших акционеров. Они ведали общими стратегическими вопросами распределения ресурсов, получения доходов и дивидендов, а также оценкой деятельности корпорации. Исполнительный комитет занимался всеми стратегическими вопросами внутреннего руководства, кроме финансовых, но в число его членов вошли вице-президент по финансам Д. Браун, ряд вице-президентов по производству, а также генеральные менеджеры крупнейших отделений — «Бьюика», «Кадиллака», а затем «Шевроле». Все эти люди были лично известны Слоуну, разделяли его взгляды и могли принимать решения, обязательные для всей корпорации. Ставленники же Дюранта были уволены.

Непосредственным руководством «Дженерал моторс» занимались ее президент — в мае 1923 г. по настоянию Дюпона им был избран Слоун — и команда вице-президентов, лично подотчетных ему и руководивших важнейшими отделами, или, по терминологии Слоуна, штабами (staffs). Каждый такой штаб руководил работой определенной группы отделений. Данная схема управления стала впоследствии типовой и действительно напоминала схему управления войсками. Именно такой смысл придавал ей Слоун⁵.

В ведении Финансового отдела, подчиненного Финансовому комитету, были инвентаризация запасов и оборудования, регулирование закупок, списание устаревшей техники, а также контроль за денежной наличностью производственных отделений «Дженерал моторс», размещенной в сотнях банков. Отдел производственных операций отвечал за производство и экспорт автомобилей и запчастей. Он объединял несколько групп отделений во главе с вице-президентами — группу легковых и грузовых автомобилей, группу автоузлов, группу сопутствующих авточастей (кузова, запальные свечи и т. п.) и группу экспорта. При этом руководитель каждого из производственных отделений — от «Бьюика» до «Шевроле» — отвечал за всю их работу. Консультативный отдел (Advisory Staff) распоряжался вопросами снабжения, сбыта, рекламы, капитального строительства, научно-исследовательскими и опытными конструкторскими разработками (НИОКР) и др.

Вертикальная (линейно-штабная) схема управления дополнялась функциональными горизонтальными связями между отделениями. Их осуществляли комиссии по закупкам, рекламе, продажам, по технологии, энерго-ресурсам, эксплуатации, а также комиссия заводских менеджеров (две последних занимались вопросами повышения эффективности использования зданий и оборудования). Многие из членов этих комиссий входили в состав Исполнительного комитета и других высших звеньев управления. За некоторым исключением, Слоун не считал целесообразным вводить в Исполнительный комитет менеджеров отделений, выпускавших автомобили, поскольку рамки их компетенции не позволяли принимать решения на уровне корпорации. Такова была, в общих чертах, новая организационная схема «Дженерал моторс»⁶.

Прежде всего она предусматривала существенное расширение высшего исполнительного звена менеджеров и координацию управления на этом исключительно важном уровне. Сочетание вертикальных каналов управления с горизонтальными координирующими звеньями позволяло увязывать работу отделений как между собой, так и с деятельностью корпорации. Это устранило разобщенность отделений друг с другом и с высшим руководством, получившим эффективные рычаги управления, координации и контроля. Тем самым наладились сбор и обработка информации обо всех сторонах деятельности «Дженерал моторс». В корпорации не осталось ни одного «темного угла», которых было так много при Дюранте.

Слоун называл эту организационную схему «децентрализованной» и отвечающей принципам свободного предпринимательства, тогда как централизованная компания, в которой один менеджер курирует все

производство, другой — весь сбыт, третий — все конструкторские разработки и т. д., сковывает инициативу, тормозит исполнение решений и снижает эффективность менеджмента. Малочисленность же высшего руководящего звена не позволяет оперативно и гибко реагировать на множество возникающих проблем. Явно намекая на Г. Форда, Слоун указывал на опасность «автократии» в крупной промышленной компании⁷. Свою задачу Слоун видел в разделении управления на возможно большее число звеньев, но так, чтобы они подкрепляли и усиливали друг друга, а «способности и честолюбие» менеджеров раскрывались бы в максимальной степени, способствуя достижению общей цели.

Важнейшим фактором эффективного менеджмента он считал скоординированность работы всех звеньев крупной корпорации и четкое определение обязанностей каждого руководителя. Так, вице-президент по продажам только координирует работу сбытовых отделов в компаниях, входящих в «Дженерал моторс», и не вправе непосредственно руководить сбытом их продукции, ибо это является прерогативой их менеджеров. Слоун подчеркивал необходимость научного подхода к управлению, который должен заключаться прежде всего в отказе от интуитивного, дилетантского обращения с людьми, машинами и материалами, в изучении всей совокупности фактов, относящихся к возникшей проблеме, и в умении выработать план ее решения коллективным путем — с помощью «концентрации мозгов».

У «Дженерал моторс» имелась хорошо разработанная программа материального поощрения менеджеров из прибылей корпорации, что повышало их заинтересованность в эффективном управлении. Как и большинство американских компаний, «Дженерал моторс» проводила политику превращения управленцев в акционеров, причем получение дивидендов ставилось в зависимость от размера прибыли. В созданной для этой цели «Дженерал моторс секьюритиз компани» 30% капитала принадлежало менеджерам корпорации, а 70% — концерну «Дюпон де Немур». Интересы же прочих акционеров надежно ограждались: менеджеры получали свою долю прибыли лишь после того, как корпорация зарабатывала необходимые дивиденды (7%) для выплаты остальным держателям акций.

Для рабочих руководство «Дженерал моторс» еще в 1919 г. предусмотрело не только высокую заработную плату, но и возможность получения процентов по вкладам в сберегательный фонд корпорации. Каждый проработавший в ней свыше трех месяцев получал право вкладывать в этот фонд до 20% месячного заработка. Существовал также «инвестиционный фонд» (накопления к старости), куда поступала половина суммы вклада в сберегательный фонд, а другую половину можно было при желании использовать для покупки дома через жилищный фонд. По убеждению Слоуна, у служащих-домовладельцев больше оснований для хорошего настроения, их работоспособность выше, гражданские чувства более развиты. Владея собственностью, они мыслят и поступают так же, как и другие обладатели капитала.

Вклады возвращались с процентами каждые пять лет. На 300 долл., вложенных в 1919 г., в январе 1925 г. вкладчики получали 1007 долл., а 300 долл., вложенные в 1920 г., к 1926 г. давали уже 2714 долл. (деньги вкладчиков корпорация пускала в оборот). В 1927—1931 годах «Дженерал моторс», по свидетельству Слоуна, возвращала с тех же 300 долл. соответственно 2241, 1277, 2680, 1447 и 1054 долл.⁸ Эти колебания определялись, в конечном итоге, прибылями корпорации, которые понизились в годы «великой депрессии». Численность домовладельцев достигла к ее началу 43 тыс. человек (около 20% персонала).

Менеджеры корпорации обязаны были систематически повышать свою квалификацию. Формы учебы отличались разнообразием — от обмена опытом на семинарах до курсов в «Институте Дженерал моторс» (основан в 1926 г.), который функционировал как обычный американский университет. В конце 20-х годов его программы охватывали основные инженерные дисциплины, а также принципы промышленной организации и менеджмент. Изучались методы производства и сбыта, корпоративное право, экономика,

статистика, бухгалтерия, проблемы труда и побудительных стимулов, общая и прикладная психология.

Психологии внутрифирменных отношений Слоун придавал исключительно важное значение, видя в умении менеджеров работать с подчиненными и друг с другом 75% успеха деловой организации⁹. Лично ему претили командный стиль и начальнический тон. Неотъемлемыми качествами хорошего менеджера он считал умение подобрать и сплотить рабочую группу, способную принимать взвешенные решения, постоянную потребность советоваться с другими специалистами, а также умение сконцентрироваться на существе дела.

Эти простые и логичные идеи Слоун проводил в жизнь тогда, когда они еще не получили всеобщего признания в деловом мире. Оппонентом мало кому еще известного Слоуна был самый популярный бизнесмен Америки и всего мира Форд. В его интервью и книгах, имевших огромный успех в 20-е годы, доказывалось диаметрально противоположное. «Автомобильный король» гордился тем, что его компания получает баснословные прибыли, не имея никакой особенной организационной схемы, что ее служащие не получают никаких определенных «титолов» и просто работают, а не тратят время на дискуссии о том, как нужно работать.

Но став в позу борца с бумаготворчеством, бюрократизмом и «чудовищными» организационными схемами, Форд на деле лишь укреплял собственную власть, а отсутствие «формальных титулов» приводило к появлению фаворитов, таких как начальник «внутренней службы» Г. Беннет, пользовавшийся огромным влиянием благодаря своей близости к Форду. С 1920 Г. Форд лично руководил компанией, не имея вообще никакого титула (пост ее президента он передал сыну, но тот не играл в управлении ею почти никакой самостоятельной роли). Излюбленный принцип Форда-старшего — «каждый должен знать свои обязанности и заниматься своим делом» — противоречил другому — не фиксировать обязанности, не «дробить» ответственность, а главное — свести к минимуму численность высшего руководства, которое осуществлял он сам.

И Форд, и Слоун сравнивали корпоративный менеджмент с управлением океанским кораблем. Однако Слоун подчеркивал роль научных методов управления, позволяющих капитану иметь полную и достоверную информацию о положении судна и во-время корректировать его курс, а Форду любая схема менеджмента казалась всего лишь «устаревшей картой», которой можно пользоваться только при следовании уже проторенными путями. Динамично развивающийся бизнес, повторял «автомобильный король», зависит исключительно от дальновидности и проницательности «человека на капитанском мостике»¹⁰.

Жизнь подсказала отсутствие у Форда им же названных качеств хорошего менеджера, а на деле его концепция автомобильного бизнеса отличалась консерватизмом. Под его началом работало немало талантливых менеджеров, но либо он избавлялся от них, либо они сами покидали компанию, уходя к конкурентам. Двоим из них предстояло сыграть выдающуюся роль в возвышении «Дженерал моторс». Это бывший генеральный менеджер по продажам в компании Форда Норвал Г. Хокинс, возглавивший на новом месте секцию по анализу сбыта, и инженер Уильям С. Нудсен, ставший генеральным менеджером «Шевроле» и быстро возвысившийся до поста вице-президента, а впоследствии и президента «Дженерал моторс».

При Дюранте отделение «Шевроле» было на плохом счету, поскольку автомобили этой марки были дороже, но не лучше фордовской модели «Т» и не могли конкурировать с нею на главном участке автомобильного рынка — продаже дешевых машин. Когда президентом «Дженерал моторс» стал Дюпон, комиссия экспертов даже рекомендовала ликвидировать это отделение как бесперспективное и убыточное, но Слоун настоял на его сохранении. Грандиозный успех «форда» свидетельствовал о том, что простой, надежный в эксплуатации и недорогой автомобиль имеет все шансы завоевать рынок. Однако атаковать компанию Форда «в лоб», используя

его же стратегию снижения цен было бессмысленно — на долю «шевроле» приходилось около 4% автомобильного рынка, а «форды» составляли более половины продаваемых в США машин. Чтобы повысить конкурентоспособность выпускаемых «Дженерал моторс» машин, необходимо было прежде всего упорядочить ценовую политику и усовершенствовать сами автомобили.

В 1921 г. руководство корпорации решило оставить пять основных производственных отделений — «Шевроле», «Бьюик», «Окленд» (впоследствии переименованное в «Понтиак» — по названию города в графстве Окленд, шт. Мичиган, где располагался центр производства этих автомобилей), «Олдсмобил» и «Кадиллак», ликвидировав более мелкие и малоперспективные. Оставалось также производство грузовиков и пикапов. По замыслу Слоуна, соотношение цен и качества этих машин должно было удовлетворять покупателей с различными доходами и жизненными запросами. «Шевроле» оставалась самой дешевой маркой, «окленд» и «бьюик» — средних цен, а «олдсмобил» и «кадиллак» — дорогими. Однако «шевроле» стали продавать не по той же цене, что и «форды», а по максимальной из разряда низких цен на тогдашнем автомобильном рынке, «окленды» — по максимальной из разряда низких средних, и т. д. При этом качество относительно дешевых автомобилей приближалось к качеству автомобилей средних цен, что привлекало как покупателей, готовых за него «переплатить», так и тех, кто хотел иметь машину, похожую на более дорогие марки, но стоившую дешевле.

По первоначальному плану, принятому в 1921 г., предполагалось продавать «шевроле» по цене от 400 до 600 долл. (самые популярные модификации «форда» стоили не выше 400 долл.), «окленды» — от 600 до 900 долл., «бьюики» 4-х цилиндровые — за 900—1200 долл., 6-цилиндровые — за 1200—1700 долл., «олдсмобили» (8-цилиндровые) за 1700—2500 долл., и наконец, «кадиллаки» — за 2500—3500 долл. В дальнейшем «окленд», «бьюик» и «олдсмобил» были сближены по ценам, а «шевроле» и «кадиллак» продавались в тех же ценовых границах¹¹. Таким образом, «шевроле» могли конкурировать с более дорогими машинами других фирм благодаря относительно низкой цене, а с более дешевыми — благодаря своему качеству. «Шевроле» образца 1916 г. был модернизирован в 1923 и 1925 годах, получив закрытый кузов, улучшенный дизайн, более комфортабельный салон и разнообразную расцветку. Кроме того, ключ зажигания, стартер, педаль акселератора вместо неудобной рукоятки, улучшенная конструкция тормозов и высокая скорость выгодно отличали «шевроле» модели «К» от «форда-Т» образца 1908 г., выкрашенного в однообразный черный цвет.

Начавшийся в 1923 г. экономический подъем и рост доходов привели к тому, что покупательский спрос американцев быстро переключился от «форда» к «шевроле». Если в 1924 г. «форды» еще доминировали на рынке дешевых машин, то через три года «Дженерал моторс» вырвалась вперед. Казавшаяся непоколебимой позиция компании Форда была серьезно ослаблена. На автомобильном рынке ее потеснили как недорогие машины новейших марок, так и бурно растущий парк подержанных машин, продававшихся по самым низким ценам.

В 1927 г. Форд был вынужден остановить производство модели «Т» и полностью переоборудовать свои заводы, чтобы перейти на новую модель «А». Перерыв в работе конкурента еще более укрепил позиции «Дженерал моторс» и даже новый «форд» почти не изменил соотношения сил. В 1928—1929 гг. компания Форда увеличила объем продаж и захватила около 40% автомобильного рынка, оставив «Дженерал моторс» менее 35%, но уже в 1932 г. корпорация довела свою долю продаж до 41%, а доля Форда понизилась до 24%.

«Форд» модели «А» стоил немногим дешевле «шевроле» и не обладал какими-либо преимуществами, если не считать небьющегося ветрового стекла. У нее был, как и прежде, 4-х цилиндровый двигатель, тогда как повышенным спросом уже пользовались более экономичные и имевшие более плавный ход 6-цилиндровые модели. Шести и даже восьмицилинд-

ровые двигатели отличали автомобили более дорогих марок, но в 1929 г. 6-цилиндровый мотор был установлен на «шевроле». В этом году общее число поточных линий «Дженерал моторс» увеличилось до девяти — семь для легковых и две для грузовых автомашин. Ни одна из автомобилестроительных компаний не обладала в то время такой индустриальной мощностью, опиравшейся на самый передовой для того времени менеджмент.

Если идеалом Форда был выпуск относительно простых «универсальных» моделей, что давало больше возможностей для снижения цен, то «Дженерал моторс» ориентировалась на максимальное разнообразие и частую сменяемость дизайна автомобилей при стандартизации их основных узлов. Поточные линии, станки и заводское оборудование были рассчитаны на смену моделей. При этом учитывался негативный опыт компаний Форда, которая долгое время пользовалась узкоспециализированными станками, а при переходе на выпуск модели «А» была вынуждена буквально выбросить на свалку около 40 тыс. единиц первоклассного оборудования.

Развивая и диверсифицируя производство, руководители «Дженерал моторс» не упускали из виду изменчивую конъюнктуру рынка, а в трудные 30-е годы занялись совершенствованием сбыта. «Великая депрессия» не застала корпорацию врасплох. Еще в 20-е гг. «Дженерал моторс» следовала принципам маркетинга. Когда в автомобилестроении лидировала компания Форда, о проблеме спроса мало кто задумывался. Основной задачей было наращивание производства. Слоун же поставил изучение спроса на научную основу.

Еще в 1921 г. он лично опросил дилеров корпорации о продажах автомобилей «Дженерал моторс» и получил важную исходную информацию для планирования производства. В дальнейшем экономисты планового отдела и группы экспертов анализировали отчеты дилеров о ходе продаж и прогнозировали спрос, исходя из существовавших в тот момент общих экономических условий, колебаний делового цикла, состояния автомобильного рынка, доходов населения и т. д.¹² Все эти данные использовались для планирования характеристик выпускаемой продукции. Покупательскими предпочтениями определялись форма радиатора, количество цилиндров двигателя, цвет кузова и внутренней отделки. Изучение спроса повышало точность и эффективность рекламы. Именно изучение спроса дало основание руководству «Дженерал моторс» сделать ставку на частое, даже ежегодное обновление внешнего вида автомобилей. По словам Слоуна, в автомобилестроении стали действовать «законы парижских модельеров»¹³. Этому способствовала такая многочисленная и активная группа покупателей, как женщины. «Дженерал моторс» могла предложить самое большое разнообразие стилевых и цветовых решений. В 1927 г. только для «кадиллаков» применялось 500 различных цветовых гамм¹⁴. «Дженерал моторс» старалась учесть запросы всех потребительских групп.

В годы «великой депрессии» борьба за покупателя приобрела особо важное значение. Ежегодное обновление автомобилей требовало не только громадных затрат, но и создавало определенные сложности с реализацией. Поскольку автомобилестроительные фирмы непосредственно не занимались розничной продажей, а поставляли свою продукцию дилерам (владельцам местных автомагазинов), заключая с ними контракты на право торговли фирменной продукцией, хорошие отношения с ними стали одним из факторов успеха на рынке. В этой сфере практика «Дженерал моторс» также резко расходилась с методами Форда. До 1930-х годов Форд игнорировал принципы маркетинга и ориентировал своих дилеров только на сбыт. Он поставил их в подчиненное и зависимое положение, произвольно завышая квоты продаж и понижая их доходы, что превратило партнеров по бизнесу в «озлобленных бунтарей»¹⁵. Сам он не реагировал на многочисленные сигналы с мест о растущем спросе на «шевроле» и не налаживал через дилеров сбор информации о состоянии рынка и покупательских предпочтениях. В результате часть покупателей ушла к «Дженерал моторс». Слоун же стремился установить с дилерами взаимовыгодные отношения и не нарушать принципов делового партнерства. Планирование

производства, основанное на отчетности дилеров и анализе экономической ситуации, позволяло довольно точно определять квоты поставок автомобилей в торговую сеть. Это, в свою очередь, повышало заинтересованность дилеров в составлении максимально точных и объективных отчетов. Корпорация не делала секрета из своего опыта продаж.

Продажа автомобилей осуществлялась в кредит, причем покупатель мог по своему желанию либо выплачивать деньги из своих доходов, либо брать ссуду в банке. Положение «Дженерал моторс» в финансовом мире настолько упрочилось, что ссуды на покупку ее продукции выдавались без промедления. При оплате поставок дилерам предоставлялась скидка до 24% — выше, чем в компании Форда. В 1929 г., когда Форду удалось расширить объем продаж и временно потеснить «Дженерал моторс», он сразу же отобрал у своих дилеров часть доходов, понизив скидку с 20% до 17,5%. Только в 1931 г., когда положение компании снова ухудшилось, а дилеры подняли кампанию протеста, Форд повысил размер скидки до 22%.

Острая конкурентная борьба «Дженерал моторс» с компанией Форда развернулась в конце 20-х — 30-е годы и на внешних рынках, хотя многие страны Европы, особенно Италия и Франция, приняли жесткие меры по ограничению притока иностранных автомобилей на свои рынки и всемерно развивали собственное автомобилестроение. Однако «Дженерал моторс» удалось потеснить Форда в Англии и особенно в Германии. Форд предпочитал действовать «по старинке», затрачивая огромные средства на строительство автозаводов в этих странах и не соразмеряя их производительность с емкостью национальных рынков. Не считался он и со спецификой запросов европейского покупателя.

«Дженерал моторс» приобретала имущество и капиталы зарубежных автомобилестроительных и других промышленных фирм. В 1925 г. она купила 100% акций английской фирмы «Воксхолл моторс», которая через четыре года стала давать прибыль, а в 1929 г. — 80% акций знаменитого автомобилестроительного концерна «Адам Опель» в Германии. Эта тактика давала значительные выгоды, позволяя, в частности, использовать торговую сеть со сложившейся клиентурой и персоналом, а главное — выпускать «европейские автомобили для европейского покупателя», тогда как компания Форда с ее чисто американской продукцией выглядела «иностранной»¹⁶. «Воксхолл моторс» контролировала около 10% британского рынка, а фирма «Опель» производила около половины германских автомобилей.

Однако в Советском Союзе компания Форда прочно удерживала позиции, занятые еще в середине 20-х годов. Советское правительство и внешнеторговые организации проявляли интерес к новым моделям легковых автомобилей, в частности, к «шевроле», но отдавали предпочтение закупкам тракторов, которые «Дженерал моторс» не производила. Поставки же «фордзонов» в кредит сделали компанию Форда крупным торговым партнером СССР. В 1929 г. Генри Форд согласился оказать техническое содействие СССР в строительстве автозавода в Нижнем Новгороде, рассчитанном на выпуск до 100 тыс. автомобилей в год. Одновременно переговоры велись и с «Дженерал моторс» об оказании аналогичной помощи по строительству и пуску автозавода меньшей мощности, который давал бы до 50 тыс. автомобилей. Руководство корпорации на это не пошло, предложив взамен поставку комплектов авточастей для сборки, от чего советское правительство отказалось и стало ориентироваться на компанию Форда. В начале 30-х годов СССР испытывал острую нехватку твердой валюты в связи с сокращением закупок советского экспорта на охваченном «великой депрессией» Западе. В августе 1931 г. И. В. Сталин дал указание остановить все незавершенные переговоры с американскими фирмами и даже «по возможности порвать уже заключенные договора о старых заказах с переносом заказов в Европу или на собственные заводы». В результате Советский Союз в одностороннем порядке сократил закупки комплектов авточастей у Форда, нарушив условия договора. По отношению же к «Дженерал

моторс» политбюро ЦК ВКП(б) распорядилось занять уклончивую позицию¹⁷.

Продукция Форда и ее последующие советские модификации (знаменитая «полугорка» ГАЗ-АА воспроизводила основные черты фордовского грузовика «АА») отличались простотой, выносливостью и хорошо показали себя даже в условиях бездорожья и низкого качества технического обслуживания. Достижения «Дженерал моторс», как и ее установка на ежегодное обновление моделей и создание максимальных удобств для пассажиров вовсе не отвечали задачам советского автомобилестроения, не рассчитанного на индивидуального потребителя и свободный рынок. СССР остался в стороне и от многих научно-исследовательских разработок в области автодела, в которых «Дженерал моторс» лидировала.

Руководитель отдела НИОКР инженер Чарлз Ф. Кеттеринг добился целого ряда нововведений, сделавших автомобили «Дженерал моторс» лучшими в мире. В 30-е годы в практику автомобилестроения вошли быстро сохнувшая краска, практически бесшумный двигатель, вентиляторные ремни с длительным сроком службы и т. д. Важным фактором дальнейшего технического прогресса стало улучшение качества бензина и масел. «Дженерал моторс» и нефтяной концерн «Стандард ойл оф Нью-Джерси» создали на паях компанию «Этил газолин» по производству и продаже высококачественного горючего. Корпорация наладила выпуск оборудования для автоматизированной мойки машин, кондиционеров (в том числе автомобильных), холодильников, а для железных дорог — тепловозов с дизельными двигателями.

Наряду с компанией Форда, она внесла крупный вклад в развитие самолетостроения. «Дженерал моторс» приобрела 25% акций «Бендикс авиэйшн», имущество, лицензии и патенты фирмы «Делко авиэйшн», 40% акций фирмы «Фоккер эйркрафт корпорейшн оф Америка» (в 1930 г. переименована в «Дженерал авиэйшн»), а также акции и имущество ряда фирм по выпуску авиационных пропеллеров, электротехнического оборудования и т. д.

Став признанным лидером американского и мирового автомобилестроения, «Дженерал моторс» внесла в эту отрасль методы и принципы современного менеджмента, частое обновление продукта, создание разнообразных моделей, формирование у покупателей приверженности определенной торговой марке. Автомобилестроение стало сферой применения новейших достижений механики, металлургии, химии, электротехники, а также экономических знаний, менеджмента и маркетинга.

При всем несхождении взглядов Слоуна и Форда, оба разделяли свойственные «большому бизнесу» идеологические постулаты — свобода предпринимательства, отношения в промышленности на основе партнерства капитала (или, по их словам, менеджмента) и труда без какого-либо вмешательства государства или профсоюзов, а в период «нового курса» Ф. Д. Рузвельта — неприятие мер по государственному регулированию и даже сопротивление им. Как и Форд, Слоун считал единственным разумным средством решения социальных проблем, преодоления нищеты и безработицы всемерное развитие производства материальных благ. «Выпускать больше товаров для большего числа людей» — только так и можно «заставить работать» без всякой пользы лежащие в банках миллиарды долларов и создать новые рабочие места. Только расширяя сферу бизнеса, можно принести реальную пользу обществу, рабочим, акционерам и покупателям. «Либо мы будем продолжать идти по пути свободы и предпринимательства, либо увековечим регламентацию производства политической бюрократией», которая облагает фирмы конфискационными налогами и уничтожает их основную мотивацию — получение прибыли. Так воспринимал Слоун «новый курс»¹⁸.

В свою очередь, многие деятели администрации Рузвельта считали успехи «Дженерал моторс» не следствием хорошего менеджмента, а результатом «неоправданной» экономической свободы, критиковали корпорацию за ее величину. Чтобы избежать обвинений в монополизме, Слоуну

пришлось положить предел расширению корпорации, а ее долю на рынке легковых автомобилей ограничить (к 1938 г.) 45 процентами, хотя «Дженерал моторс» могла дать и больше¹⁹. «Разве честным может быть только мелкий бизнес?» — с недоумением вопрошал он.

Президент «Дженерал моторс» всемерно подчеркивал позитивную роль «большого бизнеса», считая его экономически наиболее эффективным и выгодным обществу. Только на базе крупных предприятий, располагающих большими капиталами, и можно проводить дорогостоящие исследования и внедрять технические новшества, которые окупаются не сразу. Часть общества, говорил он, не без оснований опасается концентрации экономической мощи в руках немногих промышленников, но это означает лишь необходимость расширять их «горизонты ответственности». Им нужно не просто производить товары и услуги, но и интересоваться тем, как это влияет на экономику в целом, способствует всеобщему благу. Предприниматели же, облеченные наибольшей ответственностью, должны стать «государственными мужами, но от индустрии».

Слишком многие считают, утверждал Слоун, что занятие бизнесом мотивируется только желанием разбогатеть. Однако подлинное удовлетворение, подчеркивал он, приносит творчество и созидание, стремление преодолевать препятствия на пути общественного прогресса, а эти чувства могут быть столь же бескорыстными и альтруистичными, как и многие другие интересы и помыслы людей. «Мотив получения прибыли — существенно важный компонент капиталистической системы, но это далеко не единственный стимул, побуждающий индивидуума внести свой вклад в великие достижения мирового значения». Те, кто к этому стремится, должны пользоваться общественным признанием²⁰.

Придерживаясь концепции этически мотивированного бизнеса и доказывая его общественную необходимость, Слоун не понимал самого существа «нового курса», видя в нем лишь козни государственной бюрократии. Для него это был «экономический абсурд». Его особое возмущение вызывали ужесточение налоговой политики, закон о восстановлении промышленности и закон 1935 г. о социальном страховании.

В 30-е годы многие представители «большого бизнеса», не исключая и Слоуна, навлекли на себя подозрения в сочувствии крайне правым силам профашистского толка и даже в их субсидировании. Но если Форд, который публично проповедовал антисемитизм и получил от Гитлера к своему 75-летию высшую награду рейха, «крестным отцом» фашизма все же не являлся, утверждать что-либо подобное о Слоуне еще менее основательно.

Одобрительные высказывания об «экономическом чуде» в нацистской Германии или об эффективной борьбе Гитлера с «красной опасностью» были довольно распространенными в американском обществе 30-х годов, особенно в рядах оппозиции «новому курсу», а экономическое сотрудничество и прибыльный бизнес вообще не знали идеологических преград и распространялись не только на Германию, но и на СССР. Высшее руководство «Дженерал моторс» подчас демонстрировало еще большую нетерпимость к «красным», чем сам Генри Форд. Узнав о коммунистических убеждениях мексиканского художника-монументалиста Диего Риверы, автора знаменитой росписи «Промышленность Детройта» (1933), вдохновляющим примером для которой послужил автозавод Форда, «Дженерал моторс» расторгла с ним контракт на роспись стен своего выставочного павильона в Чикаго²¹.

Неприятие государственного регулирования, отстаивание свободы предпринимательства и оппозиция курсу Рузвельта выражались у отдельных американских бизнесменов в тех или иных «реверансах» в сторону нацистской Германии и профашистских группировок в самих Соединенных Штатах. Но это скорее можно назвать своеобразной эмоциональной реакцией на «новый курс», но никак не политическим выбором в пользу тоталитаризма и тем более не участием в «заговоре» против американской демократии с целью ее свержения, как это утверждалось в советской литературе (в число «заговорщиков» включили и Слоуна)²². Подчинение экономики

«высшим целям» политического режима, столь характерное для тоталитарной системы, не провозглашал ни один из представителей делового мира США. Не следует, наконец, забывать и того, что в нем было немало евреев, отнюдь не сочувствующих нацизму.

Тем не менее, в той конкретной обстановке оппозиция «новому «курсу» была реакционной. Если Генри Форд в силу своего преклонного возраста и нежелания лично участвовать в работе каких-либо общественных ассоциаций ограничился лишь формальным вступлением в организацию «Америка превыше всего» (1940), то Алфред Слоун стал одним из деятельных членов основанной в 1934 г. Лиги американской свободы, которую финансировало семейство Дюпонов. Лига выступала против закона Вагнера и профсоюзов, агитировала за избрание президентом США республиканца Алфреда М. Лэндона. Во время избирательной кампании 1936 г., закончившейся победой Рузвельта, Слоун призывал всех служащих и рабочих «Дженерал моторс» тщательно изучать содержание различных предвыборных программ. Он говорил: «Классовая борьба и экономические оковы могут либо развалить нашу компанию, либо затормозить ее развитие»²³.

Как и Форд, Слоун был ярким противником «вмешательства» профсоюзов в дела бизнеса, что, по их мнению, ограничивало свободу предпринимательства. Слоун считал заключение коллективных договоров с администрацией излишним прежде всего для самих рабочих, поскольку условия труда и заработная плата в «Дженерал моторс» не создавали, по его мнению, поводов для широкого недовольства, а трудовые споры решались в индивидуальном порядке — путем подачи жалоб местной администрации. Если вопрос решить не удавалось, он мог быть передан в более высокие инстанции, вплоть до высшего руководства корпорации, но только в том случае, если проблема касалась работы отделения или ее в целом. Условия и характер труда в различных отделениях и филиалах «Дженерал моторс», разбросанных по всей стране, были настолько различными, что выработать какое-то единое соглашение, например о заработной плате, представлялось Слоуну невозможным.

Деятельность профсоюзных организаций Слоун расценивал ни больше ни меньше, как путь к «экономической и политической диктатуре безответственных профлидеров», которые не подчиняются ни рядовым рабочим, ни закону, и «руководствуются собственными честолюбивыми помыслами». Знаменитые «сидячие» забастовки на рабочих местах президент «Дженерал моторс» объявил незаконной, антидемократической и «революционной» практикой, когда бастующие, во-первых, лишают большинство остальных рабочих законного права на труд, во-вторых, «оккупируют» заводы, т. е. захватывают собственность корпорации, и в-третьих, подчиняются только приказаниям профсоюзной верхушки. Все это, доказывал Слоун, подрывает саму основу для принятия подлинно коллективных решений²⁴.

Создав образцовый корпоративный менеджмент, Слоун и его «команда» не исключали возможность возникновения чрезвычайных ситуаций в связи с подъемом профсоюзного движения в США. Как и компания Форда, «Дженерал моторс» практиковала негласную слежку за рабочими, поощряла осведомителей, но в отличие от своего главного конкурента, не увольняла рабочих за вступление в профсоюз. Администрация проводила широкую разъяснительную работу под лозунгом «Что происходит с «Дженерал моторс», происходит и со мной», инициировала создание в г. Флинте (штат Мичиган) «Альянса за сохранение рабочих мест, наших домов и нашего сообщества». В эту многочисленную добровольную организацию входили, наряду с рабочими, их жены и дети-подростки, взявшие на себя обязательство удерживать своих родственников от участия в забастовках. На крайний случай руководство корпорации запаслось баллонами со слезоточивым газом, считая это действенным оружием против «сидячих» забастовок. Однако именно на заводах «Дженерал моторс» в 1937 г. имел место самый длительный и ожесточенный конфликт между рабочими и администрацией. Он объяснялся не резким ухудшением материального положения рабочих, которое как раз оставалось наиболее благополучным во всей

автомобилестроительной отрасли, и не сменой стиля руководства, который был более либеральным, чем, например, на заводах Форда. Причина конфликта заключалась во взаимной неуступчивости сторон и в неумении Слоуна сориентироваться в обстановке, требовавшей от руководителя большей гибкости и такта, способности «обезоружить» оппонента. Мысливший исключительно рационально, Слоун воспринимал действия рабочих как нечто бессмысленное, чему можно было противопоставить, по его мнению, только твердость и принципиальность.

В 1936 г. Конгресс производственных профсоюзов (КПП) и его отделение — Союз автомобилестроительных рабочих вели активные действия по расширению своих рядов, зачастую прибегая к «сидячим» забастовкам. Заводы Форда были наглухо закрыты для профсоюзных агитаторов и «прорыв объединенного фронта капитала», по выражению лидера КПП Дж. Л. Льюиса, предстояло начать с «Дженерал моторс». Руководство корпорации согласилось начать переговоры о заключении коллективного договора с профсоюзом автомобилестроителей, но не дало никаких определенных обещаний. Вспыхнули «сидячие» забастовки, парализовавшие работу более десяти заводов. Слоун категорически отказался вести какие-либо переговоры, пока бастующие не очистят заводские здания. Забастовки продолжались весь январь 1937 г., причем имели место стычки бастующих и солидарных с ними рабочих с полицией, пускавшей в ход слезоточивые газы и револьверы. Однако «выкурить» бастующих из зданий или прекратить доставку им воды и пищи не удавалось — полиция была малочисленной и к тому же опасалась разрастания конфликта. Губернатор штата Мичиган Ф. Мерфи привел отряд национальной гвардии в 1200 человек, но не решился вмешаться в события. Не помогло и обращение корпорации в суд: еще 2 января 1937 г. было издано предписание прекратить «незаконную забастовку», но лидеры профсоюза предали огласке тот факт, что один из членов суда был крупным держателем акций «Дженерал моторс» и, следовательно, мог действовать в интересах истца, что противоречило нормам судопроизводства и запрещалось законами штата.

В конце января Слоуну было передано пожелание президента США Рузвельта безотлагательно возобновить переговоры с профсоюзом, не дожидаясь окончания забастовки. К этому же склоняли Слоуна губернатор-демократ Мерфи, вице-президент корпорации У. Нудсен и другие члены высшего руководства «Дженерал моторс». В конце концов Слоун внял их доводам, и 1 февраля 1937 г. был подписан коллективный договор (со стороны профсоюза переговоры вел сам председатель КПП Льюис), который в большинстве своих пунктов лишь закрепил то, что уже вошло в практику отношений рабочих с администрацией «Дженерал моторс».

Союз автомобилестроителей был признан единственной организацией, представляющей интересы рабочих, а для решения трудовых споров и определения интенсивности труда создавались совместные с администрацией комиссии. Однако решения должны были приниматься посредством все той же многоступенчатой процедуры — вначале на уровне местной (заводской) администрации с участием местной профсоюзной «ячейки», а затем, в случае необходимости, дело передавалось в более высокую инстанцию «Дженерал моторс». Вопросы, связанные с восстановлением на работе и определением минимальных ставок рассматривались по-прежнему на местах. Трудовой стаж теперь исчисляли после 6 месяцев работы (ранее — после года). Кардинальных изменений в работе корпорации не произошло. Децентрализованная производственная структура позволяла свести к минимуму давление профсоюза на «мозг» корпорации. В последующие годы отношения «Дженерал моторс» с Союзом автомобилестроителей оставались в основном конструктивными.

Грандиозные «сидячие» забастовки конца декабря 1936 — января 1937 г., парализовавшие работу корпорации на 44 дня, нанесли ей и смежным отраслям (поставщикам сырья и материалов, транспортникам, дилерам) колоссальный ущерб²⁵.

Потери «Дженерал моторс» от остановки производства исчислялись 175 млн. долл., а рабочие потеряли 25 млн. долл. невыплаченной зарплаты. Около двух тысяч участников «сидячих» забастовок приостановили работу более 150 тыс. рабочих и служащих на 60 заводах, расположенных в 14 штатах, а дилеры и покупатели недополучили как минимум 280 тыс. автомобилей.

Но это не подорвало лидирующего положения «Дженерал моторс» в автомобилестроении США. Корпорация освободилась от финансовой опеки концерна Дюпонов и стала полностью независимой. И хотя 1938 г. был по-прежнему нелегким — экономическая депрессия вынудила руководство уволить 30 тыс. рабочих, а оставшиеся 230 тыс. перевести на 3-х дневную рабочую неделю, корпорация успешно пережила самое тяжелое десятилетие в экономике страны. Если в 1920—1940 гг. она произвела продукции на 19 млрд. долл., то 14 млрд. из этой суммы приходилось на 1927—1939 гг., причем число акционеров выросло за эти 12 лет с 66 тыс. до 440 тыс. человек.

Весной 1937 г. в возрасте 62 лет Слоун ушел с поста президента «Дженерал моторс», передав этот пост У. Нудсену, который продолжал начатый им курс и показал себя не менее талантливым руководителем. 14 лет напряженной работы подорвали здоровье Слоуна. У него прогрессирувала глухота, а необходимость пользоваться слуховым аппаратом снизила его деловую активность. Слоун считал, что президенту корпорации не следует демонстрировать свои физические недостатки или зависеть от состояния здоровья. Однако его работа в «Дженерал моторс» на этом не закончилась: Слоун стал председателем совета директоров, получил почетную должность «главного менеджера» (*chief executive officer*), а в 1945—1958 гг. возглавлял попечительский совет финансируемого корпорацией Онкологического института Слоуна-Кеттеринга. Он вышел на пенсию в апреле 1956 г., прослужив в системе «Дженерал моторс» в общей сложности 38 лет, а скончался 17 февраля 1966 г., на 91 году жизни.

Жизнь и деятельность этого выдающегося представителя «менеджерского капитализма» совпала с основными этапами становления и развития большого бизнеса, с расцветом крупной компании как его доминирующей организационной формы, и корпоративного менеджмента как совокупности принципов, методов и средств управления ею. Выработанная под руководством Слоуна организационная схема «Дженерал моторс» стала классической, а сформулированные им «восемь заповедей» менеджера отразили лучшие качества современного делового человека²⁶.

Это — «Менеджмент: взаимодействие знаний, опыта и воображения. Собираение фактов: постоянный поиск истины. Открытость мышления: стремление анализировать, отбросив предубеждения и предрассудки. Смелость: готовность идти на риск, рассчитав его цену. Справедливость: уважение прав остальных. Принципиальность: готовность отстаивать свою точку зрения. Лояльность: готовность пожертвовать всем ради дела. Прогресс: постоянное наличие лучшей альтернативы».

Благодаря деятельности Слоуна «Дженерал моторс» превратилась в современную корпорацию с характерным для нее отделением менеджмента от собственности на вложенный капитал (что, впрочем, не исключало превращения в акционеров ее служащих). Президент корпорации был только высшим должностным лицом, «главой исполнительной власти». Персонал такой фирмы твердо знал, что работает не на «хозяина» и не на «рынок» вообще, а на своих клиентов, т. е. прежде всего на акционеров, перед которыми руководство несет ответственность за качество бизнеса и получение прибылей, а также на конкретных потребителей, запросы и вкусы которых изучаются службой маркетинга, настраивающей производство и сбыт на их максимальное удовлетворение. Сам механизм современной крупной корпорации требует не единоличного, а группового принятия решений, работы целой команды менеджеров и специалистов, групповой ответственности и коллективной заинтересованности в результатах бизнеса.

Примечания

1. CHANDLER A. The Essential Alfred Chandler. Boston. 1988, p. 20, 91—95, 162, 238, 242; ejusd. Scale and Scope. Cambridge (Mass). 1990, p. 204—210, 223, 231, 345—346, 530; KUHN A. J. GM Passes Ford, 1918—1938. Philadelphia. 1986; RAE J. B. American Automobile Manufacturers. Philadelphia. 1959, p. 136—140, 153—162; TEDLOW R. S. New and Improved. N. Y. 1990, p. 112—181. См. также САЛОМАТИН А. Ю., АНДРЕЕВ А. Н., Очерки истории и теории предпринимательской деятельности. Пенза. 1992, с. 73—75.
2. SLOAN A. P., SPARKES B. Adventures of a White-Collar Man. N. Y. 1941, p. 74—77, 92, 101—102, 103—112.
3. CHANDLER A. Scale and Scope, p. 36—37.
4. CRAY E. Chrome Colossus. General Motors and Its Times. N. Y. 1980, p. 205—208.
5. SLOAN A. P., SPARKES B. Op. cit., p. 136.
6. KUHN A. J. Op. cit., p. 108—109, 127.
7. SLOAN A. P., SPARKES B. Op. cit., p. 135.
8. Ibid., p. 150—151.
9. FORBES B. C., FOSTER O. D. Automotive Giants of America. N. Y. 1926, p. 237, p. 237—239; SLOAN A. P., SPARKES B. Op. cit., p. 132, 140—141.
10. KUHN A. J. Op. cit., p. 4.
11. CRAY E. Op. cit., p. 198—199.
12. KUHN A. J. Op. cit., p. 209—223.
13. БУРСТИН Д. Американцы: демократический опыт. М. 1993, с. 693.
14. CRAY E. Op. cit., p. 244—245.
15. TEDLOW R. S. Op. cit., p. 175.
16. CRAY E. Op. cit., p. 234—235.
17. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 162, л. 6, л. 146—147; л. 7, л. 45; л. 9, л. 43; л. 10, л. 173; л. 8, л. 104; л. 13, л. 75.
18. SLOAN A. P., SPARKES B. Op. cit., p. 130—131, 156—165, 179—190.
19. KUHN A. J. Op. cit., p. 236.
20. SLOAN A. P., SPARKES B. Op. cit., p. 145—146, 170—171.
21. CRAY E. Op. cit., p. 275.
22. История США. Т. 3. М. 1985, с. 242—245.
23. CRAY E. Op. cit., p. 283.
24. SLOAN A. P. The Story of the General Motors Strike. N. Y. 1937, p. 1—5.
25. CRAY E. Op. cit., p. 308.
26. SLOAN A. P., SPARKES B. Op. cit., p. 171—172, 205.

Юрий Долгорукий

В. А. Кучкин

Из восьми сыновей Владимира Мономаха наиболее заметный след в истории оставили двое: Мстислав и Юрий. Мстислав был первенцем Владимира. В 12 лет он был послан своим дедом, киевским князем Всеволодом Ярославичем, княжить в Новгород, позднее Мстислав неоднократно участвовал в военных походах отца, сменил его на киевском столе и умер в 1132 г. киевским князем. От современников он получил прозвище Великого. Многие в жизни Мстислава можно объяснить его первородством, правом наследовать отцу. Иное дело Юрий. Он был всего лишь шестым сыном Владимира Мономаха, и его необычную жизненную активность соблазнительно было бы расценивать как проявление редких личных качеств, особых свойств характера, если бы не одно обстоятельство, выяснившееся недавно: Юрий был первым сыном Мономаха от второго брака¹.

Ни имени матери Юрия, ни сведений о ее происхождении источники не сохранили. «Гюргева мати», как назвал свою вторую жену Владимир Мономах в «Поучении» — воспоминании о прожитой жизни, умерла 7 мая 1107 г., а первая его супруга, Гида, — дочь английского короля Харальда Годвинссона, скончалась 10 марта², причем ни летописные, ни документальные материалы не называют года ее смерти. Тем не менее несовпадение дат указывает на то, что речь должна идти о двух разных женах Владимира Мономаха. Юрий был сыном второй из них.

Неизвестны ни год ни день появления Юрия на свет. О них лишь можно высказать некоторые соображения. Свои именины Юрий праздновал в апреле³. Юрий — производное имя от Георгий. Святцы фиксируют четыре апрельских дня, в которые отмечалась память различных Георгиев. Трижды Георгии праздновались вместе с другими святыми, а 23 апреля особо отмечалась память Георгия победоносца. Очевидно, Юрия назвали в честь этого святого, поскольку он выделялся среди других Георгиев. По церковным правилам, Юрий должен был быть крещен на сороковой день после своего рождения, но в княжеских домах не всегда придерживались правил, ребенку могли дать понравившееся имя, а не имя того святого, которое приходилось на день его крещения. Поэтому время рождения Юрия приходится определять приблизительно: весна.

Но какого года? В. Н. Татищев писал, что Юрий родился в 1090 году. И хотя эта дата указывается во многих научных и справочных изданиях, она

Кучкин Владимир Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

неверна. Юрий родился во второй половине 90-х годов XI в., между 1096 и 1100 годами. Пятый сын Владимира Мономаха Вячеслав, родившийся не ранее 1081 г. и не позднее 1084 г., был лет на 15 старше Юрия. В 1151 г. Вячеслав напоминал Долгорукому: «Язь тебе старѣи есмь не маломъ, но многомъ: азъ оуже бородачь, а ты ся еси родиль». И Юрий полностью соглашался со старшим братом, считая даже, что по возрасту тот мог быть ему даже отцом: «Тако право есть, ако то и молвиши. Ты миѣ еси яко отець»⁴. Младше Юрия были его братья Роман и Андрей, женившиеся соответственно через 5 и 9 лет после Юрия. Таким образом, Юрий появился на свет в весну одного из пяти годов: 1096, 1097, 1098, 1099 или 1100. Старшинство Юрия во второй семье отца давало ему определенные права — если не юридические, которые в средневековье не очень-то и соблюдались, ибо нормы поддерживались реальной военной силой, то по крайней мере моральные — претендовать на наследство отца. Ими и пытался в течение долгих лет воспользоваться Юрий Долгорукий.

Такие устремления Юрия отражены лишь в источниках второй четверти XII века. Начальный же период его жизни был неинтересен для летописцев, а потому остался почти глухим и не заполненным событиями.

Первое известие о Юрии Долгоруком связано с его свадьбой. 12 января 1108 г. отец женил его на дочери половецкого хана Аепы Осеневича. Брак преследовал осязаемые политические цели. 12 августа 1107 г. русские князья Святополк Изяславич, княживший тогда в Киеве, Владимир Мономах, Олег «Гориславич», о котором через много десятков лет вспоминал автор «Слова о полку Игореве», и другие князья нанесли на реке Суле поражение половцам, которых возглавляли находившийся уже в преклонных годах хан Шарукан и хан Боняк. В битве пал брат Боняка Таз, а ханы Сугр и его брат попали в плен. На следующее лето можно было ожидать мести со стороны половцев, и русские князья заранее предприняли шаги, которые помешали бы объединению половецких сил. В самом начале января 1108 г. Владимир Мономах, черниговские князья Олег и Давыд Святославичи отправились к половецким ханам Аепе Осеневичу и Аепе Гиргеневичу, не принимавшим участия в битве на Суле, и заключили с ними мир, опередив таким образом возможную попытку Шарукана и Боняка договориться с этими ханами. Союз был скреплен браками сыновей Владимира и Олега с половецкими дочерьми двух Аеп.

Владимир Мономах решил придать статус некоторой политической самостоятельности сыну-молодожену. Из «Поучения» Мономаха мы узнаем, что после свадьбы сына он «идохом Смоленску», а затем в Ростов. «Идохом» — форма множественного числа. Очевидно, что в Смоленск, а далее в Ростов Мономах отправился не один, а с молодой четой. В другом древнем памятнике — Киево-Печерском патерике — сохранилось упоминание о том, как Владимир Мономах послал в Суздальскую землю своего боярина Георгия Шимоновича, «дать же ему на руцѣ и сына своего Георгия. По лѣтех же мнохѣхъ сѣде Георгий Владимировичь во Киевѣ, тысяцѣкому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суждальскую»⁵. Очевидно, что Юрий начал княжить в Ростовской земле под присмотром боярина своего отца. Эта передача «на руки» свидетельствует о том, что муж дочери хана Аепы Осеневича был еще очень мал. В средневековье и в странах Западной Европы, и в Византии, и на Руси взрослыми считались люди, достигшие 12–14 лет. Это фиксировали церковные нормы, общие для всего христианского мира. В такие годы можно было жениться и выходить замуж, участвовать в охотах на диких зверей и в военных походах, принимать наследство и самостоятельно править. Владимир Мономах, например, начал участвовать в ловах (охотах) и походах с 13 лет. Его старший сын Мстислав получил новгородский стол, когда ему исполнилось 12 лет. Поскольку Юрий был дан «на руки» Георгию Шимоновичу, можно думать, что князю не исполнилось еще и 12 лет. Браки в столь раннем возрасте хотя и редко, но заключались. Старшего сына Всеволода Большое Гнездо и внука Юрия Долгорукого Константина отец женил десяти лет. А дочь Верхуславу тот же князь выдал замуж в восемь лет.

Молодая чета была отправлена на далекий Северо-Восток, где не было никаких половцев и можно было избежать политических интриг, возникавших при тесных связях с этими кочевниками на древнерусском Юге. Главным городом в Волго-Окском междуречье в те времена оставался Ростов. Он был административным центром северо-восточных земель при Владимире Святославиче, Ярославе Мудром, его сыне Всеволоде. Свое значение княжеской резиденции Ростов сохранил и при Владимире Мономахе, который не хотел терять контроля над этим городом и его округой. Посылая княжить в Ростовскую землю Юрия, он сделал местом его пребывания не главный город земли, Ростов, а менее значимый Суздаль. Тем самым подчеркивалась формальность правления в Ростовской земле Юрия и его вассальная зависимость от отца.

Эта зависимость проявилась в 1120 году. Второе по времени известие в источниках о Юрии Долгоруком сообщает, что именно тогда он предпринял поход по Волге на Волжскую Булгарию, разбил ее войско и захватил много пленных. Долгое время считалось, что это одно из наиболее ранних суздальских известий. Однако в 1963 г. А. Н. Насонов установил, что запись о Юрии — киевская⁶, и это меняет оценку похода. Очевидно, поход был организован Владимиром Мономахом, в нем участвовали не только суздальские полки Юрия, но и полки его отца, а возможно, и его братьев. Характерно, что русские дружины шли по Волге, а не по Нерли Клязьминской, Клязьме, Оке и Волге, как было бы, если б поход предпринимался из Суздаля. Надо полагать, нападение на волжских булгар (возможно, в связи с поддержкой ими половцев — постоянных врагов Мономаха) было одной из акций Киева, и Юрий участвовал в этой акции как вассал отца.

19 мая 1125 г. умер Владимир Мономах. Юрий хоронил отца вместе с братьями. Их у него к тому времени осталось четверо. Киевский стол занял старший, Мстислав, остальные, как сообщает летопись, «разидошася кождо въ свою волость с плачемъ великомъ»⁷. В их положении, казалось, изменилось очень немногое. Скончался отец, но киевским князем стал старший из его сыновей, остальные продолжали властвовать в тех владениях, которые им выделил Мономах. Но на самом деле княжеские взаимоотношения стали существенно иными. Мономах, раздавая подвластные ему города и земли своим сыновьям, вправе был требовать от них и отцовского почитания и вассального послушания. Все его владения рассматривались как единое целое, и он мог перемещать сыновей из одного княжения в другое. Мономашичи только заведовали частью целого и не были самостоятельными, суверенными правителями.

Со смертью отца их статус изменился. Старший брат Мстислав уже не был источником их наделения землей и властью. Перемена княжения между братьями могла теперь производиться только на договорной основе. Над Юрием и его братьями уже не было отца-сюзерена, сюзеренами стали они сами. Поэтому 1125 г. считается начальным годом существования самостоятельного, независимого Суздальского княжества, где правил Юрий. Образование самостоятельных княжеств резко усиливало значение договорных отношений между князьями, способствовало концентрации в их руках и в руках окружавших их бояр-кормленщиков налоговых поступлений с местного рядового населения и судебных штрафов, но требовало затрат на укрепление границ (строительство порубежных крепостей) и существенно снижало военный потенциал. Недаром, став независимым суздальским князем, Юрий ни разу не предпринимал походов против волжских булгар, своих если не восточных, то северо-восточных соседей, стремившихся проникнуть в области, которые много позднее стали называть Русским Севером. Очевидно, военные возможности Юрия стали не те, что были в 1120 г., когда он воевал с Волжской Булгарией, возглавляя войско подвластных Мономаху земель.

До начала 30-х годов XII в. фигура Юрия по-прежнему остается в тени, летописцы совершенно не упоминают его имени. Лишь по косвенным данным можно заключить, что, пребывая на Северо-Востоке, Юрий в то

время занимался строительной деятельностью. Так, около 1128 г. им была построена Георгиевская церковь во Владимире на Клязьме. Факт этот примечателен. Он свидетельствует о том, что Юрий обстраивал периферийные города, а не только свою столицу — Суздаль.

14 апреля 1132 г. скончался киевский князь Мстислав Великий. Мономашичи не собирались упускать из своих рук богатейшее Киевское княжество, и вопрос о преемниках Мстислава на киевском столе был решен задолго до его смерти. Киевским князем стал следующий по возрасту сын Мономаха Ярополк, прежде княживший в Переяславле. Но Переяславль он передал не своему сыну Василию, а старшему сыну Мстислава Великого Всеволоду, покинувшему ради южных владений Новгород. Такие перестановки были предопределены еще самим Владимиром Мономахом и соглашением Мстислава с Ярополком. Это означало, что после смерти Ярополка киевским князем станет Всеволод Мстиславич и в Киевском будут владеть старшие линии Мономашичей. От обладания «матерью городов русских» подобный порядок наследования отсекал черниговских Святославичей и Давыдовичей, внуков князя Святослава Ярославича, некогда короткое время сидевшего на киевском столе. Лишались возможностей когда-либо править в Киевском и младшие Мономашичи.

Дети Мономаха от второго брака с таким порядком согласиться не могли. Когда Юрий Долгорукий и его родной брат Андрей, правивший во Владимире Волынском, узнали о действиях Ярополка, они заключили между собой союз, и стоило Всеволоду отправиться из Новгорода в Переяславль, как туда же из Суздаля устремился с дружиною Юрий. Всеволод въехал в Переяславль ранним утром 15 августа 1132 года. Он прокняжил в городе несколько часов, когда под переяславскими стенами появился во главе вооруженных полков Юрий Долгорукий. Он выгнал из Переяславля племянника. Намерения Долгорукого, вынашивавшиеся втайне и никак не проявлявшиеся при правлении старшего брата Мстислава, после его смерти обнаружили со всей очевидностью. Юрий не был доволен своим положением суздальского князя и зарился ни много ни мало на собственно киевский стол, не считаясь ни с волей отца, ни с правами своих братьев от королевы Гиды и их потомства.

Глубокий разлад между родичами старший из Мономашичей Ярополк попытался преодолеть путем различных соглашений и компромиссов. Он не стал применять силу против Юрия, но сумел убедить его покинуть самовольно захваченный Переяславль. Племянника Всеволода он отправил обратно в Новгород, Переяславль же отдал другому сыну Мстислава Великого Изяславу, выведя его из Полоцка. Не остался обойденным и Юрий Долгорукий. Ему киевский князь выделил небольшую часть переяславской территории по левому берегу Днепра, где при впадении Остера в Десну стоял Городец Остерский, который Юрий Долгорукий заново укрепил.

Мир, достигнутый Ярополком, оказался непрочным. Полочане, лишившись Изяслава, изгнали из Полоцкой земли брата Изяслава Святотополка и пригласили к себе княжить Василька Святославича, представителя местной княжеской династии. Потеря Полоцка оказалась для Мономашичей необратимой. Ярополк снова прибег к перетасовке владений своих братьев и племянников. Переяславль получил туровский князь Вячеслав Владимирович, а Изяслав Мстиславич — Туров, Минск и Пинск, причем главным городом его владений стал Минск. Через несколько месяцев Ярополк отослал Изяслава к его братьям в Новгород, а его земли взял себе. Это вызвало недовольство Вячеслава, который оставил Переяславль и вернулся в свой Туров. Стол Переяславля, третьего по значению города в Южной Руси, оказался свободным. И тогда Юрий Долгорукий предложил Ярополку обмен: он отдавал ему «Суздаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю», а себе брал Переяславское княжество. Ярополк согласился, и в 1134 г. Долгорукий стал переяславским князем⁸. Впрочем, он не утратил и определенного контроля над своими отчинными землями на Северо-Востоке.

Конечно, можно задаться вопросом, какая же часть обширного, но редко заселенного Суздальского княжества осталась в руках у Юрия, ведь свои главные города он отдал киевскому князю. Но такое прямолинейно-территориальное решение будет едва ли верным. В средневековье под «волостью» понимали не только территорию, но и саму власть. Суть же власти выражалась в праве собирать в свою пользу различные дани (налоги) с населения и взимать штрафы при разборе судебных дел. Сохранилось известие об уплате Юрием Долгоруким «Суждали Залесской» дани Киеву до 1136 года⁹. По-видимому, уплата дани Ярополку с наиболее густо населенных мест Суздальщины и была той компенсацией, какую Юрий дал старшему брату за Переяславль.

Перемены 1132–1134 гг. в княжеских владениях Мономашичей свелись к увеличению владений сыновей Владимира Мономаха и к уменьшению владений его внуков — сыновей Мстислава Великого. Между племянниками и дядьями началась борьба. Уже летом 1134 г. вернувшийся в Новгород Всеволод Мстиславич начал готовить большой поход, собираясь захватить Суздальское княжество Юрия и посадить там своего брата Изяслава, которому Юрий не дал княжить в Переяславле и который в итоге оказался без каких-либо владений на Юге. Осенью новгородцы выступили в поход, достигли Дубны (приток Волги), но без боя повернули назад. Скорее всего, им помешала осенняя распутица. В последний день 1134 г. Всеволод вновь пошел на Суздаль. У Ждани горы на Кубре, притоке Нерли Волжской, новгородцев встретили суздальские полки. И хотя князя с ними не было (Юрий пребывал на Юге), суздальцы нанесли новгородцам тяжелое поражение¹⁰. Замысел Всеволода потерпел полный крах, и Мстиславичам пришлось искать иные пути для удовлетворения своих притязаний.

Разладом между наследниками Владимира Мономаха и Мстислава Великого воспользовались черниговские князья. Их происки вызвали поход Ярополка, Юрия и Андрея Владимировичей на Чернигов в ноябре 1134 года. Но, простояв восемь дней у города, братья так и не смогли его взять. В ответ черниговские князья во главе со Всеволодом Ольговичем пригласили половцев (по женской линии черниговские Ольговичи приходились внуками половецкому хану Осулуку), договорились с младшими Мономашичами Изяславом и Святополком Мстиславичами, и их объединенное войско зимой 1134/1135 гг. опустошило Переяславское княжество и взяло Городец Остерский. Возникла угроза самому Киеву. Ярополк и Юрий собрали киевлян и переяславцев, несколько дней стояли у Киева, но нападения не последовало, и со Всеволодом черниговским удалось замирились.

Пришлось идти и на уступки племянникам. Долгорукий, поняв, что его северо-восточным владениям грозит постоянная опасность со стороны княжившего в Новгороде Всеволода, решил отказаться от Переяславля и вернуться в Суздаль. Переяславль Ярополк отдал родному брату Юрия Андрею. Владимир же Волынский, прежнее владение Андрея, передал Изяславу Мстиславичу. Но несмотря на утрату Переяславля, Юрий в Суздальскую землю не спешил. Удерживал ли его на Юге киевский князь, вынашивал ли какие-то свои планы сам Юрий, неизвестно, но когда в 1135 г. возобновились нападения черниговских князей, Юрий принял участие в их отражении.

В начале августа 1135 г. Всеволод Ольгович вместе с другими черниговскими князьями и половцами осадил Переяславль. На выручку поспешил Ярополк, собравший не только свои полки, но и полки братьев Вячеслава и Юрия. Узнав о приближении Ярополка, Всеволод снял осаду и отошел на северо-восток от Переяславля к верховьям р. Супоя. Силы Ярополка были столь велики, что он решил атаковать противника с ходу. Завязалась битва. На первых порах удача сопутствовала Мономашичам. Половцы не выдержали натиска и обратились в бегство. За ними погналась лучшая и, по-видимому, большая часть Ярополкова войска. Но Ольговичи продолжали упорнейшее сопротивление, а дружины Ярополка, Вячеслава, Юрия и подошедшего к ним из Переяславля Андрея оказались настолько потрепанными, что им пришлось отступить. Черниговские князья сумели захватить даже

стяг Ярополка. И когда на место битвы начали возвращаться полки, преследовавшие половцев, они, собираясь под стяг Ярополка, попадали в руки Ольговичей. Поражение на Супое заставило киевского князя сделать важные уступки черниговским князьям — отдать Курск с Посемьем (землями между реками Сеймом и Пслон), ранее принадлежавшие Переяславскому княжеству. Неудача в борьбе с Ольговичами, переход в их руки значительной части переяславских земель заставили Юрия Долгорукого окончательно отказаться от планов закрепления на Юге и вернуться в Суздаль¹¹.

Там Юрий занялся укреплением границ своих владений. Во второй половине 30-х — первой половине 40-х годов XII в. он построил ряд крепостей по Верхней Волге (Кснятин, Тверь, Шоша, Дубна, Молога и Углич), стоявших у впадения в Волгу крупных рек и препятствовавших продвижению по ним войск Новгорода и Смоленска. Однако с Югом Юрий связей не терял. Там за ним сохранялся его опорный пункт — Городец Остерский. Юрий помогал старшему брату Ярополку в его борьбе с Черниговом. В 1138 г. Долгорукий послал ему военную помощь против Всеволода Ольговича, когда тот с союзными ему половцами в очередной раз опустошал Переяславское княжество.

Впрочем, внимание Юрия привлекали не только события на Юге. Новый характер приобретали его отношения с Новгородом Великим. Когда весной 1136 г. новгородцы арестовали князя Всеволода Мстиславича, припомнив ему и поражение на Ждане горе, и притеснения в Новгороде, а через полтора месяца выслали его, изменились их отношения с Киевом. Теперь киевские князья уже не могли направлять княжить в Новгород своих ставленников. Новгородцы сами стали приглашать к себе угодных им князей, существенно ограничивая при этом их права, изгоняя негодных. Но в князьях новгородцы нуждались. Князь становился военным защитником Новгородской республики, а кроме того представлял, как правило, то княжество, откуда в Новгород поступал хлеб. После изгнания Всеволода Мстиславича, а затем брата Всеволода черниговского Святослава приглашение было сделано Юрию Долгорукому, и тот прислал 10 мая 1138 г. в Новгород своего старшего сына Ростислава. Этим открылась новая страница взаимоотношений Суздаля и Новгорода¹².

События последующих лет показали, что эти взаимоотношения во многом зависели от обстановки на Юге. 18 февраля 1139 г. умер киевский князь Ярополк Владимирович. После его похорон в Киев въехал следующий по возрасту сын Владимира Мономаха — Вячеслав, правивший в Турове. Узнав о происшедшем, черниговский князь Всеволод Ольгович спешно собрал дружину, присоединив к ней дружины своего родного брата Святослава и двоюродного Владимира Давыдовича. С этим войском он переправился на правый берег Днепра и захватил Вышгород. Отсюда Всеволод начал вести наступление на Киев. Вячеслав не оказал ему сопротивления, и 5 марта 1139 г. черниговский князь занял киевский стол¹³.

Известие о вокняжении в Киеве Всеволода Ольговича заставило Долгорукого действовать весьма энергично. Он нашел союзника в лице смоленского князя Ростислава, третьего сына Мстислава Великого. До того Юрий не поддерживал дружественных отношений с Мстиславичами, видя в них основных соперников в будущей борьбе за киевский стол. Но когда Киев вообще ушел из рук Мономашичей и попал в руки Ольговичей, а Всеволод черниговский стал вынашивать планы захвата Владимира Волынского, где княжил Изяслав Мстиславич, и Смоленска, прежние неприязненные отношения Юрия к Мстиславичам сменились союзом с одним из них. Юрий с войском пришел в Смоленск и оттуда направил послов в Новгород, требуя помощи. Но новгородцы не собирались усиливать соседних с ними князей и в помощи отказали. Такая позиция новгородцев делала невозможным дальнейшее правление в Новгороде сына Юрия Долгорукого Ростислава, и 1 сентября 1139 г. он тайно бежал к отцу в Смоленск. Поход Долгорукого на Киев оказался сорванным, и ему пришлось ни с чем вернуться в свой Суздаль. Новгородцы же вступили в переговоры с киев-

ским князем и пригласили на свой стол его брата Святослава. В конце 1139 г. Святослав приехал в Новгород. Умелое политическое лавирование Всеволода позволило ему, став киевским князем, удержать за собой Киев вплоть до своей смерти 1 августа 1146 года. Юрий Долгорукий, не имея на Юге союзников, должен был на долгие годы оставить мечты о Киеве¹⁴. Его внимание переключилось, видимо, на обустройство собственного княжества и на Новгород.

Новгородцы, стараясь поддерживать хорошие отношения с сильнейшим из русских князей, терпели у себя брата Всеволода Святослава, но киевскому князю этого показалось мало. В 1141 г. он потребовал посадить в Новгороде своего сына. Новгородцы послали к Всеволоду пышное посольство во главе с епископом. Святослав Ольгович, чувствуя шаткость своего положения и явную неприязнь новгородцев, тайно бежал из города. Новгородцы арестовали его сторонников и ограбили их. А в Киеве посольство новгородцев отказалось принять сына Всеволода и стало просить на новгородский стол одного из сыновей Мстислава Великого. В гневе Всеволод арестовал послов и не дал Новгороду князя. Тогда новгородцы обратились к Юрию Долгорукому, который снова прислал им сына Ростислава. Тот прокняжил в Новгороде всего несколько недель, когда новгородцы узнали, что к ним возвращается из Киева их епископ с послами и князем Святополком Мстиславичем, которого они и просили.

Новгородцы арестовали Ростислава. Юрьевич просидел в заточении 4 месяца, но затем был отпущен к отцу. Неудачное пребывание в Новгороде сына Юрия Долгорукого имело еще одно неприятное последствие для суздальского князя. Обозленный вмешательством Юрия в новгородские дела, Всеволод Ольгович захватил принадлежавший Юрию Городец Остерский и ограбил местное население: «конѣ, скоть, овцѣ и кде чьто чюя товарь»¹⁵. Долгорукому пришлось примириться с утратами.

Предсмертная акция Всеволода Ольговича, заставившего киевлян присягать на верность своему брату Игорю, и кончина киевского князя нарушили сложившееся при нем положение дел. Против Игоря Ольговича оказались настроены не только сыновья и внуки Владимира Мономаха, мечтавшие, естественно, о возвращении Киева, но и та ветвь черниговских князей, которая вела свое происхождение не от Олега, а от Давыда Святославича. Противоречия между князьями разрешались то компромиссами, то военной силой. К силе и прибеж Изяслав Мстиславич, с 1143 г. по воле Всеволода Ольговича княживший в Переяславле. Вступив в переговоры с настроенными против Ольговичей киевлянами, он 13 августа 1146 г. сумел разбить, а затем пленить Игоря и войти в Киев.

Массовый переход киевлян на сторону Изяслава показал черниговским князьям, насколько непрочны были их позиции в Киевском княжестве. Настроенные первоначально выступить единой силой против нового киевского князя, они начали менять свою линию поведения. Взятый в плен вместе с Игорем Ольговичем его племянник Святослав Всеволодович (автор «Слова о полку Игореве» красочно описал этого князя уже в преклонном возрасте, в серебряной седине, сидящим на златоверхом киевском столе и печальщимся за разоренную половцами Русь) хотя и лишился Владимира Волынского, но был наделен Изяславом Мстиславичем пятью городами в Киевском княжестве и мог быть доволен своей судьбой. Два Давыдовича, Владимир и Изяслав, сидевшие в Чернигове, решили, что им лучше договориться с Изяславом Мстиславичем, а не противостоять ему.

Единственным непримиримым противником нового киевского князя оказался князь новгород-северский и курский Святослав Ольгович. Причины его вражды к Изяславу вполне понятны, ведь он был родным братом прежних киевских князей Всеволода и Игоря Ольговичей. Укрывшись от Изяслава сначала в Чернигове, а затем в своих владениях, Святослав Ольгович узнал, что его двоюродные братья Давыдовичи отказались поддержать попавшего в плен Игоря и договорились схватить его самого. Тогда он обратился к Юрию Долгорукому: «Поиди в Роускою землю,

Киевоу милосердовавъ, мы налѣзим брата (Игоря Ольговича.— В. К.), а язъ ...боудоу ти помощникъ»¹⁶.

Союзник на Юге, которого суздальский князь искал семь лет, наконец, у него появился. Мало того. За спиной Святослава Ольговича стояли его родичи — половцы, с помощью которых брат Святослава Всеволод в свое время вел успешную борьбу с киевским князем Ярополком Владимировичем. Теперь для Юрия открывалась возможность использовать в борьбе за киевский стол и кочевников. Поэтому Долгорукий без колебаний откликнулся на призыв новгород-северского князя.

А тот отчаянно оборонял свой город от соединенных сил Давыдовичей и Мстислава, сына Изяслава киевского. Правда, осаждавшие не шли на решительный приступ, ожидая подхода самого Изяслава.

Известие о выступлении Юрия застало киевского князя в походе. Он тут же послал вестника в Рязань, предлагая местному князю выступить против Юрия. Ростислав Ярославич не посмел послушаться и начал опустошать пограничные владения Юрия. Тот, дойдя до Козельска, вынужден был прервать свое движение к Новгороду Северскому и вернуться защищать свои земли. Но к Святославу Ольговичу он отправил своего сына Ивана. Помощь, приведенная Иваном, оказалась незначительной, и Святослав под давлением сложившихся обстоятельств решил оставить свой город. С частью дружины и семьей, преследуемый Изяславом Давыдовичем, он укрылся в Карачеве (в «лесной земле», у «вятичей»), а 16 января 1147 г. сумел разгромить Изяслава. Однако за Изяславом двигались грозные черниговские и киевские полки его брата Владимира и Изяслава Мстиславича. Святослав Ольгович вынужден был уходить от них все дальше на северо-восток. Наконец он остановился в Колтеске, на правом берегу Оки, ниже впадения в нее Лопасни.

Сюда Юрий Долгорукий направил ему крупную военную помощь: 1000 белозерских бронников. Это остановило преследователей Святослава. Новгород-Северский князь получил передышку и перешел в Лобынск, стоявший в устье Протвы. Туда Юрий Долгорукий прислал ему, его жене и дружине «дары многы паволокою и скорою»¹⁷, т. е. шелковыми тканями и мехами. Сам же Юрий вскоре начал войну с Новгородом.

Источники не сообщают ни о причинах войны, ни о поводах к ней. Но одновременное повеление Юрия находившемуся в Лобынске Святославу Ольговичу воевать смоленские земли говорит о том, что Юрий добивался ослабления Мстиславичей — сидевшего в Новгороде Святополка и княжившего в Смоленске Ростислава. Оба похода завершились успешно. Юрий захватил Торжок и земли по реке Мсте; Святослав опустошил верховья Протвы, взяв много пленных у населявшего в те времена этот район племени голядь. 5 апреля 1147 г. победители встретились в Москве, порубежном суздальском поселении, имевшем важное стратегическое значение: отсюда было два дневных перехода до граничивших с Суздалем земель Новгорода, Смоленска, Чернигова и Рязани¹⁸. Но черниговская летопись, которая содержит древнейшее упоминание о Москве, не сообщает, была ли Москва в 1147 г. селом или городом, а если городом, то кто его основал. Несомненно только то, что при Юрии Долгоруком Москва стала играть более важную роль*.

Помощь, оказанная Долгоруким Святославу Ольговичу, позволила тому удержать за собой ряд вятичских городов, а подход весной 1147 г. его родных дядей — половецких ханов и сына Долгорукого Глеба привел к установлению контроля Святослава над всей «Вятичской землей». Земля эта была отчинным владением собственно черниговских князей, и Давыдовичи обратились к киевскому князю Изяславу Мстиславичу за военной помощью. Изяслав, несмотря на нежелание киевлян, собрал войско, но к Чернигову пошел не сразу. Туда он отправил сначала своего боярина.

* К сожалению, средневековые источники не содержат достоверного изображения Юрия Долгорукого. Его портреты XVI—XVII веков изготовлены по шаблону и не передают реальных индивидуальных черт облика князя.

Промедление Изяслава, с одной стороны, сбор половецких и суздальских полков Святославом Ольговичем, с другой, вынудили черниговских Давыдовичей пойти на переговоры со Святославом и Юрием Долгоруким. И когда посланец киевского князя появился в Чернигове, стало ясно, что позиция Давыдовичей решительно изменилась. Они примирились со Святославом Ольговичем и отправили послов к Юрию Долгорукому с предложением объединиться против киевского князя, которого они готовы были заманить к себе и схватить, чтобы обменять на плененного им Игоря Ольговича. Княжеские непостоянство и интриги привели к кровавым последствиям. Узнав о предательстве Давыдовичей, киевляне схватили содержавшегося в киевском монастыре св. Федора Игоря Ольговича и 19 сентября 1147 г. убили его. Изяслав, призвав из Смоленска брата Ростислава, совершенно опустошил самые важные в хозяйственном отношении владения Давыдовичей. Черниговщина была разорена, ее князья смирились перед Изяславом, но и киевский князь лишился там своих владений (Курска и большей части Посемья), которые были отвоеваны у него Святославом Ольговичем и сыном Юрия Долгорукого Глебом. Последний не только стал распоряжаться в Курске и Посемье, но и сумел восстановить крепость отца — Городец Остерский и даже пытался овладеть Переяславлем.

Долгорукий, несомненно, пожинал плоды распрей своих племянников с черниговскими князьями. Для Изяслава киевского становилось все более очевидным, что только военная победа над Юрием позволит решить многие его проблемы как на Юге, так и на Севере, где Юрий продолжал удерживать за собой новгородские земли¹⁹. В Киеве начали готовить большой поход на суздальского князя. В нем должны были принять участие брат Изяслава Ростислав смоленский, сын Изяслава Ярослав, которого отец осенью 1148 г. отправил княжить в Новгород, выведя оттуда брата Святополка, а также побитые черниговские князья. Поход был назначен на зиму 1148/49 г., когда «ледове станут»²⁰.

К тому времени осложнилось положение внутри самого Суздальского княжества. От Юрия Долгорукого ушел его старший сын Ростислав. Он требовал себе удела в Суздальском княжестве, но отец упорно отказывал ему, полагая, что расчленение княжества может привести к пагубным последствиям в условиях военного противостояния с Киевом. Тогда Ростислав покинул Суздальщину и отправился к наиболее могущественному противнику отца — Изяславу киевскому. Тот дал ему удел в «Русской земле», а сам поехал в Смоленск и Новгород, чтобы начать войну с Юрием. По прибытии Изяслава в Смоленск к Юрию Долгорукому было отправлено посольство, но ответа на его предложения Юрий не дал, а послов задержал у себя и своих представителей к Изяславу и Ростиславу не отправил²¹. Стало ясно, что и суздальский князь готовится к войне.

Совместный поход киевских, новгородских и смоленских полков на Суздаль начался в феврале 1149 года. Изяслав и Ростислав соединились при впадении в Волгу Медведицы и начали разорять земли Юрия по обоим берегам Волги. Им удалось взять шесть городов. В Угличе они остановились и послали большое войско вниз по Волге, которое дошло до Ярославля и опустошило его окрестности²². В 1952 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота — письмо участника похода некоего новгородца Терентия Михалю, в котором Терентий сообщал, что он «на Ярославли, добрь, здоровь и с Григоремь», и просил прислать лошака с дружиной Саввы в Углич, где стояло все войско²³. Но воевать дальше это войско не стало. На дворе была уже вербница (в 1149 г. вербное воскресенье приходилось на 27 марта), таяло, и вода доходила до конского чрева. Изяслав и Ростислав увели свои полки из Суздальской земли, взяв несколько городов, опустошив Ярославль и забрав с собой 7000 пленных²⁴.

Несмотря на разорение верхневолжских земель, на значительные людские потери Юрий Долгорукий почему-то не выступил против Изяслава и Ростислава, даже не пытался преследовать их уходившие дружины. Такое странное поведение Юрия объяснить довольно трудно. Возможно, он просто не мог противостоять явно превосходившим силам своих противников.

Но вероятнее иное. Киевского князя не поддержали черниговские князья, хотя твердая договоренность об их помощи была. Черниговские князья собрали войско, вошли с ним в землю вятичей, но так и не пошли на соединение с Изяславом и Ростиславом Мстиславичами, ожидая известий об исходе их решительного столкновения с Юрием. Сражения не произошло, и черниговские князья в войну не вступили. Возможно, Юрий знал о концентрации черниговских сил близ пределов своего княжества, а потому уклонялся от противоборства с Изяславом, полагая, что неудачная битва с ним может повлечь нашествие на его владения с юга, со стороны черниговских земель. Борьба с Мстиславичами откладывалась на будущее.

Оно наступило через три месяца. К лету 1149 г. к Юрию вернулся старший сын Ростислав. Его изгнал из Южной Руси киевский князь, поверивший слухам, будто Юрьевич ведет агитацию за своего отца среди населения Киевской земли. Изяслав арестовал дружину Ростислава, отобрал все его имущество, а самого отпустил к отцу только с четырьмя слугами-отроками. Явившись к отцу, Ростислав бросился ему в ноги («ударь перед ним челомъ») и рассказал о случившемся. Юрий простил строптивного первенца, перенес все негодование на киевского князя. Снесясь предварительно с половцами, в июне 1149 г. он выступил в поход против Изяслава²⁵.

Его путь на юг лежал через верхнеокские земли вятичей и далее через собственно черниговские земли. Естественно, что черниговские князья первыми узнали о движении Юрия. Давыдовичи дали знать об этом киевскому князю. Готовясь отразить нападение, Изяслав вместе с Давыдовичами послал послов к Святославу Ольговичу, тесно сотрудничавшему с Долгоруким в 1146—1147 годах. Новгород-северский князь на неделю задержал их у себя, а сам послал вестников к Юрию, чтобы выяснить серьезность его намерений. Получив ответ Долгорукого, твердо решившего отомстить племяннику за опустошение суздальского Поволжья и посрамление Ростислава, Святослав Ольгович принял его сторону. Юрий послал послов и к Давыдовичам, но те отказались помогать ему против Изяслава. В начале августа 1149 г. Долгорукий начал медленное продвижение на запад вдоль черниговско-переяславской границы. 6 августа он был у Ярыщева, 8-го у Выхани, а далее — у Белой Вежи, где долго ожидал половцев. Из Белой Вежи он направился к верхнему течению Супоя. Туда к нему явились его союзники половцы и другой черниговский князь — Святослав Всеволодович. С ними Юрий подошел к Переяславлю.

Изяслав Мстиславич заранее послал в этот город войска под командованием своих братьев Владимира и Ярополка. Вместе с дружиной княжившего в Переяславле сына Изяслава, Мстислава, гарнизон города стал серьезной силой. Сам киевский князь, дождавшись помощи от Ростислава смоленского, переправился с полками на левый берег Днепра и двинулся навстречу Юрию. К Изяславу присоединились оба черниговских Давыдовича. Соединенная рать под командованием киевского князя была мощной и грозной.

Передовые полки Юрия уже начали было осаду Переяславля, когда у стен города появился авангард Изяславова войска. Суздальцы и половцы были отброшены от города. Но Юрий далеко не отступил. Он обосновался на левом берегу р. Трубежа. На правом берегу свой лагерь разбил Изяслав. Увидев силы противника, Юрий вступил в переговоры. «Даи ми Переяславль, ать посажу сына своего оу Переяславли, а ты сѣди, царствоуя в Киевѣ», — предлагал он Изяславу. «Изяславъ же того не оулюби», — пишет далее летописец, — «ни посла того поусти»²⁶.

Изяслав обсуждал со своими боярами лишь две возможности разрешения своего конфликта с суздальским князем: или выждать, дав Юрию спокойно увести свои войска, или разбить его в сражении. Поскольку Юрий не нападал, Изяслав решил, что он его боится, и взял инициативу на себя. Он переправился через Трубеж, начал перестрелку с лучниками Юрия, но до битвы дело пока не доводил. Юрий же, изготовив полки к бою, тоже не стал биться, а к вечеру 22 августа вообще отвел свои войска в лагерь. Это

ободрило Изяслава. «Они бегут»,— говорили ему некоторые его советники,— «преследуем их». Полки Изяслава двинулись за Юрием.

Увидев это, Долгорукий вновь построил войско для сражения. Оно началось ранним утром 23 августа 1149 года. Если Юрий как полководец вел себя под Переяславлем не очень решительно, то его суздальцы были настроены отчаянно, понимая, что вдали от родных мест их ждет в случае разгрома или смерть, или рабство. Битва сразу же приняла упорный характер. «Бысть сѣча зла»,— отметил летописец. Первым не выдержал полк Ярополка Мстиславича, брата киевского князя. Затем дрогнул Изяслав Давыдович черниговский. За ними побежали киевляне. В переяславцах обнаружилась измена, многие из них перешли на сторону Юрия Долгорукого. И хотя дружина самого Изяслава Мстиславича билась храбро и успешно, сумев зайти в тыл войскам Юрия и Святослава Ольговича, исход сражения был предрешен. Изяслав бросил свое войско, переправился у Канева на правый берег Днепра и всего с двумя спутниками прибежал в Киев. Долгорукий же, одержав неожиданную победу, собрал полки, утром 24 августа вошел в Переяславль, а через 3 дня во главе своих войск вступил в Киев²⁷. Осуществилась мечта его жизни: златоверхий киевский стол оказался в его руках.

Сразу же по вокняжении в Киеве Долгорукий наделил городами своих сыновей и союзников. Старшему сыну Ростиславу он отдал Переяславль, старшему сыну от второго брака Василию — Суздаль, а Андрея, Бориса и Глеба Юрий посадил в киевских городах Вышгороде, Белгороде и Каневе. Святослав Ольгович получил от Долгорукого Слуцк, Клевск и всю древнюю землю дреговичей, а Давыдовичи вернули Святославу Курск с Посемьем и Сновскую тысячу.

Однако укрепление Юрия Долгорукого и его союзников на Юге не означало окончания борьбы с Изяславом Мстиславичем. Последний обосновался во Владимире Волынском и оттуда обратился за помощью к венграм, полякам и чехам. Венгерский король Гейза II, великий князь краковский Мешко III, король Богемии Владислав II приходились Изяславу близкими родственниками. К Рождеству 1149 г. они обещали прислать свои полки. Старший брат Юрия Долгорукого Вячеслав, княживший в то время в Пересопнице, дал знать ему о подходе к Владимиру Волынскому венгерских и польских войск. Юрий не стал терять времени понапрасну. Он установил связи с галицким князем Владимиром Володарьевичем, которому, по-видимому, дал часть киевских городов, расположенных на границе Галича и Владимира Волынского, и договорился о браке детей, срочно послал в Пересопницу в помощь Вячеславу своих старших сыновей Ростислава и Андрея, а сам, собрав половцев, выступил вслед за ними. Венгры и поляки забеспокоились.

В это время пришло известие, что на польские земли наступает литовское племя пруссов. Польские союзники Изяслава предупредили его, что они должны вернуться. Изяслав попытался, используя их присутствие, договориться с Юрием, однако из этого ничего не вышло. Поляки и венгры ушли, переговоры же русских князей зашли в тупик.

Изяслав хотел, уступая Юрию Киев, вернуть захваченные Юрием новгородские земли Новгороду и в будущем опереться на него, тем более, что там продолжал править его сын. Но Юрий не уступал. Он замыслил вообще изгнать Изяслава из русских пределов. С этой целью он осадил Луцк, где правил брат Изяслава Владимир. Однако тот упорно защищался. Осада Луцка продолжалась безуспешно три недели. Сидевший во Владимире Волынском Изяслав сумел за это время собрать войска и двинулся на помощь осажденным. Но путь ему к Луцку преградил Владимир галицкий.

Воевать одновременно с галицким князем и Юрием Долгоруким Изяслав не мог, а потому обратился с просьбой к Владимиру выступить посредником в мирных переговорах. Обычно такие обращения сопровождались тайными богатыми подарками, и можно думать, что Изяслав потратил значительную часть своей казны, добиваясь расположения Владимира. Галицкий князь, который объективно не был заинтересован в упрочении

положения Изяслава, тем не менее откликнулся на его просьбу. На уговоры Владимира о мире прежде остальных поддался старший из Мономашичей — Вячеслав, быть может, опасавшийся, что в результате военных действий пострадает и его близкая к Луцку Пересопница. За Вячеславом начал склоняться к миру и Юрий.

Несмотря на энергичные протесты сына Юрия Ростислава, помнившего то тяжелое унижение от Изяслава, какое он испытал в 1149 г., весной 1150 г. мир был заключен. Стороны договорились, что Киев будет за Юрием, но он возвратит отобранные в 1147 г. земли Новгороду. Взятые Юрием в битве под Переяславлем трофеи должны были быть возвращены прежним владельцам: «свое познавши, поимати же по лицу»²⁸. Изяслав и его бояре послали к Юрию своих представителей, которые должны были вернуть княжеские и боярские стада, челядь и иное имущество, однако Юрий не отдал им ничего. Обиженный Изяслав протестовал, но пока что не мог силой заставить Юрия выполнить договорные условия.

Не находя нужным соблюдать соглашение с Изяславом, Юрий Долгорукий в то же время предпринимал шаги для укрепления связей с другими князьями. Весной 1150 г. он выдал замуж сразу двух своих дочерей. Ольга стала женой сына Владимира галицкого Ярослава, будущего Осмомысла; Елена — женой Олега, сына Святослава Ольговича. Брату Вячеславу Долгорукий вместо Пересопницы дал более удаленный от владений Мстиславичей Вышгород, выведя из него сына Андрея. В Пересопнице был посажен другой сын Юрия — Глеб.

Впрочем, эти шаги не принесли быстрой практической пользы Долгорукому. Изяслав, ссылаясь на нарушение Юрием условий договора, собрал дружину и из Владимира Волынского перешел в Луцк, а на утро следующего дня оказался у Пересопницы. Это было полной неожиданностью для Глеба Юрьевича. Он успел укрыться в городе, но его дружина, все военное имущество попало в руки Изяслава. Сопротивление было невозможно, и Глеб отдался под власть двоюродного брата. Изяслав Мстиславич позвал Глеба на обед, но после выслал его к отцу. Глеба провожал сын Изяслава Мстислав, который заявил, что владения его и его отца должны простираться до р. Горыни²⁹.

Занятый, видимо, размещением своей дружины в Киевской земле, Долгорукий не придавал должного значения действиям Изяслава. А тот перешел Горынь и достиг реки Случи, где жили черные клобуки — кочевники, служившие киевским князьям. Черные клобуки перешли на сторону Изяслава и вместе с ним двинулись к Киеву. Растерявшийся Юрий Долгорукий не нашел ничего лучшего, как спешно переправиться через Днепр и укрыться в Городец Остерском. Киевский стол оказался свободным. Его попытался было занять вышгородский князь Вячеслав Владимирович, самый старший из Мономашичей, но появление в Киеве Изяслава расставило все по своим местам. Вячеслав вынужден был вернуться в свой Вышгород, киевским князем стал Изяслав. Это произошло в летние месяцы 1150 года. Но на киевском столе Изяслав сумел продержаться очень короткое время.

Поспешно бежавший в Городец Остерский Юрий Долгорукий вскоре пришел в себя. Он отправил послов ко всем четверем черниговским князьям с просьбой о помощи. Она была оказана. К Юрию пришли и его сыновья со своими дружинами. По левому берегу Днепра Долгорукий направился к Киеву. А там разыгрались бурные события. Еще раньше, чем Юрий успел собрать полки, на помощь ему выступил его сват, галицкий князь Владимир Володарьевич. Изяслав узнал о подходе галичан, когда те уже были недалеко от Киева. В поиске союзников Изяслав даже посадил на киевский стол своего дядю Вячеслава, получив в свое распоряжение его дружину, но было уже поздно. Наспех собранное войско Изяслава, вышедшее к реке Ольшанице к югу от Киева, разбежалось при виде многочисленных галицких полков. Изяслав поспешил в Киев к Вячеславу, но когда узнал, что киевляне добровольно начали перевозить в ладьях на правый берег Днепра воинов Долгорукого, собрал дружину и ночью ушел во Владимир Волынский. К 14

сентября 1150 г. Юрий Долгорукий вновь стал киевским князем. Последовала перемена княжеских столов. Сына Андрея Юрий посадил теперь в Пересопнице, придав к ней Туров и Пинск, чтобы внимательно следить за действиями Мстиславичей, обосновавшихся во Владимире Волынском и Луцке³⁰.

А те развернули подготовку нового похода на Киев. Теперь Мстислав Изяславич главную ставку сделал на деверя — венгерского короля Гейзу II. Он послал к нему брата Владимира, который уговорил короля помочь Изяславу вернуть Киев. Гейза II в это время воевал с византийским императором, поэтому сам выступить не смог, но послал Изяславу 10 000 конных воинов. Изяслав, собрав собственные силы, полки брата Владимира, сына Мстислава и княжившего в Гродно князя Бориса, внука покрывшего себя позорной славой Давыда Игоревича, ослепившего в 1097 г. Василька, князя теремовольского, вместе с венгерской конницей выступил в поход. Он миновал Пересопницу, сжег расположенный рядом Зареческ и двинулся дальше на восток.

Известие о приходе к Изяславу венгров, постоянных врагов Владимира галицкого, и о выступлении Изяслава против Юрия Долгорукого заставило собраться в поход и галицкого князя. У Мыльска на реке Оствице в верховьях Горыни Владимир соединился с правившим в Пересопнице Андреем Юрьевичем, и они вместе начали преследовать Изяслава. Изяслав оказался в трудном положении. Впереди он ждал сражения с ратью Юрия Долгорукого, сзади на него наступали галичане, перед которыми он бежал всего несколько месяцев назад. Но Изяслав был человеком решительным, и, несмотря на большой риск, продолжил поход на Киев.

Ему удалось оторваться от преследовавших его Владимира и Андрея. Вечером близ реки Уши Изяслав разложил большие походные костры, которые были видны противнику, а сам тайно снялся с лагеря и ночью ушел к реке Тетереву. Владимир и Андрей не заметили этого маневра и, догнав было Изяслава, вновь упустили его. А к Изяславу присоединилась сидевшая по реке Тетереву киевская дружина. Усилившийся Изяслав отправил отряд к Белгороду.

Правивший там сын Юрия Долгорукого Глеб ничего не знал о походе Изяслава и беспечно «пьяшетъ в Бѣлгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и с попы бѣлгородскими»³¹. Нападавшие могли беспрепятственно ворваться в город и легко пленить князя-ротозея, если бы не мытник, увидевший вооруженных людей и поднявший над рвом крепостной мост. Это дало возможность Глебу бежать к отцу, а жителям Белгорода без кровопролития сдаться противнику. Долгорукий в это время находился на своем Красном дворе к югу от Киева. Только от Глеба он узнал о выступлении Изяслава. Не имея возможности собрать свои силы, Юрий бросил все и вновь в ладье бежал в Городец Остерский.

После бегства Глеба и Юрия Изяслав, приветствуемый жителями, вступил в Киев. Многочисленные дружинники Долгорукого, остававшиеся в Киеве, были захвачены в плен. Шедшие по следам Изяслава галицкий князь и Андрей Юрьевич, подойдя к реке Тетереву, узнали, что Изяслав уже занял Киев, а Долгорукий укрылся в Городце. Владимир галицкий пришел в сильнейшее негодование. «Како есть княжение свата моего?» — вопрошал он Андрея Боголюбского. — «Аже рать на нь из Володимера идетъ, а како того не оувѣдати? А ты, сынъ его, сѣдиши в Пересопници, а други Бѣлгородѣ, како того не оустеречи?» «Оже тако княжите съ своимъ отцомъ, а правите сами», — в сердцах заключил галицкий князь и увел свои полки. Это случилось в 20-х числах марта 1151 года³². Упрек Владимира галицкого Юрию Долгорукому был горек, но вполне справедлив. Впрочем, не только его беспечностью объясняется та легкость, с какой Изяслав в третий раз вокняжился в Киеве. В Киевской земле не нашлось ни одного доброхота, который предупредил бы Юрия о грозившей опасности. Очевидно, суздальский князь не имел поддержки в местном населении. Киевская дружина привыкла больше служить Мстиславу Великому и его сыну, а приведенные Юрием суздальцы еще не успели пустить корни в новой земле.

Лишенный необходимой социальной опоры, Юрий Долгорукий проигрывал соперничество за Киев своему племяннику.

Тем не менее, укрывшись в Городце Остерском, Юрий немедленно начал готовиться к возвращению Киева. Он послал вестников к черниговским князьям, требуя их помощи, а половецких ханов постарался подкупить золотом. Давний союзник Долгорукого, княживший в Новгороде Северском Святослав Ольгович, которому правление в Киеве Изяслава грозило потерей Клеческа, Случеска и Курска с Посемьем, выступил немедленно. Уже в первой половине апреля 1151 г. он был в Чернигове, откуда вместе с Владимиром Давыдовичем двинулся в ладьях по Десне к Юрию в Городец. К ним присоединился и другой черниговский князь — Святослав Всеволодович. В последнюю неделю апреля Долгорукий вышел из Городца и остановился на левом берегу Днепра напротив Киева у Радуни. Здесь к нему присоединились половцы. Юрий начал было переправлять полки в ладьях на правый берег Днепра, но встретил упорное сопротивление. Хотя Изяслав после занятия Киева вынужден был отправить венгров домой, он сумел обеспечить себе помощь других союзников. В его распоряжении оказались дружина и полк старшего из Мономашичей Вячеслава, которого Изяслав сделал номинальным князем киевским, подошла и смоленская рать во главе с его братом Ростиславом, на его сторону перешел черниговский князь Изяслав Давыдович.

Надставив борта насадов (речных судов) так, чтобы они скрывали гребцов, посадив по рулевому на нос и на корму, поставив на палубу закованных в броню лучников, Изяслав отражал все попытки Юрия переправиться через Днепр. В поисках брода Долгорукий вынужден был повести войско вниз по Днепру. Попытка перейти Днепр у Витичева брода вновь натолкнулась на ожесточенное сопротивление Изяслава, шедшего параллельно Юрию по правому берегу реки. Тогда Долгорукий, сделав вид, что все равно хочет переправиться у Витичева, послал большой отряд еще ниже вдоль Днепра к Зарубскому броду, охранявшемуся малочисленными силами Изяслава. Там половцы в боевом вооружении сумели на конях переплыть Днепр, а русские ратники — в ладьях. Возглавлявший охрану брода боярин Шварно бежал. Путь на правый берег Днепра был открыт. Долгорукий с основными силами подошел к Зарубу и уже без помех высадился на киевском берегу реки. Изяслав с союзными ему князьями выступил к Треполю, но затем, дождавшись живших в Поросье черных клобуков, отступил с ними к Киеву. Его войска заняли круговую оборону вокруг города.

Юрий двигался вслед за противником. Он остановился в Василеве на р. Стугне. Между сторонами начались переговоры, причем Изяслав прибег к посредничеству князя Вячеслава. Вячеслав как старший предлагал Юрию оставить Киев, но сохранить Переяславль и Курск. Юрий же предлагал Изяславу вернуться во Владимир Волынский, его брату Ростиславу — обратно в Смоленск, а о Киеве готов был договариваться особо с Вячеславом. Предложения, выдвинутые одной стороной, оказались неприемлемыми для другой. Военные действия возобновились. Юрий подошел к Киеву с запада и стал на правом берегу р. Лыбеди. Его сын Андрей вместе с двоюродным братом Владимиром Андреевичем и половцами переехал Сухую Лыбедь и вступил в бой с передовыми отрядами Вячеслава и Изяслава. Следом за ними конные лучники из Юрьевых полков стали переправляться через Лыбедь и вступать в схватки. Наступавших становилось все больше, но Юрий не решился ввести в бой основные силы. Между тем Изяслав, выделив из оборонявшихся полков особую дружину, нанес удар по перешедшим Лыбедь ратникам Юрия и отбросил их за реку. Больше уже никто со стороны Юрия не пытался форсировать Лыбедь.

Долгорукий начал медленный отвод своих войск от Киева, тем более, что ему донесли о выходе из Галича с подмогою Владимира Володаревича. Юрий решил дождаться галицкого князя и вместе с ним разгромить Изяслава. Последний знал о выступлении галичан. И, хотя Изяслав также получил известие о том, что вслед за галичанами движется венгерская

помощь, тем не менее он крайне опасался соединения сил Долгорукого и галицкого князя.

От стен Киева Изяслав двинулся вслед за отходившими полками Юрия Долгорукого. Тот, миновав Белгород (белгородцы не пустили его в город), продолжил путь на юг, прошел Василев, перешел Стугну и остановился на Перепетовом поле. Здесь его настиг Изяслав. Вновь начались переговоры о мире, и вновь они кончились ничем. Юрий отвел полки за реку Рут. Его нерешительность, граничившая с трусостью, только разжигала желание Изяслава сразиться с ним. Три дня Долгорукий топтался у Рута, то вступая в стычки с противником, то уходя от него. Когда он окончательно решил уклониться от сражения и уйти за Великий Рут, то при переправе через эту реку Изяслав напал на его арьергард и начал отбивать обоз.

Поняв, что противник не даст спокойно переправиться через реку, Юрий построил полки для битвы. Ее храбро начал Андрей Боголюбский, но он оказался единственным смельчаком в войске отца. Изяслав сам во главе своей дружины обрушился на врагов, за ним в сечу вступили полки его союзников. Сражение стало всеобщим, противники Долгорукого упорно шли вперед. Первыми не выдержали помогавшие Юрию половцы, за ними бежали черниговские князья и, наконец, в бегство обратились Юрий Долгорукий с сыновьями. В битве погибли черниговский князь Владимир Давыдович, сын хана Боняка Севенч; много других половецких ханов попало в плен.

Хотя сам Изяслав Мстиславич получил несколько ран, он одержал блестящую победу. Юрий с сыновьями переправился через Днепр у Треполя и укрылся в Переяславле. Черниговские Святославы перешли Днепр в другом месте и бежали в Новгород Северский. Владимир галицкий, узнав о победе Изяслава, не стал искушать судьбу и повернул свои полки назад.

Уход союзников резко ослабил Долгорукого. Этим воспользовался Изяслав, вместе с Вячеславом начавший новый поход против суздальского князя. В середине июля 1151 г. они осадили Переяславль. Продержавшись три дня, Юрий вынужден был принять условия противников: отказаться от претензий на киевский стол и уйти в свой Суздаль. Но за его сыном оставался Переяславль, а за ним самим — Городец Остерский. Союз со Святославом Ольговичем Долгорукий обязан был разорвать. Юрий выговорил себе право месяц пробыть в Городце Остерском и только потом уйти в Суздаль. Его расчет, видимо, строился на том, что за это время он сумеет договориться с половцами и вновь начать борьбу с Изяславом.

В Городце Остерском он пробыл дольше договорного времени. И тогда Изяслав с Вячеславом осадили Юрия в Городце. Несмотря на отчаянное сопротивление он вынужден был капитулировать и уйти в Суздаль, где не был более двух лет. Изяслав считал, что нарушение Юрием переяславского соглашения оправдывает нарушение этой договоренности и с его стороны. Он занял Переяславль и посадил там своего сына Мстислава. Весной 1152 г. при поддержке всех черниговских князей Изяслав захватил и до основания разрушил Городец Остерский, не пощадив при этом даже церкви св. Михаила³³. Таким образом, Юрий Долгорукий был лишен всех своих опорных пунктов на Юге.

Уничтожение Городца Остерского Юрий воспринял особенно болезненно. Летом 1152 г. он вместе со своими сыновьями, рязанским и муромским князьями, а также половцами, явившимися из всех своих кочевий между Волгой и Днепром, двинулся на Юг, на Черниговское княжество, все правители которого после победы Изяслава на Руте стали его союзниками. Долгорукий занял Вятгичскую землю, оттуда пошел на Мценск и далее на Спаш и Глухов. Глухов находился в центре новгород-северских владений Святослава Ольговича. Долгорукий направил к нему посла с лаконичным, но очень определенным предложением: «Пожди съ мною»³⁴. Незадолго до этого Святослав посылал Изяславу отряд, который участвовал в уничтожении Городца Остерского. Отказ от выступления с Юрием мог быть расценен последним как проявление враждебности, и владения Святослава подверглись бы опустошению.

Опасаясь такого исхода, Святослав присоединился к Долгорукому. Вместе они подошли к Чернигову.

Известие о походе суздальского князя было получено в Киеве вовремя. Изяслав призвал на помощь брата Ростислава. Как только Долгорукий удалился от рубежей Смоленского княжества, Ростислав выступил в поход. Вместе с черниговским князем Святославом Всеволодовичем он сумел войти в Чернигов как раз перед приходом Юрия. Тем не менее посланные Юрием половцы успели опустошить окрестности города. Черниговский князь Изяслав Давыдович и его союзники стянули свои полки в городскую крепость. И хотя подошедшему с основными силами Долгорукому удалось взять укрепленный острог, сжечь все черниговское предградие, Чернигов даже после 12-дневной осады он взять не смог. Узнав об осаде Чернигова, на выручку поспешили из Киева Изяслав с Вячеславом. Примерно в 70 км от Чернигова разведка Юрия захватила пленного, который сообщил о движении киевских войск. Долгорукий решил снять осаду. Его полки отошли за реку Свинь, потом еще дальше за реку Сновь, а когда лагерь покинули половцы, вовсе отправились назад в Суздаль, по пути вновь повоював вятичей. Изяслав с союзниками решили преследовать Юрия, но дело шло к холодам, и поэтому поход сначала был отложен до образования зимних путей³⁵, а потом так и не состоялся.

Плохо пришлось союзнику Юрия Святославу Ольговичу. Предвидя месть со стороны киевского и черниговского князей, он просил у Юрия военной помощи, но тот оставил ему только своего сына Василия с 50 дружинниками. В феврале 1153 г. оба Изяслава и их союзники осадили Святослава в Новгороде Северском. Присутствие сына Юрия Долгорукого мало помогло Святославу. Он вынужден был просить мира, в результате которого его союз с суздальским князем вновь был разорван. Летом 1153 г. Долгорукий предпринял новый поход на Юг, однако начавшаяся в войске эпидемия и падеж коней заставили его от Козельска повернуть обратно³⁶.

В летописании XVI в. сохранилось известие, согласно которому после возвращения из черниговского похода 1152 г. Юрий Долгорукий построил в Суздальском княжестве многие церкви и города. Он воздвиг церковь Бориса и Глеба в с. Кидекше (на Нерли), церковь Спаса — в самом Суздале, Георгия — во Владимире; перевел город «отъ Клѣщениа», т. е. от озера Клещина (Плещеева), дав ему имя Переяславль, где основал церковь Спаса; заложил город Юрьев (Польский), а в нем церковь Георгия³⁷. Запись носит обобщенный характер, поскольку Георгиевская церковь во Владимире была построена Долгорукии, как говорилось выше, в 1128 г., а город Юрьев Польский к 1151 г. уже существовал. Тем не менее попытка позднего летописца связать строительную деятельность Юрия Долгорукого в Суздальском княжестве со временем его возвращения туда в конце 1152 г. представляется симптоматичной. Уход Юрия из Киева, Переяславля Южного, Городца Остерского, видимо, сопровождался и переселением части местного населения, служившего Юрию, на Северо-Восток. Вот почему город у озера Клещина повторил название южного центра — Переяславль, а река у нового Переяславля стала называться так же, как и у старого — Трубеж. Название же реки у Владимира на Клязьме — Лыбедь — повторило название киевской Лыбеди. Поход Долгорукого на Чернигов в 1152 г., скорее всего, сопровождался выводом плененных местных жителей в Волго-Окское междуречье, что также способствовало развитию этого региона.

Судя по строительной деятельности Юрия, в его время интенсивнее всего развивался центр Суздальского княжества, где сосредоточивалось население. Жизнь на периферии Суздальской земли была сопряжена с опасностями. В 1149 г. верхневолжские земли, как отмечалось, были опустошены киевлянами, новгородцами и смольнянами, а в 1152 г. речной флот волжских болгар напал на Ярославль. Нет известий о строительстве Юрием поволжских крепостей в 50-е годы XII в., но об укреплении подходов к волжскому пути свидетельствует закладка Долгорукиим во второй полови-

не октября 1154 г. города Дмитрова на Яхrome. Она состоялась менее чем за месяц до смерти в ночь с 13 на 14 ноября 1154 г. в Киеве Изяслава Мстиславича³⁸.

Кончина этого князя повлекла за собой резкое изменение обстановки на Юге. Киев захватил престарелый по меркам той эпохи Вячеслав Владимирович, который тотчас пригласил к себе Ростислава смоленского, желая договориться с ним о владении киевским столом на тех же условиях, что и с Изяславом. В это время к Киеву приехал черниговский князь Изяслав Давыдович, рассчитывая при благоприятных обстоятельствах овладеть городом. Однако Вячеслав не впустил в Киев Изяслава, хотя тот клялся, что приехал только оплакать своего скончавшегося тезку. Чтобы предотвратить возможное военное нападение черниговского князя, Вячеслав призвал к себе его двоюродного племянника Святослава Всеволодовича. Святослав, не известив своих дядей, отправился в Киев.

Тогда старшие черниговские князья обратились к Долгорукому, и он вмешался в южнорусские дела. Юрий послал на Юг сына Глеба. Во главе многочисленных половцев Глеб двинулся на Переяславль. К этому времени в Киеве всем распоряжался пришедший из Смоленска Ростислав. Он выступил на помощь своему племяннику Мстиславу Изяславичу, продолжавшему и после смерти отца княжить в Переяславле. Половцы, убедившись, что к переяславцам подоспела помощь, предпочли отойти за реку Сулу. Тогда, соединив свои и переяславские силы, Ростислав решил идти на Чернигов. Он уже сконцентрировал все полки близ устья Десны, когда пришла весть, что в Киеве скоростижно скончался Вячеслав. Пришлось оставить войско и спешить на погребение дяди.

Похоронив Вячеслава в Софийском соборе, Ростислав вернулся к полкам и повел их на Чернигов. Сидевший там Изяслав Давыдович послал весть Глебу Юрьевичу и бывшим с ним половцам, чтобы они срочно спешили на помощь. На следующий день, когда Ростислав появился у Чернигова, к городу подошли и половцы. Увидев, насколько они многочисленны, смоленский князь запросил мира, уступая соперникам не только Киев, но и Переяславль. Узнав об этом, Мстислав Изяславич отделился с дружиной от Ростислава, но отъехать от него не успел. Половцы окружили войско Ростислава и его союзников и в течение двух дней полностью разгромили его. Ростислав бежал к себе в Смоленск. Мстислав Изяславич с сыном Ростислава Святославом сумел доскакать до Переяславля, взял там свою жену и вместе с ней поспешил в Луцк. Святослав же Всеволодович черниговский попал в плен к кочевникам. Победитель Изяслав Давыдович занял киевский стол. Киевляне не противились этому, поскольку, оставшись без князей, опасались нападения половцев. Сын Долгорукого Глеб получил Переяславль Южный³⁹.

Известия об этих событиях застали Юрия Долгорукого в походе. Он находился уже близ Смоленска. Сюда в конце января 1155 г. к нему прибыла делегация от Новгорода Великого. Новгородцы, зная о поражении Ростислава, изгнали его сына Давыда и теперь приглашали на свой стол сына Юрия Мстислава. Это был серьезный успех суздальского князя. Теперь, не опасаясь за тылы, он мог спокойно двигаться дальше. От Смоленска Долгорукий решил идти не вниз по Днепру до Киева, а в черниговские земли. Он рассчитывал соединиться с новгород-северским князем Святославом Ольговичем, которого Изяслав Давыдович старался сделать своим союзником, обещая ему Чернигов за поддержку собственного правления в Киеве. Однако Святослав, узнав о выступлении Юрия, на уговоры Изяслава не поддавался.

На юге Смоленского княжества, вблизи черниговской границы, Юрия встретил смоленский князь Ростислав, сумевший после поражения под Чернигом собрать новые полки. Впрочем, наспех собранное воинство понадобилось ему не для отражения суздальского князя, а для более успешных переговоров с ним. Ростислав начал кланяться Юрию и просить мира. Долгорукий мог воспользоваться обстоятельствами и отомстить племяннику за поражение на Руте, успешную оборону Чернигова в 1152 г.,

стремление завладеть киевским столом. Однако Юрий верно рассчитал, что в предстоящей борьбе за Киев смоленского князя лучше иметь союзником, а не разбитым и ожесточенным врагом. Согласившись с фантастическими утверждениями Ростислава, будто «ты переди до мене добръ былъ еси, а азъ до тебе», совершенно не соответствовавшими их действительным отношениям, Юрий заключил со смоленским князем мир. Князя «целоваста межю собою хрестъ на всеи любви». Юрий продолжил поход⁴⁰.

Святослав Ольгович встретил свата у Синина моста. Затем союзники пошли к стоявшему недалеко Стародубу Северскому. Из Стародуба к Юрию приехал Святослав Всеволодович, до этого выкупленный из половецкого плена Изяславом черниговским. Святослав Всеволодович всегда держал сторону сильнейших, с лета 1151 г. — противников Юрия Долгорукого. Но в феврале 1155 г. под стенами Стародуба стоял суздальский князь, и сила была на его стороне. Святославу Всеволодовичу пришлось горько каяться перед Юрием. «Избезумилься есмь», — заявлял он ему. Покорность Святослава Всеволодовича и ходатайство за него дяди Святослава Ольговича спасли этого князя от возмездия. Юрий заставил его целовать крест и выступить вместе с ним на Киев.

Объединенная суздальско-черниговская рать подошла к Чернигову и без боя заняла город. В Киев Святослав Ольгович отправил посольство, предлагая двоюродному брату уступить киевский стол Юрию Долгорукому, а сам обязываясь вернуть Чернигов его прежнему владельцу — самому Изяславу. Но Изяслав не соглашался, надеясь на поддержку киевлян. И лишь когда по пути из Чернигова к Киеву Долгорукий прислал Изяславу своего посла, который уже не предлагал, а угрожал, Изяслав стал сговорчивее. «Посадили мя кияне», — лицемерно заявлял он Юрию, — «а не сотвори ми пакости, а се твои Киевъ». В третий раз, теперь уже в бескровно уступленный ему Киев Долгорукий въехал 20 марта 1155 года⁴¹.

Тотчас он принял меры для закрепления за собой и своим потомством киевского стола. В различных городах Киевского княжества Юрий посадил своих сыновей: Вышгород получил Андрей, Борис — Туров, Василий — города в Поросье. Переяславль был оставлен за Глебом. Несколько недель спустя на Киевскую землю напали прежние союзники Юрия — половцы. Их нападение кончилось неудачно: Василий Юрьевич с берендеями разбил их и многих пленил.

Летом Долгорукий послал войско во главе с турово-пинским князем Юрием Ярославичем на Мстислава Изяславича, который, пользуясь межвременьем, захватил Пересопницу. В результате Мстислав оставил этот город и укрылся в своем Луцке. Но Долгорукий решил вести борьбу с Мстиславом до победного конца. Он приказал идти на Луцк своему зятю Ярославу, который в 1153 г. сменил на галицком столе внезапно умершего отца. Однако и приход галицкого князя не привел к успеху. Осаду Луцка пришлось снять. Тогда Юрий обратился к смоленскому князю, любезно приглашая его с войском в Киев: «Сыну, мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати? С тобою, а поѣди сѣмо».

В это время к Каневу подошли половцы, настаивая на встрече с Юрием. Киевский князь поехал к недавним союзникам. Те требовали возвращения того, что они потеряли в весеннем столкновении с берендеями. Юрий оказался в щекотливом положении. Раньше он сам водил половцев на Киевскую землю, в частности, и против берендеев. Последние были его врагами, они всегда поддерживали Изяслава Мстиславича. Но теперь все изменилось. Юрий занял киевский стол, берендеи стали служить ему, удовлетворять аппетиты половецких ханов за счет населения Киевского княжества Юрий уже не мог. Так возникала реальная угроза превращения ранее дружественных половцев во врагов. Долгорукий проявил себя умелым политиком: он не стал требовать у берендеев возвращения захваченных ими у половцев трофеев, половцев же вознаграждал из собственной казны. Если не дружественные, то по крайней мере мирные отношения с ними были сохранены⁴².

Тем временем в Киев с дружиной прибыл смоленский князь. Вместе

с ним приехала жена Долгорукого (это была вторая жена Юрия) с маленькими детьми. В 1149/1150 и 1150/1151 гг., княжа в Киеве, Долгорукий не решался перевезти из Суздаля свою семью. Теперь он это сделал. Очевидно, Юрий рассчитывал прочно обосноваться на Юге. Для этого предпринимались и дипломатические шаги. Через пришедшего к нему смоленского князя он установил контакты с его братом Владимиром Мстиславичем, княжившим во Владимире Волынском, и с сыновьями Изяслава Мстиславича Мстиславом и Ярославом, сидевшими в Луцке. Владимир и Ярослав по слову Ростислава пришли со своими дружинами в Киев и заключили мир с Долгоруким. Мстислав прибыть в Киев поостерегся, но и он примирился с Юрием, пославшим к нему в Луцк специального посла.

Когда к Каневу вновь пришли половцы для продолжения мирных переговоров, Юрий явился к ним, окруженный полками всех союзных ему князей. На половцев такая демонстрация силы произвела столь большое впечатление, что, пообещав Долгорукому продолжить переговоры на следующий день, они, не дожидаясь рассвета, «бѣжаша вси»⁴³. Примененная при переговорах с кочевниками тактика оказалась полезной и в отношении Изяслава черниговского, который, потеряв киевский стол, все время искал себе союзников для борьбы с Юрием Долгоруким. Не распуская полков своих племянников, Юрий отправил посла к Изяславу с вопросом: «Хощеши ли к намъ прити оу миръ, или се мы к тобѣ?» «Мы», сказанное киевским князем, подействовало на Изяслава магически. Он вынужден был при всех князьях целовать крест в знак примирения с Долгоруким. Последний, правда, решил еще более упрочить их связи и передал Изяславу в управление киевский город Кореческ близ Пересопницы. Своему давнему союзнику Святославу Ольговичу он выделил Мозырь⁴⁴.

Эти дипломатические маневры Долгорукого были направлены на то, чтобы соглашениями и некоторыми уступками связать действия возможных претендентов на киевский стол, поскольку в самом Киеве и обширном Киевском княжестве суздальский князь чувствовал себя не очень уверенно. Определенным показателем непопулярности Юрия и его сыновей среди населения Киевщины стал добровольный уход Андрея Боголюбского из Вышгорода во Владимир на Клязьме осенью 1155 года. Оставление старшим сыном Вышгорода путало планы Долгорукого относительно сохранения власти над Киевом за своей семьей. Тогда князь решил, что своим преемником на киевском столе он сделает следующего по возрасту сына. Андрею же Юрий даже на Северо-Востоке не дал главного города.

Стремясь закрепить за собой в Новгороде, Юрий приказал княжившему там его сыну Мстиславу жениться на новгородской боярышне. А овдовевшему в 1154 г. сыну Глебу Долгорукий подыскал другую жену — дочь Изяслава Давыдовича черниговского. И здесь брак был продиктован политическим расчетом, в основном оказавшимся правильным. Когда в 1156 г. на переговоры с Юрием явилось множество половцев, он встретил их у Зарубского брода вместе с Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем и вновь наглядно продемонстрировал кочевникам единство боевых сил русских князей. Половцы поспешили заключить мир.

В том же году Юрий укрепил Москву, обнеся ее деревянными стенами. Это делалось на случай, если Изяслав черниговский нарушит свои союзнические обязательства, а сомнения в том, что он их сохранит, у Юрия были⁴⁵.

Обеспечив безопасность восточных границ своих киевских владений и западных суздальских, Юрий Долгорукий обратил внимание на западнорусские земли. Здесь находились владения потомков Мстислава Великого. С 1155 г. Мстиславичи поддерживали мирные отношения с Юрием, но в их среде произошел резкий конфликт. Стесненный возможностями принадлежавшего ему скромного Луцкого княжества, старший сын Изяслава Мстиславича Мстислав, мечтавший о наследии отца, решил начать с малого. Он неожиданно напал на Владимир Волынский, где княжил его дядя Владимир, захватил город, взял в плен своих бабушку и тетку, отнял подарки, которые его бабка привезла из Венгрии, ограбил дружину

Владимира. Застигнутый врасплох, Владимир Мстиславич бежал в галицкий Перемышль, а оттуда к венгерскому королю.

Захват Мстиславом Владимира Волынского означал существенное усиление этого князя, а затаенная враждебность делала его потенциально опасным для Долгорукого. В конце 1156 г. Юрий с сыновьями и с Ярославом галицким направился к Владимиру Волынскому. Черниговские князья предлагали ему помощь, но Юрий отказался, вняв советам Ярослава и, видимо, планируя лишить черниговских князей владений в Киевском княжестве. Под Владимиром Волынским к Юрию присоединились его племянник Владимир Андреевич, княживший тогда в Берестье, и пришедший из Венгрии Владимир Мстиславич. Осада города длилась 10 дней. Мстислав сопротивлялся изо всех сил. Долгорукий вынужден был снять осаду и распустить полки.

Но мира не последовало, Юрий с Мстиславом разошлись врагами. Стремясь обеспечить безопасность своих владений, Долгорукий передал Владимиру Андреевичу Дорогобуж, Пересопницу и города по реке Горыни. Владимир Мстиславич, судя по известию 1162 г. Ипатьевской летописи, получил тогда от Юрия Случеск. Эти передачи затронули интересы черниговских князей: Изяслава Давыдовича, владевшего Кореческом, и Святослава Ольговича, еще в 1149 г. получившего от Юрия Долгорукого в держание Случеск⁴⁶.

Поэтому весной 1157 г. Изяслав Давыдович черниговский, и прежде не всегда по доброй воле поддерживавший лояльные отношения с Юрием, начал замышлять поход против Долгорукого. Ему удалось склонить на свою сторону владимиристо-волынско-го князя Мстислава Изяславича и смоленского князя Ростислава, который, использовав недовольство новгородцев сыном Долгорукого Мстиславом, в начале 1157 г. посадил в Новгороде своих сыновей. Переговоры же Изяслава со Святославом Ольговичем не дали результата. Новгород-северский князь отказался воевать против своего давнего союзника.

В мае 1157 г. Ростислав смоленский направил на Киев рать во главе со своим старшим сыном Романом. Из Владимира Волынского выступил Мстислав.

Изяслав Давыдович также готовился сесть на коня, когда спешно прибывшие в Чернигов киевляне сообщили ему, что Юрий Долгорукий мертв. 10 мая 1157 г. он пировал у осьменника Петрила, очевидно, боярина, ведавшего сбором торговых пошлин (осмничее — торговый налог). К ночи князю стало плохо. Он болел пять дней и скончался 15 мая 1157 года. На следующий день его похоронили в монастырской церкви св. Спаса на Берестовом под Киевом.

День его похорон был отмечен крупными волнениями в Киеве и окрестных городах. Народ разграбил Красный двор Долгорукого близ Киева и другой его двор на левом берегу Днепра, который Долгорукий называл Раем. В самом Киеве горожане напали на двор сына Юрия Василия. По другим городам и селам Киевского княжества население избивало суздальцев и грабило их имущество⁴⁷. Так закончился жизненный путь и правление второго первенца Владимира Мономаха.

Подводя итоги его деятельности, нужно отметить главное в ней: упорное стремление любыми средствами утвердить свою власть над Киевом и Киевским княжеством. Такое стремление понятно, если учесть, что в Киевском княжестве в середине XII в. было более 80 городов, тогда как в Суздальском к концу правления Юрия — 14. Киевское княжество было самым богатым и развитым княжеством средневековой Руси. Власть над ним Юрий утверждал военными и дипломатическими средствами. Однако из 12 походов, сражений в осад, в которых принимал участие Юрий, только три закончились для него успешно. Очевидно, он не унаследовал полководческих талантов своего отца Владимира Мономаха. Однако дипломатическими способностями, политической изворотливостью, умением угрожать силой, не применяя ее, нарушать обязательства при уверенности отсутствия серьезных последствий он обладал, может быть, в большей мере, чем Мономах.

Социальная политика Юрия Долгорукого, его стремление внедриться в киевское общество, создать в нем прочную опору себе и своей династии, успехом не увенчались. Местная господствующая прослойка неохотно принимала в свою среду суздальских пришельцев. Низы же населения поддерживали Юрия только в исключительных случаях, когда им приходилось выбирать между Долгоруким и половцами. В основном же отношение к нему было скрытно-враждебным. Объяснение этому следует видеть в отягощении местного населения налогами. Нужно было немало золота, чтобы привлечь на свою сторону половцев весной 1151 г., уладить с помощью даров конфликт с ними в 1155 г., построить богатые княжеские дворы под Киевом, и оно собиралось с местного населения. И когда Юрия не стало, население ответило восстанием на княжеские притеснения.

Хотя Долгорукий умер киевским князем, его сыновьям так и не удалось утвердиться в Киевском княжестве. К 1161 г. все они были уже в Суздальской земле. Она служила Долгорукому надежной опорой в борьбе за киевское наследие отца, хотя в державных планах Юрия играла второстепенную роль. Однако обретение Суздалем при Юрии Долгоруком независимости в 1125 г. способствовало ускоренному развитию княжества.

Это развитие в значительной степени диктовалось южнорусскими интересами Долгорукого. Пуповина, соединявшая Северо-Восток с Югом, была еще живой, но уже складывалась основа его обособленного от Приднестровья существования. И как ни парадоксально, эти новые моменты были связаны с деятельностью Юрия Долгорукого, собственные желания которого сводились к восстановлению тех норм и порядков, какие сложились при его отце в конце первой четверти XII столетия.

Примечания

1. НАЗАРЕНКО А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого. — Отечественная история, 1993, № 2, с. 69.
2. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Л. 1926—1928, стб. 250, 281; т. 2. СПб. 1908, стб. 258; НАЗАРЕНКО А. В. Ук. соч., с. 68.
3. ПСРЛ, т. 2, стб. 423.
4. ПСРЛ, т. 2, стб. 430. Принятое в историографии прозвище князя Юрия Владимировича — Долгорукий — восходит к летописанию XV в., где Юрий назван «Долгая Рука». Судя по летописным записям, освещающим деятельность князя Юрия, современники так его не называли. Очевидно, это творчество позднейших летописцев, давших такое прозвище князю, часто ходившему из Суздаля на Киев и добившемуся в конце концов Киевского княжения. См. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 467.
5. ПСРЛ. Т. 1, стб. 282—283; АБРАМОВИЧ Д. И. Киево-Печерський патерик. У Києві. 1930, с. 5.
6. ПСРЛ. Т. 2, стб. 285—286; НАСОНОВ А. Н. Малоисследованные вопросы Ростово-Суздальского летописания XII века. В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. 10. М. 1962, с. 352.
7. ПСРЛ. Т. 2, стб. 289.
8. ПСРЛ. Т. 2, стб. 294—295; т. 1, стб. 301; НПЛ, с. 22.
9. ЩАПОВ Я. Н. Древнерусские княжеские уставы X—XV вв. М. 1976, с. 143.
10. НПЛ, с. 23.
11. ПСРЛ. Т. 2, стб. 296—300.
12. НПЛ, с. 24—25.
13. ПСРЛ. Т. 2, стб. 302—303.
14. НПЛ, с. 25.
15. ПСРЛ. Т. 2, стб. 307—308; НПЛ, с. 26; ПСРЛ. Т. 2, стб. 309.
16. ПСРЛ. Т. 2, стб. 326—327.
17. Там же, стб. 329.
18. Там же, стб. 332, 335, 336, 339.
19. Там же, стб. 340.
20. Там же, стб. 342, 344—354, 356—361.

21. Там же, стб. 368.
22. Там же, стб. 366—369; 370—371.
23. АРЦИХОВСКИЙ А. В. Новгородские грамоты на берсте (и № 69, с. 72.
24. ПСРЛ. Т. 2, стб. 371; НПЛ. с. 28.
25. ПСРЛ. Т. 2, стб. 372—374.
26. Там же, стб. 380.
27. Там же, стб. 376—384.
28. Там же, стб. 384—385, 388—393.
29. Там же, стб. 394—396.
30. Там же, стб. 396—402, 404.
31. Там же, стб. 407—416.
32. Там же, стб. 417.
33. Там же, стб. 421—442, 444—446.
34. Там же, стб. 455, 456.
35. Там же, стб. 456—458.
36. Там же, стб. 459—460, 468.
37. ПСРЛ. Т. 24. Пг. 1921, с. 77.
38. ПСРЛ. Т. 15. СПб. 1863, стб. 221; т. 24, с. 77; т. 2, стб. 469.
39. ПСРЛ. Т. 2, стб. 469—476.
40. Там же, стб. 477.
41. Там же, стб. 477, 478; НПЛ, с. 29.
42. ПСРЛ. Т. 2, стб. 478—480.
43. Там же, стб. 481.
44. Там же, стб. 481, 482.
45. Там же, стб. 482, 485; т. 15, стб. 225.
46. ПСРЛ. Т. 2, стб. 485—488, 521.
47. Там же, стб. 489.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Эпоха самобытного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки

С момента гибели древних цивилизаций и до появления на землях Азии, Африки и Латинской Америки европейцев развитие этих регионов шло самобытным, естественным путем. Этот период, охватывающий почти тысячелетие (для некоторых стран он был более продолжительным, для других составил всего несколько столетий), в мировой и отечественной историографии обычно определяется такими понятиями, как «средние века», «эпоха феодализма», «традиционные общества».

И хотя каждое из этих понятий дает определенное представление о характере данной эпохи, ни одно из них в полной мере не отражает специфики и своеобразия тех исторических форм, типов и путей общественного развития, которые характеризуют эту часть мира, природу исторических событий и явлений, развертывавшихся здесь на протяжении почти тысячелетия. Более того, в исторической литературе достаточно четко прослеживается тенденция, связанная с попытками не столько выявить специфику и самобытность исторического пути, пройденного странами Азии, Африки и Латинской Америки, сколько найти в их истории и культуре как можно больше сходных с европейской историей черт и признаков, которые подтверждали бы всеобщность исторических закономерностей и единых схем периодизации всемирной истории. При этом нередко вне поля зрения историков остаются важные особенности исторического и культурного развития народов этих регионов, особенно тогда, когда эти особенности не подтверждают теоретические постулаты и оценки, выработанные на основе обобщения лишь европейского исторического опыта.

Уже давно историков не удовлетворяет то обстоятельство, что при периодизации всемирной истории недостаточно учитывается историческое и культурное развитие народов многих регионов и целых континентов, что ведет к односторонности и неадекватности при освещении всемирно-исторического процесса. Еще О. Шпенглер удивлялся, почему никто из историков не подвергает сомнению схему «Древний мир — Средние века — Новое время», которую он считал невероятно скудной. Он был убежден в том, что эта схема, которая владычествует над историческим сознанием, мешает пониманию подлинного хода всемирной истории. Ему казалось

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 1—3, 5—6, 10, 11—12; 1996, №№ 2, 5—6.

странным, что эту схему с ее «наивной прямолинейностью, с ее бессмысленными пропорциями», «все больше теряющую всякий смысл» и «совершенно не допускающую включения новых, открывающихся нашему историческому сознанию областей», признают непоколебимой¹.

В настоящее время положение в мировой историографии постепенно меняется: все чаще и настойчивее звучат призывы к пересмотру и даже полному отходу от этой схемы или, по крайней мере, не столь жесткому следованию ей.

Пожалуй, больше других определений сущность явлений, характеризующих особенности исторического развития народов Азии, Африки и Латинской Америки, передает понятие «традиционные общества». Однако вместе с тем это определение имеет явно ограниченный характер, поскольку не способно раскрыть всю совокупность, сложность и многогранность исторического процесса в этих регионах. В какой-то мере это понятие даже искажает и упрощает его, ибо делает акцент не на качественных изменениях, происходящих в ходе естественно-исторического развития этих стран, а на сохранении того состояния общества, которого оно уже достигло. Время здесь как будто бы застыло, и общества эти выступают как не способные к саморазвитию. При таком понимании традиционности сама историческая жизнь предстает как вялотекущий процесс. Именно в этом некоторые исследователи видят главные проявления специфики исторического развития так называемых традиционных обществ. Не случайно даже сегодня Восток нередко воспринимается как социальный организм, мало подверженный изменениям и как бы остановившийся в своем развитии. Понятие «традиционное общество», применяемое для обозначения огромного периода в истории стран Азии, Африки и Латинской Америки, в известной мере способствует именно такому представлению об истории и культуре этих государств и потому не может считаться удачным с научной точки зрения.

Что касается понятия «Средние века», то все попытки распространить его на историю стран Азии, Африки и Латинской Америки особого успеха не имели. И не только потому, что в отличие от Европы это понятие применительно к странам Азии, Африки и Латинской Америки должно было охватить слишком длительный период их истории, но еще и потому, что это понятие следовало бы распространить и на более позднюю эпоху, вплоть до середины XIX в., поскольку в социальном строе большинства этих стран к тому времени еще не произошли качественные изменения, которые свидетельствовали бы о начале нового времени в их истории. Сегодня даже исследователей европейской истории не удовлетворяет это понятие: появилось понятие «раннее новое время», которое призвано отодвинуть начало нового времени, по крайней мере, на столетие и тем самым сократить период европейского средневековья.

При анализе историко-культурного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки в рассматриваемый период очень важно определить природу социального строя, выявить характерные черты и особенности, которые, с одной стороны, раскрывали бы своеобразие действия здесь феодальных отношений, а с другой, --- выявляли бы их общие проявления.

Одна из существенных особенностей этих регионов состояла в том, что на протяжении достаточно длительного времени здесь сохранялись (и не только в форме остаточных явлений) социальные отношения и политические институты прежних исторических эпох (родоплеменные, рабовладельческие, патриархальные и т. д.). Это обстоятельство оказывало значительное влияние на развитие местного феодализма, придавало ему ряд отличительных черт по сравнению с европейским; это касалось, в частности, таких моментов, как необыкновенно активная и всеохватывающая роль государства, решительно вторгавшегося практически во все сферы жизни общества (производство, социальные отношения, духовная жизнь и т. д.), формы и типы зависимости и экономического принуждения, отношения между личностью и обществом, взаимодействие человека и природы, особенности психического склада людей, их философских и религиозных представлений и т. д. Все это, в своей совокупности, создавало своеобразный тип

социального организма, во многом отличавшийся от тех представлений и стереотипов, которые сложились в нашем историческом мышлении и до сих пор оказывают влияние на формирование исторического сознания.

История и культура азиатских, африканских и латиноамериканских обществ, которые характеризуются рядом существенных особенностей, специфических черт, своей самобытностью, порождали у исследователей вполне естественное желание представить их развитие как особый путь, во многом отличный от того, каким шли европейские государства. Именно это приводило к дискуссиям о так называемом азиатском способе производства, которые возникали время от времени, но, к сожалению, до сих пор так и не дали сколько-нибудь значительных результатов.

Изучение тысячелетнего периода истории и культуры народов Азии, Африки и Латинской Америки позволяет сделать, по крайней мере, два важных вывода.

Во-первых, это было время, когда развитие данных регионов осуществлялось в основном самобытным, естественным путем. Внешние факторы и условия хотя и играли известную роль, но не они определяли ход и направленность их исторического пути. Так продолжалось до европейского проникновения и особенно до утверждения здесь колониальных порядков, когда внешний фактор стал играть доминирующую роль, активно влияя на общественное развитие этих стран, во многом деформируя его.

Во-вторых, развитие этих стран и регионов на протяжении тысячелетия дает исследователю уникальную возможность воспринимать исторические и культурные события и явления такими, какими они были в реальной действительности, без привнесенных извне представлений и оценок. Это позволяет по-новому подойти к оценке некоторых исторических теорий и концепций, пересмотреть или вовсе отказаться от устаревших представлений, расширить наши познания в области всемирной истории, значительно обогатить понятийный аппарат историка. Непредвзятый подход к анализу истории и культуры народов этой части мира призван не только расширить и углубить наши исторические знания, но и ликвидировать лакуны, образовавшиеся как в мировой историографии, так и в нашем историческом сознании.

Примечания

1. ШПЕНГЛЕР О. Закат Европы. Новосибирск. 1993, с. 49.

Глава XVIII. Китай в VII—XVII вв.

1. *Источники по истории Китая данного периода* весьма богаты и принадлежат к трем основным категориям — письменным, эпиграфическим и археологическим. Но наиболее важными стали теперь весьма многочисленные и разнообразные письменные источники. Центральное место среди них занимают официальные династийные истории, которых известно около восьми. Они составлялись, как правило, уже после падения соответствующей династии и существовали обычно в двух и более версиях. Таковы, например, «Таншу» («Танская история») и «Удайши» («История Пяти династий»). Важным источником для данного периода являются «История государства киданей» Е Лунли и «История великого государства Цзинь» Юйвэнь Моучжао, не включаемые в число официальных.

Существенное значение для познания этой эпохи имеют сочинения философов и государственных деятелей VII—XIII вв., главным образом сунского времени, содержащие обильную информацию по многим важным вопросам истории китайского общества. Особенно ценны в этом отношении сочинения Ли Гоу и др.

Весьма содержательны и региональные географические описания — книги о северосунской столице Кайфыне, о Ханчжоу и других крупнейших городах Китая той эпохи, об их жителях, об их жизни и занятиях, о торговле, обычаях и нравах. Заметное место занимают записки путешественников. Наибольшую известность приобрели путевые заметки венецианца Марко Поло, а также японцев, посещавших Китай в эпоху Тан. Весьма ценны и комментарии танских ученых к сочинениям конфуцианцев, позволяющие судить об изменениях в быте и культуре.

Используют историки и произведения художественной литературы — сунские повести, танские новеллы, а также и поэтические сочинения, содержащие самые разнообразные сведения о материальной и духовной культуре китайцев в период самобытного развития.

2. *Китай в эпоху империи Тан (618—907 гг.)*. В конце VI — начале X в. общество Китая представляло собой отчетливо выраженную иерархическую структуру с централизованной монархической системой управления; население состояло из ряда сословий с различными степенями личной зависимости или свободы. Экономической основой Китая с древних времен оставалось сельское хозяйство с высокоразвитым земледелием и разветвленной сетью ирригационных систем. Преобладало натуральное хозяйство; значительную массу продукции господствовавшие слои изымали у непосредственных производителей и перераспределяли в свою пользу. Представители непривилегированных сословий были обложены рентой-налогом и выполняли государственные повинности.

Вопрос о характере государственной эксплуатации в Китае, как и в других странах Востока, остается дискуссионным. Многие ученые полагают, что социальный статус и сословная припущенность простолюдинов в Китае на ранней стадии этой эпохи, как и государственный поземельный налог-рента, связанные с верховными собственническими правами государя, дополнялись неписаными, но общепризнанными обязанностями подданных перед носителями власти и аристократией. На практике прикрепление производится к земле и наследственное закрепление сферы его профессиональной деятельности достигалось не правовыми нормами, а традицией, жесткой системой контроля, присущей централизованному государственному управлению.

Меры по закреплению роли государства в распоряжении землей получили в ряде отечественных работ по истории Китая в ту эпоху название надельной системы. В сложном и противоречивом процессе оформления системы землевладения законы о введении надельной системы в определенной мере символизировали доминирование принципа государственной собственности на землю над стремлением крупных феодальных родов — «сильных домов» — закрепить за собой свои владения. Законы фиксировали право крестьян на держание надела независимо от воли отдельных феодалов. Были установлены размеры наделов и обязанности их держателей. Купля-продажа земли и любой вид временной передачи пахотного участка воспрещались. Держатели надела ежегодно выплачивали казне налоги зерном, конопляным волокном, шелковой или хлопковой тканью. Кроме того, определенное время отводилось на казенные работы.

Интересам китайской феодализирующейся знати отвечал порядок выделения особых дополнительных пахотных полей тем, кто владел рабами, рабочим скотом, или главам особо многочисленных семей. Образующиеся в результате этого довольно крупные землевладения, строго говоря, не могут быть классифицированы как типично феодальные. Чиновникам, состоявшим на государственной службе, полагались наделы земли в качестве натурального жалования. Не занимаясь хозяйством, они получали доход с этих наделов в виде части ренты-налога. Поля, принадлежавшие крупным землевладельцам, обрабатывались различными группами зависимых землевладельцев — буцой, кэху, дяньху. Сохранилось крайне мало сведений о частных владениях крупных феодалов. Источники позволяют судить лишь о размерах владений, пожалованных в соответствии с различными титулами и рангами лицам, принадлежавшим к наследственной аристократии.

Китайское общество эпохи Тан нередко характеризуется специалистами-синологами как разновидность феодального с сохранением в нем ряда архаических черт. Многие исследователи считают, что не было достаточно четкого разделения между экономически господствующим слоем землевладельцев и непривилегированным сословием простолюдинов. Кроме того, отмечается отсутствие четкого определения прав собственности на землю, сущности категории так называемых жалуемых земель, механизма эксплуатации работников, в котором сложно переплетались централизованные, государственные и частные начала. Сохранялись патриархальные формы личной зависимости; относительно неразвитыми были города и городская экономика. Все это дает основания лишь для условной типологической идентификации китайского общества эпохи Тан как раннефеодального, развивавшегося в особых исторических условиях длительной и непрерывной эволюции своеобразной и крупномасштабной китайской цивилизации.

При династии Тан сложился тот тип имперского управления Китаем, который в значительной степени повлиял на всю последующую эволюцию политической системы и историческое развитие этой страны вплоть до колониальной экспансии европейских держав. Согласно традиционным нормам китайской государственности власть монарха-императора «хуанди» была неограниченной и передавалась по наследству, а его особа сакрализировалась. Сын Неба считался повелителем всех людей и посредником между верховным божеством — Небом и людьми.

В соответствии с системой административного управления империей страна была разделена на 10 провинций, 358 округов и около 1550 уездов. В столице танского Китая городе Чаньань в соответствии с составленным в VIII в. сводом «Законоустановления Шести Ведомств династии Тан» действовали центральные органы исполнительной власти: ведомства чинов, налогов, ритуалов, военное, судебное и общественных работ.

Принципы отбора чиновников на службу при династии Тан существенно изменились. Если в Древнем Китае местные чиновники могли сами подбирать себе подчиненных, то в VII в. все большее значение стало придаваться экзаменационным испытаниям на степень цзиньши («выдающийся муж»). Вскоре было введено уже 8 различных экзаменационных степеней. Любой кандидат на военную или гражданскую службу должен был написать сочинение на историко-философскую тему, а также показать знания законов и других нормативных правил поведения. Система экзаменов существенно расширяла социальную основу правящего слоя, хотя круг кандидатов на чиновничью карьеру в основном ограничивался представителями состоятельных и влиятельных кланов.

При династии Тан было составлено несколько сводов законов. В кодексе 653 г. была зафиксирована строжайшая регламентация всех сторон общественной и личной жизни китайцев с целью обеспечить стабильность государственных порядков и эффективность управления страной. Опубликованный в 737 г. всеобъемлющий кодекс самобытного китайского права «Тан люй шуи» не только влиял на юридическую мысль Китая на протяжении нескольких столетий, но и стал образцом для законодательства сопредельных с Китаем стран Дальнего Востока. Система права, сформировавшаяся при династии Тан, стала, по выражению Е. И. Кычанова, «материнской» для всей семьи дальневосточного права. Воспринятое Японией, Вьетнамом, государствами Корейского полуострова китайское право сыграло важную роль в формировании административных и даже социальных структур этих стран (прежде всего бюрократии как ведущей части господствующего социального слоя). Следует подчеркнуть, что рецепция китайского права была добровольной; это свидетельствовало о сильном культурном влиянии Китая на соседей¹.

Теоретической основой китайского средневекового права явилось конфуцианство. В соответствии с ним полной юридической компетенцией обладал лишь император. Главным принципом его правления стала детально разработанная регламентация всех сторон жизни общества и государства, сочетавшаяся со строгим соблюдением норм социальной иерархии

и административной субординации. В соответствии с нормами, определенными еще Конфуцием и его учениками и последователями, кодексы отождествляли отношения людей в государстве с этикой и моралью патерналистских семейных отношений. Определение степени наказания имело ситуационный характер и зависело от статуса виновного и его жертвы. Так, хозяина за убийство провинившегося раба наказывали ста ударами палки, а неумышленное убийство господина рабом или слугой каралось смертной казнью.

В результате интеллектуальных усилий многих поколений китайских ученых рассматриваемой эпохи сложился своеобразный «культ знания и учения, связанный с традиционной гуманитарной ориентацией китайской цивилизации, что и сказалось на формах усвоения явлений действительности». Ученые Китая создали своеобразное направление тогдашней политологии, которое отличала активность в выработке норм и рецептов социальной практики, при этом подлинным субъектом политического сознания являлся Сын Неба. Вся политическая деятельность приспособлялась к особе верховного правителя. Критериями оценки разнообразных «планов обогащения государства, усиления армии, успокоения народа», программ, методов и результатов их реализации выступали в первую очередь такие понятия, как «счастье государства», «благо правителя». Личность советника как бы растворялась в этом созидательном творчестве на пользу государства, олицетворенного в Сыне Неба ².

Характерно, что наем ремесленников в танский период был бессрочным, иногда пожизненным, а то и переходившим по наследству. Так возникло парадоксальное явление: самые квалифицированные и высокооплачиваемые ремесленники являлись одновременно наименее свободными ³. При торговом обмене использовались соль, рис, ткани и литые монеты. Торговцы возили монеты, грузя их на телеги, и, не будучи в состоянии сосчитать их, вели счет на связки монет ⁴.

Военная система, созданная в империи Тан, была весьма эффективной для своего времени. Помимо упомянутого выше административно-территориального деления существовали своего рода военные округа, (их число могло достигать до 800). В среднем каждый округ поставлял 1000 солдат, а в целом обеспечивалась постоянная готовность армии численностью до 800 000 человек. В мирное время рекруты занимались земледелием; во время военных походов они должны были обеспечивать себя своими средствами. Статус военных считался ниже гражданских чиновников, они имели меньшее правовое и материальное обеспечение. Военная организация Китая соответствовала наделной системе землепользования. Кроме того, она позволяла использовать армию как средство подавления беспорядков на местах.

Среди различных воинственных кочевых племен к северу от Китая с первых веков нашей эры протекали процессы консолидации. В 156 г. за храбрость и выдающиеся способности старейшиной племени сяньби был избран Таншихай, который собрал многочисленную дружину и возглавил всех прочих сяньбийских старейшин. Таншихай совершал грабительские походы на пограничные с Китаем земли и вскоре овладел всеми территориями, принадлежавшими ранее хуннам. Таншихай вытеснил хуннов из Джунгарии и обеспечил монгольскому этносу преимущественное положение в Халхе. Это была, по словам Л. Н. Гумилева, типичная социальная система, «сильнопассионарного, агрессивного этноса в акматической фазе этногенеза». После поражения в 177 г. от сяньби северные области Китая в течение четырех столетий заселялись кочевниками, спешившими сменить суровые степи Сибири на теплые луга берегов Желтой реки. Таким образом, на смену хуннам в суперэтнотопосе Великой Степи пришли сяньби, а к V в. закончился процесс ассимиляции китайских хунну. На базе этнического субстрата смешанных родов хуннов-сяньби в Халхе и Чахаре в VI—XII вв. возникли — в результате более поздних пассионарных толчков — тюркские и монгольские этносы Великой Степи ⁵.

Укрепление экономического положения, систематизация управления

и объединение страны в период империи Тан позволило проводить активную внешнюю политику. Китайские войска разгромили Восточный тюркский каганат, и с 630 г. преобладание Китая установилось на Великом шелковом пути, который соединял Восточную Азию с Центральной и Передней Азией. В крупных населенных пунктах вдоль этого пути разместились китайские гарнизоны. Благодаря своей легкости, компактности, громадному спросу и дороговизне шелк являлся идеальным предметом торговли на дальние расстояния⁶.

В VII—IX вв. системно оформились основы китайской внешней политики и дипломатии, выработанные еще в древности. Основу ее составлял китаецентризм. Китай считался главенствующим в мире государством. Императору Поднебесной должны подчиняться все страны и народы. Сложился особый церемониал приема послов, которым надлежало изъявить свою покорность китайскому императору. Привезенные ими дары было принято называть данью, а в ответ, в знак особой милости, послам вручали подарки и китайскую одежду.

Постепенно в могущественной Танской державе нарастают кризисные явления. В VIII в. происходит ослабление надельной системы землевладения, снижается эффективность чрезмерно разросшегося и дорогостоящего бюрократического аппарата, клонится к закату военно-политическое могущество. Китай теряет свои позиции на западе в ходе длительной борьбы с тибетцами и уйгурами; на севере был утрачен контроль над племенами киданей и Кореей.

3. *Китай в период нашествий чжурчженей и монголов. Монгольское иго.* На рубеже XI—XII вв. на территории нынешней Маньчжурии — среднего течения р. Сунгари и Приамурья быстро набирает силу народность чжурчженей, которые сумели освободиться от вассальной зависимости от киданей. В 1115 г. они разрушили киданьское государство Ляо и создали империю Цзинь («Золотая»). Следующим объектом экспансии чжурчженей становится их южный сосед и бывший незадолго до этого союзник в борьбе с государством Ляо — китайская империя Сун (960—1279 гг.).

В 1125 г. чжурчжени вторглись в глубь китайской территории, осадили столицу Кайфын. Через два года они смогли разгромить все китайские армии, овладеть Кайфыном и захватить в плен императора. Бежавшие на юг члены дома Сун провозгласили в 1130 г. город Линьань (Ханчжоу) столицей династии Южная Сун, которая так и не смогла вернуть утраченные северные земли и вынуждена была согласиться на мир с чжурчженями и уступки. Согласно заключенному в 1142 г. между Южной Сун и чжурчженьской Цзинь договору китайский император признавал свою зависимость от Цзинь и обязывался выплачивать своему северному соседу ежегодную дань в 250 тыс. лянов серебра и 250 тыс. отрезков шелковой ткани. На границе между обеими империями неоднократно вспыхивали военные столкновения, но статус-кво изменить не удавалось ни китайским, ни чжурчженьским императорам.

Чжурчженям отошли все китайские земли на север от Хуанхэ. В состав государства Цзинь вошли обширные пространства Маньчжурии, Северный Китай и значительная часть Монголии. В культурном отношении чжурчжени выделялись из числа своих более отсталых северных соседей. Как утверждают историки, изучающие памятники начала XII в., чжурчжени многое унаследовали и смогли сохранить в условиях господства киданей от культуры эпохи государства Бохай, существовавшего в VIII—IX веках. Не удивительно поэтому, что чжурчжени смогли не только быстро возвыситься, но и создать сложный государственный аппарат, собственную письменность и литературу, высокую и самобытную культуру.

При всей болезненности некоторых форм многообразных контактов чжурчженьской (цзиньской) культуры с китайской они в конечном счете привели к взаимообогащению этих культур. Инфильтрация чужеродных чжурчженьских элементов в Китай оказывала в этот период, помимо негативного, военно-политического аспекта, также и стимулирующее, если не революционизирующее воздействие на общественные и культурные процессы в самой Срединной империи⁷.

Сложившаяся ситуация явно противоречила традиционной концепции, утверждавшей преобладание китайской монархии над всеми иноземцами. Это, казалось бы, должно было стимулировать стремление отойти от этой концепции и более реалистически оценить действительную роль соседей Китая, наличие реальной угрозы с их стороны. Однако китайские власти стремились любыми путями подтвердить свою верность традиционным взглядам на роль Китая, прибегая подчас и к замалчиванию реальных событий, и к прямому подлогу в своих историко-философских рассуждениях.

На рубеже XIII в. на северных границах Китая вновь возникает чрезвычайно серьезная внешняя угроза. На просторах Великой Степи складывается Монгольская держава. В 1206 г. верховным правителем монголов становится Чингисхан. Открывается полоса захватнических войн. Уже в 1210 г. начались атаки монголов на чжурчженскую империю Цзинь. Столица империи город Яньцзин (нынешний Пекин) был осажден монгольскими войсками и взят в 1215 году. Император бежал в город Кайфын, но им также овладели монголы. В 1234 г. государство Цзинь перестало существовать.

Правители Южной Сун после разгрома Цзинь рассчитывали вернуть северокитайские земли, вступить в союз с монголами. Но монголы не намеревались останавливаться в своем продвижении на юг Китая. В 1241 г. они предприняли первый поход в земли Южной Сун и лишь раздоры в правящей монгольской верхушке задержали их продвижение на южносунские территории. В 1260 г. великоханский престол занял Хубилай, который в 1264 г. перенес свою столицу в Пекин. Новое массивное наступление на Южную Сун началось в 70-е годы XIII в., а в 1276 г. ее столица Ханчжоу была занята монголами, и монгольское иго утвердилось во всем Китае.

Китай вместе с Монголией, Маньчжурией, Тибетом и южнокитайским государством Наньчао входил в улус великого хана. Этот улус составлял сердцевину обширной Монгольской державы. Монголия являлась своего рода метрополией провозглашенной в 1271 г. со столицей в Пекине империи Юань (1271 -1368 гг.).

Происходит своеобразный синтез монгольских структур и принципов управления с традиционными китайскими порядками. Монгольские ханы и императоры, занявшие престол империи Юань, широко привлекали на службу китайских чиновников, использовали их опыт и предложения, касавшиеся управления страной, хозяйством, людьми. Монголы быстро поняли, что гораздо выгоднее не истреблять китайцев, а регулярно получать от них обильную дань. Территория Китая была поделена на 10 провинций, в которых была сохранена традиционная структура административно-территориального деления - области, округа и уезды. Была сохранена также китайская практика обозначать девизом годы правления императоров. В органах местной власти было много китайцев, но их не допускали к командованию войсками, им запрещалось иметь оружие, хотя они и привлекались на военную службу в качестве рядовых солдат.

Население империи было поделено на четыре категории. Наиболее высокое социальное положение и соответственно высшие административные должности занимали монголы. Вторую категорию составляли сэмужень — выходцы из других стран Центральной Азии, которые также пользовались определенными привилегиями. Третью — ханьжень составляли северные китайцы, чжурчжени и кидани. Четвертую — наньжень составляли южные китайцы. Представители третьей и четвертой категорий испытывали многочисленные ограничения и притеснения со стороны монголов и сэмужень.

Господство монголов сопровождалось превращением множества китайцев в слуг, рабов и кабальных работников. Особенно сильно были разрушены производительные силы на севере Китая. Здесь осели многие представители знати. Та часть китайской аристократии, которая пошла на сотрудничество с завоевателями, сохранила свои позиции в общественной и хозяйственной жизни. Монгольские власти в период Юань оказывали явное предпочтение буддийской церкви и монашеству.

С приходом монгольских завоевателей в Китае вновь появляются удельные владения: с 1236 г. в северной, а с 1280 г. — в южной части страны (с VII в. удельная система практически не функционировала). Эти уделы, по определению Н. Павлова-Сильванского, были «ближе к частному землевладению, чем к государственному». Разделяя эту оценку, А. А. Бокщанин указывает, что к началу правления следующей династии Мин удельная система имела уже длительную историю. Типы и характер уделов могли быть различными. Прослойка удельной аристократии со временем значительно разрослась. Социальная структура китайского общества конца XIV — начала XVII в. была достаточно сложной, и ее нельзя сводить к примитивной схеме: деспот — чиновники — простолюдины — неполноправные. И не столь уж универсальным было применение принципа меритократии (отбора по заслугам) при формировании господствующих слоев, о котором говорилось выше. Система уделов в императорском Китае и взаимоотношения последних с центральной властью претерпевали изменения и отличались местным своеобразием⁸.

4. *Династия Мин (внешняя политика)*. За почти столетний период монгольского владычества в империи Юань нередко вспыхивали народные восстания, охватывавшие многие части Китая. В 1367 г. войска Чжу Юаньчжана совершили поход на север и изгнали монгольских правителей из Китая. В 1368 г. Чжу Юаньчжан был провозглашен императором империи Мин, которая просуществовала до 1644 года. К 1387 г. было завершено вытеснение прежних монгольских властей из отдельных районов Китая, и границы новой империи стабилизировались. В начале XV в. — в момент расцвета своего военно-политического могущества — империя Мин попыталась покорить Вьетнам. Китайская оккупация Вьетнама продолжалась двадцать лет — с 1407 по 1428 год — и лишь упорное сопротивление вьетов вынудило захватчиков уйти с этой территории.

В отношениях с соседними странами и дипломатическом этикете правители Мин руководствовались традиционным принципом превосходства Поднебесной и ее императора над всеми странами и народами.

С 1405 по 1433 гг. минский Китай смог снарядить семь грандиозных военно-политических экспедиций под руководством Чжэн Хэ в страны Южных морей. Десятки крупных кораблей (в каждой из экспедиций их насчитывалось около полусотни) обошли страны Юго-Восточной Азии, берега Индии, Аравийского полуострова и даже Восточной Африки. Некоторые авторы, признавая, что китайцы добились в XI—XII вв. высокого искусства в судостроении и судоходстве, полагают вместе с тем, что в своих плаваниях они не ходили далее Суматры и Явы, а дальнейшее торговое мореходство в Китае стало скорее результатом деятельности купцов из стран Персидского залива, поддерживавших регулярные торговые связи между Китаем и странами Южных морей (вплоть до Красного моря) и Восточной Африки. Многие из этих купцов-мореплавателей обосновались на постоянное жительство в Китае и плавали на кораблях китайской конструкции⁹.

С 1409 по 1422 гг. был предпринят ряд наступательных походов в Монголию, но в 1449 г. ойраты (западные монголы) нанесли жестокое поражение китайцам при Туму, взяли в плен императора и осадили Пекин, ставший с 1421 г. столицей Китая. Только сопротивление жителей Пекина и вновь сформированной армии спасло этот город. В 1450 г. предводитель ойратов хан Эйсен снял осаду и был оттеснен в монгольские степи. После «тумуской катастрофы» династии Мин пришлось сосредоточить все военные силы на северо-западе Китая и отказаться от внешнеполитической экспансии в других направлениях. По образному выражению некоторых историков, Китай повернулся лицом к северо-западу и спиной к морю.

5. *Внутренняя политика династии Мин*. Пришедшая к власти на гребне народного восстания династия Мин стремилась укрепить свои позиции путем централизации власти и упорядочения экономики. Усилилась самодержавная власть императора, что сопровождалось ослаблением самостоятельности местных органов власти. В провинциях власть губернаторов,

носившая прежде универсальный характер, была теперь разделена между отдельными административно-финансовыми, военными и судебными учреждениями.

Процесс усиления единовластия сопровождался острой борьбой вокруг императорского трона. Чжу Юаньчжан, опасаясь поползновений на императорский дом со стороны соратников по борьбе против завоевателей — монголов после первого десятилетия правления физически ликвидировал всех прежних сподвижников и полководцев, а сыновьям начал раздавать своего рода уделы, наделяя их военной властью, значительными административными правами и материальными средствами. Но еще при жизни основателя династии его наследники стали проявлять неповиновение, а в 1398 г. после кончины правившего 30 лет Чжу Юаньчжана началась междоусобная война, в ходе которой победу одержал Чжу Ди, подавивший сепаратистские тенденции удельных властителей и практически лишивший их военной и административной власти.

Меры по восстановлению хозяйства Китая после монгольского господства и длительных внутренних войн дали свои плоды. К началу XV в. социально-экономическое состояние страны укрепилось. В аграрной сфере целью правительства стало создание как можно большего количества индивидуальных крестьянских хозяйств под строгим и часто даже мелочным контролем местных чиновников, которые в свою очередь должны были беспрекословно подчиняться распоряжениям центральных властей. Для этого была проведена огромная работа по составлению реестров всех земель и домохозяйств — налогоплательщиков.

Вместе с тем были отменены получившие распространение во время династии Юань формы зависимости крестьян и ремесленников. Активно поощрялась распашка целинных и заброшенных земель, а также переселение из густонаселенных районов в менее заселенные на севере Китая. Снабжение армии пытались организовать путем создания военных поселений. В деревне, как и прежде, господствовала система круговой поруки (фискальная община).

XV — начало XVII века были отмечены заметными сдвигами в развитии торговли, ремесел, городов. Крупные города — Нанкин, Пекин, Ханчжоу, Шанхай — оставались центрами различных видов ремесла и промыслов — шелкоткачества, изготовления тканей из хлопка, фарфорового производства, ювелирного дела, обработки металлов и др. В Китае насчитывалось более 500 различных цеховых и торговых объединений и организаций. Появляются письменные уставы цехов, оговаривающие права и обязанности их членов. Цехи защищали своих членов в конкретной борьбе.

В сфере производства (но не в сфере обслуживания) расширяется применение наемного труда. Возникают рассеянная мануфактура и отдельные частные предприятия. В денежном обращении вместо обесценившихся в XV в. ассигнаций все большую роль начинает играть серебро (в слитках).

Среди историко-географических регионов Китая выдвигаются, как наиболее развитые, бассейн нижнего течения р. Янцзы и провинции Центрального, Восточного и Южного Китая. Растут портовые города, развивается заморская торговля. После экспедиций китайского флота под водительством Чжэн Хэ китайцы основывают постоянные поселения и торговые фактории в странах Южных морей. Складывается состоятельный и предприимчивый слой «хуацяо» — заморских китайцев.

В начале XVI в. у южных и восточных берегов Поднебесной появляются первые европейские торговцы, католические миссионеры. Вслед за португальскими экспедициями в 1516 и 1517 гг. европейцы стали предпринимать попытки закрепиться на побережье Китая и учредить здесь свои торговые фактории. В 1557 г. португальцы обманом, подкупом и силой преодолели противодействие китайских властей и закрепили за собой порт Макао (Аомынь). Вслед за португальцами в Китае появились испанцы, голландцы, англичане, составившие конкуренцию китайской и в целом азиатской торговле в бассейнах Тихого и Индийского океанов.

В духовной культуре Китая этого периода важное место занимали обряды, связанные с жизненными или природно-календарными циклами. Религиозная жизнь Китая в рассматриваемый период отличалась необычайным динамизмом и разнообразием. Пережил свой расцвет буддизм. Окончательно сформировалась автохтонная традиция китайцев — даосизм. Организованные религии и усложнившаяся общественная жизнь внесли новые краски в пестрый мир народных верований. Историческое развитие китайских религий привело к складыванию устойчивого комплекса религиозного синкретизма и веротерпимости, сохранившегося в своих основных чертах вплоть до XX века. Характерно, что ни один из элементов и уровней этого комплекса не претендовал на ту исключительную, универсальную значимость — идеологическую, нравственную, социальную, — которая обычно бывает присуща всякой достаточно развитой религиозной системе. Для Китая более характерно было своеобразное переплетение различных религиозных систем и форм, которое в равной мере утверждало как культурное единство, так и культурный плюрализм, присущий этой стране в рассматриваемый период.

В процессе становления империи Мин приоритетное положение в общественной и духовной жизни китайского народа занимает ортодоксальное конфуцианство в его несколько обновленной неконфуцианской версии, впитавшей в себя и ряд черт других традиционных для Китая религиозно-этических систем, в первую очередь буддизма и даосизма. Именно она приобретает характер в полном смысле слова государственного, официального религиозного культа.

Буддизм и даосизм не были запрещены, и при доминировании конфуцианства они не подвергались прямым гонениям. Продолжалось также и укрепление ламаистской версии буддизма, занесенной монголами и поддерживавшей регулярные связи с Тибетом. Довольно терпимым было отношение китайских властей и к умножившимся мусульманским общинам. Наблюдается вполне определенная китаизация местных мусульман, что проявлялось в языке, одежде, архитектуре мечетей.

6. Китай под властью маньчжурских династий. Поздняя Цзинь и Цин. В социально-экономическом развитии Китая к началу XVII в. определились некоторые существенные линии. Концентрация земельной собственности вели к «поглощению», сокращению числа налогоплательщиков. Государство увеличивало налоговое бремя как в отношении государственных крестьян, так и арендаторов. При императорском дворе с середины XV в. шла непрерывная борьба различных клик и временщиков за власть и влияние. Сами императоры все больше отстраняются от государственных дел. В ходе грандиозной крестьянской войны объединенные повстанческие формирования взяли столицу империи Пекин. В 1644 г. последний император династии Мин покончил с собой.

В том же году Пекин заняли маньчжурские войска. Начавшееся в 80-х годах XVI в. объединение чжурчженских племен в 1616 г. завершилось провозглашением ханом энергичного и талантливого полководца Нурхацы (1559—1626) и созданием нового государства Цзинь (Поздняя Цзинь). Нурхацы провозгласил девиз своего правления: «Тяньмин» — «Небесная воля». С этого времени собранные под его властью чжурчженские племена стали именоваться маньчжурами. Маньчжуры стали совершать походы в Китай и Корею. В 1636 г. в Мукдене, ставшем с 1625 г. столицей маньчжурского государства, сын и наследник Нурхацы — Абахай (1626—1643) был провозглашен императором, а империя получила название Цин.

Абахай укрепил административную и военную структуру молодого государства. По образу и подобию минского Китая в Мукдене были учреждены шесть центральных ведомств. За счет населения покоренных племен в 1637 г. в дополнение к восьми маньчжурским «знаменным» корпусам было образовано восемь монгольских соединений, а в 1643 г. — восемь китайских.

В конце 1642 г., взяв штурмом несколько застав у Великой китайской стены, армии Цин вторглись в Северный Китай. Минские власти

фактически утратили контроль над этим районом. Солдаты везли в Маньчжурию богатую добычу: золото, серебро, жемчуг. Одного только шелка было вывезено 52230 кусков, да и к тому же еще и почти 34000 комплектов дорогой шелковой одежды¹¹.

После захвата Пекина маньчжурами власть династии Цин формально распространилась на весь Китай, однако фактически в 1644 г. в руках маньчжуров находились лишь северные районы Китая. Борьба за покорение всей страны продолжалась до 80-х годов XVII века. Одна часть китайской верхушки стала сотрудничать с маньчжурами, помогая им закрепиться в Китае, а другая попыталась организовать сопротивление. Особенно упорно сопротивлялась армия Чжен Чэнгуна, опиравшаяся на торговцев и ремесленников юго-восточного побережья. Наиболее долго оборонялся от империи Цин остров Тайвань, который китайцы сумели отвоевать у голландских колонизаторов. Однако войска Цин постепенно овладели всем Китаем, что сопровождалось массовой гибелью людей и тяжелыми разрушениями городов, ирригационных систем и всего хозяйства.

После воцарения в Китае правящая верхушка маньчжур не только восприняла многие элементы китайской политической и административной структуры, но и почти целиком заимствовала форму правления государством, схему социального деления, нормы землевладения, кодексы законов, официальную конфуцианскую идеологию, а также дипломатические методы в своих отношениях с зарубежными странами.

Естественно, что все преимущественные позиции в аппарате управления и в социальной структуре заняли маньчжуры. В собственность маньчжурской знати перешло много земель, ранее принадлежавших китайским землевладельцам или составлявших фонд государственных угодий. На долю маньчжурской армии пришлось крупные земельные наделы из казны: офицеры получили по 300 му (1 му = 0,16 га) пахотных полей, конные воины — по 150 му, пехотинцы — по 90 му.

Маньчжурские власти стремились искоренить всякое направленное против них неподчинение китайцев. Так, в знак покорности династии Цин они должны были под угрозой строгого наказания обрить голову и отпустить косу на маньчжурский манер. С воцарением маньчжурской династии вновь возрастает численность прослойки полурабски зависимого населения.

В своей внешней политике правительство Цин в XVII—XVIII вв. следовало традиционной китайской догме о «небесной предопределенности» верховной власти китайского императора над всеми странами и народами. Маньчжуры разгромили и присоединили к своему государству Чахарское ханство южных монголов, вторглись в Корею и обложили ее данью. В 1691 г. в империю Цин была включена и Северная Монголия — Халха.

В отношении России империя заняла недружелюбную позицию, что усугублялось и унижительными церемониями дипломатического протокола при императорском дворе. По этой причине официальные посольства России — Ф. Байкова, И. Перфильева, Н. Спафария, посещавшие Китай с 1654 по 1677 гг., не увенчались успехом. В 1684 - 1685 гг. цинские войска безуспешно атаковали построенный в середине XVII в. русскими казаками и поселенцами на р. Амур город Албазин. В 1689 г. переговоры, которые вело «великое и полномочное посольство» Ф. А. Головина, завершилось подписанием Нерчинского договора, первого между Россией и Китаем; были определены границы между Россией и Китаем в верховьях Амура, и зафиксированы договоренности о торговле на территориях обеих стран.

В конце XVII в. империя Цин начала военные действия против Джунгарского ханства, крупнейшего в то время государства Центральной Азии. Цинские войска разгромили джунгарских правителей и включили в свои владения огромный по площади край — Джунгарию и Кашгарию. Захваченные земли получили китайское название Синьцзян — «новые границы».

В 1792 г. окончательно утвердилась власть Цин в Тибете, где раньше формальное верховенство принадлежало религиозному главе тибетских буддистов — далай-ламе. Тибетские и китайские войска разгромили правивших в Непале гуркхов и вступили в Непал. Цинские гарнизоны, кроме

Лхасы, были размещены в Шигацзе и Дингри. Китайцы закрыли Тибет для иностранцев, в первую очередь для англичан. Таким образом, в XVIII в. Тибет оказался под контролем Цинской империи, не являясь однако в полном смысле частью Китая.

Маньчжурское завоевание тяжелым гнетом легло на китайский народ, затормозив и приостановив многие процессы в развитии китайского общества. Подчинив многие народы, китайская империя в период правления династии Цин достигла приблизительно тех рубежей, которые она занимала вплоть до своего падения в 1911 году.

Примечания

1. КЫЧАНОВ Е. И. Основы средневекового китайского права (VII — XIII вв.) М. 1986, с. 247.
2. ЛАПИНА З. Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М. 1985, с. 237, 240.
3. История и культура Китая. М. 1974, с. 273.
4. Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М. 1980, с. 116– 227; см. также: Материалы по истории кочевых народов в Китае III — V вв. Вып. 2. М. 1990.
5. ГУМИЛЕВ Л. Н. Хунну. СПб. 1993, с. 198, 201.
6. ЛУБО-ЛЕСНИЧЕНКО Е. И. Китай на шелковом пути (Шелк и внешние пути древнего и средневекового Китая). М. 1994, с. 247.
7. ВОРОБЬЕВ М. В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М. 1983, с. 278.
8. БОКЩАНИН А. А. Удельная система в позднесредневековом Китае (период династии Мин 1368—1644). М. 1986, с. 10, 237.
9. ВЕЛЬГУС В. А. Средневековый Китай. М. 1987, с. 33.
10. КРЮКОВ М. В., МАЛЯВИН В. В., СОФРОНОВ М. В. Китайский этнос в средние века (VII — XIII вв.). М. 1984, с. 171.
11. КЫЧАНОВ Е. И. Абахай. Новосибирск, 1986, с. 120; см. также: JONSON D. G. The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder. 1977.

Глава XIX. Корея в период от древности до конца XVI в.

1. Политическая история периода Трех государств. В первые века нашей эры в наиболее развитых общественных образованиях на территории Корейского полуострова происходило формирование государственности. Правили страной куван или ван (государь) и га (аристократы). В III в. еще сохранялась выборность вана. Умершего правителя по традиции хоронили в яшмовом гробу, который заблаговременно заказывали у китайцев, практиковались человеческие жертвоприношения (до ста человек).

Рядовые общинники именовались «хахо» («низшие дворы»). Привилегированное сословие — янбаны состояло из гражданских (мунбан) и военных (мубан) чиновников. Ноби — рабы, как и женщины, были бесправны. Существовали многоженство и выкуп за невесту, а также левират: если умирал старший брат, младший женился на его вдове.

Становление Когурё, Пэкче и Силла отличалось некоторыми особенностями, но общей чертой было то, что все три государства сложились на общинной основе — в результате объединения родственных общин (бу), главенствующая из которых присваивала себе право выдвигать ванов, подчинявших себе соседние общины.

Становление Трех государств происходило в постоянной борьбе не только с соседями, но и с китайскими округами, образованными на территории древнего Чосона после падения последнего под ударами китайцев в 108 г. до н. э. I — II века были отмечены активной борьбой государства Когурё с китайскими округами. Корейцы совершили ряд походов в китайские владения, расположенные к западу от р. Ляохэ. В свою очередь государству Силла пришлось отражать нападения японцев:

пиратов и прибрежных правителей. Вместе с тем это государство вело интенсивную завоевательную политику в отношении меньших государственных образований и общин, расположенных в центральной и восточной частях Корейского полуострова. Часты были столкновения между Силла и Пэкче. Борьба между Тремя государствами за преобладание на полуострове приобрела особенно острый характер в IV—V веках. С переменным успехом она продолжалась и в VI—VII веках. Силла часто использовала поддержку Китая, а Когурё и Пэкче неоднократно выступали против Силла совместно, как союзники.

После установления в Китае власти династии Тан активизировалась китайская экспансия на восток, и многотысячные армии часто совершали походы на Корейский полуостров, сопровождавшиеся большими жертвами. В 660 г. на государство Пэкче напали 50-тысячная армия государства Силла и 130-тысячное китайское войско, прибывшее морем. Бывшая территория Пэкче стала провинцией Танской империи и перешла под власть сына бывшего китайского ставленника вана Пуё Юна. Территория Когурё была преобразована в китайское наместничество.

Скудость источников и недостаточность фактической информации затрудняют выяснение внутренних причин и факторов, обусловивших падение Когурё и Пэкче, как и тех, что способствовали возвышению и жизнеспособности государства Силла, сумевшего противостать соперникам на Корейском полуострове и захватнической политике Танской империи. Повествуя о гибели государств Пэкче и Когурё, летописи отмечают роскошь и праздность правителей, падение нравов при дворе (фаворитизм, пренебрежение к справедливым советам мудрых людей и пр.), а также пагубные междоусобицы, раздиравшие государство Когурё¹.

После падения этого государства бывший когурёский военачальник Тэ Чжо Ен объединил когурёсцев и людей тунгусского племени мальгаль, и возглавил переселение на территории, контролируемые китайцами. Они основали в Маньчжурии государство, которое с 713 г. стало называться по-китайски Бохай, а по-корейски Пархэ. Государство Пархэ вскоре установило контроль почти над всей территорией, бывшего Когурё. Правящая верхушка Пархэ в основном состояла из когурёсцев, т. е. корейцев. Это государство объявило себя преемником Когурё и иногда именовало себя Корегук. Расцвет Пархэ приходится на первую половину IX в., когда в стране правил ван Сон. В то время его владения простирались от рек Сунгари и Амур на севере Маньчжурии до северных провинций современной Кореи. Столицей его был город Тонген (в районе Гирина). Впоследствии это государство стало жертвой политических смут и насилий, сопровождавших падение династии Тан. В 926 г. его захватили киданьские кочевые племена. Многие представители правящей верхушки Пархэ, в основном корейцы, расселились южнее границы — по берегам рек Амноккан и Туманган, приняв подданство государства Корё, пришедшего на смену Силла².

2. *Административное устройство и социальная структура Трех корейских государств.* Правящая верхушка в корейских государствах выделилась из среды общинников. Господствующее положение наряду с правителем — ваном занимали его родственники, либо представители главенствующей общины. В дальнейшем в их ряды была включена и родовая верхушка тех общин, которые оказались присоединенными к этим государственным образованиям. С усложнением и расширением административных функций формируется самостоятельный слой чиновничества, которое частично включило в себя и представителей родовой аристократии. Оно подразделялось — по месту службы — на столичное, провинциальное и военное. Сложилась сложная многоступенчатая система рангов и чинов, число которых достигало шести десятков.

Социальная структура государства Силла лучше изучена историками. Верховными правителями были представители трех родов: Ким, Пак и Сок, которые по наследству носили высшее сословное название чинголь —

«истинная кость». Основную часть непосредственных производителей представляли свободные крестьяне янъин — «добрые люди», держатели земельных наделов; они платили государству поземельный и подушный налоги, несли военные и трудовые повинности. Приниженную в сословном отношении часть непосредственных производителей составляли неполноправные чхонин — «подлые люди», самый низший слой которых составляли домашние слуги и государственные рабы — ноби.

3. *Религиозные верования.* До проникновения в Корею в первые века нашей эры (вместе с китайской письменностью) конфуцианства религиозные верования корейцев представляли собой сочетание культов природы, предков, тотемизма, анимизма, фетишизма, шаманизма, демонизма. Особое значение и официальный государственный характер в Трех корейских государствах имел культ их основателей, а также поклонение Небу, Луне и звездам.

В 372 г. в Когурё была основана государственная школа Тхэхак, в которой наряду с китайской письменностью изучались произведения Конфуция. Вслед за конфуцианством в Корею из Китая стал проникать буддизм. В государстве Силла влияние буддизма усилилось, особенно после принятия его в 527 г. ваном Понхыном в качестве официальной религии. В Когурё в середине VII в. буддизм был вытеснен даосизмом. В Силла конфуцианство, буддизм и даосизм постепенно влились в государственную идеологию в качестве взаимодополняющих составных частей. Однако наибольшим влиянием все же пользовался буддизм. В источниках сохранились названия более двухсот буддийских монастырей. Основу их земельной собственности составляли пожертвования ванов и аристократов. Эти монастыри освобождались от государственных налогов, а их земли обрабатывались ноби и зависимыми от монастыря общинниками. Параллельно с государственными учреждениями, укомплектованными государственными чиновниками, управление буддийской общиной — сангхой в масштабе страны, округа, уезда осуществлялось и территориальной буддийской администрацией. Поскольку буддизм признавал приоритет государственной власти, их взаимоотношения были доброжелательными.

Конфуцианство получило широкое распространение в государстве Объединенная Силла (а вместе с ним и китайская культура и письменность). Широко изучались китайский язык и классические конфуцианские сочинения, составлялись на китайском языке хронологии ванов, биографии высших священников. Секты, на которые разделялись последователи буддизма махаянистского толка, были в основном аналогами китайских.

В период Трех государств в Силла была образована добровольная организация «Хваран» («Цветущая молодежь»). Ее члены обучались военному искусству, им прививали вкус к литературе, воспитывали в духе товарищества; они часто странствовали. Знаменитый монах Вонван, внедрявший конфуцианско-буддийские ценности в систему воспитания силлаской молодежи, следующим образом сформулировал основные цели «Хваран»: верность монарху; почтительность к родителям; дух товарищества; храбрость в бою; отвращение к бессмысленному убийству. Движение это обрело широкую популярность и способствовало усилению государства Силла, развитию культуры. При участии архитектора из Пэкче был воздвигнут величественный монастырь Хванненса с пагодой, высотой до 70 м, прославившейся даже в Китае. Она простояла с 645 г. вплоть до монгольского нашествия в XIII веке. Монахи Силла часто отправлялись в Китай для знакомства с его культурой, стремясь познать буддийские каноны, секреты архитектуры, приобщиться к произведениям классической китайской литературы. В 727 г. силлаский монах Хечхо совершил паломничество в Индию к буддийским святыням. Записки о его путешествии стали важным историческим свидетельством об Индии VIII века.

4. *Объединение Корейского полуострова под властью ванов Силла (668—935 гг.).* После падения государств Пэкче (в 660 г.) и Когурё (в 668 г.) Корейский полуостров оказался под контролем войск Силла и наместников

китайской Танской империи. Претензии Силла на господство над всем полуостровом никак не устраивали Танов. Под руководством способного и твердого вана Мунму и выдающегося полководца Ким Юсина развернулась борьба против китайских завоевателей, которая продолжалась с 670 по 676 г. и закончилась переходом всей территории Корейского полуострова в состав государства Силла. Китайцам пришлось признать поражение, а выходец из когурёского правящего рода Ансын в 683 г. официально перешел на службу в Силла и даже получил в жены сестру вана Мунму. Образовалось государство Объединенное Силла, в которое вошла вся территория Корейского полуострова к югу от реки Тэдонган (Туманган).

Страна вступила в период мира и спокойствия. Исторические хроники пишут о горах зерна в амбарах ванов. Завещание вана Мунму, составленное в 681 г., — один из ценнейших исторических источников, описывающих государственное устройство страны и достижения ее правителя. Из него, в частности, следует, что, хотя к когурёской и пэкческой знати в Силла относились весьма благосклонно, силлаские ваны сосредоточили в своих руках всю полноту власти. В политике, преследующей цель объединения страны, они опирались на армию и на перешедших на силласкую службу представителей когурёской и пэкческой знати. Установление ванской автократии в Силла сопровождалось заговорами и мятежами аристократических кланов. Внутриполитическая история Объединенной Силла в значительной степени представляет собой эволюцию политической власти в связи с изменением роли аристократии в ее структуре.

Наибольшего расцвета и могущества Объединенное Силла достигло при ванах Синмуне — сыне Мунму и его прямых потомках (680—780 гг.). Столица богатого государства процветала; в ней насчитывалось более 170 тыс. дворов, а длина некоторых улиц превышала 10 километров. Черепичные крыши особенно роскошных домов были украшены золотом. Преобладающей формой организации ремесла были казенные мастерские. Крестьяне для орошения рисовых полей сооружали многочисленные дамбы и водохранилища. Им предписывалось сажать многочисленные тутовые деревья (для разведения шелковичного червя). В каждом крестьянском хозяйстве имелся крупный рогатый скот и лошади.

В VIII в. государство не вело войн. В целях местного административного управления было образовано девять областей. По мере того как знать все больше предавалась легкой жизни и роскоши, буддизм как государственная религия терял свое влияние и приходил в упадок. В отдаленных горных районах появилась новая буддийская секта Сон, на Западе (в Европе) больше известная под японским названием Дзэн. В городах положение официальной религии тоже пошатнулось. Страна была охвачена заговорами и мятежами. Аристократия отдаленных районов развернула борьбу за власть. Последний из потомков Мунму, ван Хегон был убит во время мятежа, поднятого представителями боковых ветвей рода Ким. Особенно тяжелым для страны было десятилетие правления Чинсон, женщины, занимавшей пост вана с 887 до 897 год. Власть сосредоточилась в руках ее фаворитов, преследовавших лишь собственные выгоды. Государство еще больше ослабло, прекратилось поступление налогов в казну. В обстановке междоусобной борьбы, развернувшейся как в центре, так и на местах, Чан Бо Го, один из крупнейших кушцов, смог сосредоточить в своих руках полный контроль над морской торговлей с китайскими и японскими портами. Он был одним из многих богатых и влиятельных людей, выступивших против центральной власти.

В конце IX в. все государство Объединенное Силла превратилось в арену борьбы между отколовшимися от центральной власти правителями, провозглашавшими себя ванами отдельных округов. Территория Силла к этому времени сократилась до ничтожных размеров. В 918 г. полководец Ван Гон сверг своего вана и провозгласил образование нового государства — Корё. В 927 г. он захватил столицу Силла — Кымсон, а в 935 г.

последний силлаский ван Кёнсун отрекся от власти и вместе с силласкими аристократами перешел на службу в Корё. Истоия государства Силла завершилось.

В период Объединенной Силла строились грандиозные буддийские монастыри, храмы и пагоды, сооружались великолепные каменные и бронзовые изваяния божеств. С большим искусством изготовлялись бронзовые колокола для монастырей и другие предметы буддийского ритуала. Это было время наивысшего расцвета храмового строительства и искусства. Сохранились изумительные по каллиграфии надписи на камне. В VIII—X вв. право на строительство монастырей получили не только ваны, но и местные феодалы и духовенство. Вершиной корейской буддийской скульптуры считаются статуи и рельефы пещерного храма Соккурам, особенно центральная статуя сидящего Будды — Сакьямуни высотой около 3 метров, отличающаяся поразительной соразмерностью всех частей, тщательной отделкой деталей, совершенством техники обработки камня.

5. *Государство Корё (918—1392 гг.)* Выдвинувшийся в период развала государства Объединенная Силла способный и популярный военачальник Ван Гон в 918 г. провозгласил создание централизованного государства Корё, от названия которого и произошло современное европейское название Кореи. В 935 г., когда последний силлаский ван добровольно признал власть Ван Гона, фактически произошло очередное объединение территории Корейского полуострова. К 80-м годам X в. местные власти подчинились Ван Гону, а столицей Корё стал город Сонак, получивший название Кэгён (современный Кэсон). Правители Корё стремились укрепить свою северную границу по реке Амноккан, опасаясь вторжения киданей, создавших империю Ляо в Северном Китае. Трижды Корё подверглось киданьским нашествиям в 993, 1010 и 1018 гг., — но в конце концов кидане потерпели сокрушительное поражение и вынуждены были установить с Корё дипломатические отношения.

Во время правления вана Мунджона (1047—1082 гг.) Корё достигло своего наибольшего расцвета. Была возрождена централизованная государственная система, восстановлена государственная собственность на землю. Однако в XII в. стали проявляться признаки разорения крестьян — держателей государственных земельных наделов, которые не в состоянии были нести налоговое бремя из-за злоупотреблений чиновников и захватов земель крупными землевладельцами. Все более частым становится бегство земледельцев в другие местности, что еще больше ухудшало положение оставшихся общинников, связанных круговой порукой. С середины XII в. в Корё произошло несколько крестьянских выступлений, переросших в 1176 г. в постоянную крестьянскую войну, охватившую и южные и северо-западные районы. Восставшими были прежде всего бесправные ноби и государственные крестьяне.

В начале XIII в. Корё вновь пришлось столкнуться со своими северными соседями — киданями и чжурчженями, потесненными со своих земель монголами.

В Корё неоднократно реформировалась государственно-административная система. Были четко расписаны более чем 500 рангов и государственных должностей огромной массы чиновников, различавшихся по своим статусу и функциональным обязанностям. Особое положение занимали чиновники в трех «столицах» — «северной», «восточной» и «южной» (бывших столицах Когурё, Силла и Пэкче). В Корё было около 10 тысяч чиновников (янбанов). Свои чины они получали за заслуги перед государством и при условии сдачи специальных экзаменов. За службу они обеспечивались жалованьем зерном и условными земельными наделами-чонсиква с правом сбора в свою пользу государственного налога.

Историки, изучавшие корейские летописи приходят к выводу, что доля выходцев из непривилегированных сословий в составе правящей корёской верхушки неизменно увеличивалась в периоды, насыщенные

войнами, и сокращалась, когда, с одной стороны, не велись активные военные действия, а с другой, строго соблюдалось требование сдачи экзаменов; людям низкого звания легче было выслужиться на войне, чем сдать экзамен. Таким образом, на самом деле экзамены, создающие, казалось бы, возможность беспристрастно отбирать чиновников на основе юридического равенства, на самом деле являлись весьма эффективным заслоном на пути в чиновничье сословие для простолюдинов³. Чиновничество в странах, подобных Корее рассматриваемого периода, является единственным слоем, социально эквивалентным европейскому дворянству.

Крестьянские земли в Корё (минджон) оставались собственностью государства, которое оставляло за собой право отбирать надельные земли или менять их. Поземельный налог, составлявший при Ван Гоне 1/10, к концу X в. достиг 1/4 урожая.

В период Корё основными зерновыми культурами оставались рис, ячмень и просо, а из технических — конопля и лен, дававшие волокно для тканей и циновок. Профессиональное ремесло в столицах и городах было в основном казенным. Столичные мастерские обслуживали нужды вана и многочисленных придворных. Предметы повседневного обихода для простого народа изготовлялись непосредственно в крестьянских семьях. Роль денег в период Корё играли зерно и ткани. Основным внешнеторговым партнером Корё была китайская империя Сун. С киданями и чжурчженями торговля велась в приграничной полосе, а с Японией — через город Кымгван на побережье Корейского пролива и остров Цусима. Из Корё вывозили драгоценные металлы, женьшень, шелк, фарфор.

В духовной культуре в период Корё доминировали конфуцианство и буддизм. Помимо казенных и частных конфуцианских школ действовала высшая конфуцианская академия. Высшие лица в буддийской иерархии приравнивались к наиболее высокопоставленным государственным чиновникам. Благодаря пожертвованиям вана и других состоятельных людей буддийская сангха располагала огромными богатствами и играла важную роль как в духовной, так и в материальной жизни населения Корё.

В 1145 г. ван Инчжон (1112—1146) повелел ученому-конфуцианцу Ким Бусику составить «Самгук саги» («Исторические записи Трех государств»)⁴, а спустя сто лет монах Ирён написал «Самгук юса» («Забытые деяния Трех государств»), где получили отражение знаменательные исторические события и предания, не вошедшие в «Самгук саги».

В 1237—1252 гг. по приказу двора была вырезана на 80 тыс. деревянных блоках «Трипитака Корё» — свод буддийских писаний, который сохранился в монастыре Хэинса. Этот огромный труд был завершен в надежде, что божественная сила Будды защитит корёсцев от нашествия монголов. В Корее в XII в. был изобретен первый в истории подвижный металлический шрифт. Комплекты шрифтов неоднократно переливали и совершенствовали. Книжки, изданные новым способом, позволяли широко распространять классическую конфуцианскую и историческую литературу.

б. Борьба корейского народа против иностранных захватчиков. В XII в. междоусобные феодальные войны заметно ослабили государство Корё, а вторжение в 1231 г. монгольских войск еще более осложнило обстановку. В 1259 г. правители Корё объявили о капитуляции и признали власть монгольского хана. Подлинным бедствием для Корё в XIV в. стали набеги японских морских пиратов. В 1350—1360 гг. на побережья южного и западного побережья много раз нападали флотилии, иногда численностью более 100 кораблей. Пираты убивали и грабили мирное население, захватывали продовольствие и имущество. Борьба с пиратами потребовала от властей и народа Корё больших сил. В Японию было направлено специальное посольство с требованием к сёгуну Асикага пресечь разбой у берегов Корё. Но оно оказалось безуспешным. В южные провинции были направлены специальные чиновники для мобилизации населения и организации обороны прибрежной зоны. В ряде сражений корёский флот разгромил несколько

пиратских флотилий. Одна из них, состоявшая из 500 кораблей, была уничтожена в 1380 г. у берегов провинции Чолла. Сопротивление корейцев японским пиратам и захватчикам приобрело особенно упорный характер в конце XVI века.

7. *Правление Сечжона (Седжона)*. В 1392 г. один из корейских военачальников Ли Сон Ге положил начало династии Ли, правившей с 1392 по 1910 год. При новой династии в память о древнем государстве Чосон государство Корё вновь получило название Чосон, а столица была перенесена из Кэгёна в Хансон (ныне Сеул).

Упрочение феодальных отношений в обновленном Чосоне проявлялось в раздаче чиновных и наградных земель новой знати, росте крупного частного землевладения, совершенствовании агротехники. В Чосоне распространилась система высадки рисовой рассады, что значительно повысило урожайность, большие площади стали отводиться ввезенной из Китая новой технической культуре — хлопчатнику. В основе нового государства лежала идеология конфуцианства. В Сеуле были основаны конфуцианское училище и пять городских школ. Подобные школы были открыты во всех провинциальных центрах. Их выпускники заняли важные посты в государственных учреждениях.

Согласно положениям конфуцианского учения, бюрократия должна была проводить в жизнь волю добродетельного правителя, который в свою очередь должен был прислушиваться к советам ученых — конфуцианцев. В результате реорганизации государственного аппарата к концу XV в. были учреждены высшие правительственные учреждения: Государственный совет (Ыйчжонбу) и Палата государственных советников (Кеньен). Им подчинялись шесть управлений: палата чинов, подворная палата, палата церемоний, военная палата, палата наказаний и палата общественных работ. Провинции возглавляли начальники округов. Придворные историки, в обязанности которых входило ведение ежедневных записей того, что происходило и говорилось при дворе, имели также право наблюдать за правителем и критиковать его действия.

Большим знатоком и верным последователем учения Конфуция был Сечжон, занимавший престол в Чосоне, с 1418 по 1450 годы. Сечжон способствовал повсеместному утверждению конфуцианства и сумел привлечь ко двору много ученых из сословия янбанов. Преобразования затронули различные области: управление, язык и письменность, экономику, медицину, науку и даже музыку.

Сечжон учредил академию (Чипхенчжон), занимавшуюся исследованиями в области государственного управления, политики и экономики. Он прославился в истории Чосона заботой его правителей и чиновников о крестьянах, которым оказывалась государственная помощь во время засух или наводнений. Сечжон повелел ученым составить «Нонсачиксоль» («Откровенные беседы о сельском хозяйстве»), куда вошли сведения, собранные по всей стране у наиболее опытных и знающих крестьян. Этот первый в своем роде труд стал классическим справочником по агрономии и другим отраслям сельского хозяйства в Корее.

Была установлена гибкая система налогообложения, что облегчило положение крестьянства. В 1442 г. был изобретен дождемер. По высочайшему приказу эти приборы были установлены в Сеуле и в местных управлениях для регистрации количества осадков. Корейский дождемер был изобретен почти на 200 лет раньше, чем европейский, изобретенный Гастелли в 1639 году.

В исторической памяти корейцев сохранились упоминания, что Сечжон проявлял заботу о здоровье своего народа. Действительно, как свидетельствуют исторические источники, по воле Сечжона в 1433 г. были составлены такие труды, как «Собрание способов лечения» (руководство по китайской медицине, из 365 книг) и «Хяняк чипсонбан» («Собрание сведений о местных лекарствах», в 85 книгах). В последнем труде содержатся 959 статей по диагностике заболеваний, 10706 рецептов и 1477 указаний

по иглотерапии. На корейском языке была написана книга о сборе и использовании лекарственных растений и иных материалов, пригодных для фармакопей. По инициативе вана были изготовлены солнечные и водяные часы, различные астрономические приборы, модель солнечной системы, карта звездного неба.

За годы своего правления Сечжону удалось воплотить в жизнь конфуцианский идеал государственного устройства и пробудить национальное сознание корейского народа. Последующие правители, быстро сменявшиеся на троне, не смогли однако сохранить стабильность и благополучие в государстве, которые достались им в наследство от великого предка.

В 1452 г. на престол вступил 11-летний Танчжон. Власть сосредоточилась в руках группы советников. В 1455 г. коварный принц Суян, дядя малолетнего вана, убив Танчжона, захватил трон, жестоко подавив сопротивление чиновников и военных, стремившихся утвердить на троне законного монарха.

8. *Корейская письменность.* Ученые, занимающиеся сравнительной лингвистикой, придерживаются теории о родстве корейского языка как с алтайскими языками, объединяющими тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, так и с японским.

Судя по ранним летописям, в Маньчжурии и на Корейском полуострове в начале нашей эры были распространены две группы языков: северная, или пхе, и южная, или хан. Около середины VII в. когда государство Силла завоевало Пэкче на юго-западе и Когурё на севере, его язык стал доминирующим на полуострове и произошло объединение языков Трех государств на основе языка Силла. В VIII в. силлаские ученые — выходцы из высших слоев среднего сословия, уступавших в родовитости лишь высшим аристократам — чинголь, изобрели иду — систему передачи звуков и слов средствами китайской иероглифики. Создателем этой системы считается выдающийся знаток китайского языка и конфуцианства — Сольчхон. В X в. в государстве Корё, когда столица была перенесена в город Кэсон, кэсонский диалект послужил основой государственного языка.

Корейская письменность хангыль была разработана в 1443 г. при вane Сечжоне и обнародована им в 1446 году. По поручению Сечжона ученые из придворной академии разработали алфавит, состоящий из 11 гласных и 28 согласных букв. Практическому применению новой корейской письменности положила начало стихотворная летопись об основании династии — «Ода дракону, летящему в небо» и переведенные на корейский язык «Эпизоды из жизни Будды». Можно предположить, что создавая корейское письмо, Сечжон и его придворные ученые учли опыт создания нескольких систем письменности: китайской, монгольской и уйгурской, но за основу своей системы корейского алфавита они взяли результаты собственных исследований. В первую очередь была разработана теория деления слогов на начало, середину и конец, в отличие от бинарного деления слога, принятого в традиционной китайской фонологии. Одной из особенностей корейского письма является группирование начальных, срединных и конечных букв в слоги. Но корейское письмо существенно отличается от таких систем слогового письма, как японская кана, поскольку представляет собой алфавитную систему буквенно-слогового письма.

Лексика корейского языка состоит из исконно корейских и заимствованных в результате контактирования с другими языками слов. Большинство заимствованных слов китайского происхождения, поэтому их часто называют сино-корейскими словами. Поскольку Корея в прошлом в течение нескольких тысячелетий испытывала влияние китайской цивилизации, в современном корейском языке сино-корейских слов намного больше исконно корейских.

Создание алфавита хангыль считается высшим достижением правления вана Сечжона. Сечжон был убежден, что письменность должна отражать разговорную речь и что все его подданные должны уметь читать и писать. Новая письменность должна была изучаться в казенных школах. Отдельные

ванские указы и другие важные государственные документы, а также научные и художественные книги издавались с применением нового алфавита.

Однако правящая верхушка в целом неодобрительно отнеслась к реформе письменности. Сказывалось укоренившееся в ее среде преклонение перед Китаем. Чиновники и аристократы по-прежнему предпочитали пользоваться китайским языком и письменностью. Корейскую письменность они считали «вульгарной» и даже презрительно именовали ее «женской». В конфуцианских учебных заведениях, как правило, главное внимание уделялось изучению иероглифов. В результате корейская национальная письменность не получила должного признания вплоть до конца XIX — начала XX века.

На рубеже XVI и XVII вв. в обстановке усилившихся социальных противоречий возникло идейное течение сирхак («реальные науки»). Формально деятели сирхак не выходили за рамки официальной конфуцианской доктрины, но делали упор на изучение естественных наук, трудов европейских ученых, новых взглядов по вопросам религии, жизни и быта других народов. Одним из зачинателей движения сирхак считается Ли Сугван (он же Чибон, 1563—1628), трижды посещавший Китай в составе дипломатических миссий. Ли Сугван осуждал стремление изолировать Корею от внешнего мира, резко выступал против ослаблявших страну феодальных междоусобиц, критиковал слепое преклонение перед «великой страной» — Китаем.

Для развития корейской культуры и искусства в XV в. характерно, в частности, что в Корею, как и в некоторых других странах, в качестве высшего проявления грамотности ценилось искусство каллиграфии. По мере своего развития каллиграфия выделилась в самостоятельный вид изобразительного искусства. Более того, она проникла и в средневековую живопись.

В качестве основных жанров национальной корейской живописи цветной тушью и водяными красками в средние века сложились: декоративная «цветы и птицы» и «четыре совершенства» — цветущая слива, орхидея, хризантема и бамбук; пейзаж «горы и воды»; портрет; анималистическая живопись. Все эти жанры, в особенности декоративные, тесно связаны с искусством каллиграфии, непременно сопутствующей изобразительному ряду.

Один из плеяды великодушных мастеров, выходец из ванской семьи, Ли Джон (род. в 1541 г.) писал в основном бамбук, изображая его в различных ракурсах и состояниях. Интересно, что потеряв правую руку во время войны с Японией, Ли Джон продолжал писать левой. Его картина «Ветер и бамбук» выражала не только неистребимое упорство и жизнелюбие растения, но и характер самого художника, всего корейского народа.

9. *Имджинская война (1592—1598 гг.) и ее последствия.* Тяжелым испытанием для Кореи и ее народа явилось вторжение японских завоевателей в 1592 г. (по корейскому календарю в году имджин).

Если во времена феодальной раздробленности Японии мир в Корею нарушали только набеги пиратских отрядов, то после объединения Японии, завершеного в 1585—1586 гг., Тоётоми Хидэёси «понадобилась дорога» через Корею для завоевания китайской империи Мин. В начале 1592 г. Хидэёси подготовил для вторжения в Корею армию в 220 тыс. человек и флот в 9 тыс. человек, а свою ставку расположил на Северном Кюсю. Первые 350 кораблей пересекли Корейский пролив у о. Цусима и в мае 1592 г. высадили 18 тыс. японцев в Пусане и соседнем Тоннэ. Защитники этих городов героически сражались, но все погибли в неравном бою. Далее японские войска практически не встретили организованного сопротивления и быстро продвинулись на север.

Вслед за авангардом Хидэёси двинул вторую и третью группы своих войск. Успехи японских войск были связаны не только с численным перевесом, но и их техническим превосходством. По свидетельству современников,

японские мушкетеры, заимствованные у европейцев, метко стреляли на сотни шагов и «с ними не могли сравниться луки со стрелами». Через несколько недель японцы заняли Сеул и Пхеньян. Позорное бегство вана Сонджо, его наследника и главных министров, не сумевших организовать оборону и не заботившихся о народе, вызвало взрыв всеобщего негодования и массовое сопротивление захватчикам. Небольшие по своей численности отряды народного ополчения «Ыйбён» («Армия справедливости») вскоре стали действовать во всех провинциях и война приняла общенародный характер⁵.

Успешно действовал и корейский флот под командованием Ли Сун Сина. Разгромив японский флот, Ли Сун Син стал господствовать на море и это подорвало позиции японского экспедиционного корпуса в Корее. В морских сражениях Ли Сун Син умело применял покрытые металлическими листами «корабли-черепахи», неуязвимые для вражеского огня и обладавшие хорошей маневренностью. Корейский флот в нескольких операциях сохранил все корабли, а противник потерял сотни кораблей и большое число бойцов. Лишь немногим японским кораблям удалось спастись бегством.

Победы корейского флота у Ангольпхо и Пусана способствовали действиям сухопутного ополчения, в рядах которого сражались около 5 тыс. воинов — монахов из буддийских монастырей. Сыграла свою роль и помощь минского Китая, войска которого переправились через р. Амноккан и вместе с корейцами штурмом освободили Пхеньян, а затем и Сеул.

В ходе начавшихся мирных переговоров придворная знать сумела оклеветать популярного командующего флотом Ли Сун Сина. В результате спровоцированных японцами интриг адмирал был разжалован в рядовые. Сменившее его бездарное командование привело корейский флот к поражению. Только после этой катастрофы в 1597 г. правительство спешно вернуло Ли Сун Сина на пост командующего флотом, и корейский флот, несмотря на свою малочисленность, стал вновь одерживать победы.

В 1598 г. пришло известие о смерти Тоётоми Хидэёси. С этого времени началось бегство японских войск из Кореи. В последнем сражении Имджинской войны в бухте Норянджин получил смертельную рану Ли Сун Син. Умирая, он просил не объявлять о своей смерти до тех пор, пока не завершатся боевые действия. Он вошел в историю Кореи и в память ее народа как великий патриот и флотоводец, спасший родину в один из самых критических моментов ее истории.

Продолжавшаяся около семи лет Имджинская война в конечном счете завершилась изгнанием японцев. Победа обошлась корейскому народу очень дорого. Но война послужила серьезным импульсом к развитию национального самосознания корейцев. Со времени этой войны усилилась тенденция к изоляции Кореи от внешнего мира.

Победа в Имджинской войне не привела к укреплению власти центра. С еще большей силой в Корее обострилась междоусобная борьба, в ходе которой особым влиянием пользовались честолюбивые партии-клики: «северная», а затем «западная». По настоянию «Большой северной партии», взошедший после смерти Сонджона на престол князь Кванхэ совершил такие несовместимые с конфуцианской моралью действия, что впоследствии не смог обрести титул вана. Обвинив в заговоре против верховной власти, Кванхэ убил своего родного брата Имхэ и малолетнего сводного брата Ёнчхана, а также поместил свою мачеху (по конфуцианским понятиям, «царственную мать») в заточение.

Тем временем на севере Кореи консолидировались молодое энергичное чжурчженьско-маньчжурское государство хана Нурхацы — Позднее Цзинь, отторгавшее по частям окраинные владения Минской империи. Попытки Кореи в правление князя Кванхэ удержаться на позиции нейтралитета, а позднее — в 1618 г. — поддержать минский Китай в борьбе с маньчжурами (бывшими чжурчженями) не только не увенчались успехом, но имели прямо противоположный результат. После вторжений 1627 и 1636 гг.

маньчжурская армия практически поставила Корею на колени. По договору 1637 г. о «братском союзе», который был заключен между маньчжурским ханом и корейским ваном, маньчжурские войска были выведены из Кореи, но фактически страна стала вассалом империи Цин. После завоевания маньчжурами Китая свои внешние сношения Корея могла иметь только через эту империю. Следствием договора 1637 г. стало закрытие всех корейских портов для иностранцев и запрет населению Кореи покидать ее пределы.

(Продолжение следует)

Примечания

1. ПАК М. Н. Очерки ранней истории Кореи. М. 1979, с. 207.
2. Корея. Сеул. 1993, с. 67.
3. ВОЛКОВ С. В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М. 1987, с. 216.
4. КИМ БУСИК. Самгук Саги. М. 1959.
5. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. I. М. 1974, с. 220, 244. См. также: НАНМ А. Korea: Tradition and Transformation. Seoul. 1991; JAE UN KIM. The Koreans: Their Mind and Behavior. Seoul. 1991; Sourcebook of Korean Civilization. N. Y. 1993.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Светлое Христово Воскресенье 1857 г. его высочество встретил в Ницце в церкви государыни императрицы с ее величеством, двумя великим княгинями и всеми русскими, бывшими в то время в Ницце и число коих простиралось до 50-ти. В тот же день, вечером, великий князь отправился на пароходе «Олаф» в сопровождении «Выборга», «Палкана» и «Кастора» в Тулон.

Приглашение посетить Францию и побывать в Париже великий князь получил от императора Наполеона еще перед выездом из России, вследствие слов, сказанных государем французскому послу графу Морни: «*Mon frère visitera les côtes de la France et il est autorisé d'aller à Paris s'il invite*»¹. Вследствие этого немедленно последовало приглашение со стороны императора Наполеона и то чрез графа Киселева. Приглашение это было повторено в Ганновере чрез барона Брунова, который отправлялся из Парижа к своему новому посту в Берлине, причем барон Брунов передал его высочеству желание императрицы Евгении, чтоб великий князь посетил Париж весной, в самый лучший момент для Парижа и окрестностей.

Мнения в России насчет предстоявшего путешествия его высочества во Францию были различны. Дипломаты-космополиты, которые желали прежде всего сближения России с Францией и дружеских отношений двух дворов, говорили в пользу этого путешествия, полагая, что удовлетворенное самолюбие императора Наполеона сделает его более расположенным к нам и более сговорчивым во всех случаях, часто встречающихся в политике. Это было весьма важно для нас, ибо в то время, конечно, голос его имел вес решительный. Другие, большею частью русские и не дипломаты, глубоко и живо чувствуя оскорбления народной гордости, нанесенные исходом последней войны и Парижским миром, содрогались при мысли, что русский великий князь поедет, так сказать, на поклонение императору французов, которому Россия обязана тем, что значение и вес ее в Европе уменьшился; эти лица сокрушались, думая, что сын придет на поклон к тому, кто был некоторым образом причиной смерти его отца. Париж называли новой Золотой Ордой и скорбели при мысли о чувствах, которые возбуждают в великом князе рассыпанные в Париже памятники едва окончившейся войны, как то: *le pont de l'Alma*, *le boulevard de Sebastopol*, *le duc de Malakof*², множество трактиров и кофеен *des Vainqueurs de Sebastopol*³ и т. п. Многие еще задолго до отъезда великого князя из России старались отговорить его от поездки в Париж и представляли ему все вышесказанное. Но судьба решила иначе и результат путешествия доказал, что, несмотря на похвальное чувство народной гордости, помянутые лица ошибались и вовсе не предвидели, что путешествие это было необходимо именно для удовлетворения этому чувству и не предусмотрели результатов оною.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1 - 2, 4 - 6, 9.

Прием, оказанный великому князю в Тулоне, был самый блистательный. Многочисленный французский флот был собран там, чтоб салютовать флагу русского генерал-адмирала и во все пребывание его в Тулоне его принимали именно как моряка, как главного начальника русского флота. Великий князь остановился в доме морского префекта и прожил в Тулоне всего неделю, употребляя целый день на посещение адмиралтейства, верфей, магазинов, мастерских и французских судов. Он удивлял французов разнообразием своих познаний, быстрым соображением, памятью и привлекал их к себе простым и церемонным обращением. Вечером за парадным и весьма продолжительным обедом в префектуре собирались ежедневно самые почетные из французских адмиралов и офицеров и все лица свиты его высочества. Остается заметить, что несмотря на все утомление подобных дней великий князь во Франции, как прежде в Ницце и в Германии, каждый день писал супруге своей независимо [от] частых телеграфических сообщений и что разлука, по-видимому, усиливала привязанность его к великой княгине.

Из Тулона великий князь отправился берегом в Марсель, где был принят уже не как генерал-адмирал, но как русский царевич, брат государя. Здесь явились к его высочеству назначенные состоять при нем французский камергер^{IV}, шталмейстер^V и адъютант императора^{VI}. Выехав из Марселя через день, великий князь был принят в Лионе престарелым маршалом Каstellаном, а в Маконе встречен нашим послом в Париже графом П. Д. Киселевым. Переночевав в Массон великий князь 18/30 апреля выехал в Париж. В продолжение всей дороги великого князя принимали самым почетным образом. Везде были выставлены войска, развевались русские флаги, выходили городские и военные начальства; толпы народа наполняли улицы и станции железных дорог. В Париже прием был еще блистательнее, народ наполнял все улицы от железной дороги до Тюльерийского дворца. Принц Наполеон встретил великого князя на железной дороге и повез его в парадных экипажах во дворец в сопровождении блестящего эскорта. Множество русских, бывших в то время в Париже, собрались на станции железной дороги. Император Наполеон встретил великого князя на парадной лестнице Тюльерийского дворца на нижних ступенях. Императрица Евгения приняла его высочество в одной из зал^I. С этого дня все время пребывания великого князя в Париже было чрезвычайно занято: утром приемами, осмотром достопримечательностей, прогулками с императором и императрицей. Вечером его высочество обедал с их величествами и потом бывал или в театре или на балах, которые давали в честь его. Народ, встречая его на улицах и в публичных собраниях, оказывал ему везде большое уважение и вообще парижское общество было довольно его приездом.

На другой же день по приезде в Париж великий князь поехал в нашу православную церковь, занимавшую скромное помещение в rue de Bergu, где собрались все бывшие в Париже русские и явился в полном мундире и ленте к послу как к представителю русского государя.

Вскоре по прибытии великого князя в Париж посол наш, граф Киселев, и члены Парижского комитета наших железных дорог обратились к его высочеству с просьбой по делу, от разрешения коего зависел весь успех этого предприятия. В то время Парижская биржа была в несколько стесненных обстоятельствах и правительство опасалось, что на покупку акций наших железных дорог устремятся большие капиталы. Вследствие этого журналам было запрещено хвалить это предприятие, запрещено было продавать акции на бирже собственно для биржевой игры (*coter a terme*), хотя это допускалось для всяких других акций и облигаций, и оттого происходило, что наши акции не расходились в то самое время, когда обществу нужны были деньги. Если б помянутое запрещение продолжалось долее, все предприятие пострадало бы весьма много. По просьбе графа Киселева великий князь говорил об этом деле с французскими министрами и с императором Наполеоном и просил его отменить помянутые запрещения, которые существовали только в отношении к русским акциям. Наполеон собирал по этому предмету два раза совет министров, приглашал в эти заседания знаменитых банкиров Перейру и Ротшильда и, наконец, согласился исполнить желание великого князя, но при этом следуя правилу «*rien pour rien*»^{VII} и стараясь извлечь для себя выгоду из всякого случая, просил, чтоб русское правительство, для поддержания французской биржи, купило на несколько миллионов французских фондов, дабы поднять курс их. Желание это было сообщено в Петербург, но признано неисполнимым по крайне бедственному

и Россия обязана великому князю, что полезное предприятие это не рушилось в самом начале. Мы увидим далее, что вскоре по возвращении в Россию великий князь оказал этому делу еще другую услугу.

Во время пребывания своего в Париже великий князь имел несколько весьма замечательных разговоров с императором французов, которые всякий раз начинал сам Наполеон и в продолжении коих Наполеон старался изложить великому князю свою политику, или ту систему действий и те начала, которые выдавал ему за свою политику. Видно было, что Наполеон вследствие заблаговременно собранных сведений и вследствие бывших разговоров, понял великого князя и убедился, что дабы быть приятным ему, нужно занимать его не праздниками и парадами и не внешнею пышностью, а, обращаясь к его уму, занимать его беседою о предметах всемирной или по крайней мере европейской важности. Трудно решить, в какой мере он был откровенен, но признаки прямоты и правды были в его разговорах. В продолжение оных он неоднократно высказывал свое презрение к Австрии и недоброжелательство к Англии, хотя сильно поддерживал мысль о необходимости тройственного союза: России, Франции и Англии.

Он начал свои политические разговоры, сказав, что события прошедшей войны принадлежат истории и что теперь можно рассуждать о них хладнокровно как об исторических происшествиях, тем более, что обе стороны могут гордиться славными подвигами и что обе стороны сделали много ошибок, причем, он прибавил с усмешкой, что если Англия не довольна миром, то конечно потому, что на ее долю немного приходится славы, и если Австрия недовольна и находится в ложном положении, то это есть следствие ее двуличного образа действий. «Вы согласитесь,— сказал он,— что во время войны я должен был стараться приобрести на свою сторону Австрию. После ложного известия о взятии Севастополя мы с королевой Викторией получили телеграфическую депешу от австрийского императора, который поздравлял нас «à l'occasion du succès de vos armes»^{VI} и говорил: «Je m'associe entièrement à toutes ses suites»^{IX}. После этого мы были вправе ожидать, что австрийские войска немедленно соединятся с нашими, но вышло не так. Известие о взятии Севастополя оказалось ложным, успех компании становился сомнительным и поведение Австрии тотчас же сделалось двусмысленным.

Весьма желательно, чтоб события, подобные последней войне,— продолжал Наполеон,— войне, которая принесла много горя, много зла, стоила больших жертвований и в сущности не принесла никому пользы, чтоб подобные события не повторялись. Но для этого нужно взаимное заблаговременное соглашение государей европейских, как поступать в случае могущих произойти неожиданно происшествий и в случае каких-либо вопросов. Если составить себе заблаговременно систему действий и условиться заранее в ответах на подобные вопросы, то события последней войны не повторятся. А должно сознаться, что война эта, когда три христианских правительства защищали оружием мусульманское гнилое и невозможное правительство, защищали порядок вещей, который не может и не должен существовать, что подобная война не приносит чести XIX веку. Но общего соглашения всех государей европейских на всякие могущие быть случайности невозможно достигнуть. Достаточно если согласятся самые сильные, т. е. Англия, Франция и Россия, а других можно заставить. Подобные случайности могут возникнуть весьма легко. Возьмем, например, Италию. Народы итальянские не долго будут терпеть австрийские притеснения, нелепости папского управления и средневековые действия короля неаполитанского. В случае общего восстания может ли Европа остаться спокойным зрителем. Но с другой стороны в то время не будет ли уже поздно рассуждать, как устроить Италию. Мне кажется, что решить это надобно заблаговременно и всего бы лучше устроить федерацию итальянских государств под протекторатом папы, которому следует отдавать большие почести, но не давать никакой власти светской. Можно ли также предполагать, что гнилое, больное турецкое правительство долго продержится и не следует ли заблаговременно решить как поступить с Турцией».

«Ваше величество,— сказал тут великий князь,— повторяете слова моего родителя, за которые вся Европа восстала на него». «И покойный император был прав — сказал Наполеон,— но его не поняли и ему не поверили. Мне казалось бы, что Турецкая империя может составить так же ряд небольших государств, из коих

оно составится из княжеств, другое получит Константинополь и т. д. Подобные государства самую слабостью своею не могут возбуждать ничьей зависти, ничьих опасений. При подобных установлениях и вообще в политике не следует вмешиваться в дела, в которых не имеешь прямого собственного интереса, но в которых другой имеет интерес. Вмешательство в такие дела и помеха другому есть доказательство явного недоброжелательства, а этого не должно быть. Так, например, Англии не следует отнюдь вмешиваться в наши африканские дела. Если б Пруссия вздумала округлить свои владения променами или другими способами, я не вижу повода мешать ей. Не будет ли удобно для вас владение Галицией? Скажите все, что слышали от меня вашему брату императору». Великий князь обещал передать весь разговор в точности государю, но, следуя наставлениям его величества, воздержался от сообщения Наполеону своих мыслей и убеждений, и потому ни слова не было сказано между ними о федерации славянских земель. Помянутый разговор повторялся как в Париже, так и в Фонтенебло, где его высочество провел четыре дня перед отъездом из Парижа.

Основываясь на словах Наполеона, что в политике не следует мешать другому, там где не имеешь своего интереса, великий князь просил его поддержать нас в споре с англичанами по делу о назначении консулов в Персию, и Наполеон обещал это.

Во время пребывания своего в Париже великий князь принимал бывших там русских и несколько раз обедал у графа Киселева, с французскими министрами, маршалами, русскими почетными лицами и сверх того, чтоб видеть большее число русских, был на рауте у посла нашего. Еще в Ганновере великий князь составил программу занятий своих в Париже, и в эту программу входили посещения многих ученых учреждений, но император французов заменил их посещением: скачек в Лоншане, обеденным завтраком в Villeneuve l'Stand, охотой и прогулками в Фонтенебло и оттого произошло, что великий князь вовсе не был в академиях, а обсерватории, где провел бы с удовольствием целый день, мог посвятить только один час ².

Из Парижа его высочество ездил в Creuzot осматривать огромный завод, где по его заказу изготовлялись для нашего флота паровые механизмы и затем отправился в Бордо, где строились в то время винтовые суда наши фрегат «Светлана», корвет «Баян» и яхта государя императора «Штандарт». Здесь его высочество был принят еще с большим энтузиазмом, чем в других местах, ибо все рабочее сословие было признательно ему за сделанные заказы. В Бордо великий князь сел на французский пароход «Королева Гортензия» и на нем посетил порты Рошефор, завод Indret, Лориан, Брест и Шербург. Во всех этих местах он удивил французов своими познаниями и возбудил их уважение любознательностью. Великого князя всего более поразила огромность запасов в лесах, металлах и разного рода принадлежностях для строения и вооружения судов. Он видел ряды полудостроенных судов, которые остаются на элингах, видел огромные мастерские и большие механические способы. Что же касается судов французского флота, то не подлежит сомнению, что совместное плавание с англичанами во время последней войны и возбужденное тем самым соревнование имело весьма полезные последствия для усовершенствования офицеров и матросов в морском искусстве. В Шербурге великий князь пересел на английский пароход «Осборн» и по приглашению королевы Виктории полученному еще в Париже, отправился на остров Вайт в небольшое имение королевы «Осборн». Здесь его высочество нашел самый радушный дружеский прием и, пробыв сутки, отправился в Кале, оттуда в Антверпен, Гаагу и Ганновер, где нашел великую княгиню и, пробыв с нею неделю, поехал в Киль и оттуда на пароходе «Рюрик» отправился в Кронштадт, куда и прибыл 3/15 июня.

В Осборне великий князь имел серьезные разговоры наедине с двумя министрами — Пальмерстоном и Кларендоном насчет консулов на Каспийском море. Английские министры прямо высказали, что главный руководитель их политики суть материальные выгоды Англии, и что они посылают консулов и агентов всюду, где надеются найти новые пути английской торговле и сбыт товарам, и что этому правила намерены держаться относительно Персии и Каспийского моря.

В Бельгии и Голландии великого князя принимали со всеми почестями, подбавшими его сану, но, торопясь к великой княгине, он остался в обоих государствах весьма недолго.

Путешествие великого князя по Франции было как бы триумфальным шествием, так велики были знаки уважения, которые ему оказывали и почести, которыми окружали. Нигде и ни в чем не было замечено, чтобы последняя война оставила какие-либо следы недоброжелательства двух народов. Французы имели непрестанно в виду значение России в ряду европейских государств, питали вообще к ней уважение и большое сочувствие и нисколько не думали о тех неудачах, которыми эта война сопровождалась для нас и которых русские, в Москве и внутри России не могли еще забыть. Посему путешествие великого князя во Францию вовсе не имело того значения поклонения Золотой Орде Парижской, которое придавали ему многие русские, имевшие более сердца патриотические, чем проницательные умы. Напротив того, путешествие это возвысило Россию в Западной Европе, показав, каким образом русского царевича как представителя этого могучего государства принимают на берегах Рейна и Сены и какие почести отдают ему образованные правительства, понимающие силу и будущность народа русского. Описания путешествия великого князя с малейшими подробностями его действий и разговоров с жадностью читались во всей Европе и в особенности в России, где народное самолюбие находило себе полное удовлетворение. Впрочем, надобно сознаться, что было бы трудно выбрать лучшего представителя России и должно отдать полную справедливость образу действия великого князя во все время его путешествия.

В этом отношении правдивый рассказ о поведении великого князя во все время французского путешествия содержат письма, которые один из спутников его высочества^x писал императрице Александре Федоровне в Ниццу и Рим, исполняя приказание, данное ему ее величеством при отъезде его с великим князем из Ниццы в Тулон. Материнское сердце императрицы, расставаясь с сыном, опасалось исхода его путешествия и беспокоилось сумеет ли он поддержать достоинство свое в трудных обстоятельствах. <...>^{xⁱ}

Приехав в Петербург, великий князь узнал, что государь находится в Царском Селе, и потому немедленно отправился туда и провел весь день с государем и императрицей. Здесь великий князь узнал, что предполагавшееся путешествие по России он должен отложить до будущего года, ибо государь намеревался в течение лета и осени съездить два раза за границу и оставлял великого князя председателем правительственной комиссии, которую составлял из генерал-адмирала князя Орлова, военного министра Сухожанета и статс-секретаря Блудова. Вскоре после того государь уехал, назначив великого князя также членом секретных комитетов: о раскольниках, под председательством митрополита Петербургского, и комитета, учрежденного для изыскания средств к освобождению крепостных крестьян, под председательством князя Орлова.

Через несколько недель государь воротился из-за границы, а вслед за тем прибыла императрица Александра Федоровна с великим князем Михаилом Николаевичем и невестою его принцессою Цецилиею Баденскою. Вскоре после того воротилась из-за границы и великая княгиня Александра Иосифовна с августейшими детьми своими. В августе 1857 г. последовало бракосочетание его высочества Михаила Николаевича и обыкновенные по этому случаю празднества и затем государь отправился вновь за границу.

Великий князь провел лето большею частью в Стрельне, занимаясь делами и по временам ездил в Кронштадт, куда прибыло в течение лета несколько судов из дальнего плавания и откуда отправлялись эскадры в Черное море и на Амур. Во время странствия великой княгини великий князь, в свободное от работы время, занимался устройством в Стрелинском саду для ее высочества небольшого, изящно убранного домика, а по приезде великой княгини, проводил все свободное время с нею.

Лето 1857 г. весьма знаменательно не только по участию великого князя во многих важнейших государственных делах, но и по направлению, которое он дал этим делам.

По возвращении в Россию он прежде всего пожелал узнать состояние финансов и для этого потребовал от министра финансов все необходимые сведения. Увидев из них в подробности до какой степени затруднительно наше положение, великий князь принял за неперемное правило сокращать расходы по Морскому ведомству до последних пределов возможности.

В морском ведомстве великий князь был полный хозяин, ибо государь вполне

предоставлял ему распоряжаться морскою частью по собственному усмотрению. Посему не стесненный другими лицами великий князь ввел в это ведомство вполне логичную систему действия, систему, которая должна бы существовать во всех управлениях, и которая явилась только в морском ведомстве в августе 1857 года. Его высочество определил с одобрения государя, тот состав флота, который Россия должна иметь в разных морях сообразно политическому значению своему, и предположил достигнуть этого состава в период 20 лет, рассчитав на этом основании ежегодные кораблестроительные работы, заказы судов и механизмов; постепенное увеличение морских команд, обучение их, ежегодные с этою целью плавания судов, величину морских учебных заведений и пр. и на этом основании поручил управляющему Морским министерством рассчитать способы адмиралтейств верфей, заводов, мастерских и величину запасов. Таким образом, морское начальство, ясно видя цель своих трудов и имея перед собою на 20-летний период программу своей деятельности, могло работать не наобум, идти не ощупью, но с полным сознанием того результата, к которому следует стремиться, и времени, в продолжение которого надобно достигнуть оного. Действуя на основании этой общей системы великий князь в течение лета 1857 г. часто ездил в Кронштадт, чтоб изготовить там к отправлению: в Черное море — отряда винтовых корветов и в Восточный океан — винтового фрегата, несколько корветов и клиперов в распоряжение генерал-адмирала графа Путятина, которого китайцы не допустили проехать в Пекин сухим путем и который поэтому отправился в залив Почели на пароходе «Америка», бывшем в устьях Амура.

Председательствуя в правительственной комиссии великий князь заслужил благодарность всех членов разумным и спокойным образом ведения дел этой комиссии, и государь неоднократно благодарил его высочество за труды его. В это время по настоянию великого князя, приняты были некоторые весьма важные меры. Вследствие открытых в Николаеве в морском ведомстве важных злоупотреблений по комиссариатской и провиантской части послана была туда по высочайшему повелению из С.-Петербурга особая следственная комиссия. В Астрахани и Архангельске гражданское управление губерниями отделено от управления в них морскою и военной частью и гражданские губернаторы подчинены непосредственно министру внутренних дел. Наконец, для облегчения работ самого государя императора составлена была особая записка, в коей исчислены те дела, которые по заведенному порядку, представляются его высочеству и которые вовсе не заслуживают по своей маловажности внимания государя. Рассмотрев эту записку, государь отменил представление ему некоторых из помянутых дел.

Важнейшим административным трудом великого князя в это время было участие его высочества в деле освобождения крестьян, в комитете, который был учрежден на сей предмет государем еще в январе 1857 г. под председательством князя Орлова, и который до времени назначения в оный членом его высочества не пришел еще ни к какому результату. Комитет рассмотрел в продолжение зимы около 80 проектов, представленных разными лицами о способе освобождения крестьян, но все признал неудовлетворительными и не мог согласиться в главных началах того важного и крайне необходимого преобразования. Заседания комитета проходили в горячих, но бесплодных спорах, и все члены находили, что в этих заседаниях нет никакого толка. Председатель, желая решительно окончить чем-нибудь занятия комитета и затем упразднить оный, предложил гг. членам письменно ряд вопросов по предметам, о которых спорили в заседаниях. Ответы великого князя прилагаются. (См. примечание XIII). По получении ответов от всех членов составлен был свод оным и рассмотрен в заседании, бывшем 14 августа в Петербурге. Это заседание было столь же шумно, как и все остальные, и осталось бесплодно.

16 числа было новое заседание, в котором продолжались те же споры. В этом заседании великий князь в прекрасной импровизации изложил гг. членам свое предположение. Он объяснил, что при настоящем положении дела следует заняться не подробностями оного, но составить себе общий план действий, решить как вести дело и что для этого из мнения каждого члена можно извлечь полезные мысли. Следуя этим путем, он предложил разделить все дело освобождения крестьян на три периода: приуготовительный, или период изучения дела и добровольного соглашения; переходный, или освобождения обязательного, но не полного,

и окончательный, или период полной свободы крестьян. В первом периоде его высочество предлагал принять одновременно следующие меры: 1) собрать разные статистические сведения о помещичьих имениях; 2) собрать мнения предводителей и помещиков о лучшем способе освобождения крестьян в различных местностях, 3) издать указ, которым дозволить помещикам освобождать крестьян по добровольному соглашению на каких угодно условиях, не стесняясь прежними законами о вольных хлебопашцах и обязанных крестьянах, но с непременною условием -- сохранения крестьянам оседлости; 4) в то же время, дабы побудить помещиков воспользоваться этим указом, издать разные правила, смягчающие крепостное право и ограничивающие власть помещиков. В продолжение этого периода составить на основании сведений, которые будут собраны, закон для обязательного освобождения крестьян. Второй период начался бы со времени издания этого закона и в продолжение оного крестьяне оставались бы в некоторой зависимости от помещиков. Наконец, третий период начался бы с того момента, когда прекратилась бы всякая зависимость крестьян от помещиков.

Великий князь изложил эти мысли весьма ясно, просто и убедительно, и комитет согласился с ним. На этом основании был составлен журнал, 17 числа подписан всеми членами и 18 числа утвержден государем.

Государь император в тот же день благодарил брата своего за его труды и выразил, что с каждым днем более и более ценит его.

Участие великого князя в деле освобождения крестьян сделалось весьма скоро известным и возбудило против него в сословии помещиков недоброжелательство, которое по мере приближения этого дела к концу, более и более усиливалось.

Весьма благодетельно было также участие великого князя в делах о раскольниках, хотя впрочем только в июле 1857 г. он начал заниматься оными, будучи назначен членом секретного комитета о раскольниках, состоявшего под председательством митрополита С.-Петербургского из лиц духовных и светских. В этом комитете в царствование императора Николая Павловича рассматривались дела о раскольниках, и он давал направление общей системе действий правительства относительно этих людей. Система эта состояла в том, чтобы, преследуя строго все гражданские преступления раскольников, тем самым побуждать их переходить в единоверие или православие, причем гражданскими преступлениями почитались действия, следовавшие из религиозных верований. Так например, брак раскольника, совершенный не в православной церкви, признавался блудным сожитием и дети от такого брака считались незаконнорожденными.

Система эта была ложна в основании своем, ибо весьма часто признавали преступлением действие, которое по религиозному убеждению раскольника не составляло преступления, и потому что принимали в православную церковь людей, которые внутренне проклиная оную, вступали в нее для того только, чтоб избавиться от преследований полицейских чиновников. Тем самым святой православной церкви наносилось явное оскорбление, но, к сожалению, должно сказать, что пастыри этой церкви не замечали этого и увлекались страстью и ненавистью к раскольникам, которые не признавали над собою их власти и часто более и лучше их знали правила церковные. Православное духовенство возбуждало меры преследования и требовало строгости и жестокости там, где нужны были меры кроткие, поучение и вразумление. Помянутая система была вредна еще и потому, что, давая простор произволу низших агентов полиции, она возбуждала и поддерживала в нескольких миллионах коренных русских не только недоброжелательство к правительству, но даже злобу против него и побуждала их искать вне России удовлетворения своим духовным потребностям.

В конце царствования императора Николая Павловича учредилась вне России, в Галиции, раскольничья митрополия и на московские деньги воздвиглись там богатые монастыри, которые присылали в Россию раскольникам не только священников, но даже архиереев. Политический вред этого очевиден. Положение нашего духовенства в помянутом комитете было ложное, ибо, почитая раскольников отступниками от православия, оно не могло делать в пользу их уступки от правил церкви, но участие духовенства было сверх того и вредно, ибо в деле, которое требует хладнокровного обсуждения, оно увлекалось страстью. Великий князь вскоре заметил это обстоятельство, говорил государю, и вследствие того состоялись повеления: некоторые вопросы, касающиеся раскольников, рассмотреть в помяну-

том комитете без участия духовных членов. Вопросы эти (касательно способа производства ревизии) решены были в духе терпимости. В это же время великий князь говорил государю и некоторым лицам о системе принятой у нас относительно раскольников вообще.

Признавая, что раскольники поповщинской секты или собственно старообрядцы составляют особую церковь, исповедуют особую веру, великий князь находил крайне несправедливым лишать их тех прав, которыми пользуются в России протестанты, евреи, магометане и язычники, и что поэтому крайне несправедливо не признавать законными их жен и детей, лишать их права вступать в гильдии, оставаясь в своей вере, и что крайне неправильно подчинять их особенным секретным учреждениям, изъемя от зависимости Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел и Комитета министров и Государственного совета. Его высочество полагал, что дела их должен ведать помянутый департамент, который следует только переименовать в Департамент иноверных исповеданий, и что затем следует действовать в отношении к ним в духе терпимости, которого требует наша православная церковь, и склонять их ко вступлению в лоно церкви не преследованием, но поучением и убеждением, доказывая превосходностью учения этой церкви. Великий князь приводил в доказательство справедливости этого воззрения на дело историю и особенно пример гугенотов во Франции, где с прекращением преследования исчезло даже самое имя раскольников, и говорил, что история не отступит у нас от своих вечных законов, что преследование и принуждение в делах веры и совести будут только возбуждать изуверство, злобу против правительства и что ослушники его воли будут гордиться наказаниями, которым их подвергнут, станут называть себя мучениками. Этот взгляд великого князя на дело раскола обещал благодетельные плоды в будущем.

В конце августа великий князь занялся в Стрельне пересмотром проекта учреждения Морского министерства, исправленного по замечаниям, полученным от разных лиц. При этом труде вновь проявилась его попечительность о подчиненных своих и желание подчинить действия свои высшему контролю и ответственности. Дабы назначить подчиненным своим содержание, которое доставило бы им возможность жить на службе безбедно и прилично, его высочество приказал потребовать примерные бюджеты годового расхода лиц, занимающих разные должности по министерству, и на основании этих бюджетов положить содержание в проект штата, а для подчинения действий своих наблюдению Государственного совета великий князь внес в проект правило, что генерал-адмирал представляет ежегодно отчет в своем управлении Государственному совету.

[Путешествия А. В. Головнина за границу в 1858—1859 годах]

Весной 1858 г. Головнин отправился за границу. До Кенигсберга он ехал в почтовой карете, оттуда по железной дороге в Берлин, где остался недолго и проехал в Париж. Здесь он остановился у лицейского товарища своего Рейтерна, провел несколько дней в Париже и поехал с Рейтерном на морские купания в Трувиль. Возвратясь в августе в Париж, он ездил на несколько дней к великой княгине Елене Павловне в Остенде и оттуда воротился в Петербург морем через Штетин. Все это путешествие было отдыхом и приятной прогулкой по местам большею частью весьма знакомым, без стеснительной обязанности являться к разным дворам, но с совершенной свободой действия.

В Париже Головнин часто виделся тогда с послом нашим графом Киселевым, который сохранил самое приятное воспоминание о великом князе Константине Николаевиче, а в Трувиле — с молодым князем Николаем Орловым (впоследствии посланником нашим в Брюсселе), о котором упоминается в одном из писем Головнина к императрице Александре Федоровне. Из окрестностей Парижа он ездил к тестю Орлова князю Н. И. Трубецкому в прелестный загородный дом его, Bellefontaine близ Fontainebleau.

Во время спокойной жизни в Трувиле он мог предаваться любимому занятию своему — чтению исторических сочинений, и вовсе забыть дела и бумаги.

По возвращении осенью в Россию он недолго там оставался, ибо в октябре того же 1858 г. вновь отправился с великим князем Константином Николаевичем за границу: через Кенигсберг в Берлин, Ганновер, Штутгарт, Ниццу, Париж, опять

в Ниццу, Палермо, Неаполь, Афины, Иерусалим, Константинополь, Николаев; оттуда чрез Москву в Петербург, морем прямо на остров Вайт и в сентябре 1859 г. окончательно в Петербург. Это интересное путешествие, за которое он навсегда останется благодарным великому князю, продолжалось почти год — с октября 1858 по сентябрь 1859 года. Оно оставило ему много приятных воспоминаний и произвело глубокое впечатление.

Начало путешествия не было занимательно. Опять приходилось при разных германских дворах, соблюдая утомительный придворный этикет, участвуя при длинных и скучных официальных обедах и столь же скучных вечерах, отвечая натянутыми любезностями на наружную вежливость, встречая весьма мало интересных и замечательных лиц и не имея возможности узнавать истинное положение края, его настоящую жизнь, потребности, умственную работу, которая в нем происходит. В Ницце уже не было этой утомительной стороны путешествия, и явилась опять восхитительная природа Италии, южная теплая зима, живительный воздух, голубое небо и море. Южная природа представляется еще прелестнее в Неаполе и Палермо. Там уже другая растительность, солнце светит ярче, небо темнее. Палермский залив красотой своей соперничает с Неаполитанским и с Босфором, но трудно решить, который из них лучше. Головнину удалось в 1859 г. видеть все три. Кажется, что о них можно сказать то же, что о трех грациях: та из них представляется красивее, на которую смотришь. Окрестности Палермо чрезвычайно живописны. Каждый бедный домик, каждый обрыв, каждое дерево могут быть предметом прекрасного рисунка.

Великий князь поселился в предместье Палермо, называемом «Оливуцца» в доме княгини Бутера-Радалли, где жила в 1845 г. императрица Александра Федоровна. Жители Палермо с благодарностью вспоминали пребывание ее величества. Все образованное общество часто приглашалось на праздники в Оливуццу и находило самый ласковый внимательный прием, а бедные получали от императрицы щедрые пособия. Сад при доме княгини Бутера был весьма замечателен. Искусный садовник собрал там только такие деревья, которые сохраняют зелень всю зиму. Некоторые тропические растения там росли очень порядочно. Головнину особенно памятно два дня, когда утром невиданный в Палермо снег покрыл весь сад, пролежал до половины дня, а к вечеру стаял, и розы явились опять в полном цвету, а в кустах заискрились светящиеся жучки.

Появление невиданного минутного гостя — снега, привело в движение все население Оливуццы, которое высыпало на улицу. Дети с шумом и веселыми криками бросились подбирать его и хохотали, когда он таял у них в руках. Мужчины и женщины, стоя у дверей домов, улыбались, глядя на их игры. Удивление было всеобщее.

В распоряжении великого князя генерал-адмирала находилась в Палермо прекрасная русская эскадра. Командиры и офицеры приглашались по очереди к обеду и на вечера на виллу Бутера. Сверх того, многие из постоянных жителей Палермо приглашались к их высочествам.

В Неаполе великий князь провел месяц гостем короля, который жил в то время в Казерте и был опасно болен. Их высочества жили в самом Неаполе на берегу залива в небольшом дворце «Chiatamone». Головнин и некоторые лица свиты жили в другом дворце «Foresteria».

В бытность свою в Палермо и Неаполе великий князь находился в постоянной переписке с И. И. Ростовцевым по делу об освобождении крестьян. Ростовцев был в то время председателем редакционных комиссий, которые занимались составлением проекта той реформы, которая должна была обессмертить имя императора Александра II. Великий князь еще не знал в то время главного деятеля по этому делу, которому принадлежит честь изобретения всех мер, ведения дела, победа над многочисленными препятствиями и который тогда был вдохновителем Ростовцева — Н. А. Милютин.

Чем очаровательнее казалась природа в Сицилии и Неаполе, тем прискорбнее и отвратительнее являлись дела людей, именно вся система действий правительства и духовенства. Путешественника, побывавшего в разных других странах и, между прочим, весьма недавно жившего в Пьемонте, противоположность еще более поражала. Самый капризный невежественный деспотизм правительства, административный произвол, система полицейского преследования в самых больших размерах,

полное отсутствие законности, уважения к правам граждан, отсутствие малейших признаков свободы, простора, самоуправления - вот отличительные черты правления последних Бурбонов в Неаполе. Следствием этого была сильная ненависть и презрение к правительству, горячее желание освободиться от его гнета, всеобщая бедность в крае, невежество и нравственное растление. Иначе и быть не могло при колоссальных размерах шпионства и перлюстрации. В Палермо говорили, что там на каждого жителя приходится по одному полицейскому, по одному шпиону и одному монаху. Если численное отношение и не совсем верно, то тем не менее оно правильно выражает господствовавшую систему.

Множество монастырей, наполненных тунеядцами и владевших огромными имениями, которые дурно управлялись и не приносили половины должного дохода, были настоящею язвою края. Монахи и вообще католическое духовенство как-то особенно умели поселать в образованных классах религиозный индифферентизм, в низших сословиях суеверие и воспитывать несколько невежественных фанатиков³.

Религия очевидно более всего теряла при этом порядке вещей, и ничего не могло быть менее сходно как, с одной стороны, весь образ действия католического духовенства, обряды и непрерывные уличные процессии и церемонии, жизнь в монастырях, а с другой - нравственное учение Евангелия. Можно сказать, что правительство и духовенство систематически портили население и дружными усилиями удаляли от него духовное развитие, чувство благородства, честность и религиозность.

Убеждения эти Головнин вынес не из разговоров с лицами, составлявшими тайную оппозицию, с либералами и вольнодумцами, ибо по своему официальному положению он не мог знать и видеть их, но из знакомства с лицами правительственными, которые не скрывали своих действий и не видели в них ничего предосудительного. Такой порядок вещей не мог продолжаться долго. В Неаполе и Сицилии слишком много накопилось ненависти и желчи против правительства и духовенства, но невозможно было предвидеть, когда и в каком виде последует катастрофа.

Из некоторых сообщений короля Виктора Эммануила и принца Кариньянского великому князю можно было однако заключить, что в Италии и Австрии готовятся в ближайшем будущем важные события и что пьемонтское правительство не будет чуждо им. Более этого Головнин ничего не знал, но от души желал прекрасной Италии освобождения от деспотизма, от административного произвола, системы шпионов и перлюстрации, от монахов и преобладания духовенства и желал ей водворения законности, уважения к правам граждан, религии евангельской с ее высоким нравственным учением, самоуправления как в центре государства, т. е. участия граждан в политических делах, так и местного, т. е. в делах хозяйственных, и свободы печати как охранителя и стража всех прочих отраслей свободы. Не думал он тогда, что для Италии эти первые блага так скоро осуществляются и что даже старики того времени ими воспользуются.

Переход из Неаполя в Пирей и оттуда в Яффу в весенние месяцы 1859 г. был очаровательной прогулкой. На Мессинском рейде великий князь встретил нашу Пасху и праздновал Светлое Христово Воскресенье на русской эскадре по-русски.

Плавание по архипелагу было особенно приятно. Подходя к берегам Греции нельзя было не любоваться ими, хотя горы Греции представлялись совершенно обнаженными и лишенными всякой растительности. Но удивительное освещение ложного солнца, синева неба и моря, игра света и теней и изменявшая несколько раз в день их очертания, придавали им невыразимую прелесть.

В Афинах великий князь провел гостем короля неделю, жил с лицами свиты во дворце его величества и каждый день осматривал остатки древности. Акрополис был показан его высочеству при разноцветном освещении бенгальскими огнями. Впечатление, произведенное им, невозможно описать. Пребывание в Греции было тем приятнее, что оно случилось раннею весною, в то время когда еще все было зелено, когда жары не успели иссушить травы и деревьев.

Король Оттон был исполнен внимательности к их высочествам и старался сделать все, что мог, чтоб доставить им удовольствие.

Великий князь, осматривая Афинский университет, обратил особенное внимание на библиотеку одного, составившуюся из книг присланных из разных мест Европы в дар при объявлении независимости Греции и простиравшихся до 100.000 томов. Его высочество заметил, что русских книг в библиотеке весьма мало,

и потому из Афин писал разным лицам и учреждениям в Россию, предлагая доставить на наших военных судах книги, которые будут пожертвованы Афинскому университету. Вследствие сего в течение года собралось в Морском министерстве довольно значительное количество книг, которые и были отправлены в Афины.

Не нужно было долго оставаться в Греции, чтоб видеть, что правление короля Оттона крайне непопулярно, что этот государь, в течение 30-летнего царствования ничего почти не сделал существенного для блага края, что небольшие денежные средства оно расходовались постоянно на предметы бесполезные и непроизводительные, что Россия более и болсе теряла в Греции приверженцев, а влияние Англии возрастало и что необходим переворот в правительстве, дабы Греция могла правильным путем пойти к лучшей будущности. Король и королева не понимали этого. Они перенесли в Грецию обычаи, церемонии и узкие взгляды маленьких германских дворов, придавали большой вес мелочным требованиям этикета, вовсе не понимали коренных существенных нужд края, не сознавали ясно цели к которой должны бы стремиться, а потому уже не могли верно выбрать и необходимые средства.

Прибыв в Иерусалим в мае 1859 г. великий князь нашел там великолепный прием со стороны греческого патриарха, у которого поселился в доме патриархии, и со стороны духовенства других исповеданий и турецкого генерал-губернатора и провел там около 10 дней, посещая святыни Иерусалима и окрестностей, а затем отправился через Яффу в Константинополь. Во время пребывания его высочества в Палестине команды наших судов имели утешение побывать в Иерусалиме и поклониться Гробу Господню.

Головнин прибыл туда накануне сего высочества, совершив верхом переезд от Яффы до Иерусалима через пустынные, обнаженные Иудейские горы. Вид страны как-то особенно уныл и печален. Он никогда не забудет первого впечатления, произведенного на него Иерусалимом, когда с вершины последней горы он увидел св. Град, освещенный вечерним солнцем. Въехав в город, он прямо поехал к храму Гроба Господня и был впущен в часовню, где находится величайшая святыня христианства^{xii}.

Кроме очередного монаха он нашел там только одного богомольца — русского крестьянина в светло-сером кафтане и лаптях, пришедшего в Иерусалим из Астрахани. Конечно, везде можно молиться и молиться усердно, но есть местности, есть обстановка, которые особенно располагают к молитве, вызывают ее, возбуждают молитвенное настроение. Здесь Головнин горячо и усердно молился за добрую мать свою.

Во время плавания по архипелагу и пребывания в Иерусалиме великий князь имел утешение видеть успех двух полезных предприятий, задуманных им в России еще за два года перед тем. В разных местах он уже видел на деле пароходы Русского общества пароходства и торговли, которое ему удалось учредить в Черном море по образцу австрийского Ллойда и против которого встретил столько сопротивления в Петербурге, которое надобно было преодолеть.

В Палестине благодаря деятельности и горячему усердию избранного им необыкновенно способного лица, Б. П. Мансурова, он нашел, что для русских поклонников устроены временные приюты в разных городах, больницах и куплены места для постройки постоянных странноприимных заведений, которые вскоре потом воздвиглись у ворот самого Иерусалима.

Это было также одно из тех полезных предприятий, которые возбудили столь различные толки и которые зависть и недоброжелательство к великому князю так сильно критиковали в Петербурге. Теперь, по прошествии многих лет очевидно, что эти предприятия составили огромную заслугу его высочества.

10-дневное пребывание в Константинополе, в гостях у султана было рядом прогулок и праздников, театром коих был живописный Босфор, роскошные киоски и дворцы при яркой пестроте восточных костюмов и южном ярком солнце. Великий князь жил на Босфоре, во дворце Эмиргян. Достаточно было кратковременного пребывания на Босфоре и поверхностного знакомства с правительственными лицами в Турции, чтоб убедиться, что старая Турция с ее обычаями, преданиями, верованиями, религиозным фанатизмом исчезает, и что на место турок прежнего старинного закала является ничтожное молодое поколение полу-мусульман, полу-европейцев, которые потеряли солидные качества отцов, а из Европы вынесли только наружный лоск образования, без верований, без убеждений, поклонники

денег и легких увеселений. При подобном составе лиц турецкого правительства неудивительно, что английское и французское правительства приобретали в Турции более и более силы и что консулы их в провинциях значили более, чем сами паши генерал-губернаторы области, — нужно было только полное твердое соглашение этих двух правительств, чтобы дать Турции то устройство, которое они захотели бы. Влияние России и в Турции как и в Греции более и более уменьшалось. И здесь и там знали нашу слабость, вследствие неимения железных дорог, расстройств финансов и необходимости держать огромные армии в Польше и на Кавказе. Англичане и французы не останавливались объяснять турецким и греческим министрам эти причины нашего бессилия, и те и другие ясно видели, что от нас им нельзя ожидать ни пользы, ни вреда. К этому следует присовокупить, что многолетний несчастный выбор наших посланников немало содействовал к уменьшению значения России на востоке.

Плавание из Константинополя до Николаева, кратковременное там пребывание, быстрый переезд из Николаева в Петербург, переход отсюда на фрегате «Светлана» на остров Вайт, пребывание в Райде и возвращение в сентябре на фрегате «Генерал-Адмирал» в Петербург, ничего не представляют особенно замечательного. Во время этих быстрых передвижений никакие занятия не были возможны, и они были просто приятной в некоторой степени потерей времени.

[Проекты преобразования управления морским ведомством и портами]

В Петербурге великий князь воротился к обычным своим занятиям по флоту и другим отраслям государственного управления.

Осенью 1859 г. рассматривались в Государственном совете составленные его высочеством проекты образования управления морским ведомством и портами. Этот труд занимал великого князя несколько лет, и он работал над ним не только в Петербурге, но и в Ганновере, Ницце, Палермо. Главная мысль одного состояла в том, чтобы: 1) дела административных учреждений морского ведомства распределить правильно между центральным управлением, т. е. министерством и управлениями местными, т. е. портами, с тем, чтоб сии последние решали сами все дела, которые они могут решить столь же хорошо, или лучше, как центральное управление. Следствием этого являлось расширение власти портовых начальников и уменьшение количества дел в министерстве, т. е. децентрализация управления. 2) Отмена всякой излишней канцелярской работы и разных обрядов делопроизводства, без которых возможно обойтись. Следствием этого являлось значительное сокращение труда в министерстве и портах. 3) Вследствие уменьшения письменного труда сокращение числа чиновников и увеличение содержания тем, которые останутся на службе, на счет сумм, остающихся свободными от упразднения ненужных должностей.

Государственный совет полагал ввести этот проект в действие в виде опыта на 5 лет.

Государь, утвердив мнение Государственного совета 24 декабря 1859 г. вместе с тем против объяснения, что Морское министерство, усиливая власть местных начальств, сокращая делопроизводства, уменьшая число чинов и обращая сберегаемые от этого уменьшения денежные способы на увеличение окладов остающимся чинам, прежде всех других министерств приступило к тому, к чему рано или поздно приступят все другие министерства в приличных для них размерах — написал собственноручно: «И что я поставляю в пример всем министрам и главноуправляющим, надеясь и возлагая на их попечение, достигнуть того же и по вверенным им управлениям».

Эта высочайшая резолюция усилила в разных лицах недоброжелательство к великому князю и возбудила зависть. Впоследствии чувства эти вследствие стечения разных обстоятельств приняли большие размеры и причинили ему немало вреда.

Должно сказать, что проект преобразования административных учреждений морского ведомства как в самом Морском министерстве, когда он составлялся, так и в Государственном совете, когда, там рассматривался, встретил большое противодействие и нужна была большая энергия и твердость со стороны великого князя, чтобы провести оный. Эта реформа подробно описана в особой брошюре, напечатанной в 1860 году с эпиграфом ⁴.

Во всеподданнейших отчетах, представленных государю великим князем по морскому ведомству за годы 1856, 1857, 1858 и 1859, находятся следующие замечательные места: упоминая о дальнейших плаваниях последних лет великий князь говорит: «Появление русского флота в морях крайнего востока много содействовало к усилению там нашего политического влияния... все эти экспедиции доставили нашим офицерам и командам морскую практику, совершенно необходимую после усиленного бездействия во время войны и прежних редких плаваний и послужили морскому начальству указанием, какие следует принимать меры при отправлении вновь судов за границу, дабы извлечь из этих плаваний сколь возможно более пользы и не повторять сделанных ошибок и упущений. Основываясь на указаниях опыта, между прочим, полагаю назначить на каждое судно менее офицеров, чем как это делалось до сих пор... Сверх того, оказывается более полезным посылать суда из Кронштадта отдельно, а не целыми отрядами; при отдельной посылке каждое судно не связано ходом других судов, каждый командир действует самостоятельно...»

Для пользы флота необходимо менее занимать офицеров и нижних чинов береговою службою и чаще посылать в море, особенно в дальние продолжительные плавания, которые составляют лучшее средство, чтоб образовывать хороших опытных моряков и чтоб внушить им охоту к морскому делу...

В морском сборнике допускалась критика погрешностей и ошибок, сделанных при постройке судов, или при управлении оными, дабы предупредить подобные ошибки на будущее время и чтобы наказать эти ошибки приговором общественного мнения, которое действует сильнее взысканий по службе...

Морское начальство, желая искренне улучшений и зная, что людям свойственно ошибаться, и что не может быть человеческого произведения вполне совершенного, несколько не опасалось подобной критики и не могло иметь мысли, чтоб сознание собственных ошибок уменьшало его достоинство и нравственное влияние во флоте. Напротив того, оно неоднократно убеждалось, что благоразумная свобода слова, допущенная в сборник, усиливает это нравственное влияние...

Для улучшения положения морских офицеров приняты были разные меры, из коих главные состояли в уменьшении береговой службы, увеличении числа заграничных плаваний, увеличении содержания, которое в прежнее время было слишком ничтожно, особенно если сравнивать тягость службы морской с другими родами службы, назначении денежных пособий на воспитание детей, что совершенно необходимо при кочевой жизни морских офицеров и непрерывных отлучках от семейства, выдача единовременных денежных пособий при разных несчастных случаях и, наконец, учреждение пенсионной эмеритальной кассы...

Говоря о матросах, должно сказать, что положение их и вообще служба весьма тягостны и что забота об улучшении этого положения должна составлять священную обязанность морского начальства. Люди эти, взятые против воли от сохи, оторванные от семейств, переносятся в род жизни совершенно им чуждый, принуждаются к трудам, требующим усилий и физических и умственных и не имеют ни в настоящем никаких радостей и удовольствий, которые вознаграждали бы за эти труды, ни в будущем надежды на то, что после 20-летней тяжелой службы старость их будет обеспечена хорошей пенсией. Все, чем начальство может в настоящее время улучшить их быт, состоит в хорошей пище, одежде и человеколюбивом обращении. Но этого недостаточно, и я считаю, что мы обязаны гораздо большим к этим безответным и усердным труженикам».

В том же отчете великий князь имел утешение представить государю ведомости, доказывающие, что вследствие мер, принятых морским начальством, болезненность и смертность нижних чинов во флоте в последние годы значительно уменьшились. Там же говорится: «Ныне охтинские адмиралтейские селения вошли в состав столицы, и поселяне, в новом звании мещан, не находят уже прежних препятствий к увеличению своего, а, следовательно, и общего благосостояния».

Подобных выписок, доказывающих, что распоряжения великого князя по морскому ведомству начинали уже приносить видимую пользу, можно бы сделать весьма много. Эти полезные результаты его морской деятельности стали обнаруживаться именно в то время, когда вследствие разных обстоятельств занятия его по флоту и Морскому министерству значительно уменьшились. В 1860 и 1861 году главные труды его высочества состояли по Комитету об освобождении крестьян. Он предался этому делу со всею горячностью, со всем свойственным ему усердием.

изучил оною вполне основательно и бесспорно имел большое влияние на блестящий исход оною.

В то же время значительно уменьшились занятия Головнина при великом князе.

Весной 1860 г. Головнин поехал в свое рязанское имение, потом ездил в Малороссию и Крым и только осенью воротился в Петербург. Здесь он имел случай высказать и великому князю и государю, что, посетив летом разные губернии, он убедился, что освобождением крестьян следует торопиться, доколе в селениях и особенно на мирских сходках преобладающую часть населения составляют крестьяне-старики, которые знали прежнюю тяжелую барщину, привыкли к повиновению и благодарны за те облегчения, которые теперь уже чувствуют, но что весьма было бы опасно откладывать это дело до того времени, когда молодое подрастающее поколение заметит стариков, ибо это новое поколение не в состоянии будет вынести крепостного состояния и теперь уже тяготится им и выказывает нетерпение, и что при этом правительство будет поставлено в большое затруднение действовать, если дождется времени, когда в селениях разных губерний начнутся беспорядки и волнения и самоуправство крестьян.

Весной 1861 г. Головнин отправился в Франценсбад на железные воды, затем лечился виноградом на Женевском озере (близ Вильнёва) в гостинице Байрона и купался в Диеппе. Осенью великий князь Константин Николаевич, находившийся в то время на острове Вайте, в г. Райде, вызвал его туда для некоторых работ по полученным из Петербурга бумагам. Из Райда великий князь послал мнение по вопросу, возбужденному в Петербурге князем Николаем Орловым, о необходимости отменить у нас телесные наказания. Великий князь против предположений некоторых лиц выразил, между прочим, весьма сильно свое убеждение, что, если можно временно, в немногих случаях, сохранить легкие телесные наказания, то в отношении к женщинам следует вообще вовсе и безусловно совершенно отменить их.

Пользуясь пребыванием своим в Англии, Головнин посетил в то время Оксфордский и Кеймбриджский университеты, а в ноябре 1861 г. он воротился в Петербург.

Вспоминая период 10-ти лет, проведенный им при великом князе Константине Николаевиче в непрерывной, почти ежедневной работе с его высочеством, Головнин должен сказать, что он сохраняет об этом времени истинно приятное и благодарное воспоминание сколько потому, что работа была действительно полезна, столько и потому, что великий князь своим доверием, ровным, добрым обращением умел сделать из нее удовольствие. В течение 10 лет Головнин не слышал от великого князя ни одного неприятного замечания, ни одного неприятного выражения и бывшие в это время с разных сторон наговоры и сплетни на Головнина, нисколько не изменили обращения с ним его высочества. Засим остается сказать, что если б Головнин обладал лучшим здоровьем⁵ и большим светским и придворным тактом, он мог бы, конечно, быть полезнее великому князю, но он сомневается, чтоб возможно было более быть преданным его высочеству XIII.

К о н е ц II т о м а .

Приложение № II ко II тому

О цели и значении русского флота

После заключения мира государю императору благоугодно было определить состав нашего флота на основании следующих соображений о его цели и значении, извлеченных из мнений опытнейших адмиралов наших.

Местное положение России, составляющей не столько отдельное государство, но как бы целую часть света, омываемую двумя океанами — Ледовитым и Восточным, и пятью морями: Белым, Балтийским, Черным, Каспийским и Аральским, также владение ею колониями в Америке и на островах Восточного океана, требует, чтоб она имела флот, соответствующий ее значению большой, хотя и не преимущественно морской, державы. Назначение и цель этого флота весьма важны и многообразны. Он должен охранять берега ее на обоих океанах и вышеисчисленных пяти морях, содержать полицейский надзор на водах и покровительствовать купеческому судоходству, которое пред последней войной начало принимать большое развитие

особенно в Финляндии, также между архангельскими поморцами, на Черном море и отчасти, в колониях Российско-американской компании. Доказательством этому могут служить «Виды внешней торговли», которые печатаются Министерством финансов и из которых явствует, что в 1852 г. было в приходе в портах балтийских, беломорских, южных и каспийских 1125 купеческих судов под русским флагом и что в том же году каботажным судоходством занимались в наших водах 13319 судов. Правительство обязано оказывать всевозможное покровительство и защиту этой полезной промышленности, которая со временем примет еще большее развитие, и посему очевидно, что России необходима для этого морская сила, которая, с одной стороны, решительно преобладала бы над флотами соседних второстепенных держав, а с другой, внушала бы большим державам то уважение, какое могло бы заставить их искать или союза с Россией, или ее нейтралитета в войне их между собою, и принуждала бы их для борьбы с Россией делать большие приготовления и подвергаться большим издержкам. Без всего этого Россия потеряла бы и значение большой державы. Флот ее должен быть столько силен, чтоб никакое государство не решалось сделать внезапного покушения на берега ее, как случилось, например, поступать Англии относительно датчан и в деле Пачифико, для чего англичанам не нужны были большие приготовления. Флот сильный собирается нелегко, требует значительных приготовлений, которые не могут совершаться в тайне и не возбуждать внимания и подозрения, но эскадра из 10 или 12 кораблей и стольких же фрегатов может быть легко и незаметно собрана будто для эволюции и явиться вдруг перед гаванями в подкрепление каких-либо требований. Очевидно, что Россия не должна допустить возможности такого поступка в отношении к ней, что народное достоинство требует достаточного постоянного морского вооружения, дабы вполне обеспечить себя от этого. В продолжение последней войны Черноморский и Балтийский флоты наши не могли вступить в морское сражение, потому особенно, что как тот, так и другой состояли из устаревших уже орудий морской науки, т. е. из судов парусных, но тем не менее самое существование этого флота, укрытого в гаванях принудило первоклассные морские державы к неслыханным до того усилиям, издержкам и вооружениям небывалого в истории флота, чтоб решиться вступить с нами в борьбу. Но при этом должно сознаться, что Россия не имеет возможности содержать морскую силу равную или преобладающую совокупным силам Англии и Франции и что никакие жертвы империи не были бы в состоянии дать морской ее силе тот состав, который был бы нужен для отпора флота там двух первоклассных морских держав в совокупности на берега ее или для удержания империею первенства флота в морях ее. В этом отношении, что особенно ослабляет Россию — это есть необходимость содержать морские силы в разных морях и невозможность соединить их в случае войны в одном пункте. Тогда как Англии и Франции весьма легко сделать это с своими эскадрами.

Все соображения эти служат основанием для определения, какой именно флот в разных морях мы должны иметь. Сверх того это должно зависеть от современного состояния морской науки, от способов и, в особенности, от внешних политических отношений других морских держав. В прежнее время, когда союз англо-французский, а в особенности коалиция против нас Англии, Франции и скандинавских государств казались невероятными, флот наш мог быть достаточно силен в том составе, какой имел в прошлое царствование, если бы притом суда наши были надлежащего качества, но теперь, когда опыт доказал возможность помянутых союзов и когда мы увидели, какое огромное пособие частные пароходные общества доставили другим державам, очевидно, что наш флот не может уже оставаться в прежних размерах, но должен быть значительно усилен и что Россия, независимо от большого числа военных винтовых судов, удовлетворяющих вполне требованиям современной науки, должна располагать еще большим числом частных пароходов как в южных, так и в северных морях, и для достижения этих целей должна принести некоторые жертвы. Посему чрез несколько времени потребуется значительное увеличение морского бюджета нашего как условие совершенно необходимое, чтоб сохранить России значение большой державы и чтобы в международных сношениях доставить ей вес, соответствующий ее могуществу и достоинству. Увеличение морского ведомства нашего будет тем легче в финансовом отношении, что теперь железные дороги доставляя возможность быстро передвигать войска на больших расстояниях, тем самым удваивают силу оных и, следовательно, дают возможность

содержать меньше сухопутных войск, чем сколько полагали нужным в прежнее время, а легкость и быстрота, с коими у нас производятся рекрутские наборы и сборы ополчения, доставляют возможность сформировать целую армию в весьма короткое время, если только имеются достаточные запасы пороха, хорошего оружия и если существуют правильно образованные кадры для обучения рекрут. Нельзя также [не] сказать о флоте и матросах. Чтоб создать винтовой флот необходимы заводы, верфи, готовые запасы лесов, доки и т. п., а для образования хорошего матроса нужны дальние плавания и время, независимо денег, которые в случае объявления войны не создадут вдруг морской силы. Посему, дабы иметь флот на случай войны, необходимо в мирное время постоянно заботиться о нем, и нельзя отказывать морскому ведомству в прибавке к его бюджету нескольких миллионов в год, которые сторицею вознаграждаются, уменьшив самую вероятность и возможность войны, ибо если у нас будет сильный флот, враги наши, чтоб вступить в борьбу с Россией, принуждены будут, во-первых, устраивать вновь громадные коалиции, что весьма нелегко, и, во-вторых, решаться на огромные издержки, которые также не всегда возможны.

Приложение № IX к II тому

Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 году. (Представлено А. Головниным великому князю Константину Николаевичу осенью 1860 года)

Летом 1860 г. я получил от великого князя генерал-адмирала три поручения: 1-е, составить для государя отчет по Морскому ведомству за 1859 год, 2-е, собрать для его высочества как члена Главного комитета по крестьянскому делу местные сведения и замечания по этому предмету к тому времени, когда осенью поступит в комитет проект положения о крестьянах, и 3-е, удостовериться на месте в Николаеве, как вводится там новое портовое учреждение, и узнать, какие встречаются при этом недоумения и затруднения.

Первое из помянутых поручений я исполнил в деревне, в Рязанской губернии, где провел почти два с половиной месяца в совершенном спокойствии и уединении. Для исполнения второго поручения я воспользовался пребыванием в деревне и весьма откровенно говорил с крестьянами, читал им свод заключений редакционных комиссий, выслушивал и записывал их замечания. Сверх того как в Рязанской губернии, так и потом во время медленного проезда по губерниям Воронежской, Харьковской, Полтавской, Курской и Калужской я старался узнавать мысли и замечания помещиков, губернаторов и предводителей. Все сие составило порядочный запас сведений, которые постепенно сообщались великому князю с каждой почтой в письмах с дороги, а потом были изложены в особых записках, представленных его высочеству. Наконец, для исполнения третьего поручения я ездил в Николаев и представил великому князю ряд записок, которые доказывают, что новое портовое учреждение принялось там гораздо успешнее, чем как можно было ожидать, и что недоумений и затруднений встречается весьма немного. Сверх того мне удалось побывать в Одессе, Севастополе и на Южном берегу Крыма.

В 1848 г., будучи в отставке, я в течение 8-ми месяцев путешествовал по России так, как ездят за границей для изучения отечества при окончании воспитания. С того времени мне случалось только переезжать в свите его высочества более или менее быстро большие пространства России и при этих переездах видеть только обманчивые декорации, которые маскируют и скрывают настоящий быт и положение жителей. В 1860 г. удалось мне повторить в некоторой степени прежнее путешествие, хотя, впрочем, недостаток здоровья и физических сил мешал во многих случаях сделать все, чего бы хотелось.

Более всего поражает в настоящее время в средних и южных губерниях России — истощение их и медленность всякого развития народного благосостояния. Доказательством тому служит, что между двумя последними ревизиями население почти не увеличилось, что в городах и селах весьма мало видно новых построек и исправлений, а часто встречаются каменные дома, свидетельствующие о прежнем довольстве и которые теперь стоят пустыми и разрушаются. По общему отзыву

жителей в последние тридцать лет уменьшилось значительно число скота и даже домашней птицы и все предметы крайне вздорожали, особенно в последние годы. Старики всех сословий с горестью вспоминают о прежних годах изобилия, когда всего было больше и хлеба, и скота, и плодов, и леса, и предметы эти были несравненно дешевле и доступнее.

Все сие становится весьма понятным и естественным, если вспомнить, что в последние 40 лет извлекался из помянутых губерний возможно больший доход и брались усиленно рекруты, а между тем ничего на эти губернии не издерживалось.

Этот образ действия постоянно извлекал из народа случавшиеся у него сбережения и препятствовал образованию и производительному употреблению капиталов.

Весьма бы полезно сделать за это время расчет, сколько из каждой губернии поступило дохода в Государственное казначейство и сколько издержано на местные потребности. Результат будет поразительный. Но самая плодородная почва истощится при таком хозяйстве. Между тем должно сказать, что богатство помянутых губерний составляет настоящую силу империи, ибо могущество ее заключается именно в том компактном русском населении, которое исповедуя одну веру, говоря одним языком, имеет одни интересы и населяет центральную Русь. По сему-то, забота о благосостоянии и довольстве средней, коренной России должна быть первою заботою правительства, ибо оно только тогда будет сильно на окраинах империи и влиятельно за границей, когда средняя Россия, настоящее ядро государства, будет богата и спокойна. Все вышесказанное доказывает необходимость употребить ныне же капиталы на средние губернии, чтоб остановить дальнейшее истощение их и способствовать народному благосостоянию. Эти капиталы должны преимущественно явиться в виде железных и шоссейных дорог и расчистки судоходных рек. Появление хороших путей сообщения, как бы прикосновением волшебного жезла, изменит весь вид края и вскоре разовьет в нем довольство. Потребность железных дорог ощущается более и более и особенно в южной России в хлебобродных губерниях, отделенных от портов Черного моря непроходимыми грязями. Там ожидают дорог с каким-то лихорадочным нетерпением. В отношении к Севастополю, многие благонамеренные и просвещенные люди считают как бы обязанностью, долгом правительства, соединить этот лучший порт в Европе железной дорогой с Московско-Феодосийскою и даровать городу на несколько лет права *porto-franko* которыми столько времени пользовалась Одесса, где жителям не случалось терять всего своего имущества. Другие с горестью видя, что для Севастополя ничего не делается существенного, не скрывают мысли, что если б Крымский полуостров принадлежал со времени войны англичанам или французам, то на него были бы издержаны большие капиталы, которые увеличили бы благосостояние этого края, что ценность земель возвысилась бы там весьма значительно и что землевладельцы, и вообще жители Крыма, разбогатели бы.

Другое явление, которое поражает во всей России и которое с году на год будет оказывать более вредные последствия — это положение начальников губерний, права их, обязанности и занятия. Лица эти не имеют вовсе необходимого значения и прав. Они-суть просто чиновники Министерства внутренних дел, подчиненные сверх того всем другим министерствам, обремененные свыше сил письменною бесполезною работою, вследствие крайней централизации управления, и лишенные возможности сделать что-либо полезного для управляемого ими края, к которому поэтому они не могут иметь надлежащей привязанности и сочувствия и на который смотрят только, как на ступень в Сенат или к должности директора в Петербурге.

У нас принято вообще жаловаться на недостаток в хороших губернаторах. Это отчасти справедливо, но при том должно сказать, что в настоящее время встречаются между начальниками губерний многие лица весьма умные, благонамеренные, деловые, но они не в силах сделать что-либо полезное вследствие помянутого положения их.

Положение сие необходимо изменить, уменьшив централизацию, предоставив губернаторам большие права и уменьшив их письменную работу. В этом отношении примером может служить то, что сделано Морским министерством для главных командиров портов. Необходимость дать губернаторам другое положение особенно настоятельна в настоящее время вследствие перемен, которые замечаются во всех сословиях, перемен, кои неминуемо потребуют другой местной администрации. Эти перемены заключаются в умственном, так сказать, пробуждении и дворян, и кре-

стьян, и купцов. Независимо от духа времени вообще, пробуждение это есть следствие возбужденного крестьянского вопроса и переворотов финансовых, которые коснулись ближайших материальных интересов всех сословий. К этому необходимо прибавить развитие потребности в образовании, которая везде вызывает учреждение школ разного рода.

Собственно по крестьянскому вопросу везде является крайне натянутое неестественное положение и отношения одного к другому двух сословий. Помещики исполнены тревожного, боязливого ожидания неизвестного будущего; крестьяне с возрастающим нетерпением ожидают вольности и составляют себе разные несбыточные мечты. Взаимное недоброжелательство обоих сословий усиливается, и нынешнее спокойствие есть только наружное и крайне ненадежное. Оно поддерживается только надеждою крестьян на скорое объявление вольности. Случаи неповиновения бывают весьма часто, но исправникам и предводителям легко еще усмирять крестьян простыми внушениями и советами. Крестьяне легко соглашаются «еще потерпеть» в ожидании скорого объявления им «новой жизни».

По общему отзыву губернаторов, исправников и предводителей во всех подобных случаях неповиновения крестьян виноваты помещики, которые с трудом отстают от прежних привычек и вообще отличаются отсутствием умственного и материального (денежного) капитала для распоряжений при предстоящем коренном изменении их хозяйства.

Всего упрямее, несговорчивее и, к сожалению, должно сказать бессердечнее являются помещицы, и в отношении к ним всякие убеждения местных властей бессильны.

В крестьянах замечается вообще нравственное пробуждение и проявление как бы чувства собственного достоинства. Они теперь оскорбляются поступками, которые в прежнее время не оскорбляли их. В этом сословии особенно заметна разница между стариками и молодым поколением. Первые хладнокровнее, равнодушнее и терпеливее. Многие из них не верят в предстоящую перемену, другие опасаются полицейского управления. Но на молодых крестьян живучая мысль о «вольности», о «свободе» сильно действует, воспаляет их умы и кипит кровь. Эти люди вырастают теперь при непрерывных толках о вольности, о новой жизни, и когда нынешние старики исчезнут и массу населения в помещичьих имениях составит помянутое молодое поколение, то эта масса будет весьма различна духом своим от нынешних крестьян. Тогда явно выскажется вся несостоятельность нынешнего судебного и земского полицейского управления и высшее правительство убедится, что она не в силах действовать посредством подобных органов. Но преобразовать эти органы необходимо заблаговременно и по сему, то другое устройство судов и земских полиций крайне необходимо.

Вслед за помянутыми двумя поколениями крестьян является еще третье юнейшее, которое вырастает теперь без малейшего понятия об обязанностях своих к Богу, к ближнему, без всякого понятия о законности и нравственности. Это поколение будет под полным влиянием своих старших братьев и вместе с ними составит буйную вольницу (*roulase*), какой Россия давно уже не имела и которая доставит правительству много затруднений. Необходимо предупредить вредное направление умов этой части сельского населения и для сего неотлагательно учредить школы, которые дали бы ему по возможности нравственное направление и понятие о своих обязанностях.

По сему дороги, суды, полиция и школы для крепостных крестьян, и другое положение губернаторов, вот что в настоящее время всего нужнее для России, и на расходы для этих учреждений следовало бы прежде всего отчислить необходимые суммы из государственного бюджета и уже остаток распределить между другими министерствами. В настоящее время становится ясным, что действительная сила России заключается не в армии, не во флоте, не в искусной дипломатии и не в великолепных зданиях северной столицы, но в богатстве, довольстве, хорошем управлении и надежном спокойствии преимущественно коренных русских губерний, окружающих Москву как центр России. В настоящее время управления, заведывающие войсками морскими и сухопутными и внешней политикою, теряют свою прежнюю важность по крайней мере на несколько времени, и важнейшими, существеннейшими являются те ведомства, от которых Россия ожидает дорог, разрешения крестьянского вопроса, учреждения других судов и полиций, другой системы взимания государственных доходов, устройства народных школ и вообще учреждений, которые прямо поведут к увеличению благосостояния империи, а с тем вместе и силы ее.

Замечания крестьян и помещиков на свод заключений редакционных комиссий изложены в особых записках. Вообще, оказывается, что заключения сии слишком подробны и часто изложены неясным для крестьян языком, что управление, учреждаемое для крестьян, слишком многосложно, оброки исчислены непомерно высокие и придумана подробная регламентация барщины, невозможная на практике.

Сверх того, в положении есть постановления вовсе ненужные, но из коих некоторые отяготительны для помещиков, а другие для крестьян. Сохранение обязательной барщины и назначение слишком высоких оброков поведет к усилению взаимного враждебного расположения помещиков и крестьян, тогда как, казалось бы, необходимым воспользоваться предстоящей переменой, чтоб искоренить это чувство в обоих сословиях и, по крайней мере, достигнуть, чтоб они были равнодушны одно к другому.

Разговоры с помещиками, губернаторами, предводителями и крестьянами приводят к убеждению, что необходимо торопиться освобождением крестьян, ибо нынешнее, слишком натянутое положение их не может долго продолжаться, и по мере того как молодое поколение крестьян будет заменять стариков, случаи беспорядков будут повторяться чаще и чаще, доколе эти молодые люди будут оставаться крепостными. Сверх того скорейшее разрешение крестьянского вопроса необходимо в экономическом отношении, чтоб прекратить нынешний, всеобщий застой в сельском хозяйстве и доставить возможность и помещикам и крестьянам, зная свои взаимные отношения, права и обязанности, приняться за улучшение своего хозяйства. Нынешняя остановка всяких улучшений, продолжающаяся уже три года, у миллионов крестьян и у многих тысяч помещиков приносит существенный вред всему государству.

При поездке по России и жизни в деревнях нельзя не видеть без глубокого сожаления бездейственную роль православного духовенства и наших монастырей в жизни народной. Весьма редко случается слышать где-либо о священнике, который пользуется уважением и любовью прихожан, который дает им полезные советы для обыденной жизни, имеет школу и нравственное влияние на свой приход. Большею частью слышится совсем другое и особенно жалобы на корыстолюбие, нетрезвую жизнь и вообще худое поведение как священников, так и причетников. Между тем при нынешнем пробуждении умственной жизни во всех почти сословиях, при стремлении их мыслить и рассуждать, более чем когда-либо было бы нужно полезное нравственное влияние духовенства. Также весьма редко случается слышать об иноческой обители, которая святостию жизни своих членов возбуждала бы к себе уважение окрестных жителей и где бы находились отшельники, к коим народ стекался бы за душеспасительными советами и наставлениями. В монастыри ходит много богомольцев, но цель их благочестивых странствий есть поклонение мощам или чудотворным иконам и возбуждение в себе тем самым религиозных чувств. Но возбужденные этим способом чувства остаются большею частью бесплодны, ибо при святых мощах и чудотворных иконах не находится сеятелей слова, которые на удобренную землю бросали бы семена нравственной жизни и возбуждали бы размягченные сердца к подвигам любви и добра. Бездействие нашей церкви оказывается крайне прискорбным, особенно в настоящее время, когда члены ее могли бы оказать большую пользу в истинно-христианском подвиге — освобождения крестьян из крепостной зависимости.

В заключение остается сказать, что разговоры с русскими крестьянами (православными, а не раскольниками) приводят более и более к убеждению, что народ наш имеет полное недоверие и нелюбовь ко всем правительственным властям, а верит одному только государю и его воле готов беспрекословно повиноваться. Нужно только чтоб он был вполне уверен, что какое-либо приказание действительно дано государем, чтоб непременно исполнить оное. В этом заключается главная сила русского царя и в присутствии этой силы невозможны никакие стремления ограничить его власть и всякие замыслы к тому или мечты о том доказывают только незнание России и не заслуживают слишком большого внимания.

Подписал *А. Головнин*

Сентябрь 1860 года

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Великий князь и лица свиты его высочества были помещены в Тюльерийском дворце в части оною, выходящей на улицу Риволи и Тюльерийский сад (pavillon Marsan). Комнаты Головнина выходили окнами в сад и были в 3-м этаже.
2. Как характеристическую черту французов следует заметить, что во время пребывания своего в Париже великий князь получил до 150 просьб в день об оказании денежных пособий, о предстательстве пред французскими министрами для доставления просителям мест и должностей, об исходатайствовании русских орденов и т. п. Русские ордена испрашивались не за какие-либо услуги, оказанные России, а просто в знак благоволения к Франции. Некоторые просьбы сопровождались приношениями, как то: вышитыми подушками, ковриками, плохими рисунками. Одна девушка просила пособие на воспитание ее детей на том основании, что отец их был какой-то русский князь Мещерский и т. п.
3. Пользуясь особенным разрешением Папы, великий князь со свитою был в трех женских монастырях в Палермо. Эти посещения были праздником для затворниц, которые приготовили для гостей разное угощение: мороженное, конфекты, варенье и т. п., как дети обступали их и весело разговаривали. Нельзя было видеть без особенно грустного чувства детей, обреченных на всю жизнь на затворническое неестественное существование, которое проходило большею частью в совершении религиозных обрядов и церемоний. В Палермо на главной улице (Толедской) было несколько женских монастырей, которые занимали обыкновенно один этаж дома, где помещались в других этажах лавки, жили актеры, актрисы и проч. Говорят, что в помещение монастыря вели особые лестницы и что не могло быть сообщения с другими обитателями того же дома. Когда по Толедской улице проходили войска с музыкой, бедные монахини выбегали на балкон и из-за решетки любовались ими.
4. Эпиграф — фрагмент стихотворения Бенедиктова «Борьба» опущен. (Ред.)
5. Должно сказать, что здоровье Головнина было постоянно весьма дурно. Геморроидальные страдания причиняли большую слабость, и всякое физическое движение сильно утомляло его.

Примечания публикаторов

- I. «Мой брат посетит берега Франции и ему разрешено прибыть в Париж, если он будет приглашен».
- II. Мост Альма, Севастопольский бульвар, Малахов курган.
- III. Победители Севастополя.
- IV. Marquis Belmont de Brianson.
- V. Le baron de Bourgang.
- VI. Le colonel Favé.
- VII. Ничто за ничто.
- VIII. По случаю успеха Вашего оружия.
- IX. Я полностью присоединяюсь ко всем его последствиям.
- X. Один из спутников — это сам А. В. Головнин.
- XI. Далее опущены письма императрицы Александры Федоровны к вел. кн. Константину Николаевичу и переписка его с Наполеоном III (см. РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 207-218).
- XII. Опущен приведенный здесь фрагмент стихотворения Кольцова.
- XIII. Далее в качестве приложения А. В. Головнин помещает: «Новый морской устав» (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 254—267 об.), краткий очерк действий великого князя по Морскому ведомству (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 274—294; ведомости: о числе судов отправленных в дальние плавания в 1853—1866 гг., о ежегодных пособиях на воспитание детей морских офицеров с 1856—1866 гг., о пособиях и наградах, пенсиях (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 295—297), копию ответов великого князя (см. текст) и т. д. Ниже публикуются только: «О цели и значении русского флота» и наблюдения автора донных записок после поездки по некоторым губерниям России в 1860 году.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1922 год

9.1.

Новый год начался тяжелыми впечатлениями — возвратным тифом Лели и обострившейся неприязнью между Е. П. и Линой¹. Ко всем внешним неудобствам моей теперешней жизни прибавилась мучительная атмосфера взаимной отчужденности и недовольства. На этой почве вспыхнули тяжелые, нудные объяснения между мной и ими обоими. Особенно тяжело положение с Линой, которая в своем привычном эгоизме не чувствует своих ошибок и недостатков, которая не имеет сейчас никакой материальной точки опоры (и будет ли иметь?), чувствует себя одинокой и беспомощной, и, как всегда, кончает мыслью о самоубийстве. Могу ли я оставить ее в такое время без материальной, а главное, без нравственной поддержки?.. Мне кажется, что в основе этой неприязни лежат не только мелкие стычки, обыденные разногласия, столкновения самолюбий, но и скрытое чувство взаимной ревности. Лелина болезнь не дала мне возможности побывать у О. Н. Я отправил ей поздравительное письмо. По-прежнему я думаю о ней непрерывно. Единственное живое и светлое впечатление последних дней — заседание Библиогр[афический] комиссии Ист[орического] О[бществ]а и, в связи с ним, новая работа по рецензированию книг, которая увлекла меня в первые дни Рождества.

29.III.

Я совершенно забросил свои записки. И мне не хочется к ним возвращаться... Тяжелой и ненужной кажется беседа с самим собой. И только сегодня, под влиянием нового душевного разрыва, появилось желание провести последнюю предельную черту под затянувшимся кризисом.

Последняя встреча и последнее объяснение с О. Н. После двенадцати месяцев мучительной неопределенности, недоговоренных речей и бесплодных порывов к сближению!.. Случайное столкновение с Р. в ее квартире ускорило ее решение. Ее ласковая нежность обманывали меня до последней минуты. Я видел, как тяжело ей было сказать эти слова — о том, что по-прежнему она любит обоих, что она скрывала от меня возобновившуюся связь, что она решила «уйти к нему». Она была так прекрасна в этот последний вечер, взволнованная и охваченная нежным и теплым чувством... Последнее время меня пугала возможность скорой счастливой развязки — в связи с ее болезнью, моей решающей работой и предстоящими материальными трудностями. Эта тяжелая и нудная неопределенность ослабляла силу моего чувства; последние впечатления приучили к мысли о неизбежности и, может быть, желанности разрыва. Но мечта о сближении, о радостях взаимной любви не умирала и возрождалась с новой силой при каждой встрече, при возвращавшихся мыслях и личном будущем.

Светлое чувство озаряло вчера мою душу; и, не колеблясь, я был готов

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9—12; 1996, №№ 1—4, 7, 9.

соединить с ней свою руку и свою жизнь. Казалось, ее волнение, ее интимно-дружеские шутки, любовный взгляд ее глаз и тысяча мелких признаков давали право на эти мысли. И эта последняя беседа — непринужденная, живая, обвеянная любовью (неужели я ошибаюсь?), когда мы шли, тесно прижавшись, по зеленым улицам города, чувствуя друг друга так близко-близко... А затем — обрыв, взволнованные, тихие, прерывающиеся слова, тяжелые, ударяющие по сердцу, которые заставляли страдать и меня, и ее... Она надеялась, что наша связь не оборвется, она не хотела окончательного разрыва. Но иного исхода быть не могло. Я чувствовал себя «спокойным» и рад, что сказал мало и то, что нужно, ни одного упрека, ни одной жалобы. А потом, у двери ее квартиры, — последнее спокойное пожатие руки и пожелание ей счастья. Я чувствовал, как замедляет она этот последний миг свидания, как медленно снимает перчатку с своей руки, как хочет первого и прощального поцелуя. Ни слова в ответ; рука была неподвижна и холодна, лицо горело ярким румянцем. Я ушел первый, не отзываясь на ее молчаливый призыв и не оглядываясь на ее неподвижную фигуру.

Я не думал, что этот конец почувствуется так безотраднo-тяжело. Всколыхнулось все пережитое, ожила и прежняя любовь и тоска неутоленного чувства. Весь кризис моей личной жизни собрался в один тяжелый узел. Раздумывая над происшедшим, я вижу ясно — я сам, своей пассивностью, своей тактикой выжидания подготовил этот исход и дал оружие в руки другому. А эта тактика диктовалась моими сомнениями в целесообразности нашего союза. В глубине души я опасался, что ее болезнь и новые семейные заботы поставят крест на моей очередной работе, на моем научном будущем. У нас немало точек соприкосновения в характере, воззрениях и вкусах, но моя научная, духовная работа и мои общественные интересы (которые не умерли!) не нашли бы в ней отзвука. Мы не нашли бы полного духовного созвучия.

И все таки... Она была единственная девушка, которую я люблю, к которой чувствовал неудержимое влечение, которая была мила мне всем своим существом. Полтора года напряженного чувства, вечных мыслей о ней, о возможности счастья... В них было много лично-эгоистического; но мои отношения к ней с начала и до конца были чистой и нежной песней любви, служением ее светлому прекрасному образу, вчера эта песня оборвалась, и я не могу отрешиться от ощущения тяжелого душевного удара; знакомое чувство ноющей раны... А впереди нет светлой точки, которая обогатила и наполнила бы сердечную жизнь. Все тот же привычный выход — наука, умственная работа. И страстное желание преодолеть эту первую преграду — затянувшуюся подготовку к магистерским экзаменам.

Прощай, моя любовь! Опять сухие будни — в осложнившейся тесной обстановке семейной жизни...

I.V.

Первый настоящий весенний день. Солнце, тающий снег, дуновение теплого ветра. В душу вливается бодрость и сила. Понемногу смягчается острота переживаемой боли. Я чувствую, как в подсознательной сфере происходит незримый и таинственный процесс «душевного приспособления». После бессонных ночей и неотвязно-тяжелых дум душа вступает в светлую полосу освобождения. Из глубины самого духа поднимаются свежие бодрые силы, которые прогоняют тоску и заживляют сердечную рану. Мысль примиряется с происшедшим и убеждает в его разумности. В самом деле, разве мое чувство было так сильно? Разве во имя любви я хотел бы пожертвовать своим научным будущим? Разве сомнения и колебания не подрывали силу моего порыва? Между О. Н. и А. Б. больше душевной близости: художественные интересы, тяготение к мистицизму, отсутствие умственной пропасти. По-видимому, он любит ее больше меня. А для нее он — первая любовь, нарушенная моим вторжением в ее духовную жизнь. Да, они созданы друг для друга! И я желаю им взаимного счастья — искренно и бескорыстно. Если она, действительно, меня любит (да и любовь ли это? и настоящая ли любовь?), то мой уход поможет ей справиться со своим страданием; новые яркие впечатления захватят ее в своем вихре, исчезнет всякая боль, и она станет любящей, привязанной и счастливой женой. Живой пример — А. К., которая любила меня так долго и страстно (я это знаю!), но, не встретив ответного отклика, в конце концов успокоилась и обрела семейное счастье в сердечном союзе с преданным ей человеком. А ее натура безусловно богаче и глубже натуры О. Н.

Сегодня я чувствовал в себе душевный подъем, ощущение бодрости, и — странно! — ту играющую юношескую силу, которую еще не убили мои годы. Жизнь пошла полно и богато. В ней много красок и красоты. И женская любовь еще возможна! Зачем страдать и плакать? Будем жить, работать и в неустанном, неутомимом движении подниматься все выше и выше, завоеывая высоты жизни напряжением личной энергии. «Тяжелый млат/ Дробит стекло,/ Кует булат!..» Эти строки невольно напрашивались на память, когда я шел сегодня по тающим московским улицам и декламировал вполголоса пушкинское послание к Чаадаеву. Да, милая девушка, ты права! Во мне есть силы справиться с своим одиночеством и не поддаться гнетущей тоске. Постепенно я буду отрешаться от обаяния твоего образа, который — увы! — уже начинает меркнуть в моих глазах. Останется мягкое и теплое воспоминание, которое отодвинется за порог сознания и замрет там под покровом новых освежающих впечатлений. Так завершится «сердечный кризис», который держал меня в плену в течение последнего года. Наше объяснение принесло мне исход и освобождение. Воспользуемся этой свободой для созидания будущего!

15.IV.

До сих пор я остаюсь во власти пережитого... Все время, каждую свободную минуту, идя по улице, сидя за книгой, я возвращаюсь мыслью к ее образу, перебираю воспоминания последней встречи и не могу отрешиться от неотвязных дум. Весна с ее обычными грустными настроениями, роман Флобера, в котором я нашел столько душевных созвучий, сочувствие и намеки окружающих, не дают замереть ощущению утраты и боли. Я чувствую привычное и давнее раздвоение: я понимаю всю разумность и всю желательность такого исхода, но где-то в незримой глубине томится и ноет душевная рана. Я понимаю: в этой тоске — жажда неутоленного чувства и неизведанной взаимной любви, сознание бесплодно и безвозвратно уходящей молодости, не озаренной светом личного счастья. Этот мелькнувший эпизод — только последнее из звеньев в истории моей личной душевной жизни. Отсюда и мой теперешний «лиризм», и сильное влечение к поэзии. Здесь кроется острота переживаемой боли, которая наложила отпечаток даже на мою внешность. Мне жаль не столько ее, — я не любил ее так сильно! — сколько возможности любовного — обновляющего и вдохновенного — сближения. Ни одна женщина, которая меня любила, не вызывала во мне ответного чувства; их объяснения в любви, их влечение, которое выражалось то робко, то настойчиво, оставляло меня равнодушным или заставляло страдать. И только она — эта юная девушка — пробудила во мне настоящее любовное влечение. Оно наполнило мою душу подъемом и радостью, оно обещало наслаждение взаимного чувства. Но «судьба» сложилась иначе. И снова я один, один и один...

19.V.

После холодных и слякотных дней наступила яркая солнечная весна. Деревья осыпаны молодой зеленью, на улицах белеют первые цветы, и в светлых легких платьях мелькают стройные фигуры юных девушек. После тупой и тяжелой тоски я чувствую «воскресение из мертвых», и снова меня поднимает бодрая возбуждающая волна, и снова верится, и снова хочется... Я примирился с происшедшим и перестал волноваться воспоминаниями. В сознании произошла «переоценка ценностей», спокойнее и яснее я разобрался в ее образе, и он потерял свои возвышенные и увлекательные черты... За внешней и внутренней грацией, за женственной нежностью, за мягкой чуткостью выступили пассивность воли и связанность мысли. Прелесть Гретхен и Дездемоны, избалованной любовью, не чуждой женского тщеславия, привыкающей «играть» и в жизни. В наши отношения она внесла неискренность и ложь — зачем?.. Мне не хотелось бы судить ее и говорить про нее дурно, но чувство тяжелой горечи невольно заставляло раздуматься над ее действиями и характером. Впрочем, все вышло к лучшему... Может быть, верный инстинкт сердца подсказал ей последнее правильное решение.

Она освободила путь себе — для нераздвоенной и гармоничной любви, а мне — для завершения моей ближайшей жизненной задачи. Отдавшись порыву личного чувства, связав свою судьбу с ее больной — физически и духовно — жизнью, разве я был бы счастлив?.. И разве я мог бы идти вперед?

Итти вперед... Еще недавно, в течение томительно-мучительных дней, я ощущал свою безысходность, всю безнадежность моей магистерской подготовки. Четыре года — над одним вопросом! Разве это — не свидетельство полного бессилия, разве

это — не провал на жизненном экзамене? Я предвидел всю унижительность будущего разрыва с Университетом, предстоящий приговор «общественного мнения» и вечное сознание своего обрыва вниз, с завоеванной вершины. Так ясно и так неизбежно представлялась мне эта перспектива. И так мучительно было это душевное состояние — куда мучительнее моего неудачного романа!.. Но я продолжал работать, изо дня в день посещать читальню, настойчиво и планомерно выполняя программу.

Конец Лаврентьевской Летописи близок. Я подвожу итоги. Прошлая работа не пропала — основные контуры самостоятельного резюме вырисовываются в сознании. А главное — я вчувствовался в интимную красоту прошлого! На исходе прерывавшихся четырехлетних занятий я ощутил былое, и прежнее механическое отношение к глубокой древности заменилось увлечением и любовью. И снова проснулась надежда и сложился план — «закруглить» первую половину русской программы ближайшей осенью. А если нет? Если опять непредвиденные события оборвут завязавшуюся нить? Ну что ж! Внутреннее выше внешнего! Пусть я не выполню официального магистерского экзамена; изучение истории, возможность творчества для меня не исчезнут. Это чувство влечения, это ощущения великого духовного богатства, которое охватывает и систематизирует моя мысль, — самое высшее и самое ценное. Или весна внушила мне эту бодрость, и с новым запасом бодрой надежды я продолжаю свою работу?

Третий источник моего душевного кризиса — сестра, безысходность ее положения, которое грозит осложнить и запутать мою дальнейшую жизнь. Самое ужасное, что эта безысходность лежит в ней самой, в ее пассивности, бездеятельности и жизненной неприспособленности. Сколько тяжелых моментов доставили мне ее «женские» столкновения с Е. П.! Но, по-видимому, некоторый просвет намечается. А если и он не поможет, я сделаю, что смогу, но я не могу и не должен пожертвовать ее пассивности всей своей личной жизнью.

Меня угнетало не только это... Но об этом после. А сейчас — сейчас я чувствую в себе жизнь и движение, я еще верю в себя. Успехи моих лекций, радость общения с окружающими людьми, любовь женщин, которая прорывается в их письмах и беседах, смягчают мою душевную боль. И жизнь озаряется солнечным светом, и хочется снова — вперед и вперед!

14.VIII.

Вчера — день отдыха и свободных впечатлений. Днем, после предварительного знакомства с книжкой Перцева, я осматривал Щукинскую галерею. Благодаря Перцеву я мог сознательно подойти к шедеврам французской живописи, понять их в исторической перспективе, сравнить и оценить импрессионистов, Сезанна, Гогена, Матисса и Пикассо. Но я не могу заинтересоваться формально-техническим моментом в живописи, как другие, более близкие к художеству. Завоевания Сезанна, Матисса и Пикассо не волнуют меня. Зато живопись импрессионистов привела меня в восхищение, особенно некоторые полотна Моне, Ренуара и даже Бориса Дени. Эта просветленная — одухотворенная красота, в которой столько утонченности и изысканной нежности! Особенно хороши «Чайки» Моне и «Nus» Ренуара. Из новых художников мне больше всего понравился Гоген, с его творческим преображением первобытного мира, его картина «Под манговым деревом» зачаровывает. Матисс оставил меня равнодушным: его пышная красочность показалась мне бессодержательной и бездушной. Пикассо, действительно, глубок и страшен, но ведь это — «труп красоты»... Лишний раз, созерцая эти французские картины, я понял, что меня привлекает все светлое, солнечное, радостное, в чем бьется и трепещет разнообразие жизни; все мрачное, тяжелое, проникнутое суровым отрицанием, не возбуждает во мне сочувственного подъема.

После галереи я прошел в скверик у Храма Христа Спасителя, полюбовался на милую и близкую картину Кремлевских стен, прошел вдоль набережной и сел в трамвайный вагон № 11. Через полчаса я был на Мамоновской даче за Калужской заставой, перед разваливающимся дворцом екатерининского фаворита. Обветшавшая колоннада, обвалившаяся штукатурка, руины — на месте оранжереи, но чудесный вид на Москву (не хуже чем с Воробьевых гор!), красивые аллеи парка, река Москва. После дождя солнце озарило золотистым закатом московские золотые главы, сочную и свежую зелень Лужников и красно-белые стены Новодевичьего монастыря. Воздух задрожал от перезвона вечерних колоколов — одна из тех, красивых и родных, картин, которые дороги с детства и никогда не перестанут быть

родными. Я обошел весь парк и пешком пробрался по скату берега на Воробьевы горы. У домика Яхт-Клуба были гребные гонки. Целая армия молодежи, мужчин и женщин, с полуобнаженными телами, с напряженными мускулами, здоровая, сильная и крепкая. На глазах собравшихся зрителей, под звуки плохенького оркестра, «двойки», «четверки» и «восьмерки» состязались в быстроте гребли. Я любовался этим культом тела и невольно думал об односторонности своего воспитания и своей «книжной» жизни.

С удовольствием я переехал через реку в нагруженной до краев лодке, и огородами, в надвигающихся сумерках, вернулся в город. Всюду по пути — на спортивных площадках Девичьего Поля, в сквере Театральной площади, у входов в кинематографы, на аллеях бульваров я видел праздничную толпу, тысячи людей в светлых платьях, охваченные жаждою жизни, радости и веселья. Это наблюдение гармонировало с впечатлениями всего дня: залы Щукинской галереи были полны посетителей, вагоны трамвая ломились от публики, которая рвалась в Нескучный сад и на Воробьевы горы. И это была не только прежняя «интеллигенция». Это были новые слои, поднятые и возбужденные революцией. Духом жизни и возрождения повеяло над Москвой!

20.VIII.

Вчера — осмотр Останкина, сегодня — посещение Кремлевского дворца! Яркие солнечные дни, ясная свежесть воздуха, спокойная чарующая красота прошлого.

Останкинский дворец и парк еще в далекие гимназические годы влекли меня своим обаянием «невозвратного прошлого». Вчера впервые я переступил заветный порог роскошных апартаментов и два часа любовался красотой этих прекрасных парадных зал, античных статуй, затейливой резьбы и росписи плафонов. К сожалению, глубине и пельности впечатления мешала обстановка экскурсии, слишком многолюдной и торопливой. Ходить стадообразно, из комнаты в комнату, слушая «выкрики» руководительницы, когда хотелось бы остановиться, сосредоточиться и погрузиться в ощущение прошлого! Правда, руководительница экскурсии прекрасно знала Останкино, в ней чувствовалась любовь к этой исчезнувшей красоте, она говорила очень гладко, у нее — хороший и сильный грудной голос. И без ее просвещенных объяснений многое пропало бы! Но зачем этот быстрый темп, эта однообразная интонация, напряженная нервность и отчужденно-равнодушное отношение к аудитории? В этих стенах, обвеянных воспоминаниями о молодом романе просвещенного вельможи и простодушной крестьянки, среди этих статуй любви и юности хотелось бы больше интимной задушевности. И все-таки выносилось большое и прекрасное впечатление! Прежде всего — от чудесного классического фасада, с его колоннами, фронтоном, фризом, от ряда парадных зал с огромными царственными портретами, от картинной галереи с академичным «узнанием Ахиллеса» и мраморной фигурой плачущей девушки; от домашнего театра с белоснежными колоннами, от гармоничного и светлого концертного зала, от мягких линий уютного кабинета; и, наконец, от милых и укромных комнат крепостной-графини. Наша руководительница хорошо оттенила значение крепостных художников в создании дворца. Но она совершенно не коснулась «культа любви», который разлит в этом изящном памятнике былого барского романа. Парк перегорожен деревянным забором, частью вырублен и потерял свою прежнюю цельность и настроение мечтательной грусти, которая еще сохранялась 13 лет назад. Я шел по его аллеям, и в мыслях оживали обрывки воспоминаний, связанных с прежними посещениями Останкина.

Первый раз я обратил внимание на Останкинскую церковь, создание XVII в., с тиличными особенностями современной архитектуры — пятиглавием, шатровой колокольней, крыльцом и затейливым узорчьем. Храм и дворец — два стиля, две эпохи, два разных мирозерпання.

Аллеями парка, опушкой и перелесками я вышел на Ярославское шоссе и скучно-серым пригородом дошел до Крестовских башен. Я чувствовал загоревшийся любовный интерес к дворянскому быту, к познанию и воспроизведению конкретной жизни и думал: не здесь ли мое призвание, ответ на мои основные душевные запросы?..

Сегодня, к 12 час. дня я был у Боровицких ворот. На тротуарах стояли и сидели сгустившиеся группы экскурсантов. Я присоединился к одной из групп, и в сопровождении живой и милой руководительницы мы миновали страшных часовых и вступили в оберегаемое «святая святых» в Московский Кремль. Небольшая

остановка перед дворцовым фасадом, короткая справка о происхождении и характере постройки — и мы поднимаемся по мраморной лестнице, окаймленной колоннами и галереями. Одна за другой проходят перед нами парадные залы — Георгиевская, Александровская, Андреевская, Екатерининская, — богатые и пышные, все в золоте и украшениях, с роскошной стильной мебелью и с изумительным мозаичным паркетом; за ними — менее величественные, но полные более живой красоты парадные диванная и опочивальня. Блестящий памятник Императорской России — живой музей умершего самодержавия. Каким контрастом с этими огромными, двусветными залами из мрамора, малахита и позолоты выглядит верхний этаж прелестных теремов, уютно-тесноватые хоромы московских царей, погруженные в полусумрак при ярком солнечном дне!

Я чувствовал волнение, поднимаясь по ступеням золотого крыльца, любуясь разноцветным фасадом теремного дворца, переступая порог первой сводчатой палаты. От этих сводов, от изразцовых печей, от пестрой стенной и потолочной росписи пахло такою далекой и милой стариной! Особенно хороши полутемная молельня и «наивная» опочивальня. Впрочем, хорошо все, вплоть до слюдяных окон с деревянной резьбой подоконников. Средний ярус теремов — парадные царские палаты — нечто среднее между «императорским» и верхне-теремным дворцом. В них много света и простора; «Святые сени» носят на себе следы слишком недавней реставрации. Грановитая палата — тоже, но как хороши ее своды! Стильнее всего — Царицына палата с золочеными железными связями, которую закрепил в нашей памяти Художественный театр постановкою «Федора». Объяснения нашей руководительницы были не очень подробны, но содержательны, живы и популярны. В залах, и особенно в теремах, мы сталкивались с другими экскурсиями, в двери вливались все новые и новые группы, которые с живым вниманием и с интересом рассматривали окружающее. Я чувствовал радость при виде этого интереса и проникался глубоким уважением к этому кадру руководителей, которые воспитывают в массах глубокое уважение к культуре, понимание ее ценности и красоты.

26. VIII.

На фоне яркого солнечного дня — случайная и неожиданная встреча. В легком голубом платье, с непокрытой головой, с тем же прелестным и нежным лицом, и с той же изяшной мягкостью движений, она стояла на моем пути, лаская приветливой улыбкой и дружеским взором глаз. Мы говорили недолго — обменялись несколькими банальными и незначащими фразами, но весь ее облик, обвеянный затаенным страданием, был для меня живой загадкой. Казалось, она хотела этой встречи и как будто тянулась ко мне... Ни слова, ни намек о прошлом... Но внутренним чутьем я понял: она — еще девушка и не испытывает счастья удовлетворенной и полной любви. Чем больше я всматривался в ее лицо, тем сильнее ощущал веяние грядущей смерти: фарфоровая белизна, подернутая легким розовым румянцем; сквозь нежные черты проступало неуловимое ощущение тихого замирания жизни, печать нездешней загробной красоты. Вспоминая это светлое и чистое лицо, хочется окружить его белыми венками из хризантем и тубероз, надгробными цветами, символом такой же чистой красоты.

Мы простились тепло, и я пожелал ей «всего, всего хорошего». По-прежнему мотивы ее поступка, причина нашего разрыва, представляются мне неясными и загадочными. Но так отчетливо и ясно проступала ее любовь, ее страдания, ее физический и нравственный недуг! Острее, чем когда-нибудь, я ощутил не внешнюю, а внутреннюю невозможность полного и безраздельного сближения с этой девушкой. Во мне — стремление к жизни, она — стоит в преддверии вечности. Но служить ей преданно, рыцарски, бескорыстно было бы так прекрасно! ³

Вчера я посетил еще одну подмосковную [усадьбу] — Покровское-Глебово-Стрешнево, недавно изученную и открытую для обозрения публики. Французский парк, украшенный белыми статуями (красивыми копиями с антиков) и посередине — причудливый красный замок, в котором улавливаешь сочетание различных стилей. Это — усадьба последней представительницы вымирающего рода, еще живой, но угасающей 90-л[етней] старухи, по мужу кн[ягине] Шаховской, но по происхождению — Глебовой-Стрешневой. Почитательница фамильного прошлого, одна из богатейших русских помещиц, она носила на себе печать вырождения, ее жизнь, ее затеи, безвкусное строительство, заграничные авантюры, обычаи усадьбы — необычайно характерны для последней фазы в истории дворянства.

Когда-то здесь высились боярские терема внезапно осчастливленного рода; позднее вырос деревенский дом в стиле екатерининского классицизма с простыми и строгими линиями, стройными колоннами и выдержанным внутренним убранством. Часть лестницы, парадный зал и голубая помпейская гостиная — лучшие сохранившиеся остатки этого периода, хотя и здесь прошла уродующая рука последующих поколений. Все остальное — позднейшие пристройки и переделки; снаружи — неудачная готика, внутри — задрапированные комнаты, вскрывающие безвкусию последней владелицы. Портретная галерея, воспоминания, реликвии говорят о сухом сословном эгоизме, о кичливости своим происхождением, об отсутствии крупных талантов. Наиболее колоритная фигура — прабабушка времен Екатерины, железная и деспотически-самовластная, которая сурово смотрит глазами характерного бюста, напоминая «Пиковую даму». С ее именем связан прелестный уголок в версте от главной усадьбы: среди лесных зарослей, над зеленым обрывом, с широкой панорамой полей и лугов, стоит красивый деревенский домик в выдержанном классическом стиле, с изящной колоннадой, портиком, античным фризом, обвеянный романтизмом угасающего прошлого. Эта руина — лучшее впечатление Покровского. Но и здесь не можешь отделаться от своеобразного чувства, которое преобладает при осмотре усадьбы: тяжелого чувства мертвящей холодной сухости, чего-то жестокого, себялюбивого, болезненно-вырождающегося. Ничего теплого, любовного, мягкого. Какая-то душевная узость, что-то могильное и жуткое, охватывающее при взгляде на этот портрет красавицы, последней владелицы-авантюристки, на ее «альбом удовольствий и реликвий», на ее затейливые кричащие шляпы. Переводя взгляд на другой портрет — осчастливленной невесты, красавицы Стрешневой, чувствуешь роковую драму, тяготеющую над постепенно вырождающимся родом. «Mon ditul» — воспоминания княгини о своей прабабке, усиливают и укрепляют это впечатление.

Руководительница, любезно продолжившая со мной экскурсию, — одна из тех молодых и тонко образованных женщин с душевной мягкостью и чувством красоты, которые группируются вокруг Главмузея.

9.IX.

Вчерашние похороны Елены Яковлевны Архангельской были одним из самых сильных впечатлений, пережитых мною в последнее время. Они всколыхнули во мне дорогие воспоминания 1905 г. — о работе в Саратовской организации, о молодом энтузиазме, о чистых и светлых настроениях подпольной борьбы. В душе затрепетали былые струны, которые передалась в моей надгробной речи. Звуки похоронного марша, красные знамена, склонившиеся над могилой, заплаканные и омраченные скорбью лица... И над всем — облик ушедшей, который воплотил в себе святой аскетизм народнических порывов. Эта смерть пробудила во мне те чувства, которые не могли всколыхнуть выставка Истпарта. Чистый и благородный дух самоотречения, его сила и красота — дошли до сердца и вызвали ответный, сочувственный отклик. Будничная повседневность уходила куда-то в сторону, и впечатления современного коммунизма, погрязшего в тине житейской прозы, оттеснялись воспоминаниями о молодом периоде движения, который воспитывал стоические и твердые характеры. Как трогательно было видеть эту «Знаменскую ячейку», которая прошла за гробом 20-верстный путь! Сколько глубокого внутреннего чувства звучало в поэтической и теплой речи т. Окуловой! Всех провожавших охватывало чувство сердечного единства, которого не могли разрушить сухие командные приказания т. Марии. И уходя с могилы, растроганные и смятенные, мы уносили в себе веяние душевного идеализма, который был каждым пережит в его прошлом, а некоторыми переживается и теперь. Это одно из тех очищающих впечатлений, которые выметают из души жизненный сор и приобщают к миру великого и глубокого.

10.IX.

Я весь еще полон очарованием сегодняшней прогулки. Был чудный летний день с безоблачно синим небом и золотом солнца, которым струился ясный и свежий воздух. И я решил исполнить свое давнее и сильное желание — побывать в селе Коломенском, которое всегда влекло меня далеким контуром своей шатровой церкви. От Данилевской заставы я двинулся по большой Серпуховской дороге — мимо огромных фабричных корпусов, через деревню Котлы, с ее нарядными избами, украшенными узорчатой резьбой и милыми светлицами. Слева мелькала синева Москвы-реки, за нею в зелени садов вздымалась Симоновская колокольня.

Дорога повернула влево, кончились скучные серые здания, и с высоты обрывов раскрылся широкий вид на город, весь озаренный светом, с переливающимися куполами, с Кремлем и с храмом Христа Спасителя. Новый поворот вправо, и живописною ложбиной я поднимаюсь к земной куще, которая окаймляет место старой царской усадьбы.

Через вековую липовую аллею, насаженную Екатериной, вхожу в передние ворота, с шатровой смотрильной вышкой, увенчанной двуглавым орлом. Передо мной — зеленая поляна и на ней возносится к голубым небесам белая церковь Вознесения, полная своеобразной самобытной красоты. В ней все прекрасно — широко раскинувшийся подклет с извилистой галереей, изгибы среднего «четверика» с вздымающимися кокошниками, стройные грани верхнего «восьмерика», разрезанные удлиненными оконцами и устремившийся ввысь, униженный перевязью, многоскатный шатер. Ослепительно-белая на фоне небесной и речной лазури, среди садовой и луговой зелени, церковь была обвеяна какой-то чистотой и девственностью. А там, за церковью, у ската крутого берега — синяя лента реки, широкая даль поемных лугов и безграничный простор и вправо, и влево, и прямо.

Было чудесно-хорошо, и я с наслаждением разлежся под тенью дерева, раскрыл путеводитель и начал изучать конструкцию храма. Церковь Вознесения хорошо дополняется Сокольничьей башней времен царя Алексея, которая стоит немного южнее и открывает выход в плодовый сад, вместе с передними воротами они дают яркое впечатление далекой старины, переносят мысль к событиям и духу XVI и XVII веков. Мне захотелось посмотреть внутренность церкви, которая считалась «зело чудесной» своей светлостью. Я подошел к домику церковного сторожа и неожиданно был приглашен выпить чаю немолодым «туристом», который оказался архитектором; он был с юношей в костюме моряка. Дальнейший осмотр мы производили вместе, и это несколько рассивало впечатление — я предпочитаю одиночество, которое помогает сосредоточиться и углубиться в созерцание прошлого.

Мы прошли внутрь храма, который показался мне тесным, не очень светлым и похожим на глубокий, сверху суживающийся колодезь; прошли по внешней галерее и с царского трона полюбовались широкой панорамой, развернувшейся перед нашими глазами. Вдали выдавался Перервинский монастырь, а на зеленом горизонте, на лесном фоне — Голофтьевский дворец, колокольня Николы Угреш, Царицыно и много белых храмов. От церкви Вознесения мы прошли вдоль берега в Дьяково. Тропинка извилистой лентой спускалась и поднималась по холмам; направо — густая буковая роща, свежая, сочная трава, а через узенький ручей — полуразрушенный деревянный мосток. Место, напоминающее старые пейзажи, обвеянные романтизмом и нежной меланхолией. Через тенистое кладбище с теснящимися каменными гробницами мы подошли к другому знаменитому памятнику русского зодчества — «обетному» храму князя Василия III. Он тоже прекрасен — по-своему. Я обошел его со всех сторон, всматриваясь в его оригинальные переходные формы, в его «столпы», архитектурные детали и орнаменты. Он не так светел и ясен, как церковь Вознесения; его каменная масса не так стройна и гармонична; и ветви деревьев, приникшие к его фасаду, еще более усиливают впечатление сосредоточенной строгости и некоторой тяжеловесности. Но его разноцветная окраска, кокошники, машикули, панно-ширинки сливаются в гармоничную гамму, которая восхищает своей оригинальностью. Внутри он также оригинален, с своими крошечными приделами и затемненным центром. Издали мы посмотрели на «Царьво Городище» и разошлись в разные стороны, но затем встретились вновь и продолжали свой путь до Москвы.

Несколько старых дулистых дубов (по преданию, у одного из них учился Петр), новая панорама на Москву — с галереи пятиглавой Казанской церкви — и развалины внешней стены завершили собой впечатление Коломенского. Все было хорошо, и не хотелось уходить из этого прелестного уголка, обвеянного воспоминаниями прошлого. Длинным селом, по новой дороге, через Кожухово, место петровских потешных маневров, мы возвратились в Москву, в Симоново. В интересной беседе о московской архитектуре мы не заметили трамвайного переезда. Я вернулся домой счастливый и бодрый, чувствовал, как жизнь хороша и светла, как бьется во мне сила жизни. Все горести, заботы, страдания казались далекими и ничтожными перед этим ощущением разнообразия и красоты воспринятых впечатлений.

28.V.

Снова солнце и зелень, майская свежесть — аромат весны, ощущение бодрости и подъема. Две тысячи городских рабочих, организованные вокруг своих клубных знамен, под звуки собственных оркестров, в специальном заказанном поезде выезжают на первую летнюю прогулку. Товарные теплушки наполнены пестрой толпой мужчин и женщин, юношей и детей; рядом с седобородыми отцами семейств — матери с грудными детьми, за ними — молодые рабочие, девические лица и буйные комсомольцы, которые держатся компактной сплоченной массой. Смесь белого и черного цвета, с ярко-красными пятнами женских шапочек. Шумный говор, сияющие глаза, светлые улыбки на бледно-землистых лицах, веселые дружные песни под грохот вагонных колес. Двери вагонов раскрыты; направо и налево струится весенний воздух, мчатся зеленые поля, мелькают белые здания церквей, проносятся облитые цветами вишневые сады.

Через полчаса — остановка на Царицыне. Путь к дворцу, мимо затененных прудов, под аркой фигурного готического моста, вдоль красно-белого фасада заброшенных и таинственных развалин. Поворот направо — и мы на огромной ярко-зеленой луговине, которая манит к себе свежестью нетронутой природы. Все смешалось и рассыпалось, забегало и потонуло в зеленых волнах травы и в белых лучах солнца. «Юные пионеры» — еще на ногах, они превратились в футболистов, играют в салки, перетягивают канат, водят хороводы под аккомпанемент многоголосной декламации. Старшие — спокойнее и прозаичнее; их тянет к себе зеленый ковер, который открывается сотням отдыхающих групп; раскрываются припасенные корзиночки и пакетики, раздаются звуки гармоники, которые переплетаются с гулом возгласов, разговоров, одиночных напевов. И только бравурный марш оркестра начинает собирать вокруг импровизированной трибуны — автомобиля — разбросанную, расплывшуюся массу. Две небольшие политические речи, вторая — на злобу дня, об англо-русском конфликте, о войне и мире, окончившаяся всплесками аплодисментов и звуками Интернационала.

После короткого митинга гуляющие разбиваются на три группы — по определенным клубам, и получает по 2 руководителя — историка и естественника. Моя группа стекается понемногу на красное знамя клуба «1-го Мая»: старые и молодые, мужчины и женщины, в непринужденных позах, сидя и полулежа, раскинулись в зелени деревьев, близ Оперного Дома. Перед глазами, через луг, — одетые в молодую листву руины недостроенного замка. На его фоне льется моя речь — о былых временах дворянства, его расцвете, его культуре, его праздниках, затеях и капризах; о блеске Екатерининского двора, о планах московского «Царского села», царицынском сенокосе, трагедии Баженова, попытках Казакова, постепенном обветшании и разрушении прихотливой затеи; о чувствительных поэтах на берегах царицынских прудов и о последней поэтической странице из их дворянского прошлого: о загорающейся любви тургеневской Елены. После вступительной лекции мы идем всей массой осматривать развалины — Оперный Дом, ворота парка, мост, дворец, кавалерский корпус, хлебный дом, галереи. Публика заинтересована, некоторые увлечены; сыпятся вопросы о готике, о классицизме, о Растрелли, о декоративных бойницах, о времени постройки, о сравнительных достоинствах баженковского и казаковского зданий.

После обхода и объяснений я передаю свою группу естественнице, которая ведет экскурсию в самую внутренность развалин, а затем мы вместе совершаем длинную прогулку по парку. Около Миловиды и храма Цереры — новые исторические объяснения, которые переходят в непринужденную совместную беседу. Затронута масса тем — о Версале, об античных стилях, о национальном русском зодчестве, о размывах материка. К концу осталось небольшое ядро, наградившее нас благодарностью. Мы чувствуем себя удовлетворенными и дружески обмениваемся впечатлениями прогулки. Я чувствую себя усталым — от долгой речи, от внутреннего подъема, от пережитых впечатлений. Эта усталость не покидает меня в течение дня — и на террасе дачи Андриановых, в беседе с приехавшим Шурой, и вечером, у Голубцовых, когда я вижу перед собой оживленно-милое лицо Людмилы Васильевны. Но я счастлив ощущением душевной молодости, остротой переживаний, любовью окружающих и моей любовью к ним, счастлив ласкающими взглядами

девушек и — нескромное признание! — сознанием своих способностей. Эти чувства неразрывно сплетаются с душевной болью, с воспоминанием об О., с горьким сознанием одиночества, с неутоленной жадью женской любви. Но эта грусть уже смягчилась и понемногу растворяется в спокойном примирении с неотвратимой и безличной силой покоряющих жизненных сил. Восточная мудрость, преклонение перед неразгаданным космосом, ты — великая утешительница, и ты не исключает ни молодой энергии, ни страстных порывов; ты примиряешься с ними в скрытой гармонии неповторяющегося личного единства!

3.VI.

Вчера было одно из самых сильных и, может быть, решающих впечатлений моей жизни — мой первый доклад в Научно-историческом институте. Несколько месяцев напряженной работы не пропали даром. Мое выступление оправдало поддержку М. М. Богословского и мое пребывание в числе научных сотрудников, придало мне новые силы и «реабилитировало» меня в глазах некоторых ученых коллег. Я прочел первую главу своего исследования о «Журнале землевладельцев» и сделал сжатое резюме всей остальной работы. С первых звуков моего голоса я почувствовал настороженное и серьезное внимание; оно было заметно в выражении лиц и неуловимо передавалось сознанию. Кажется, мой голос звучал «проникновенно» и овладевал слушателями. После доклада были долгие и оживленные прения. В. И. Пичета не соглашался с моей характеристикой журнала и защищал прежнюю либеральную версию о «крепостничестве». Я отвечал свободно и убежденно, опровергая его фактами и пользуясь его слабыми местами — неточностью понятий и слабым знакомством с источником.

Я чувствовал, что говорил «умно» и обоснованно, что мои слова производят впечатления. Сочувствие присутствовавших было явно на моей стороне, своим толкованием, которое раздвигало вопрос до уровня большой проблемы о движущих мотивах крестьянской реформы, я заинтересовал наших русских историков. М. М. Богословский наградил меня сдержанными, но лестными похвалами; по-видимому, он ожидал какого-нибудь неприятного «коммунистического» сюрприза, но убедился, что я еще не порвал с «хорошим обществом». Я очень благодарен ему за его неизменную моральную поддержку и веру в мои силы. Несколько указаний сделал С. В. Бахрушин. Один вопрос задал всеобщий историк Е. А. Косминский. Моментами наш обмен мнений переходил в непринужденную беседу. Все отмечали «изящество» моего изложения. После доклада Михаловская поздравила меня с успехом, сказав, что это — первый слышанный ею доклад, за которым чувствуется «большая школа».

Я чувствовал себя удовлетворенным, хотя не мог познакомить слушателей с главной частью своей аргументации. Мое выступление вышло ярким, в нем чувствовалась свежая и молодая мысль, затрагивалась широкая проблема, ломались старые предубеждения. Мой тон был уверенным, речь лилась свободно, живо и дышала стремлением к истине. Если бы я писал эти строки не для себя, я не стал бы «хвалить» себя. Но мне кажется, что именно такое впечатление производил мой дебют на аудиторию.

Я вернулся домой усталый и возбужденный. Взволнованная мысль обращалась к пережитым впечатлениям. Воображение воскрешало картину спора, весь день тревожило этими образами и долго прогоняло от моих глаз благодушный успокаивающий сон.

1925 год

По Волге и Каме

16.VII.

Первый день моего путешествия. С утра — слоистые темные «левитановские» облака. Свежо. Широкая Волга — серая, как и небо.

Рыбинск, куда я приезжаю по ж. д., уже не тот, что раньше: помню, как он поразил меня 22 года назад лесом своих мачт и торговым оживлением. Теперь он — только один из северно-волжских городов с типичными их чертами: обилием церквей, провинциализмом зданий, особым непередаваемым отпечатком тихих мещанских улиц. Зато теперь я вижу в нем то, чего не видел раньше: ампирные

дома и храмы, коллекции усадебной обстановки, собранные в художественно-бытовом музее.

В 5 час. отплываем из Рыбинска. Как зачарованные, плывут берега — то отлогие, то приподнятые, покрытые смешанным лесом, украшенные древними храмами, среди широкой и полноводной глади красавицы Волги. Русские лица, волжская речь, тишина на сердце, радость спокойного молчаливого созерцания. Как много говорит русская церковь — особенно в старинных силуэтах полусказочного Романова-Борисоглебска! Отдаленность смягчает и делает художественно-красивыми и деревья, и села, и движущиеся фигуры людей. Но лучше всего река — то зеркальная, то подернутая рябью, то волнуемая движением парохода. Мало встречных и попутных судов — куда делось прежнее оживление! Зато еще больше природы, и в рамках этой природы, в серых избах и сельских церквях, звучит вековой быт, который перемежается с видом дымящихся фабрик.

Мы — в Ярославле. Ночь скрывает его из глаз, и только огни берега да шум пристани говорят, что мы в крупном городе, на длительной остановке.

17.VII.

Попрежнему пасмурно, но теплее. Ведь день — на речном воздухе перед широкими открывающимися далями. Преобладает прежний средне-русский пейзаж: правые берега, выше и круче, одеты березой и елью; кое-где поднимается сосна, левые берега большей частью отлоги; села сменяются городками, мелькают «ярославские» церкви — белые, чистые, сияющие среди серых домов и обступающей зелени, все чаще и чаще дымят фабричные трубы, и огромные красные корпуса четко вырисовываются на деревенском фоне. Церковь и фабрика — два стиля, две эпохи, два мироощущения — господствуют над речной равниной, но они срастаются и не мешают друг другу. Чудесны виды на эти волжские города, когда постепенно и плавно приближается к ним скользящий пароход: и Плес, прославленный полотнами Левитана, и Кинешма, вьющаяся по береговым террасам, и, особенно, Юрьевец на широком просторе сливающихся рек Унжи и Волги. Своё, русское, родное чувствуется в этих волжских просторах, в белоснежных церквях, в деревянной стройке прибрежных селений. Вспоминаются художественные образы, навеянные волжской жизнью и природой, — Островского, Мельникова, Некрасова. И над всеми — образ Катерины, с её мистическим ощущением волжской природы.

Кострому проезжали утром. Но я успел сойти с парохода, подняться по бульвару и пересечь б. Сусанинскую площадь. Вспоминал свою костромскую «профессуру» и свои хорошие впечатления костромских приездов. Смотря на «Красное», вспоминал А. Д. Б. Оно действительно красиво, со своим большим собором, высоко поднимающимся над широко раскинувшимися постройками.

18.VII.

Долгая остановка в Нижнем. Тепло и ясно. Город полон оживления, особенно Нижний Базар. На Оке, на Волге — больше судов, движения, звуков. Чувствуется, что жизнь восстанавливается.

День посвятил осмотру исторических реликвий. Восхищенно любовался фасадом Строгановской церкви, её барочной архитектурой и особенно тонкой каменной резьбой; спускался в подземелье Спасо-Преображенского собора с его заброшенными гробницами князей и иерархов; ходил по стенам и башням Нижегородского Кремля, прекрасного в своей древности, но — увы! — запущенного и разрушающегося, смотрел шатровую церковь Архангельского собора, барочные постройки Георгиевской и Благовещенской церквей, ампирные фасады университета и б[ывше-го] дворянского собрания. В Спасо-Преображенском соборе давали объяснения фанатики, любители архивного дела — двое местных архивистов, которые с любовью и рвением отстаивают архивы от покушений местной власти, мечтают о восстановлении подземных ходов и бредят библиотекой Ивана Грозного. Один из них провел меня в Историко-бытовой музей (в здании бывшего нижегородского миллионера Рукавишникова). Огромные аляповатые залы «купеческого» стиля заполнены прекрасными коллекциями мебели, бронзы, фарфора, серебра, гобеленов (преимущественно из имения «Юрино» Шереметевых). Великолепна французская мебель «Рокайль», английская — Чиппендейль (все — подлинники!), итальянские и голландские шкафы XVI и XVII в., бронза конца XVIII и нач. XIX в., мейсенский фарфор. Гораздо беднее — краеведческий отдел (интересны фотографии старообрядческих

скиотов и вещи оттуда же — химы, веера, ладанки); совсем убог и жалок отдел поистории революционного движения.

В 7 час. пароход отчалил от пристани. Пейзаж уже иной: Волга стала еще шире, но нет отпечатка севера, нет древних храмов и поэтических городов: направо — красные глины, одетые березовым лесом, налево — бесконечные луга, частые перекаты, белые пески отмелей и впереди — манящая даль, так же уходящая за горизонт, как уходило заволжье с зеленого откоса нижегородского кремля. Стемнело. Зажглись бакены. Свежим ветром подуло навстречу скользящему пароходу. Стремление вперед не погасло, а всколыхнулось и разгорелось с новой силой.

19.VII.

Четвертый день пути. Солнечно, тепло, но ветрено. Пейзаж — иной, чем на верхнем плесе: широкая равнина реки среди низменных берегов, с огромными песчаными отмелями; яркое солнце вспыхивает на волнах реки блесками серебра, река волнуется под дуновением ветра, местами правый берег вырастает и тянется зелеными и перемежающимися выступами, то одетыми в дубовые леса, то обнаженными и порожистыми. Меньше селений и городов; больше природы, широкой и раздольной.

Едем автономными республиками — Чувашской и Татарской. С реки красивы Чебоксары, утопающие в белых церквах; подъезжая сверху, не подозреваешь красивой панорамы, которая разворачивается по мере удаления от города. Так же красива Казань — с своим белоснежным кремлем, старинными соборами, розовой башней Сумбахи, минаретами мусульманских мечетей. Успел съездить за 6 верст от пристани, чтобы бегло осмотреть город: уснувший кремль с древними белыми стенами и круглыми башнями, шатровыми Спасскими воротами (напоминающими мостовую башню Измайлова) и кафедральным собором XVI в.; барочный цветисто-причудливый (красно-сине-зеленый с каменной резьбой) Петропавловский собор; ампирные колоннады Университета; тихую «бюрократическую» Вознесенскую и оживленную, торговую, Проломную, «татаризованные» вывески, засоренные и запыленные улицы и дрянной полуразвалившийся трамвай. Чувствуется скромный характер «Татреспублики» — в размерах зданий «республиканских» комиссариатов и запущенном облике города. Но в то же время видны в памятниках прошлого официальная государственно-церковная политика русификации, а в наслоении современности — обратная национально-освободительная тенденция.

Подъезжаем к Каме. В 1 час ночи — остановка около ее устья, у с. Богородского.

20.VII.

С утра плывем по Каме. Пока ее берега похожи на волжские. Но есть что-то свое, особенное — в сером цвете воды, темных оттенках прибрежных песков, глинистых обнажениях с твердыми известняками в основании, река — уже, пустынее, нелюдимее, но чарует своими извивами, глубокими синеватыми далями, живописными выступами зеленеющих гор. Сидишь на носу, обвеваемый легким ветром, смотришь на эту уходящую волнующуюся гладь, слышишь плеск воды, взволнованной пароходом, — и не хочется вставать, говорить, двигаться... только смотреть и слушать, только отдаваться ленивому созерцанию...

Особенно хороши были два момента: сосновый бор за Чистополем (мы шли около самого берега) и устье Вятки, одетое зарей заката. Свежий воздух реки дышит ароматом то сена, то ржи: совсем тепло, почти жарко. Солнце сияет, играет с рекой, делает яркими зеленые и голубые краски.

Было бы еще лучше без пассажиров I класса — играющих, поющих, болтающих, едящих. Не очень рад и случайной встрече с Б. Е. С., он — прекраснейший человек, но разговоры с ним возвращают в старую жизнь и нарушают прежнюю свободу одиночества. Хочется остаться наедине с природой и с самим собой, с собственным чувством тоскливого и горького уединения.

21.VII.

Весь день плывем вверх по течению Камы. Вопреки ожиданиям, пейзаж не носит сурового северного характера: река широкая, левый берег все время луговой, покрыт невысоким кустарником; правый — наполовину низменный, и только частью нагорный, лесов не так много, не больше, чем за Нижним, и, безусловно, меньше, чем на среднем Плесе (за Рыбинском); леса далеко не такие мощные и густые, хвоя перемежается с лиственными породами; часты — поля с желтеющей

рожью и луга с накошенными стогами. Но река интересна и этим разнообразием берегов, и постоянными извивами своего русла, и впечатлением простора, и преобладанием нетронутой природы. Хорошо устье Белой, над которой носились дикие утки, чудесен берег Сарапула — с красными обнаженными глинами, которые одеты темной пихтой и елью; меньшее впечатление произвел на меня прославленный Пьяный Бор, далеко не такой могучий и дикий, как мне рассказывали. Хороши закаты на Каме: медленно погасают краски, загораются огни бакенов, трепещет пламя береговых костров, вода замирает и превращается в зеркальную гладь.

Чувствуется привольный хлебный край. Но видны следы разгрома и истощения. Особенно в Сарапуле — с его остовами громадных каменных домов, сожженных и разбитых бомбардировкой: результат гражданской войны, которая прошла по Каме кровавым и огненным потоком. Чувствуется и здесь оживление — в этой незатейливой ярмарке с рядами товаров, вертящимися каруселями и праздничной глазающей толпой. Русские лица перемежаются со скуластыми лицами татар и вотяков. Здесь, как и ниже, — у Казани, у Чебоксар, у Чистополя, — заметны финская и татарская струи. Проезжая по Волге и Каме, наглядно изучаешь этнографию, так же, как геологию, ботанику, экономику, историческую географию. Даже при такой поездке, как моя «*partie de plaisir*»⁴, без серьезного изучения, с одним путеводителем в руках.

22.VII.

Ранним утром, когда восток алел красными зорями, я вышел на палубу. Пароход шел близко от берега. Его крутые, закругленные сверху склоны были покрыты темным еловым лесом — густым и неподвижным. Как зачарованный, он поднимался над красными обрывами — памятниками великих переворотов палеозойской эры. Река застыла в молчаливом спокойствии, и ее зеркальная гладь была окрашена в красные тона — отблески загорающегося неба. Стоя на носу, я смотрел вдаль — один среди природы. Постепенно светлел восток, все нежнее становились краски реки и неба, появились лодочки рыбаков, задымился туман у противоположного и левого берега. Северный ландшафт — и слева, и справа. Долго я всматривался в тот уголок горизонта, где появилось оранжевое сияние; мгновение — и брызнуло пестрым скопом лучей, зарозовели сосны противоположного берега, пролетели дикие утки. Солнце катилось по зазубринам еловых вершин — там, вдалеке, на окраине уходящего леса. Восход на Каме, над могучими наслоениями пермского периода, среди таинственных лесов, на зеркале вод, похожих на спящее заколдованное озеро... Это — одно из лучших впечатлений моей поездки. Оно разбудило заснувшие поэтические струны души, но — увы! — шаблонно и слабо отобразилось на бумаге, только намеками передавая пережитые ощущения.

Леса все больше и больше. Весь день тянутся еловые леса, перемежаясь с полями и луговыми низинами. По-прежнему берега то выше и круче, то спускаются вниз, и мы плывем зеленой равниной. Красные глины время от времени вклиниваются в пейзаж и придают ему, вместе с елью и пихтой, специфически камский характер. Села и даже города — невелики и редки. Река — пустынна, и редкий пароход или связанный плот попадет навстречу. Между прочим обогнали «плавающий дом отдыха», остановившийся у пристани: пассажиры высypали на берег и занялись физкультурой и купаньем, большинство — в легких спортсменских костюмах, не исключая и женщин.

Становится свежо, небо заволакивается облаками. Последняя остановка перед Пермью — конечную пристанью паромного рейса. Пассажиры разошлись по каютам. Из столовой I класса льются звуки пианино и какая-то французская песенка. Хочется новых, оживляющих впечатлений.

23.VII.

Рано утром приехали в Пермь. Небо обложено серыми облаками. Неприветно и хмуро. Пароход останавливается на долгую полуторосуточную стоянку, а там — обратно. Советуюсь с агентом паромства, навожу справки и решаю ехать дальше, до Усоля.

Иду осматривать город. Он расположен на горе, распланирован на прямые улицы, взаимно пересекающие друг друга; как повсюду в провинции, улицы переименованы. Главная носит название «улицы Карла Маркса». На ней — лучшие здания, в том числе ампириный дом [бывшего] Двор[янского] собрания, интересное деревян-

ное здание б[ывшей] Земской управы (по-видимому, ампир 30—40 годов), театр, Университет, старые гостиные ряды (по-видимому, никол[аевских] времен). Храмы неинтересны. Несколько садиков; лучший, загородный, запущен. Есть длинный бульвар («Красный проспект»), тоже запущенный. На всем лежит печать захолустного провинциализма.

Старый мещанский быт выступает наружу — в одноэтажных домиках, в окнах с кисейными занавесками, в звуках расстроенного пианино, наигрывающего «Молитву девы». Чувствуется, что город — сравнительно новый (всего 200 лет), в нем нет интересных памятников прошлого, он не несет на себе следов глубокой и давней жизни. Лучшее в городе — научный музей, занимающий три этажа б[ывшей] Духовной семинарии. Он носит ярко выраженный краеведческий характер, наиболее интересны отделы зоологический и минералогический, этнографический (костюмы и предметы быта различных народностей края), археологический (результаты ценных раскопок в Прикамьи), интересна коллекция фотографий по истории местного революционного движения. В музейной библиотеке — хорошо подобранная выставка краеведческой литературы. Я заинтересовался книгами по истории Пермского края, просмотрел работы Дмитриева, Трапезникова — и решил во что бы то ни стало пробраться в Чердынь и Соликамск.

Першел на верховый пароход («Красный Урал»). Вечером любовался закатом из побережного сада, разбитого над Камой. Охватывает чувство тоскливой заброшенности. Кругом — новый и чуждый край, хмурый и неприветливый. При взгляде на Мотовилиху ощущается близость влияния Урала. Вспоминаются колонизаторы — новгородцы, вотчина Строгановых, горнозаводское строительство и недавние уральские события.

24.VII.

Днем продолжал осмотр Перми. Посетил Художественный музей в б[ывшем] архиерейском доме; он очень тщательно и любовно составлен и прекрасно содержится. Внизу — немного ампирной мебели, фарфор, хрусталь, вышивки и богатая коллекция церковных ценностей. Громадный зал заполнен православной скульптурой народного творчества, собранной из разных церквей и часовен Пермского края. Это обилие деревянных статуй (особенно много распятий и изображений Христа в темнице) вскрывает языческий характер местного двоеверия и сильное впечатление особенно драматических моментов евангельской истории. Есть повторяющиеся мотивы, много наивности в трактовке, но некоторые лица Христа отличаются большой трагической выразительностью. В верхнем этаже Музея — галерея картин преимущественно русских художников — Серова, Коровина, Верещагина, Васнецова, Нестерова, Семирадского, Жуковского, Шишкина и пр. Собрание — богатое и интересное. На меня произвели особенно сильное впечатление нестеровское Распятие, васнецовское «Прощание с парком», «Первый снег» Жуковского. Здесь же — скульптуры Антокольского, Гинзбурга и др.; есть бронзовая статуэтка Вольтера работы Гудона. Осмотрел внутренность Кафедрального собора — он невелик и малоинтересен. Смотрел дом, где жил в ссылке М. М. Сперанский. Продолжал просмотр краеведческой литературы в музейной библиотеке. Секретарь музея, Влад. Евг. Чижов, типичный историк из семинаристов (говорит выпренным тоном), любезно предложил проводить меня ко всем домам, где жил Сперанский (в следующий приезд).

В 6 час. (по-пермски, то есть в 4 час. по-московски) «Красный Урал» отвалил от пристани, и мы поплыли вверх по Каме. Миновав фабричный городок знаменитой «Мотовилихи» и устье Чусовой (мало интересны), мы снова вступили в полосу еловых лесов. Пейзаж за пейзажем прекраснее — хвойные заросли на белых обрывах, над зеркалом заснувшей реки, озаренные оранжевыми лучами заката. Ландшафт еще более северный, чем раньше, и чувствуется он больше, потому что идем мы близко от берегов. Кама становится уже и мельче (было опасное место!). Ехать менее удобно — пароход меньше, не так комфортабелен и наполнен толпой простецких пассажиров, от которых веет захолустным Прикамьем. Это уже не туристы, а местные аборигены, которые едут на пароходе по своим делам.

25.VII.

Верхняя Кама оказалась менее интересной, чем я ждал; большею частью ее берега низменны; гористые — менее суровы и величественны, чем до Перми; и здесь, вопреки карте Седова, — не «тайга», и «разнолесье». Селений довольно много,

много заводов, и это налагает на реку своеобразный отпечаток близости к Уралу. На нашем пути встретилось несколько опасных перекатов, и мы чуть-чуть не сели на мель: наметчик с своим шестом все время сигнализировал свои «три», «три с половиной», «табек». Интереснее всего оказалось Усолье (когда-то вотчина Строгановых): огромные дымящиеся заводы (солеваренные и содовые) производят почти эстетическое впечатление — дают цельную монументальную производственную картину. Сам город (в 2 верстах от пристани) похож на деревню: немощенные улицы, деревянные домики, сады, огороды. В центре возвышается белый Преображенский собор (построен в 1721 г. Строгановыми, как сообщил мне священник) в стиле барокко, с красивой каменной орнаментикой, внутри — ампирный иконостас. В соборе шла всенощная, но храм был пуст: 4—5 стариков и старух стояли по углам. Меня приняли за коммунистического соглядатая («не крестится»): оказывается, местные коммунисты следят за посещающими церковь и увольняют их со службы.

Дал телеграмму в Пермь о том, чтобы забронировали за мной каюту. Ехать в Чердынь не придется: из-за мелководья правильные рейсы отменяются, и рискуешь застрять на полдороге. К тому же моей надежде увидеть «настоящий север» не суждено осуществиться: до Чердыни — те же берега.

26.VII.

В 11 час. утра выехал из Усожья в обратный путь. Ясно, но свежо: ветер волнует речную гладь, поднимая белые гребешки. Плывут те же знакомые берега. Опять встречаем на своем пути рыбные «язы»; опять дикие утки и белые чайки носятся вокруг парохода, снова поемные луга и сенокосы перемежаются с еловыми и пихтовыми лесами. Опять впереди — широкая даль, которая загорается вечерними красками во время заката. Едем вотчинами Строгановых; время от времени мелькают старинные белые храмы. Самые интересные в с. Орел и особенно в с. Слудка. На желто-розовом фоне потухающего неба четко вырисовываются линии древнего храма; над ним — молодой серебристый месяц, кругом неподвижные как будто затаившиеся елочки. Веет севером от этого пейзажа, переносащего в XVI и XVII век.

На рассвете проезжали Луженские горы (между Добрянским заводом и Полозной). Белые гипсовые обнажения отвесно обрывались к берегу Камы; в рамке елового и пихтового леса, в полусумраке наступающего утра они казались зачарованными замками; причудливые формы разрушенных утесов напоминали развалины каких-то сооружений; тысячи мелких камней покрывали внизу узкую полосу берега. Кама едва-едва была подернута рябью, казалась озером. И это сочетание — черно-белых утесов, светлой, почти неподвижной воды и загорающихся широких далей придавало пейзажу особую, «камскую» живописность.

27.VII.

После пустого дня, проведенного в Перми, выехал вниз, по Каме, в обратный путь. Получил каюту на пароходе «Лермонтов» — одном из лучших пароходов речного транспорта. Роскошно обставленная рубка, прекрасные каюты, широкая палуба, плавный и легкий ход — все окружает изящным и приятным комфортом едущих пассажиров. Общество I и II класса — типичные туристы, с семьями и детьми, приятно проводящие досуг «на лоне природы». Выделяется инициативное ядро перезнакомившихся, которые держатся вместе, делятся впечатлениями, выискивают источники развлечений.

Кама — та же. Едем местами, которых я не видел (проезжали их ночью). Снова — красивый закат и разнообразные краски. А вечером, под звуки красивой музыки искусной пианистки, — снова плывущие леса, осеребренные молодым месяцем.

Перед отплытием парохода, на пристани в Перми, видел делегацию германских рабочих, приехавшую из Москвы. Казалось, им наскучили встречи и митинги, на лицах скользило утомление и как будто иронические улыбки. Первый раз за все свое путешествие купил московскую газету и, как всегда, быстро закрыл ее: все то же однообразное и односторонне подобранное содержание.

28.VII.

Второй день — безоблачное небо, ясные линии, яркие краски. Все дальше и дальше отплываем от Перми. Галево, Сайгатка, Гольяны, Сарапул — красивейшие места на Каме. Но острота ощущения уже притупилась: повторное переживание

лишено прежней силы. Я особенно ясно почувствовал это на перегоне Частые — Галево: ехали местами, где я встречал восход солнца, очарованный открывшейся передо мной картиной. Сегодня днем при свете солнца прежнего очарования уже не было, горы казались на такими высокими, а лес не таким дремучим... Только Кама остается такой же прекрасной, как раньше.

С высоты Сарапульских гор любовался видом на реку — поемные луга и озера. Берега по нашему пути унизаны стогами сена и снопами сжатого хлеба. Говорят, что в крае — богатейший урожай того и другого, и это отражается на оживляющейся торговле. Один из пассажиров, б[ывший] командир парохода, вспоминает, что было здесь в голодные годы, в эпоху мешочничества и заградительных отрядов, во время гражданской войны.

Вечером — снова художественная игра на пианино в рубке I класса. Весь день — тяжелые мысли о своем недуге и личном одиночестве. Возобновилась головная боль и чувствовалась с различной силой все время... Отсюда мое дурное настроение, которое отравляло удовольствие от поездки.

29.VII.

Знойный, хотя и ветреный день. Последний день на Каме. Проходят новые, невиденные места. «Тихие горы», «Челны», «Красный Ключ» (с зарослями хвойно-лиственных лесов), Елабуга (с древней башней «Чертова Городища»), Танайка (место, где Шишкин живописал свои сосновые леса). А за ними уже известные берега — Соколок, Камских полян, Берсута, Чистополя — последние лесистые и высокие берега на Каме. В Чистополе пароход стоял больше часа, и я успел сходить за 3 версты в город, бросить общий взгляд на главную улицу («Карла Маркса») и бегло осмотреть собор, построенный в классическом стиле (что-то общее с Воронихиным). За Чистополем солнце зашло, и темные облака нависли над широкою Камой. Погасли краски, и отпечаток мрачного сумрака охватил собой реку. После жаркого душного дня эти темные нависшие облака кажутся благословением свыше. Хочется прохлады и свежести.

Самочувствие пониженное, в связи с головной болью и мыслями о возможном срыве научной работы. Без книг уже скучно, из библиотеки я взял единственную бывшую там вещь по беллетристике («Том Хемсон, летчик» Курта Маттла), но бросил, не дочитав ее.

30.VII.

Снова — Волга. После Камы она, действительно, производит впечатление большего простора и более светлых ясных красок. Лиственные леса кажутся роднее и ближе покинутых елово-пихтовых зарослей. Вода как-то светлее, и под облачным небом отливает сверкающим перламутром. Сидишь на носу и чувствуешь, что река обнимает тебя, охватывает полностью своей речной стихии. Тихо и плавно льются ее широкие воды, тихо и медленно плывут берега. Но в душе уже нет прежнего напряжения интереса, прежнего настороженного внимания к каждому селению, каждому уголку.

Отъехав от Казани, проплыли мимо Свяжска. Он рисовался вдалеке, сквозь дымку набежавшего дождя, своими белыми колокольнями. Белый сказочный город, неясный и потому еще более привлекающий. Вступаем в полосу Чувашской и Марийской автономных областей. Чаще леса — целые дубовые заросли, ярко зеленые и густые. В воздухе пахнет гарью, над горизонтом вест дымок — горят марийские леса. После дождя сильнее пахнет речною сыростью и ароматом листвы. Местами тянет скошенным сеном. Хорошо!

Но прелесть окружающей природы отравляют капризные крики детей и, главное, усиливающаяся головная боль, которая навеивает мрачное, гнетущее настроение.

31.VI.

Миновали Космодемьянск, причудливые готические сооружения Шереметевского Юрина, живописный Васильсурск и еще более живописные Исады, утонувшие в зелени садов, с двумя прекрасными старинными церквями. На противоположном берегу — белые стены и башни древнего Макарьевского монастыря. Они подступают к самому берегу и своими очертаниями оживляют образы Никона, Разина и старого ярмарочного торжища. Вдали виднеется знаменитое Лысково — когда-то вотчина Морозова, одно из его богатейших владений. Дождевая завеса снова прорезается солнечными лучами; ярко выступают зеленые огороды Печеры, белеет

старый Печерский монастырь, открывается Нижний, позолоченный последними солнечными лучами. Плывут дома, стены Кремля, парходные пристани. Большинство пассажиров сходит с парохода. Прощание, пожатия рук. Оставшиеся — в ожидании пересадки на Рыбинск. Сумрак охватывает Волгу и город. Загораются бесчисленные огни у берега. Ярко сверкая, они образуют сказочную огневую нить, когда наш парход отчаливает от пристани и уходит к стрелке, в Кунавино. Завтра — ярмарка; и она тоже горит, отбрасывая от себя снопы лучей на потемневшее небо. «Репетиция», — говорит кто-то из пассажиров. Последний взгляд на оставленный искрящийся светлыми точками берег — и в каюту, спать до ранней пересадки.

1.VIII.

Утром, до отплытия парохода успел съездить на ярмарку. Ее центральная часть приведена в порядок — отремонтирована и покрашена. Главный дом блестит и сияет. В ожидании открытия делаются последние приготовления: моют, стругают, чистят, красят. Матросы в новеньких костюмах суеются около ярмарочного вымпела, на котором в 12 час. дня должен взвиться советский флаг. Заняты магазины Главного дома (не все), большинство отдельных рядов пустует. Я прошел по старому бульвару из рослых тополей, мимо старого собора, обогнул живописные разросшиеся садики с прудами, вдоль разрушенных, сожженных и разломанных зданий. Чувствовал, как ярмарка воскресает из мертвых — символ воскресения и пробуждения страны. Смотри на скачущих рысаков, мчащиеся автомобили, марширующие полки гарнизона, милиционеров с красными жезлами, отряд пионеров со знаменем, думал о «логике жизни» и причудливом сочетании старых и новых начал. Ровно в 12 час. с палубы парохода видел, как взвился красный флаг, — ярмарка открылась. Скоро отчалил и наш парход. Снова мы плывем верхним плесом, уплывает вдаль красавец Нижний, проходит Сормово (оно не производит с реки грандиозного впечатления) и начинаются отлогие берега с селами и городами, которые восхищают своей русской красотой. Один другого лучше — Балахна, Городец, Василево, Катунки, — большею частью на террасах поднятых берегов, с массой старинных церквей, с серыми деревянными домиками, тесовыми крышами, бородатыми русскими лицами на пристанях. Волга тиха, покоем веет от луговых и лесистых берегов — и в то же время чувствуется биение жизни во встречных потоках пассажиров, в массе селений, в оживлении пристаней. Опять наша родная Русь, наш древний и крепкий великорусский центр.

Несмотря на усиливающуюся головную боль напряженно и с интересом слежу за Волгой. В промежутках читаю только что купленную книгу — «Дни» Шульгина, живо и искренно написанную.

2.VIII.

Ясное небо, свежий и тихий воздух, спокойная гладь реки. Под блеском солнца сверкает своими многоцветными красками Плес и кажется сказочно-фантастической приближающаяся Кострома. Последний день моего водного путешествия. Голова устала следить за рекой и ее берегами; притупилось внимание, ослабел интерес. Но все еще загораешься, когда видишь панораму Николо-Байбакского монастыря или вспыхивающие огни Ярославля, — увы! — уже окутанного надвигающимся мраком. Сижу на палубе, она увлекает и за ней забываешь Волгу, еще красивую, но уже однообразно-знакомую. В Ярославле ухожу спать в каюту — завтра утром высадка в Рыбинске.

3.VIII.

В 2 час. ночи проезжали Романов-Борисоглебск. Я вышел на палубу, но различил только смутные очертания собора. В 6 час. проснулся и увидел вывеску: «Рыбинск». Последнее «прости» Волге, пешеходное путешествие через город, в сопровождении носильщика — и я на вокзале в томительном ожидании московского поезда.

Заметки по исторической географии

1. Усолъе — Строгановск[ая] вотчина, 1606; 2. Усть-Косьва — то же, 1647; 3. Слубка — то же, 1554, захват пугачевцами — 1776; 4. Полазны — Строгановск[ое] влад[ение] XVII в.; 5. Пермь — Каз[енный] медноплав[ильный] зав[од], нач[ало] XVIII в., база Пугачева; 6. Нытва — Строгановск[ое] влад[ение], 1647; 7. Оханск — то же, 1647; 8. Беляевка — то же, 1715; 9. Оса — Остяцкое поселение Ник. (слоб.

Колуженн. — 1591; восстание инор[одцев] — 1616; пугачевцы — 1774); 10. Частые — Чувашск[ая] земля — 1618; Влад. Осинск. м-ря — 1646; 11. Воткинск[ий] завод (Галево) — Шувалов. зав. — 1759; 12. Сайгатка — Влад. Осинск. м-ря — 1646; 13. Ижевский зав[од] (Гольяны) — Шувал. завод — 1760; 14. Сарапул — Новгород. колония (?), крепость (против башк.) и пункт Арской дороги, пугачевцы; 15. Камбарский зав[од] (Камбарка) — Демидов. завод — 1767; 16. Николо-Березовка — Село при Иване Гроз[ом]; 17. Красный Бор. — Могильник Спицына; 18. Елабуга — Ананьинский могил[ьник], Чертово городище, пугачевцы; 19. Чистополь — Колонизация беглых кр[естьян] (?); 20. Рыбная Слобода — Рыб. слоб. (Борис Год.), креп. XVII в. против баш.; 21. Лапшев — Пограничн[ый] город 1555—7; 22. Казань — Столица тат[арского] царства в перв[ой] полов[ине] XV в., взята в 1552 г., погран[ичная] крепость XVI—XVII в; 23. Свияжск — Опорн[ая] креп[ость] 1551 г; 24. Чебоксары — Крепость 1555 г.; 25. Космодемьянск — основан в 1583; 26. Покровское (Троицкий посад) — основан в 1585 г.; 27. Васильсурск — Крепость погр[аничная], осн[ована] в 1523 г.; 28. Нижний Новгород.

Расходы

16. VII—3. VIII.

16. Извозчику с вокзала на пристань в Рыбинске — 50, в чайной в Рыбинске: чай, сахар, хлеб — 45, масло — 50, служащим худ[ожественно]-быт[ового] музея — 55, хлеб и яйца в Рыбинске — 20, обед на пароходе — 85, прибор и хлеб на пароходе — 30. Итого 3 р. 35 к.

17. Булки — 18, молоко — 8, сыр $\frac{1}{2}$ ф. — 25, 2 чайных прибора — 20, обед — 1 р., ужин — 45, подсолнухи — 4. Итого 2 р. 30 к.

18. Булки — 19, сыр — 30, молоко — 8, приборы чайные — 20, чистка штиблет — 5, путеводитель по музею — 20, за хранение платья в муз[ее] — 8, трамвай — 7, абрикосы — 14, обед — 1 р. 40 к., ужин — 1 р., открытки и марки — 28, газета — 7. Итого — 4 р. 06 к.

19. Чайные приборы — 20, хлеб и булки — 32, сыр — 30, обед и ужин — 95, трамвай в Казань — 56, нищим — 4. Итого — 2 р. 37 к.

20. Малина $\frac{1}{2}$ ф. — 10, чайные приборы — 20, обед и ужин — 1 р. 20 к., молоко — 8. Итого — 1 р. 58 к.

21. Приборы чайные — 20, булки — 22, сыр $\frac{1}{2}$ ф. — 30, молоко — 3, обед и ужин — 1 р. 50 к., пряники — 25, чистка штиблет — 7. Итого 2 р. 57 к.

22. Чайные приборы — 20, земляника — 15, хлеб и булки — 35, молоко — 3, яйца — 13, обед — 45. Итого 1 р. 31 к.

23. Хлеб — 15, сыр $\frac{1}{2}$ ф. — 25, молоко — 4, чайные приборы — 20, книга — 70, вход в Музей — 10, прислуге на пароходе — 2 р. Итого 3 р. 44 к.

24. Чайные приборы — 20, булки — 15, сыр — 23, помидоры — 15, вишни — 15, билет до Усоля — 4 р. 57 к., вход в Музей — 1 р. 10 к., щетка — 50, галстук — 50, обед — 60, яйца — 6, молоко — 4, газета — 4. Итого 7 р.

25. Чайные приборы — 20, хлеб — 30, молоко — 25, обед и ужин — 1 р. 35 к., земляника — 15, сыр $\frac{1}{2}$ — 30, телеграмма — 69. Итого 3 р. 24 к.

26. Чайные приборы — 20, молоко — 25, обед и ужин — 1 р. 20 к., земляника — 10, билет от Усоля до Перми — 4 р. 57 к., булка — 10. Итого 6 р. 46 к.

27. Прислуге на пароходе — 1 р., сыр $\frac{1}{2}$ — 20, масло $\frac{1}{2}$ ф. — 28, булки — 20, открытки — 6, — 10, газета — 5, чистка штиблет — 5, зап. книжка — 25. Итого 2 р. 19 к.

28. Пряники — 20, чистка штиблет — 7, газета — 5. Итого 32 к.

29. Хлеб бел. — 15, печенье — 30, вишни — 33, сахар 2 ф. — 56. Итого 1 р. 34 к.

30. Открытки — 16, газета — 8. Итого 24 к.

31. За еду 27—31/VII — 11 р., прислуге — 2 р., малина — 13, омлет — 70. Итого 13 р. 83 к.

1. VIII. Булки — 13, сыр — 20, булавки — 15, за паромот в Кунавино — 10, «Дни» Шульгина — 1 р. 13 к., бритье — 50, чистка штиблет — 5, газета — 14, чайн. приборы — 20, лимон — 10, молоко — 20, обед — 1 р. 15 к., пряники — 20. Итого 4 р. 30 к.

2. Чайные приборы — 20, хлеб — 15, молоко — 20, сливы — 20, обед — 1 р. 10 к., лимон — 10, открытки — 20, прислуге — 60. Итого 2 р. 75 к.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Лина — старшая сестра Н. М. Дружинина Алевтина. В молодости она была актрисой, но ее карьера не удалась. Эта неудача тяжело отразилась на ее характере. Больше она уже нигде и никогда не работала. Брат заботился о ней как о члене своей семьи.
2. Перед записями 1922—1923 гг. (начиная с 14 августа 1922 г.) Н. М. Дружинин ставит подзаголовок «Впечатления». Это указывает на то, что характер его дневника несколько изменился. На место подробных сведений о каждом проведенном дне приходят описания экскурсий с осмотром памятников архитектуры, живописи, старинных усадеб и отдельных городов. Вероятно, после крушения надежды на вступление в брак с горячо любимой девушкой (с инициалами О. Н.) он испытывал потребность отвлечься от постоянных мыслей о непонятных, «загадочных» причинах происшедшего «разрыва». Однако в связи с тем, что в конце жизни Дружинина его дневники перемещались в Архив АН СССР, а затем были возвращены обратно, причем часть из них демонстрировалась на выставке, не исключена возможность потери какой-либо части материала. В дальнейшем Дружинин нередко возвращается к регулярным и частым записям, озаглавливая свои тетрадки «Diageum» (Дневник) или Fasta, то есть «Факты» (самоанализ молодых лет отступает на задний план).
3. После этой случайной встречи Николай Михайлович встретился с Ольгой Николаевной Баратовой только через 25 лет. «Она рассказала, что давно развелась со своим первым мужем, в войну потеряла своего единственного горячо любимого сына, и что у нее есть второй муж, художник...» Узнав, что Николай Михайлович женат, она пригласила его вместе с женой в гости к себе на дачу. Придя к ней, Дружинины увидели седую женщину со скорбным суровым лицом, отражавшим пережитые бедствия. Вскоре стало известно, что ее второго мужа разбил паралич, и он умер. Ценным дополнением к дневникам Дружинина являются его частные письма. Так, 22 июня 1948 г. в письме к Е. И. Чистяковой — своей будущей жене, вспоминая Ольгу Николаевну, он отмечает, что «у нее были лицо и душа Мадонны, хотя в умственном и политическом отношении она была безгранично ниже других. Мы полюбили друг друга, но она оказалась невестой, и после долгих колебаний осталась верна своему жениху».
4. Прогулка для удовольствия (фр.).

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах

№ 185. Н. Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) — В. Г. Орлову (Москва)

8 февраля 1917 г.

Уважаемый Василий Григорьевич!

Не осудите меня, что так долго не отвечал Вам. Я занят по горло агитацией и перепиской, связанной с моей поездкой [в Петроград] ¹. И когда освобожусь — не знаю. Помещения в городе большого нет; есть думский зал и епархиальная библиотека со скверным ходом со двора, для наших собраний последняя годится, но для лекции желательно первое помещение. Если удастся достать думский зал, который всегда заблаговременно разобран, то сообщу, на какое число и месяц. Пришлите денег на зал, афиши, публикацию и проч. 200 р., из которых, если что останется, возвращу. Денег у меня совсем нет; я уже истратил в минувшем году свыше 3000 своих, и мне это трудно; на других же нечего рассчитывать. Если читать лекции в епархиальной библиотеке без широкой публики, то, думаю, можно будет обойтись и 75 рублями.

Готовый к услугам. Н. Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 117, оп. 3, д. 9, л. 72. Автограф.

1. В конце 1916 г. Тиханович-Савицкий посетил Петроград по «партийным делам» и был принят императрицей.

№ 186. Выдержка из письма Н. А. Маклакова Николаю II

9 февраля 1917 г.

[...] Министр внутренних дел вчера вечером передал мне о повелении Вашего Величества писать проект манифеста о роспуске Гос. думы ¹. Благословляю этот взмах Царской воли. Но надо, не тратя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти, чтобы встретить все временные осложнения, на которые Дума и Союзы [земский и городской], несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Гос. думы. Это должно быть делом всего Совета министров. Власть более чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего.

Смелым Бог владеет, Государь...

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 687, л. 30.

Окончание. См. Вопросы истории, 1996, № 1, 3, 4, 7, 8.

1. Между тем еще осенью 1916 г. был заготовлен подписанный Николаем II указ о роспуске Думы, на котором не была проставлена дата. Именно этот указ о перерыве в работе Думы с 26 февраля 1917 г. и был в конечном счете опубликован.

№ 187. И. И. Восторгов (Москва) — епископу Ефрему ¹ (Чита)

9 февраля 1917 г.

Неприятности служебного характера валятся на меня по-прежнему. Воцарившиеся распутинцы клюют меня. Лишили жалованья от Синода, собираются лишить и званий моих. Жевахов ² при обсуждении вопроса о приходах в Сербии совсем меня не вызвал на заседание, хотя [я] и член совещания. Творят беззакония, а управы на них нет. Поневоле толкаешься в оппозицию. Раев ³ и после скандального дела Безродных ⁴ (все сообщаемое газетами правда) силится сохранить положение. Если это ему удастся, то это будет таким козырем для оппозиции и революции, такой благодарной темой для думских речей, что и за большие деньги не достанешь. А между тем похоже на то, что распутинская партия, еще очень сильная, примет все меры, чтобы отстоять это ничтожество. Катимся вниз с неудержимой быстротою. Теряем умных, твердых и честных Треповых и сохраняем всяких проходимцев.

В Москве нет хлеба, мяса, муки, все необычайно дорого. Надвигается что-то страшное. Положительно живем во мраке без просвета. С каким тяжелым крестоношением подходим мы к исходу жизни, а грядущим за нами поколениям, кажется, будет еще хуже. Радуются только враги Церкви и России, да еще те глупцы, которым эти враги представляются друзьями.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1917 г., д. 1071, л. 30.

1. Архимандрит Ефрем — начальник Забайкальской православной духовной миссии в Чите, организовавший после революции 1905–1907 гг. местный СРН (около 500 членов), который в годы войны прекратил свое существование (см. док-т от 21 марта 1916 года).
2. Н. Д. Жевахов — и. д. товарища обер-прокурора Синода.
3. Н. П. Раев — обер-прокурор Синода с 30 августа 1916 года. О его предшественнике А. Н. Волжине царица писала 25 июня 1916 г. как о «совершенно неподходящем человеке для занимаемого им поста», Раев же, по ее словам, «прекрасный человек, близко знающий церковные дела с самого детства», который «совсем не похож на Волжина».
4. Раеву вменялись в вину неправильные действия при разводе супругов Безродных и Барятинских (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 81). В этом письме, как и в письме от 10 февраля, Восторгов неправильно воспроизводит фамилию Безродных.

№ 188. Телеграмма В. Г. Орлова (Москва) министру внутренних дел А. Д. Протопопову

10 февраля 1917 г.

Газетная заметка «Вечернего времени» [от] 7 февраля представляет гнусную самочинную ложь, клевету. Ложные сведения репортеру левых Дувидзону дает Палата Михаила архангела [—] Облеухов, к сожалению, считающийся редактором «Вестника полиции». Развал организации Михаила архангела считают причиной [следствием] моего ухода. Развитие Отечественного союза, естественно, неприятно им, и они подняли интригу, травлю меня в газетах. И это не первый случай. Так точно писали они два года назад. Ныне просто повторяют старое. Никаких записок министру не писал о [Гос.] думе и никому не говорил о таковой. В Главном совете, правда, обсуждался вопрос о предстоящих выступлениях левых членов [в] Гос. думе и, конечно, если Дума позволит себе ругать, поносить правительство, издеваться над министрами, поставленными Монархом, то Отечественный союз молчать не будет. Никаких писем какого-то влиятельного, якобы, лица не имел, не продавал. Все это гнусная ложь. Могут ли быть серьезными, правдиво обоснованными указания таких лиц, как Ломакин, высланный за мошенничество [в] Иркутск из Киева и который из Иркутска прислал письмо, прося извинения, или пресловутый Юскевич-Красковский, который для правого дела никогда нигде ничем не проявил себя, опозорил только своим участием [в] герценштейновском убийстве. Отечественный союз открыт уже три года, и я сам ушел и организовал Отечественный Союз. [В] последнее время [в] левой прессе, благодаря таким провокаторским приемам Палаты Михаила архангела, против меня поднялась такая травля. Для меня это не новость, я получал смертные приговоры, не боялся и не боюсь и этой травли. Сегодня получил ночью телеграмму [от] витебского председателя, предостерегающего меня от приема неиз-

вестных посетителей, так как им получены сведения о готовящемся выезде левых против меня. Это несомненно свидетельствует о моей неугодной для левых организаций деятельности. Палата Михаила архангела не раз уже писала на меня доносы министру внутренних дел и мною своевременно все было опровергнуто. Объяснения мои были представлены директору Департамента полиции, ныне сенатору Белецкому, который не нашел правды в этих доносах, дело прекратил. На ироническое указание газет о том, что меня поддерживают десятки тысяч союзников, то могу сказать, что политика моя как руководителя Отечественного союза и всего Главного совета, осторожности, без резких выпадов единение русских людей в такое серьезное время, правда, привлекла десятки тысяч в одной Москве членов Союза. Могу [с] документами в руках шнуровыми книгами доказать справедливость цифровых данных членов.

Председатель Главного совета, ученый археолог Орлов.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 110, л. 309—312.

№ 189. И. И. Восторгов (Москва) — архиепископу Анастасию (Кишинев)

10 февраля 1917 г.

После Рождественских Святков побывал в Петрограде. Везде положение смутное, но в наших церковных делах полный хаос. Если бы от меня потребовали характеристики современного положения, то я написал бы социально-психологический этюд и озаглавил бы его: «Трагедия маленьких людей». Распутинцы, маленькие люди во всех смыслах, попали в люди большие: один — митрополитом, другой — обер-прокурором, третий — товарищем [обер-прокурора] ¹. Достигли головокружительной власти и, конечно, попали в положение министерских курьеров, которым вдруг объявили, что они министры. Маленькие люди знают, что им надо делать, по положению, большие дела.

Однако в больших делах они ничего не смыслят и больших дел они не любят, а между тем у них есть и остались свои, им доступные мелкие интересы. К ним-то и лежит сердце. И вот вам — современное положение. Создали для показности большие дела. 1) Приход. Вопрос запутанный, но на него ловится та плотва, которой нужен либеральный флаг. Выборное начало и прочие прелести. Дума должна быть довольна. Газеты шумят... Нужна программа, но, чтобы дать ее, надо иметь ум и опыт, — пусть все это даст сама Дума. Это есть свободная и народная церковь. 2) «Жертва Думе». Жевахов, когда узнал, что протоиерей Вадов по свечному делу оказался неповинным, с откровенностью просил свечной съезд низложить Вадова, чтобы принести жертву Думе и печати. Съезд отказался. Теперь очередной бык, ведомый на заклание, — протоиерей Восторгов. 3) Жалованье белому духовенству. Здесь предположено стяжать популярность и поддержку. 4) Открытие новых епархий, создание полусамостоятельных викариатств. И все не продумано, не обосновано. Во всем смелость невежества, которое не знает прошлого, не представляет настоящего, не предвидит будущего. Все это — игра в большие дела. А где же настоящие интересы? Рескрипты, ордена, благоволения, поездки в Царское, пристроение близких людей, разводы Безродновых, Бярятинских и прочая мелочь. Обзор за 1916 г. в «Московских ведомостях», статьи: «Церковь свободная и народная» и «Брачный развод» — это мои статьи. В них найдете и прямо и между строк характеристику положения. Все пружины нажаты, чтобы Раева удержать. Думаю, однако, что это едва ли удастся. Трепов ² вылетел, поставив в требовании удалить Протопопова, Раева и Питирима. Но ведь требуются уже не левые, а правые. Думаю, что царство Раева кончится, и трагедия маленьких людей, попавших в великие, подходит к заключительному акту.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1917 г., д. 1071, л. 37—37об.

1. Вероятно, имеются в виду Питирим, обер-прокурор Синода Н. П. Раев и Жевахов. Митрополит Питирим (в миру П. В. Окнов, 1858—1919) в 1894—1914 гг. занимал различные архиерейские кафедры. Был экзархом Грузии. С 23 ноября 1915 г. архиепископ Питирим был возведен в сан митрополита и назначен на Петроградскую кафедру. В марте 1917 г. постановлением Синода уволен на покой. Умер в Новочеркасске.
2. А. Ф. Трепов — предпоследний царский председатель Совета министров (с 19 ноября по 27 декабря 1916 года).

№ 190. Донесение Департамента полиции министру внутренних дел

13 февраля 1917 г.

[...] Первыми ораторами записались Чхеидзе, Керенский, Милуков. С большим интересом ожидается выступление Пуришкевича, который в своей речи, критикуя деятельность каждого из членов Кабинета, заявит между прочим, «что министр юстиции берет взятки».

Ввиду того, что Пуришкевич не состоит во фракции правых, то для выступления на думской трибуне ему уступает свое место группа центра.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 579, л. 108.

№ 191. Агентурные сведения Департамента полиции по Государственной думе

15 февраля 1917 г.

По поводу сегодняшней речи депутата А. Ф. Керенского, на какую речь не реагировало правое крыло Гос. думы, Н. Е. Марков 2-й заявил, что правым не следует препятствовать левым ораторам «договариваться до геркулесовых столпов». «Мы не должны, — говорит Марков, — играть роль вороньего пугала. Пусть увидят там, где так надеялись на Думу, до чего она дошла и дойдет еще». Группа Маркова 2-го и впредь не намерена реагировать на речи левых депутатов, что бы в них не говорилось.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 579, л. 77, 154.

№ 192. Донесение Департамента полиции министру внутренних дел

16 февраля 1917 г.

Сегодня под председательством члена Гос. думы П. В. Синадино состоялось заседание Комиссии о народном здравии [...]

С. В. Левашов находит неосновательными указания противников реформы на то, что будто бы все земства и городские управления против учреждения вышеназванного Главного управления [государственного здравоохранения]. Например, Одесская городская дума обсуждала данный вопрос и признала, ввиду переживаемых Россией сейчас условий, учреждение Управления государственного здравоохранения крайне желательно [...]

Большинством 14 против 4 голосов Комиссия постановила законопроект отклонить без перехода к постатейному обсуждению его. За отклонение голосовали представители оппозиции, центр, крестьяне и священники. Против отклонения голосовали С. В. Левашов, П. А. Ярмович, А. Н. Хвостов и председатель комиссии П. В. Синадино.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 579, л. 58 62.

№ 193. Священник Мед... (Петроград) — архиепископу Никону (Сергиев Посад Московской губ.)

17 февраля 1917 г.

Времена наши действительно сильно крутые. Чувствуется, что Думу придется разогнать. Вчера депутат Керенский призывал в Гос. думе прямо к низвержению Хозяина и председательствующий Некрасов¹ его надлежаще не остановил. Всею меру. При таком положении и безвольный человек получит волю. Наконец, теперь во главе Голицын². Он очень неплохой. Хвостов благодарит Бога, что его отстранили от теперешней сумятицы. Сгорел бы он в этом котле, и не боец он. Теперь нужны люди вроде Риттиха³. Этот молодец очень ловок. Жаль только, что веры христианской у него мало.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 75.

1. Н. В. Некрасов — товарищ председателя кадетской фракции в Думе и товарищ председателя Гос. думы.

2. Н. Д. Голицын (1850—1925) — с 27 декабря 1916 по 27 февраля 1917 г. председатель Совета министров.

3. А. А. Риттих — с 16 ноября 1916 г. управляющий, затем министр земледелия. По его инициативе было издано постановление о «разверстке» заготовления хлеба по губерниям.

№ 194. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) председателю Гос. совета И. Г. Щегловитову 18 февраля 1917 г.

Комитет Астраханской народной монархической партии приветствует Вас, уважаемый Иван Григорьевич, за превосходное начало председательствования¹. Такие твердые люди, как Вы, особенно теперь дороги, а главное — редки.

Председатель Комитета Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244, л. 43. Копии направлены Н. Д. Голицыну, А. Д. Протопопову, Н. Е. Маркову, председателю Думы М. В. Родзянко и редактору «Российского гражданина» П. Ф. Булацелю.

1. По-видимому, подразумевается отказ Щегловитова предоставить слово на заседании Гос. совета Д. Д. Гримму для «внеочередного заявления», после чего зал заседаний покинула вся левая группа, часть группы центра и некоторые беспартийные (см.: БЛОК А. Последние дни императорской власти. Петербург. 1921, с. 48—49).

№ 195. В. В. Лашкевич¹ (Петроград) — А. С. Алферовой (Харьков)

18 февраля 1917 г.

Дума стала на рельсы своей дороги первого караульщика отечества. Снова поднялось настроение. Шульгин, правый, назвал, определил уже царя, как противника всего того, что как воздух необходимо стране. И правые молчат. Правда, я разглядел, что им приказано молчать; у них уже написаны свои рецепты. Один из них проболтался мне, что самый страшный и действительный рецепт: «Царь и народ». Верьте, голубчики, и не заметите, как без царя и без народа будете.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 81.

1. В. В. Лашкевич — кадет, член Думы.

№ 196. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) министру земледелия А. А. Ригтиху

20 февраля 1917 г.

Комитет Астраханской народной монархической партии приветствует Вас за превосходную речь Вашу 17 февраля. Министры Его Величества должны говорить с Думой именно так, как говорили Вы. Необходимо на каждом шагу изобличать ложь, которой пропитана вся Дума, раскрывать перед населением карты преступного [Прогрессивного] блока и Земгора. Наглость и распущенность, до которых дошла Дума, порождены правительством, его безмолвием, его попустительством беззакониям Думы. Речи, подобные Вашей, быстро поднимут доверие к Правительству и в населении, и в армии. Шлем Вам сердечное спасибо и привет.

Председатель партии Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 812, л. 19. Копии: министрам, членам Гос. совета, Думы и редакциям газет.

№ 197. Донесение Департамента полиции министру внутренних дел

21 февраля 1917 г.

В правых кругах Гос. совета и Гос. думы высказывают убеждение, что правительству необходимо теперь же приступить к раздаче цензовых участков для выборов в Гос. думу 5-го созыва, ибо через какие-нибудь месяц-два будет уже поздно и на выборах не окажется контингента лиц, способных отстаивать в Думе 5-го созыва русскую государственность¹. По слухам, левые партии уже приступили к созданию цензов для своих кандидатов в Гос. думу 5-го созыва.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 579, л. 117, 194.

1. Первые шаги по подготовке к выборам в V Гос. думу были предприняты МВД при министре А. Н. Хвостове (правом). См.: Монархия перед крушением. 1914—1917. Документы. М.-Л. 1927, с. 88—103.

№ 198. Агентурные сведения Департамента полиции по Государственной думе

21 февраля 1917 г.

В частной беседе член Гос. думы Н. Е. Марков 2-й передавал, что член Гос. думы В. М. Пуришкевич весьма озабочен проникшими до него сведениями, что в настоящее время ведется энергичное следствие по делу об убийстве Распутина (а не «прекращено», как думают в широкой публике) и что результатом этого следствия будет привлечение Пуришкевича к суду по обвинению в соучастии в убийстве

Распутина. Особенно тревожится Пуришкевич, чтобы привлечение его к суду не совпало с выборами в Гос. думу 5-го созыва, ибо в таком случае он будет лишен возможности выставить свою кандидатуру.

Н. Е. Марков 2-й намерен выступить с трибуны Гос. думы при первой же возможности. В четверг [23 февраля] он подаст записку председателю Гос. думы, хотя не надеется, что ему удастся выступить в четверг же, ибо на этот день уже записалось около 30 ораторов ¹. Настроение Маркова 2-го — самое бодрое, уверенное и спокойное. Он готов выдержать любую борьбу со своими противниками и твердо решил, не останавливаясь ни перед чем, высказывать все, что считает необходимым, с трибуны Гос. думы.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 307, лит. А, л. 67; ф. 1467, оп. 1, д. 579, л. 116, 193.

1. Судя по стенограммам заседаний Думы 21—25 февраля 1917 г., Марков так и не выступил; с 26 февраля, согласно указу Николая II, занятия Думы были прерваны.

№ 199. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) министру внутренних дел А. Д. Протопопову

23 февраля 1917 г.

Революционеры захватывают кооперативы в свои руки, надеясь при помощи их, во-первых, сплотить население для противодействия власти с целью государственного переворота, во-вторых, проникнуть в выборные сельские и городские управления и, в-третьих, воспользоваться ими для выборов в Гос. думу. В местных кооперативных журналах ясно намекается, для чего нужны кооперативы. Надо принять немедленные меры, чтобы парализовать эту чрезвычайно опасную затею левых. Кооперативам должна быть дозволена исключительно хозяйственная деятельность.

Открытие общеобразовательных школ, библиотек, клубов, синематографов и т. п. не должно быть дозволено совсем, или все это следует взять под строгий правительственный присмотр с установлением строгой ответственности за проявление хотя бы малейшей политической деятельности. Сейчас получил из Саратова известие, что там творится то же. Это положительное несчастье России.

Председатель Астраханской народной монархической партии Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244, л. 47—48; ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 65. Аналогичные телеграммы были посланы Щегловитову, министрам, членам Гос. совета, Думы, редакциям газет.

№ 200. Из показаний В. П. Соколова следователю ЧСК

2 июня 1917 г.

...Главное отличие нашего [марковского] Союза состояло в том, что мы признавали законодательные учреждения в лице Думы и Г. совета, а Дубровин отрицал их и, следовательно, задача его Союза в [...] и непризнании Манифеста 17 октября 1905 года. Конечно, официально [он] этого не имел права [делать], но практически он, конечно, осуществлял [это] своею пропагандою печати и др. способами.

Наш центральный СРН [Маркова 2-го] помещался в Басковом пер., где было все делопроизводство и архив, но все это во время революции сожжено толпою. Знамена же увезли в Гос. думу [...] ¹

Бюджет нашего центрального СРН в последнее время был около 60 000 в год, из коих около половины мы получали от правительства. Фактически получал деньги Марков 2-й. Каждый месяц в более или менее определенные дни он вносил деньги казначею, но от кого именно он получал деньги — от министра ли или от директора Департамента [полиции], того не знаю. Полагаю, что это известно только одному Маркову. От кого получал Дубровин как председатель Дубровинского союза правительственную субсидию и получал ли ее, не знаю.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 862, л. 44—44об.

1. Здесь и далее опущены места, относящиеся к освещению событий до 1914 года.

№ 201. ЧСК — Прокурору Петроградской судебной палаты

13 июня 1917 г.

Вследствие отношения от 7 июня за № 4880 ЧСК сообщает Вам, что при настоящем положении расследования преступной деятельности Союза русского народа не добыто материала, изобличающего Елену Полубояринову в каком-либо преступном деянии, и потому привлекать ее в качестве обвиняемой Комиссией [ЧСК] не предположено. Допрос же ее в качестве свидетельницы имеется в виду осуществить на этой неделе ¹.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 500, л. 7.

1. Показания Полубояриновой см.: Союз русского народа. М. 1929, с. 35—40, 89—92.

№ 202. Из протокола допроса бывшего товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого ¹

14 июня 1917 г.

[...] При этих двух министрах — Маклакове и Макарове — все сношения с правыми организациями (т. е. представителями) лежали на них, и я исполнял их распоряжения. Так, например, при Маклакове мне пришлось иметь очень часто сношения с Замысловским по поводу его пожеланий в связи с процессом Бейлиса, в благополучном исходе которого принимали участие министр юстиции Щегловитов и Маклаков [...]

Затем, когда я был товарищем министра при Алексее Николаевиче Хвостове, то все руководительные сношения с правыми организациями взял он на себя и я ему помогал при осуществлении тех или других его предначертаний. Так, например, познакомившись уже к этому времени с Дубровиным, я по поручению Хвостова примирил Дубровина с Марковым 2-м, привлек Дубровина к деятельному участию в монархическом съезде, как в Петроградском, так и в Нижегородском, выдал ему 10 000 руб. на поддержание его агентуры, затем по его [А. Н. Хвостова] поручению, исполняя просьбу Дубровина, ездил к министру юстиции (А. А. Хвостову) и два раза его просил приостановить находившийся в исполнении... приговор суда о заключении в тюрьму Дубровина за диффамацию. Так приговор и не был приведен в исполнение. Кроме того было обещано Дубровину исходатайствование пожалования его чином советника, чего он усиленно домогался.

Затем, при Протопопове, в первые дни его назначения, я просил Дубровина, по просьбе Протопопова, поддержать рядом статей Протопопова, что в шести номерах и было сделано. Кроме того Протопопов, зная из моих слов о желании Дубровина быть действ. стат. советником, просил меня передать ему, что он с особенным удовольствием возьмет на себя исходатайствование ему, Дубровину, этой награды.

На устройство двух монархических съездов — первого, разрешенного кн. Щербатовым в Петрограде, и второго, разрешенного Ал. Ник. Хвостовым в Н. Новгороде, — деньги мною были даны Маркову 2-му, насколько помню, в размере 20 000 рублей.

Затем в Петрограде по окончании работ съезда я устроил у себя обед для ознакомления правых членов Гос. совета и Гос. думы с съехавшимися в Петроград представителями монархических провинциальных организаций и главными руководителями.

Затем в Н. Новгород был командирован председатель Петроградского цензурного комитета Левицкий, сын Нижегородского архиепископа, коему были выданы мною 2000 руб. из сумм Департамента [полиции] на поездку для устройства на месте приема членам съезда и соответствующего нам потом доклада о внутреннем настроении съезда.

С Макаровым и Замысловским при их ежемесячных посещениях меня за получением дополнительной субсидии на «Земщину» и содержимый ими при этой газете лазарет 15 000 руб. мне приходилось [беседовать и] узнавать те или другие отражения их неудовольствий политикой правительства.

Что же касается Протопопова, то в начале они [руководители правых] были несколько смущены тем, что он принадлежал к фракции левых октябристов, но затем я передал им, что ближайшим сотрудником Протопопова в замаскированной служебной форме явится Павел Григорьевич Курлов, который будет заведовать Департаментом полиции. Это их успокоило, и впоследствии, когда Протопопов перешел к правым, то Замысловский мне передавал о том, что в материальном отношении они особенно довольны Протопоповым.

Будучи директором Департамента полиции и товарищем министра, мне наиболее всего приходилось иметь общение с председателем Московского Патриотического Союза Василием Феодор. (правильно — Григорьевичем. — Ю. К.) Орловым, который, будучи агентом службы движения Министерства путей сообщения при министре Рухлове и директоре канцелярии Туган-Барановском, все время был в разъездах по России для учреждения на ж. д. ячеек своего Союза и для ознакомления через них и при проездах с настроением ж.-д. служащих как высшего, так в особенности и низшего персонала, и при обратном возвращении, представляя ревизионные по сему поводу отчеты министру путей сообщения или делая личные доклады, копии своих отчетов и всё то, что передавал министру путей сообщения, сообщал и мне.

Затем при Протопопове, как я знаю со слов Комиссарова и близких к Орлову лиц, последний [Орлов] исполнял ряд секретных поручений Протопопова, выразившихся в представлении Государю петиции в духе программы Протопопова. Петиция была составлена от лица отделов Патриотического Союза [В. Г. Орлова] и в ней проводилась главным образом мысль о революционном настроении Гос. думы, требующем ее закрытия. Вся петиция была внушена Протопоповым. Затем по поручению Протопопова после того, когда присланная председателем Астраханского СРН Тихановичем-Савицким телеграмма Государыне с выражением ей сочувствия и преданности по поводу выступления против нее в Гос. думе произвела благоприятное впечатление на Государыню, Протопопов дал поручение Орлову послать целый ряд в подобном же духе телеграмм от различных отделов Государыне. Редакцию одной из таких телеграмм я исправлял. Такого же рода поручения, как мне передавал Протопопов, благодаря меня за помощь, оказанную Орлову, им были даны другим монархическим организациям. Вместе с тем Протопопов вошел в обсуждение с Марковским Союзом вопроса об использовании монархических организаций и монархической печати в деле борьбы с надвигавшимися в связи с войною возможными революционными выступлениями, отражением чему и является взятая от меня копия представления Союза Протопопову об удовлетворении материальных нужд в размере более 1 000 000 руб. для осуществления его, Протопопова, предначертаний в смысле активных выступлений Гл[авного] Совета. Копия этой записки была дана мне Виктором Павловичем Соколовым для передачи Воейкову, но я ее не мог передать последнему, так [как] при двух моих заездах к нему в Царском Селе его не застал дома ввиду выезда его в свое имение.

Что же касается боевых организаций в составе СРН, то переписка прошлого, ярко подтверждавших наличность их в составе партий, я в Департаменте [полиции], в бытность свою в нем директором, не нашел, так как большинство переписка, обрисовывавших борьбу с революцией в 1905 г., не оказалось. Но следы я видел, временно исполняя должность директора, в переписке по поводу приготовления террористического акта Федоровым против гр. Витте [...]

Затем, я вступил в Департамент полиции в ту пору, когда состав его чинов резко изменился путем приглашения лиц с юридическим образованием, служивших в М[инистерстве] юстиции в должностях прокурорского надзора. С подобного рода организациями мне не приходилось встречаться; [...] в бытность мою товарищем министра я, желая узнать, насколько прочны провинциальные отделы монархических партий, специальным личным письмом попросил от каждого начальника жандармского отделения дать мне самые подробные по этому предмету сведения, вполне откровенные, ответы эти² мне показали, что под влиянием времени, отражающихся на деятельности монархических организаций взглядов ряда министров, быстро друга друга сменявших, роль монархических организаций в случае привлечения ее (их. — Ю. К.) к какой-либо работе не могла служить опорой для правительства [...]

Упомянутые в моем показании суммы мною были выдаваемы из секретного фонда Департамента полиции по поручению министра Алексея Николаевича Хвостова.

С. Белецкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 862, л. 76—81об.

1. В 7-томной публикации «Падение царского режима» показания Белецкого воспроизводятся в 3—5 томах, однако в их числе отсутствуют показания от 14 июня 1917 года. См., однако, показания от 17 мая 1917 г. (т. 3. М.-Л. 1925, с. 128).

№ 203. Протокол допроса в Чрезвычайной следственной комиссии свидетеля Г. Г. Замысловского

21 июня 1917 г.

1917 г. июня 21 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий В. В. Лихопой, в г. Петрограде допрашивал, с соблюдением ст. 443 уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного свидетеля, который показал:

Георгий Георгиевич Замысловский, 45 лет, православный, под судом не был, проживаю в г. Петрограде, Суворовский, 19, кв. 5, а временно в течение лета на станции Оредеж, М. В. Р. ж. д. С участвующими лицами в особых отношениях не состою.

С 1907 г. я состою членом Гос. думы и занимаюсь политической деятельностью, причем находился все время в правой фракции. На вопрос Ваш, г. следователь, не получал ли я за это время от министров внутренних дел, их товарищей и директоров департаментов каких-либо правительственных денег, отвечаю: да, получал, несколько раз.

[...] На вопрос о том, как я относился к получению денег с точки зрения принципиальной, я отвечаю: в получении денег от правительства я ничего предосудительного, ни незаконного не усматривал. Получение денег было бы предосудительным, если бы органы правительства вздумали обусловить выдачу совершением за это каких-либо политических действий, какою-либо линией политического поведения. Само собой разумеется, что о чем-либо в этом роде никогда ни один из представителей правительства не заикался. Все выдачи производятся из фонда, находившегося в распоряжении государя Императора, с его ведения, следовательно, по моему пониманию, ни о какой незаконности и речи быть не могло. Если пожалование Государем ордена, чина, звания рассматривалось как царская милость, с которой поздравляли, то, мне казалось, и выдача с царского согласия денег в полное и безотчетное распоряжение политического деятеля — является актом царской милости и доверия. Если эти выдачи обставлялись секретом, то отнюдь не по моей инициативе, а по настоятельному желанию тех, кто выдавал деньги и мотивировал секретность тем, что Государя нельзя вмешивать в политику. Государь должен считаться выше политики и вне ее. Эти принципиальные соображения не раз были предметом суждения и в правых кружках, причем вопрос решался именно в указанном мною смысле. Кто именно из представителей настаивал на секретности выдач, я теперь не помню. На вопрос о том, известны ли мне случаи выдачи денег правительством каким-либо другим политическим деятелям, отвечаю, что, как мне известно, получал деньги от правительства Н. Е. Марков, но какие именно суммы, с какого времени, из какого источника, не знаю. Зная Н. Е. Маркова, полагаю, что деньги ему выдавались на правую деятельность и на правую печать. На вопрос, известны ли мне случаи злоупотребления министрами, их товарищами или директорами департаментов казенными деньгами, отвечаю: нет, не известны. Более ничего показать не имею.

Показание мною записано собственноручно. Георгий Замысловский. [Подпись следователя].

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1006, л. 4 5. Подлинник.

№ 204. Из протокола допроса в Чрезвычайной следственной комиссии свидетеля Н. Г. Андреева

3 июля 1917 г.

До 1913 г. я никакого отношения к монархическим организациям не имел, осенью 1913 г. я, находясь на третьем курсе юридического факультета Петроградского университета и будучи женатым человеком, очень бедствовал [...] Некоторые из студентов мне посоветовали обратиться в Главный совет СРН, помещавшийся в Басковом пер., в доме 2, каковой совет, по их словам, и мог бы устроить то, что мне разрешат остаться на второй год на третьем курсе... В 1914 г. мне предложили вступить в члены СРН, и я записался, внося 60 копеек. В 1914 г. осенью я ощущал сильную нужду настолько, что не мог внести плату за учение, и обратился снова в тот же Совет. Там принял во мне участие секретарь Совета Ростислав Владимиро-

вич Трегубов (8 линия Васильевского острова, 20) и за меня была внесена плата. Более я ни за чем к Союзу не обращался. Числясь членом Союза, я посетил не более трех раз заседания Союза, председательствовал во всех случаях Марков 2-й. Шли рассуждения об образовании общества содействия мирному труду для борьбы с экономической забастовкой и немецким засильем. Марков проводил мысль, что он своими речами в Думе и обращением к министрам о побуждении удовлетворять требования рабочих, и без забастовок [добьется улучшения их положения].

Был выработан проект Устава этого общества товарищем председателя Виктором Павловичем Соколовым. Однако устав не был утвержден. Так общество и не состоялось.

Ни о каком вооружении мне слышать не приходилось, и по этому поводу ничего не могу сказать. В помещении Союза была отведена особая комната, которая была недоступна... и запиралась на замок. В ней стояли хоругви, там обычно сидели Марков, Трегубов и Соколов. Что в этой комнате находилось, что она так оберегалась, мне неизвестно.

Я полагаю, что сведения о деятельности СРН вам могли бы сообщить лица, стоявшие близко к делам Союза, как-то: 1. Трегубов Ростислав Владимирович, Васильевский остров, 8 линия, 20. 2. Чернов Илья Кузьмич, служит в отделе военных сообщений, Благовещенская пл., 2. 3. Работник Степан, служит там же.

Про погромы мне ничего неизвестно, будучи в заседаниях общего собрания про учинение погромов ничего не говорилось.

После революции, когда был арестован Трегубов, я счел своим долгом довести на службе о том, что имел неосторожность принадлежать к СРН, просил меня арестовать и разобрать характер принадлежности к Союзу, как ставленника арестованного Трегубова, но меня не арестовали и ничего предосудительного в моих действиях не нашли, так как мое обращение к Союзу было основано исключительно на моем денежном стеснении.

Более ничего добавить не имсЮ. Дубровина не знаю и не видал в глаза.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 862, л. 129—130.

№ 205. Представление товарища прокурора Смоленского окружного суда Н. Н. Семёнова прокурору Смоленского окружного суда

24 августа 1917 г.

Вследствие личного поручения Вашего от 19 сего августа мною собраны негласным путем сведения о лицах, стоявших во главе смоленских организаций СРН:

1) Смоленский СРН: председатель — учитель Александр Михайлов Горбатов (Пятницкий ручей, собственный дом), товарищи председателя Владимир Николаев Скорняков (Вознесенская ул., собственный дом), Григорий Марков Баранов (Старомосковская ул., собственный дом), секретарь Николай Сергеев Кузнецов (Королевская ул., дом Лопатина).

2) Смоленский отдел СРН: председатель генерал-майор Михаил Михайлович Громыко (имение при ст. Пересна Р[иго]-О[рловской] ж. д., товарищ председателя Михаил Павлов Андрион (Мейеровское шоссе, собственный дом). Канцелярия отдела помещалась в чайной общества трезвости около Молоховских ворот.

3) Смоленский отдел Палаты Михаила архангела: председатель Григорий Иванов Аристов (проживающий вне Смоленска), товарищ председателя священник Ракитский (при Нижне-Георгиевской церкви на Покровской горе).

Вязьма: отдел СРН (священник Чаусов).

Гжатск — то же (священник Ракитский).

Рославль — то же (иеромонах отец Иоанн)

Сычевка — то же (священник Иоанн Соколов, купцы Семен Любимов и Василий Масленников).

Об изложенном честь имею донести.

Подпись.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 812, л. 43 43об. Подлинник, машинопись.

№ 206. Протокол обыска в квартире Н. С. Кузнецова

25 августа 1917 г.

1917 года августа 25 дня судебный следователь 1-го участка г. Смоленска, согласно предложению прокурора Смоленского окружного суда от 24 сего августа за

№ 7039, прибыв совместно с товарищем прокурора Д. В. Дуброво на квартиру Николая Сергеева Кузнецова в доме Лопатина на Ильинской улице в г. Смоленске, в присутствии нижепоименованных понятых, с соблюдением 357 и др. ст. Уст. Уг. Суд. производил обыск в названной квартире Кузнецова.

Самого Кузнецова не оказалось. По объяснению жены Прасковьи Федоровой Кузнецовой, муж ее Н. С. Кузнецов 23 августа уехал в гор. Сычевку по вызову уездного члена. П. Ф. Кузнецовой было предложено выдать переписку и литературу, относящуюся к деятельности СРН, в котором Кузнецов состоял секретарем. Кузнецова заявила, что вся переписка и литература находится на чердаке в ящиках. С чердака были принесены три ящика, причем в одном из них оказалось несколько десятков книг и брошюр в духе направления СРН. Среди них имеются, например, такие книги: 1) «Куда временщики ведут Союз русского народа» [Составитель А. И. Дубровин. СПб.], изд. 1910, 2) «Еврейская стратегия и тактика», того же года, 3) «Объединяйтесь, русские люди», 4) «Международная жидо-масонская интрига», 1911 г., 5) «Откуда взялись нерусские люди», 6) «Талмуд и евреи» И. Лютостанского, кн. I, VII, III. На всех книгах печать СРН. Из брошюр имеется несколько связок брошюр с заголовком «Царские слова Союзу русского народа от 23 дек. 1905 г.». Найдена одна «разносная книга СРН на 191... год». Никаких записей в ней не оказалось. В двух других ящиках оказались не имеющие никакого отношения к предмету обыска книги, тетради, частные письма и проч., а также несколько номеров газет «[Русское] знамя» и «Земщина».

Вообще по самому тщательному обыску в ящиках Кузнецова никакой переписки не найдено; по обыску в письменном столе и книжных шкафах в кабинете Кузнецова также ничего относящегося к делу не обнаружено. В третьем книжном шкафу среди других бумаг найдена бумажная папка с надписью «Дело 2-го Смоленского отдела СРН. Начато 14 октября 1910 г.». В этой папке заключается разная переписка Союза, не представляющая особого интереса, номера газет «Русское знамя», «Земщина».

Из числа бумаг, находящихся в вышеозначенной папке, приобщены к делу, как могущие иметь значение: 1) Отчет о деятельности совета Смоленского СРН за 1913 г.; 2) Донесение на имя смоленского губернатора без подписи; 3) Печатная инструкция для членов народной охраны с металлическим значком «Десятник добровольной охраны»; 4) Листок № 4 за подписью сотского охраны Андюна; 5) Листок и список должностных лиц Союза; 6) Письма за подписью Клюева, заключающие в себе характерную фразу «низкий поклон вам, черносотенцы».

Более по осмотру ничего относящегося к предмету обыска не оказалось.

Означенная выше переписка приобщена к протоколу. При обыске присутствовала жена Кузнецова Прасковья Федорова и ее племянник Александр Владимиров Каменский. Обыск начат в 8 ч. 50 мин., окончен в 10 ч. 25 мин.

[Подписи]

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 812, л. 46 -47. Подлинник.

№ 207. Протокол обыска в квартире В. А. Образцова

25 августа 1917 г.

1917 года августа 25 дня в г. Екатеринославе судебный следователь 2 уч[астка] гор. Варшавы Платкевич, прикомандированный к [...] Екатеринославского окружного суда, при понятых С. Ф. Гераскевиче, проживающем в доме № 9 по Полтавской ул., и В. К. Хмельницком, живущем в доме № 5 по Нагорной ул., в сопровождении комиссара 3 милицейской части гор. Екатеринослава М. Г. Беленького, согласно постановлению своему от 25 сего августа, при сем прилагаемому¹, в присутствии хозяина квартиры в доме № 5 по Нагорной ул., Василия Афиногенова Образцова, производил, согласно 357--368 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], вследствие предписания прокурора Екатеринославского окружного суда от 24 сего августа за № 100, основанного на требовании Чрезвычайной следственной комиссии, обыск; объявив о цели хозяину Образцову и предъявив постановление, предложил добровольно предъявить переписку и другие данные, указывающие на преступные цели, которые преследовали правые монархические организации², причем г. Образцов заявил, что ничего подобного у него не имеется.

Ввиду этого приступил к производству обыска. Квартира состоит из передней, 6 комнат, кухни, галереи, во дворе также сарай. При осмотре всех помещений,

шкафов, столов в квартире, а равно чердака, сарая, подвала ничего относящегося к делу не оказалось. В письменном столе просмотрена вся переписка, но в ней ничего преступного не установлено.

[Подписи]

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 812, л. 8—9. Подлинник.

1. Оно приводится на л. 7—7об.

2. В постановлении говорится: «...каковые цели могли выразиться: а) в организации [...] боевых дружин, в снабжении их оружием, [...] и свершении через посредство их насильственных действий и убийств на [политической] почве, б) в разрушении основ государственного строя, установленного манифестом 17 октября 1905 года».

№ 208. Протокол обыска в квартире П. И. Подвязнова *

25 августа 1917 г.

1917 года августа 25 дня судебный следователь 3 участка Владимирского у[езда], прибыв на ст[анцию] Колокша Московско-Нижегородской ж. д., производил, согласно предложению г. прокурора Владимирского окружного суда от 19 августа 1917 г. № 124 в присутствии нижеподписавшихся понятых обыск в квартире Петра Иванова Подвязнова, причем были найдены: 1) Устав СРН, 2) квитанционная книжка жертвователей в пользу семей призванных на войну, бывших членов и частных лиц.

По заявлению Подвязнова, деятельность отдела Воршинского СРН прекратилась вследствие отречения от престола Николая II и относящаяся переписка уничтожена, за исключением прихода-расходной книги, соответствующей найденной, и книги о внесении членских взносов, каковые Подвязнов обязуется в случае надобности представить, как хранящиеся.

Кроме того сохраняются им же знаки членов, 2 дело[производственные] печати, а также каучуковый штампель.

[Подписи]

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 812, л. 159. Подлинник.

* Председатель Воршинского отдела СРН [Владимирской губ. и уезда], уполномоченный Главного совета Всероссийского Дубровинского СРН. Владимирский губ. отдел ВДСРН был открыт 17 марта 1913 г. (примеч. документа. — Ю. К.).

№ 209. Протокол осмотра дела № 244—1915 г. 9-го делопроизводства Департамента полиции

28 августа 1917 г.

На листах дела 295—297 имеется доклад и. д. директора Департамента полиции от 19 декабря 1915 г. на имя министра внутренних дел, заключающийся в следующем:

«На состоявшемся Всероссийском совещании монархических организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде 26—28 минувшего ноября [1915 г.] по вопросу о современном политическом положении Собрание единогласно и всецело присоединилось к постановлениям Петроградского частного совещания монархистов, состоявшегося в конце минувшего ноября.

Кроме того совещание постановило:

1) Просить министра юстиции, как генерал-прокурора, возбудить против лиц, входящих в состав Прогрессивного блока, уголовное обвинение, т. к. «блок» является орудием международного заговора против России и т. к. лица, входящие в состав блока, пользуясь переживаемыми нашей Родиной военными затруднениями и не останавливаясь даже перед сношениями с украинскими, руководимыми враждебной нам державой, организациями, задумали изменить существующий в России государственный строй.

2) Признать украинофильство («мазепинцы») явлением крайне опасным, имеющим в виду расчлнить Русь, чтобы воссоздать «украинскую» народность, и не допускать существования украинской литературы, украинских книжных магазинов («книгарен»), комитетов помощи беженцам-украинцам и каких бы то ни было учреждений, поддерживающих и развивающих это пагубное движение.

3) Обратить внимание на Общегородской и Общеземский союзы, которые в настоящее время проявляют непомерную расточительность, вносят пропаганду в армию и на своих собраниях обсуждают политические вопросы, касаясь даже Основных законов.

4) Усилить надзор за военно-промышленными комитетами, которые не снабжают армию боевыми припасами, а занимаются политическими вопросами, содействием уклонению от воинской повинности и покровительством немцам и евреям, играющим видную роль в комитетах.

5) Не допускать в заседаниях городских и земских собраний обсуждения политических вопросов; постановления их политического характера должны быть опротестованы губернаторами и градоначальниками и

6) Принять меры к собранию и опубликованию сведений о деятельности монархистов на нужды войны, т.к. из левого лагеря раздавались возмутительные, лживые упреки по адресу правых в равнодушии к нуждам армии.

По экономическим вопросам совещание вынесло резолюцию:

1) Произвести ревизию банков и иных акционерных предприятий и под страхом уголовного наказания воспретить им немедленно выдавать ссуды под товары свыше 50% их действительной стоимости; реквизировать находящиеся запасы.

2) Установить общегосударственную таксу на предметы первой необходимости для оптовиков и других торговых фирм.

3) Ходатайствовать о предоставлении права монархическим организациям свободно открывать потребительские и кредитные товарищества с доступным для них государственным кредитом.

4) Просить об открытии скотопрогонных трактов и о свободной продаже мяса независимо от городских скотобоев, производя ветеринарный осмотр на местах продажи.

Что касается других пожеланий, вынесенных тем же совещанием, то из них наиболее заслуживают внимания следующие:

1) Улучшить материальный быт учителей церковно-приходских, земских и общественных школ.

2) Обратить самое серьезное внимание Министерства народного просвещения на учебники, которые издаются для низшей школы, дабы учебные пособия непременно соответствовали целям и задачам строго национальной русской школы.

3) Предложить министерству самому озаботиться выработкой программ для средних учебных заведений.

4) Усилить внешкольный надзор за учащимися.

5) Ввести обязательное обучение военному строю.

6) Потребовать, чтобы педагогический персонал был исключительно православного вероисповедания, причем выкресты-евреи не могут быть преподавателями.

7) Немедленное уничтожение родительских комитетов.

8) Уничтожить автономии во всех высших учебных заведениях.

9) Категорически запретить студентам входить в какие бы то ни было политические организации и заниматься какой бы то ни было политикой.

10) Никакие нелегальные студенческие кружки не должны быть допускаемы.

11) Воспретить всякие сборища посторонних лиц в зданиях высших учебных заведений и др.

По вопросу о борьбе с еврейским и немецким засильями съезд признал желательным:

1) Просить Государя Императора в законодательном порядке через Гос. совет и Думу провести закон об обязательном преподавании науки по обличению талмудического жидовства во всех низших, средних и высших учебных заведениях Российской империи, особенно же в православных духовно-учебных заведениях с обязательным изучением жидовского языка.

Сообразно с этим желателен пересмотр государственных законов о жидовстве и признание его изуверной религией, губящей христианские Царства.

2) Чтобы достояние Православной России, т. е. земля русская ни одной пядью своей не могла принадлежать немцам и жидам, а для этого необходимо:

а) немедленное отобрание в ведение Крестьянского банка земель, находящихся в пользовании немцев,

б) все привилегии, данные немцам в России, должны быть ныне и впредь отняты ради спасения родины,

в) особое отношение со стороны Русского Государства к протестантству как к ереси и

г) уволить всех протестантов, состоящих ныне на государственных должностях [...]

Об изложенном имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству.
Подписал: И. д. директора Кафафов».

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 853, л. 43—45.

№ 210. Протокол осмотра дел Департамента полиции о монархических организациях

29 августа 1917 г.

29 августа 1917 г. командированный в ЧСК для производства следствий М. Н. Лебедев производил при понятых осмотр дела № 110—1915 г. 4 делопроизводства Департамента полиции о монархических организациях, причем оказалось:

На листах 20—22 дела имеется телеграмма от 9 сентября 1915 г. председателя Главного совета Отечественного патриотического союза Орлова, председателей отделов: Марьинского — Коваева, Николаевского — Гончарова, Узлового — Максимова, Александровского — Иванова и товарища председателя Сухаревского отдела Русского монархического союза Остроухова на имя министра внутренних дел князя Щербатова следующего содержания:

«Главный совет Отечественного патриотического союза, возмущенный до глубины души революционными выкриками членов Всероссийского съезда союза городов и съезда Земского союза, выразил свой протест городскому голове Челнокову, допустившему на съезде поносить правительство, говорить революционные речи, словом, точно повторяется позорной памяти 1905 год. Съезд хочет дерзнуть обратиться к Монарху и представить свои преступные постановления; русский народ не может допустить, чтобы люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной армии, самозванно именуя себя народными избранныками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы Монарха, заниматься политикою, вносить смуту в умы народных масс, подстрекать рабочие массы к бунту и мятежам. Все правые истинные патриоты Русской земли прекратили всякую партийную работу, но левые открыто начали выступления. Громадное большинство населения неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа. Мы выражаем надежду, что правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества была всецело исключительно направлена в сторону борьбы с вторгшимся в пределы Отечества врагом и чтобы благодаря попустительству не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 года, вследствие которой была проиграна дальневосточная война. Зная Вас как верного слугу Престола и России, превыше всего ставящего исполнение долга, мы просим Ваше Высокопревосходительство нашу телеграмму повергнуть на Монаршее благоволение».

Подписали: председатель Главного совета Отечественного патриотического союза Орлов, председатели отделов Марьинского Коваев, Николаевского Гончаров, Узлового Максимов, Александровского Иванов, товарищ председателя Сухаревского отдела Русского монархического союза Остроухов».

Резолюция: «В сводку и составить всеподданнейший доклад».

М. Лебедев

Понятые: [Подпись]

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 19—19об.

№ 211. Представление товарища прокурора Смоленского окружного суда по Вяземско-Юхновскому участку — прокурору Смоленского окружного суда

29 августа 1917 г.

Вследствие предписания от 24 августа с. г. за № 7039 честь имею донести, что по произведенному мною расследованию удалось установить, что в пределах Вяземско-Юхновского прокурорского участка из лиц правых монархических организаций проживает в г. Вяземе [Вязьме] протоиерей Иоанн Чаусов, состоявший ранее тов[арищем] председ[ателя] СРН.

Ныне св[ященник] Чаусов, 58-летний, совершенно устранился от всякой деятельности. Личностью его был заинтересован в свое время Вяземский Совет с[олдатских] и р[абочих] депутатов и, произведя о нем расследование, ничего предосудительного в его деятельности не нашел. Проживающий совместно со св. Чаусовым сын его состоит членом Совета с. и р. депутатов и примыкает к левым партиям.

Ввиду изложенного, принимая во внимание полное отстранение св. Чаусова от

всякой общественной деятельности, а также и то обстоятельство, что обыск у него был бы фактически и обыском у проживающего с ним и занимающего его квартиру сына его — члена местного Сов. с. и р. депутатов, стоящего вне всяких подозрений в смысле принадлежности его к правым монархическим организациям, я пришел к заключению, что обыск в квартире Чаусова не может дать никаких результатов, почему и соответственного предложения об обыске судебному следователю мною не было сделано.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 812, л. 61 62. Подлинник.

№ 212. Представление товарища прокурора Кишиневского окружного суда по Бендерскому участку — прокурору Кишиневского окружного суда.

13 сентября 1917 г.

Вследствие предписания от 21 августа с. г. за № 4100 доношу Вашему Высокородию следующее. До государственного переворота в г. Бендерах существовал отдел СРН, во главе которого стояли жена офицера Осташева и мещанский староста Орлов. Деятельность [Отдела этого] союза не была направлена ни на устройство боевых дружин и погромов, ни на разрушение основ государственного строя, установленного манифестом 17/X 1905 года. Внешним образом деятельность союза проявлялась в устройстве собственной пекарни, школы и лавки.

С государственным переворотом [февральско-мартовским] существование союза прекратилось, причем у представителей союза по уполномочию общественных организаций были произведены обыски, не давшие результатов в смысле изобличения членов союза в чем-либо противозаконном. Были отобраны между прочим списки жертвователей на нужды союза, среди которых оказались и евреи [...]

Товарищ прокурора [подпись неразборчива].

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 861, л. 59.

№ 213. Протокол осмотра дела Департамента полиции

18 сентября 1917 г.

Протокол 1917 г. сентября 18 дня командированного в ЧСК для производства следственных действий М. Н. Лебсева. Производил осмотр дела Департамента полиции, 6-го делопроизводства, за № 318 —1916 г., причем оказалось:

В деле на стр. 1 имеется прошение председателя Совета Об-ва «Русский рабочий» Алексея Матвеевича Ульянова с ходатайством о материальной поддержке.

Далее на стр. 15 имеется прошение того же Ульянова о зачислении его на службу в Департамент полиции как агента для освещения рабочего движения.

На стр. 21 имеется справка, в которой говорится: «Ульянов, работавший ранее для Департамента по рабочему вопросу в смысле организации правого рабочего движения в петербургских заводах, образовал при содействии градоначальника настоящее общество. В конце 1913 г. я [Белецкий] от его работы, по предложению г. министра, отказался, так как уплачиваемые ему деньги министр назначил на оказание поддержки Шабельской-Борк в издании правого рабочего листка».

Затем в этой же справке сообщается, что в настоящее время 1916 г. Ульянов просит материальной поддержки для открытия чайной об-ва «Русский рабочий», для каковой цели ему нужно более 30 000 руб., как для вышеуказанной цели, так и для найма других помещений для нужд об-ва «Русский рабочий». В этой же справке сообщается, что «ранее Ульянов получал 700 руб. в месяц».

На справке имеются следующего содержания пометки: «Доложено г. товарищу министра вместе со справками охранного отделения от 4 сего августа за № 17033 и 17051. Приказано: за состоявшейся Ульянову выдачей 870 рублей пока дальнейших выдач не производить, с тем, чтобы затем оказание помощи «Русскому рабочему» шло через одного из членов Гос. думы, принадлежащих к фракции правых».

Далее на стр. 31 имеется справка, из содержания коей явствует, что Ульянов некоторое время состоял агентом Департамента полиции, но так как деятельность его в этой области была малоуспешна, то ему было предложено за его «службу» 40 руб. в месяц, на каковых условиях Ульянов не согласился работать, и служба его в качестве агента прекратилась.

Далее в деле на стр. 41 на бланке Департамента полиции имеются следующие пометки: «Доложено г. товарищу министра. Приказано: отпустить Ульянову для развития указанной им деятельности две тысячи рублей. 12.9.[19]16. Ив. С.»

На стр. 46 прилагается расписка Ульянова в получении сих 2000 рублей.

В конце дела на стр. 49 имеется письмо за подписью А. Ульянова на имя «Ивана Константиновича». Письмо датировано 4 января 1917 г. В сем письме А. Ульянов просит не отказать выдать ему еще ранее просимые 3365 руб. на оборудование чайной.

На сем письме имеется пометка: «11/1.17 г. Доложено господину директору Департамента полиции Васильеву, приказано доложить недели через две—три»¹.
Лебедев.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 857, л. 34—35.

1. *Особая комиссия для расследования деятельности б. Департамента полиции и подведомственных ему учреждений 19 октября 1917 г. сообщила ЧСК по ее запросу, что «дело № 318-1916 г. о крестьянине Алексее Матвееве Ульянове, значащееся в секретной описи Особого отдела б. Департамента полиции, при разборе дел Особой комиссией не оказалось и, вероятно, погибло при частичном разгроме Департамента».*

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1024, л. 9.

№ 214. Доклад следователя ЧСК в Следственную часть

23 сентября 1917 г.

В дополнение к отношению моему от 26 июня с. г. за № 180039 сообщаю, что мною предъявлено обвинение по 338 и 1 ч. 341 ст. ст. быв. министрам: внутренних дел — Маклакову и юстиции — Щегловитову и директору Департамента полиции Белецкому в выдаче из секретных сумм названного департамента члену Гос. думы Замысловскому 2500 руб. и эксперту проф. Косоротову 4000 руб. и что обвинения в выдаче из этих же сумм тому же Замысловскому 50 000 руб. для издания его книги об убийстве Андрея Ющинского мною не будет предъявлено ввиду отсутствия достаточных к тому оснований [в отношении] упомянутых лиц. [Равным] образом никакого обвинения не предъявляется Замысловскому. Вместе с тем прошу сообщить имеющиеся в 11-й Следств. части данные о том, когда именно, кем и по чьему распоряжению были выданы Замысловскому указанные 50 000 руб. на издание его книги. Нет ли о таковой выдаче сведений в указанных книгах или других документах быв. Департамента полиции.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1006, л. 10—11.

№ 215. Прокурор Новгородского окружного суда — в ЧСК Временного правительства

23 сентября 1917 г.

Вследствие отношения от 12 августа с. г. за № 3056 имею честь препроводить протокол обыска, с вещественными доказательствами, произведенного у Василия Суханова, и сообщить, что, согласно негласным дознаниям во всех городах и уездах вверенного моему надзору округа, также лично наведенным мною у губ. комиссара Временного правительства справкам, — СРН и других правых и монархических организаций в округе Новгородского окружного суда не имелось и лица, руководившие этими организациями, не проживают. Во время ранее произведенных разными организациями обысков у лиц, заподозренных в несочувствии революции, также ничего относящегося к настоящему делу обнаружено не было [...]

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 861, л. 22.

№ 216. Прокурор Оренбургского окружного суда — в ЧСК Временного правительства

2 октября 1917 г.

Вследствие поручения комиссии от 12 августа с. г. за № 3051 о производстве обысков у лиц, игравших руководящую роль в деятельности отделов СРН и других правых и монархических организаций, я имею честь сообщить следующее.

В г. Оренбурге был подотдел СРН, председателем коего состоял генерал Веригин. В состав этого подотдела входили только три человека, обязанности которых заключались в ношении знамени во время крестных ходов. Оренбургский подотдел СРН не имел сочувствия среди жителей г. Оренбурга и ни в чем свою деятельность не проявлял: не было даже помещения для канцелярии, читальни, чайной, не было боевой дружины, не было признаков [призывов?] к учинению погромов и разрушению основ государственного строя, установленных манифестом 17 октября 1905 года. Вся переписка, касающаяся названного подотдела и хранившаяся на квартире

у Веригина, по имеющимся у меня сведениям, была сожжена им в первые дни революции.

Отделов СРН или каких-либо других правых организаций в Оренбургском и Орском уездах и Тургайской области не было.

Ввиду изложенного никаких обысков мною произведено не было.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 861, л. 4—4об.

№ 217. Первый департамент Министерства юстиции — ЧСК

5 октября 1917 г.

Содержащийся по постановлению Петроградской губернской комиссии по рассмотрению внесудебных арестов от 4 августа с. г. в Петроградском городском арестном доме А. И. Дубровин обратился в Министерство юстиции с ходатайством об освобождении его из-под стражи по болезни. По заключению врача, производившего по распоряжению Министерства юстиции освидетельствование просителя, дальнейшее лишение последнего свободы по состоянию его здоровья представляется опасным для его жизни. Принимая во внимание, что Дубровин хоть и не числится содержащимся за Чрезвычайной следственной комиссией, но проходит, как усматривается из отношения Комиссии от 4 августа с. г. [...], по нескольким указанным в этом отношении делам¹, первый департамент по поручению министра юстиции [...] просит ЧСК сообщить заключение по существу означенного дела.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 500, л. 18.

1. Дубровин обвинялся по делу об убийстве 4 мая 1906 г. в Териоках члена Гос. думы М. Я. Герценштейна, а также «ввиду указаний на причастность к организации убийств членов Гос. думы Иоллоса (14 марта 1907 г.) и Караваева (4 марта 1908 г.) и причастность к двум покушениям на жизнь графа С. Ю. Витте». Кроме того в делах комиссии от 4 августа отмечалось, что Дубровин «как редактор «Русского знамени» получал денежные суммы из «репильного фонда» МВД и в частности в 1916 г. получил 25 000 руб.» (там же, л. 11).

№ 218. ЧСК — в Первый департамент Министерства юстиции

7 октября 1917 г.

[...] Вопрос о привлечении А. И. Дубровина в качестве обвиняемого в данное время еще не может быть окончательно разрешен и задерживается собиранием дополнительного материала. Вместе с тем, если Дубровин и будет привлечен, то мера пресечения едва ли будет сопряжена с содержанием под стражей. Ввиду этого и вследствие болезненного состояния Дубровина со стороны ЧСК не встречается препятствий к удовлетворению возбужденного Дубровиным ходатайства.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 500, л. 19.

№ 219. Отношение ЧСК в неустановленную инстанцию по поводу ходатайства В. Г. Орлова

11 октября 1917 г.

Возвращая при сем препровожденную при отношении от 5 сего октября за № 69452 жалобу ревизора движения Александровской ж. д. В. Г. Орлова, ЧСК при сем препровождает справку о состоявшемся 13 сентября с. г. постановлении Комиссии по ходатайству Орлова о выдаче ему удостоверения о том, что в действиях его ничего незаконного не найдено и обвинение ему не предъявлено. Комиссия в заседании 12 сентября постановила: «Имея в виду, что расследование деятельности Орлова не входило в задачи ЧСК — в ходатайстве Орлову отказать».

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 500, л. 20, 23.

№ 220. И. д. прокурора Киевского окружного суда — в ЧСК Временного правительства

12 октября 1917 г.

В дополнение к отношению моему от 1 сентября с. г. за № 10887 сообщаю, что, по собранным мною сведениям, в первые дни государственного переворота [февральско-мартовского] в г. Киеве обыски у руководителей правых и монархических организаций производились различными сепаратными дружинами, возникшими при разного рода организациях и учебных заведениях, причем обнаруживаемые до-

кументы доставлялись в штаб Киевской милиции и складывались без разбора в отдельном помещении, называемом «Арсеналом». В настоящее время в означенном «Арсенале» остались лишь два стяга СРН, все же остальные документы, как сообщил мне начальник Киевской городской милиции, уничтожены при захвате штаба милиции солдатами украинского полка им. гетмана Полуботка.

О результатах обыска у Акацатова в моем распоряжении сведений не имеется.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 861, л. 72 72об.

№ 221. Показания Н. П. Тихменева ЧСК Временного правительства ¹

19 октября 1917 г.

Я, Николай Петрович Тихменев, 44 лет, дворянин, живу в Петрограде по Сергиевской ул., д. 60, кв. 52, православный, грамотный, не судим, участвующим в деле посторонний.

С 1907 по 1909 г. я жил в Москве и служил секретарем редакции газеты «Русская земля», издаваемой стариком Сувориным. В 1909 г. я переехал в Петроград, где и жил до конца июня 1912 г., работал в редакции «Земщины» в должности сначала секретаря, потом выпускающего и, наконец, второго редактора. Во время службы в редакции я познакомился с членом Гос. думы Замысловским, который изредка заходил в редакцию газеты и иногда сотрудничал в «Земщине». Денежная часть газеты «Земщина» мне неизвестна, и мне неизвестно, давали ли и передавали ли какие-либо деньги на издание этой газеты Замысловский и член Думы Марков 2-й. Не знаю я также, субсидировали ли эту газету МВД и Департамент полиции. Издавал газету эту быв. предводитель дворянства одного из уездов Орловской губ., а впоследствии член 3-й Гос. думы Володимеров, умерший в первых числах марта 1917 года. Редактором «Земщины» до последних дней ее существования состоял Святослав Казимирович Глинка-Янчевский, проживавший в Петрограде по Шпалерной ул. в д. № 39, кв. 21.

Печаталась «Земщина», когда в ней я работал, в частных типографиях, а последние месяцы перед революцией [февральской] газета эта, как говорил мне один из ее сотрудников, печаталась уже в «своей» типографии, находившейся где-то на Васильевском острове, близ Тучкова моста. Купило ли издательство газеты типографию, на новое ли имя или на имя кого-либо другого, или же на каких-либо условиях законтрактовало исключительно для себя, я не знаю и не слышал.

С 1912 г. по июнь 1916 г. я жил в Саратове и был редактором-издателем выходившей там газеты «Волга». К газете этой был близок и субсидировал ее деньгами Саратовский губ. предводитель дворянства Ознобишин; но свои ли средства он давал на газету или какие-либо иные деньги, мне неизвестно. В редакцию газеты этой и на мое имя никогда не поступали субсидии от МВД, Главного управления по делам печати и Департамента полиции, и я с просьбами о субсидии в эти учреждения не обращался.

За время пребывания моего в Саратове я раза три приезжал приблизительно на неделю в Петроград и раза два заходил тогда к члену Гос. думы Замысловскому, с которым меня помимо политических убеждений сближала шахматная игра. Никаких дел с Замысловским по изданию книг, газет и журналов я никогда не имел и денег от него на издание чего-либо не получал. Один раз во время приездов моих из Саратова в Петроград Замысловский советовался со мной, в каком количестве экземпляров издать составленную им книгу по делу Ющинского и во что обойдется это издание. При этом Замысловский показывал мне справки из разных типографий о стоимости набора и печати. Предположительно мы обсуждали сметы на издание этой книги в 2 и 4 тыс. руб., считая и картинки в книге, но не принимая в расчет той раскрашенной картинки в книге, которая помещена была в изданной Замысловским книге. Речь у нас шла о выпуске 1—3 тыс. экз. книги, причем Замысловский говорил, что если бы выпустить тысяч пять экз., то каждая книга обошлась бы дешевле, но жаль, если книга не пойдет, платить так много денег за бумагу. Когда именно происходил этот мой разговор с Замысловским, точно определить не могу; кажется, в 1914 г. или осенью 1915 г., года за полтора до времени, когда книга Замысловского вышла в свет, а это последнее обстоятельство имело место за три — четыре месяца до революции 1917 года. За время, которое протекло от разговора моего с Замысловским до выхода его книги, стоимость бумаги и печати возросла вдвое, никак не больше; но что стоило Замысловскому издание его книги по делу Ющинского

и в скольких экз. она выпущена, я не знаю; не знаю я также, на свои ли средства издавал Замысловский свою книгу или же он получил откуда-либо деньги на это; но судя по тому, как заботливо при разговоре со мною о стоимости издания Замысловский все рассчитывал и взвешивал, я полагаю, что книгу он издавал на свои средства.

Кажется в начале 1913 г., вскоре после окончания дела об убийстве Ющинского, Замысловский читал об этом деле лекцию в Саратове, останавливался тогда у председателя дворянства Ознобишина и навещал меня как в редакции газеты «Волга», так и у меня на квартире, где мы с ним пили чай или кофе; а обедали мы оба у Ознобишина. Генерала Джунковского я лично не видел, и он ничем меня и моих близких не обидел. В наших «правых» кругах Джунковского считаем представителем «кадетствующей» администрации. Кроме того, так как Джунковский сделал свою карьеру благодаря великому князю Сергею Александровичу, человеку «правых» убеждений, то Джунковского, после его уклонения влево, «правые» круги считали «ренегатом» и особенно негодовали на него. Эти взгляды разделял и я, после московского погрома в 1915 г.², вызванного тем, что Джунковский покровительствовал московским немцам, а это возмутило народ, -- я, считая Джунковского вредным политическим деятелем, стал собирать о нем материал и к осени 1915 г. написал небольшую книжку под заглавием «Генерал Джунковский в отставке». Осенью 1915 г., когда я приезжал в Петроград, я беседовал по поводу задуманного мною издания с сотрудниками «Земщины» и с Замысловским, причем все они признавали желательным и своевременным издание моей книги, так как все мы знали, что предстоят выборы членов Гос. совета и что Джунковский имеет шансы пройти по выборам в Москве. Переговоры по поводу издания моей книги с цензурным комитетом и главою его Виссарионовым я вел лично, причем Виссарионов не предлагал мне, насколько помню, взять мою книгу обратно, но в общем относился к моей книге явно неблагоприятно. Я несколько часов беседовал с Виссарионовым, который хотел многое выбросить из книги; но после переговоров со мною уменьшил свои требования, и книга вышла с пропуском всего нескольких мест, где он видел какие-либо указания или намеки на Распутина, о котором в то время запрещено было писать. Насколько помню, Виссарионов, кажется, говорил о возможности привлечения Джунковским меня за клевету, но я этому не придавал значения, ибо вынес впечатление, что Виссарионов боится пропускать мою книгу, не будучи уверен, что Джунковский не вернется к власти. Виссарионов упоминал также, что никто из цензоров не хочет подписывать моей книги. В конце концов моя книга вышла, и она есть та самая, которую Вы теперь мне представляете (свидетелю предъявлено было вещественное доказательство -- брошюра «Генерал Джунковский в отставке», сочинение Тихменева). Печатал я эту книгу в типографии Кузьмина на Клинском проспекте в Петрограде, в 3 или 4 доме от Забалканского проспекта. Книга выпущена была в количестве 500 экз., причем стоимость издания выразилась в сумме за бумагу и печать от 180 до 220 рублей. Таким образом, каждый экземпляр брошюры обошелся мне копеек в 40—50. Вся работа по выпуску книги этой произведена была во время пребывания моего в Петрограде осенью 1915 года. Книгу я издал на свои личные средства и денег на издание ни от Замысловского, ни от кого-либо иного не получал. Мне неизвестно, чтобы выпуску моей книги и прохождению ее через цензуру содействовал кто-нибудь своими хлопотами или просьбами.

С товарищем министра Белецким я познакомился в кулуарах Гос. думы как журналист во время одной из сессий еще 3-й Гос. думы. Лично я к Белецкому никогда не являлся, и он у меня никогда не бывал. Знал ли Белецкий об издании моей книги, я не знаю; но я разослал свою книгу бесплатно в монархические организации, членам Думы и Гос. совета «правого» направления и в некоторые редакции газет. Некоторое количество экземпляров я роздал своим знакомым и сотрудникам газеты «Земщина», посылая я и раздавал только по одному экземпляру, а не по несколько одному лицу или учреждению. Возможно, что по одному экземпляру книги я послал министру внутренних дел Хвостову и товарищу его по должности Белецкому. Затем часть издания -- в количестве нескольких десятков экземпляров -- я послал в Главный совет СРН (Петроград, Басков пер., 3), в котором председательствовал член Думы Марков 2-й; разослал, таким образом, я около 200 экз., 150 экз. у меня есть сейчас дома, около 100 экз. я роздал

и продал в Саратове и около 50 экз. остались в редакции газеты «Волга» в Саратове, когда я оттуда уезжал в июне 1916 г., переселяясь в Петроград. На Ваш вопрос, почему я книгу свою печатал в Петрограде, а не в Саратове, где редактируемая мною газета «Волга» имела свою типографию, я объясняю, что печатанье брошюры моей было несложно, типография «Волги» была слабосильна и завалена своей работой и, наконец, распространял я книгу свою главным образом в Петрограде, почему, если бы я напечатал ее в Саратове, мне пришлось бы 200 экз., весивших около 3 пудов, выслать багажом в Петроград, что стоило бы рублей 36. Книгу свою я посылал в монархические организации др. городов, но в Москву не посылал, ибо тамошние организации не входили в группу, участвовавшую впоследствии в Нижегородском съезде монархистов, и были мне мало известны. Впрочем, губернскому предводителю дворянства в Москве Самарину я послал свою книгу о Джунковском и один экземпляр отправил также в подмосковный Коломенский отдел СРН.

Издав свою книгу о Джунковском, я, захав в Саратов, отправился в Астрахань, а оттуда направился на Нижегородский съезд монархических организаций, о созыве которого я много хлопотал, ведя переписку с организациями. Съезд этот состоялся в Нижнем Новгороде с 19 по 23 ноября 1915 г., и я, как организатор и товарищ председателя съезда, категорически утверждаю, что правительство на этот съезд денег не давало. Расходы по съезду были покрыты 5-рублевыми взносами участников и пожертвованием до 300 руб. богатого человека, председателя съезда Пасхалова. Труды съезда³ были изданы на средства Полубояриновой, и издание их стоило приблизительно 200—300 рублей. Мне на съезде в Нижнем Новгороде кто-то говорил, что среди участников съезда находится и сын Нижегородского архиепископа, но фамилии я не помню его. Левитского я совсем не знаю и не слыхал, чтобы он устраивал какие-либо приемы участников съезда. На Петроградском съезде монархистов я, хотя и получил приглашение, не был; съезд этот тоже был в ноябре 1915 г. и кончился ко времени начала Нижегородского съезда. Были ли отпущены кому-либо казенные суммы на Петроградский съезд, я не знаю.

С сенатором Римским-Корсаковым я не знаком, в лицо его не знаю, но слыхал о нем как о деятеле «правого» направления.

Изданная Замысловским книга по делу Ющинского продавалась по цене 5 руб., и Замысловский после первого месяца продажи говорил мне, что куплено уже около 200 экз. книги его. Больше ничего показать не имею. Показание мне прочитано.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1022, л. 1—4об.

1. Эти «Показания» не вошли в 7-томное издание материалов ЧСК «Падение царского режима». Дело № 1022 называется «Протокол допроса командированным в ЧСК для производства следственных действий В. В. Лихопоем Н. П. Тихменева».
2. О майском погроме в Москве см.: Вопросы истории, 1994, № 12; Исторический архив, 1996, № 5—6.
3. Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг. 1916. 68 с. (ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 110, л. 165). Выше Тихменев приводит ошибочные даты работы съезда.

№ 222. Из постановления командированного в ЧСК М. Н. Лебедева об отношении правительственной власти к СРН и другим монархическим организациям

31 октября 1917 г.

«Союз русского народа» возник в 1905 г. в связи с первым революционным движением, причем целью своей деятельности он поставил себе борьбу с этим движением, за Веру, Царя и Отечество. Во главе Союза в качестве его председателя оказался доктор А. И. Дубровин. Первоначально Союз под председательством Дубровина объединял все единомышленные организации, но в скором времени в недрах Главного совета СРН возник раскол [после того,] как во главе его [Союза] был поставлен Н. Марков, член Гос. думы. Дубровин в свою очередь в конце 1911 г. организовал «Дубровинский СРН».

Кроме означенных двух организаций в разное время возникли и другие союзы, преследовавшие те же цели. Таким образом возникли «Союз русского народа активной борьбы с революцией» во главе с супругами Дезобри, «Союз Михаила архангела», в котором председательствовал В. М. Пуришкевич, «Союз во имя патриарха Гермогена в Москве» с председателем Снежковым и многие другие.

В истории развития деятельности всех указанных союзов, как в Петрограде и Москве, так и в др. городах России, постоянно наблюдалось стремление к делению на враждебные мелкие ячейки. В Петрограде Дубровин враждовал с Марковым и Пуришкевичем; в Москве Восторгов ссорился с председателем монархического союза В. Г. Орловым; в Одессе СРН под председательством гр. Коновницына враждовал с «пеликановцами», примыкавшими к СМА.

Из дел Департамента полиции видно, что причиной такой вражды являлись субсидии, выдававшиеся правительством этим организациям, субсидии, которые сами союзники в своей взаимной полемике называли «темными деньгами». Дело в том, что означенные деньги сплошь и рядом расходовались не на нужды Союзов, что вызывало, конечно, постоянные недоразумения.

Постепенно СРН Маркова 2-го, Дубровинский СРН и СМА, три главнейшие монархические организации, учредили по всей России ряд своих отделов. В учреждении этих отделов принимал участие и Департамент полиции, как это явствует из поступавших к нему по этому поводу донесений (например, донесение Орлова об организации отделов СРН в Сибири).

Со времени первой революции до государственного переворота в 1917 г. все указанные союзы, как это видно из дел Департамента полиции, пережили три периода в своей деятельности. Первый период, с 1905 по 1908 год, можно охарактеризовать как период расцвета союзнической деятельности, не встречавшей на своем пути особых препятствий ввиду необходимости использования союзов для борьбы с революционным движением. За это время союзы разрастаются и распространяются по всей России.

Второй период — с 1908 по июль 1915 года. Это время постепенного упадка всех указанных организаций. Правительственная власть только терпит их, помня о деятельности их в годы революции. Найденные в делах Департамента полиции черновики справок о состоянии союзов в 1915 г. и донесения об этом же местными властями говорят, что союзы в политическом отношении представляют собой совершенное ничтожество, членов имеют крайне мало и сплошь и рядом не более нескольких десятков человек, никакой деятельности не проявляют и вообще не имеют никакой силы и влияния среди населения.

С июля 1915 г., с момента образования в Гос. думе Прогрессивного блока, деятельность Союзов начинает оживляться. В конце 1915 г. при содействии и материальной поддержке Департамента полиции организуются съезды союзников в Саратове, Нижнем Новгороде и Петрограде. На съездах этих враждебные друг другу монархические организации примиряются и стремятся объединить свою деятельность и противопоставить блок монархистов блоку прогрессистов. Союзы снова начинают проявлять себя посылкою телеграмм бывшему императору и министрам, причем постепенно роль их сводится к яростной борьбе со всей Гос. думой, роспуска и изменения положения которой они настойчиво требуют.

Так как Союзы русского народа и др. монархические партии существовали исключительно на субсидии, получавшиеся ими от Департамента полиции, то такое оживление союзнической деятельности, несомненно, входило в интересы правительства, усматривавшего в существовании Прогрессивного блока серьезную опасность для продолжения политики «безответственного министерства» [...]

[...] правительство, если можно так выразиться, принуждено было «зачеркнуть» в своей политике положение о неограниченной монархии после манифеста 17 октября 1905 г., а затем при посредстве союзов русского народа и других монархических партий пыталось зачеркнутое восстановить.

В многочисленных делах Особого отдела, 4, 6 и 9 делопроизводств бывшего Департамента полиции сосредоточены обширные сведения о личном составе этих организаций правых. Различные должностные лица и учреждения старого режима характеризуют членов этих союзов с крайне отрицательной стороны, как людей не только малоинтеллигентных и совершенно необразованных, но и как лиц сплошь и рядом преступных. При осмотре упомянутых дел бывшего Департамента полиции были сделаны выборки наиболее ярких характеристик отдельных членов СРН и других монархических организаций.

Из справки, составленной Департаментом полиции в 1915 г., видно, что некто Яланский, именующий себя учредителем Черноморского отдела СРН, человек грубый, дерзкий и безнравственный, занимающийся вымогательством денег под

угрозой записать то или иное лицо во время текущей войны «в немцы». По донесению начальника Донского областного жандармского управления от января 1916 г., правые организации в Ростове-на-Дону, во-первых, малочисленны, а во-вторых, руководители их чем-либо скомпрометированы; так, например, секретарь Союза и редактор правого органа «Ростовского листка» Костричин «по вексельной операции может быть объявлен в непродолжительном времени злостным банкротом». Чириков, товарищ председателя местного отдела СРН, должен был уйти из Союза вследствие растраты. Бендиков должен был отказаться от заведывания продовольственной лавкой Союза вследствие обнаруженных больших недочетов в счетоводстве». Дутиков «спекулирует по повышению цен на муку». Вообще же рядовые члены Союза «отличаются большой темнотой и неразвитостью».

Начальник того же отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве доносил Департаменту в январе 1916 г., что председатель отдела СРН в Москве Сталинский был первоначально социалистом-революционером, но затем по чисто практическим соображениям примкнул к СРН, причем, состоя в этом союзе, подавал на разных лиц ряд заведомо несправедливых доносов.

Из донесения начальника Могилевского ГЖУ от мая 1916 г. явствует, что в Хотимском отделе Всероссийского Дубровинского союза число членов крайне незначительно и большинство их «в возрасте, отличаются приверженностью к спиртным напиткам». По отзыву того же должностного лица, председатель Хотимского отдела крестьянин Комаровский — человек «несдержанный, задиристый и среди членов Союза доверием не пользуется. Сами члены не доверяют ему денег отдела».

Из отношения председателя Кашинского отдела СРН Колтынина-Сухонина от апреля 1916 г. на имя директора Департамента полиции видно, что председатель — человек малограмотный, описывая происходившее в Кашине гулянье, считает «русскими людьми» себя, полицейского надзирателя Колочева с женой, жандармского унтер-офицера Осина и полицейского урядника Зыкова. Жалуясь на малочисленность «истинно русских» людей, он себя и своих сторонников противопоставляет интеллигенции, не желающей поддерживать «патриотов».

Из телеграммы председателя Главного Совета Отечественного патриотического союза Орлова на имя министра внутренних дел А. Д. Протопопова явствует, что член СРН в Киеве Ломакин был выслан за мошенничество в Иркутск, а «пресловутый» (по словам телеграммы) Юскевич-Красковский «для правого дела никогда, нигде, ничем не проявил себя и опозорил только своим участием в Герценштейновском убийстве». Из телеграммы бессарабского губернатора 16 декабря 1916 г. видно, что к СРН примыкают почти исключительно низшие слои населения, а в некоторых местностях уездов даже порочные субъекты. Начальник Екатеринославского ГЖУ 20 мая 1914 г. доносил директору Департамента полиции, что председатель Авдеевского отдела СРН, слесарь депо ст. Авдеевка Замула «неоднократно подозревался в кражах и в марте с. г. был задержан с краденым коксом». В Петрограде наиболее видными представителями являются Дубровин, Пуришкевич, Марков и Б. В. Никольский. Последний прямо обвиняется своими же сочленами в присвоении 40 000 руб., а против первых двух у Департамента полиции были очень компрометирующие их сведения в смысле организации политических убийств, о чем будет сказано ниже. Курский депутат Марков 2-й, председатель Главного Совета СРН после Дубровина, характеризуется бывшим курским губернатором Муратовым в письме на имя И. Г. Щегловитова¹, препровожденном в копии министру внутренних дел А. Н. Хвостову. Муратов говорит, что когда он изобличил мошенническую операцию с лошадьми в Щигровском уезде, в которой принимал участие брат Маркова 2-го, то последний два раза просил Муратова прекратить это дело. Муратов на это не согласился, назвав дело грязным и возмутительным. Что касается Москвы, то ярким представителем СРН и примыкающих к нему партий являлись протоиерей Восторгов, полковник Томилин, В. Г. Орлов, Снежков, Баскаков и Кельцев. Относительно этих лиц в распоряжении Департамента полиции были следующие сведения: 27 января 1914 г. директор Департамента полиции Белецкий составил доклад, из коего усматривается, что председатель Русского народного СМА в Москве В. Г. Орлов за обещание «устроить» вышеупомянутого ротмистра Баскакова на должность земского начальника получил от него сто рублей.

Погромная деятельность. В 1915 г. Департаментом полиции составлена справка

о том, что председатель Черноморского отдела СРН Яланский ведет погромную агитацию среди рабочих. В том же 1915 г. начальник Астраханского ГЖУ доносит, что председатель Астраханской народной монархической партии Тиханович-Савицкий «открыто раздавал листки с призывами к выступлению против революционеров и евреев». Тогда же Департаментом в виде справки приведен разговор доктора Дубровина с одним журналистом. Справка помечена 22 декабря 1915 г., и в ней говорится, что, по словам Дубровина, для борьбы с Прогрессивным блоком в Гос. думе правые организации не пожалеют ничего, и если потребуется, то даже устроят Варфоломеевскую ночь.

В апреле 1915 г. обер-прокурор Св. Синода письмом на имя министра внутренних дел князя Щербатова сообщает о причинах отказа священника Даниловского освятить знамя Дмитриевского (области войска Донского) отдела СРН. Согласно сообщению обер-прокурора, отказ этот был вызван тем, что домогавшиеся освящения знамени союзники преследовали не патриотические, а мятежные цели: они распространяли слухи, что кто запишется в Союз, получит землю, которая отнимется от других и будет делиться между союзниками. Как только будет освящено знамя, союзники будут отбирать землю у собственников отрубных участков, причем «побоища» с этими лицами невозможно будет избежать [...]

Из дел Департамента полиции видно, что особое расположение союзников заслужили лишь министры внутренних дел А. Н. Хвостов и Н. А. Маклаков, а также директор Департамента полиции, а затем товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий.

[...] Естественно возникает вопрос: как же, имея столь компрометирующий союзников материал, правительство относилось к существованию союзов русского народа и других подобных ему монархических организаций.

При рассмотрении дел Департамента полиции необходимо прийти к выводу, что отношение это имело двойственный характер, а кроме того, зависело от изменения общего политического положения России. Наиболее крупные представители русской государственной власти, как Столыпин и Коковцов, относились к деятельности Союзов отрицательно. Однако, несмотря на личную их точку зрения, Министерство внутренних дел по Департаменту полиции продолжало поддерживать союзнические организации. Иное положение создавалось для союзов, когда во главе Совета министров оказались Горемыкин и Штюрмер, а министрами внутренних дел были Н. А. Маклаков, А. Н. Хвостов и А. Д. Протопопов. В указанное время особое значение для союзников приобрел также директор Департамента полиции, а затем товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий. Если при Столыпине и Коковцове союзнические организации были только терпимы, как неизбежное зло, то при поименованных выше лицах союзы стали пользоваться определенным покровительством.

Подозрительность Департамента полиции к правым организациям и их лидерам не мешала тому, что в Департаменте полиции велась переписка по вопросу о награждении чином действительного статского советника председателей Дубровинского СРН доктора Дубровина и Московского СРН Кельцева, причем первому из них предполагалось при отставке исхлопотать пенсию из сумм Департамента полиции.

[...] Общий итог всем суммам, полученным союзами, подвести не представляется возможным, но между прочим установлено в этом отношении следующее:

В конце 1915 г. и начале 1916 г. на организацию двух монархических съездов в Петрограде и Нижнем Новгороде выделено было 20 000 руб., на печатание трудов этих съездов — 5000 руб.; А. И. Дубровину — 10 000 руб.; на борьбу с генерал-майором Джунковским Замысловскому выдано было 5000 руб.; на нужды организации Николая Маркова — 63 800 руб., Замысловскому секретно от Маркова — 16 000 руб., Пуришкевичу секретно от Маркова и Замысловского — 10 000 рублей. На издательство книги «Процесс Бейлиса» Замысловскому дано 25 000 рублей. Между органами правой печати были распределены в 1915 г. 300 000 руб., а в начале 1916 г. — 1 500 000 рублей. Всего, таким образом, за указанный короткий промежуток времени выдано было монархическим организациям около двух миллионов рублей. Такие же приблизительно выдачи производились союзникам до и после указанного периода [...]

В делах Департамента полиции имеются многочисленные ходатайства правых организаций о выдаче им тех или иных денежных пособий, причем в некоторых

случаях Департаменту представлялись сметы расходов, необходимых на поддержание правых организаций и органов правой печати. В этом отношении характерно ходатайство Варвары Дезобри-Степановой, члена СРН активной борьбы с революцией и боевой дружины СРН. Дезобри-Степанова пишет, что «без нравственной поддержки со стороны полиции, а также без материальной помощи работать нельзя». С мая 1915 г. по январь 1916 г. означенной особе выдано Департаментом полиции разновременно около 18 000 рублей. Необходимо отметить, что в Департаменте полиции имелись сведения о целом ряде растрат денежных сумм СРН, совершенных председателями соответствующих его отделов. Особенно крупные суммы были позаимствованы в Москве протоиереем Восторговым и полковником Томилиным, а в Одессе графом Коновницким. Все случаи относятся к предвоенному времени.

Естественно возникает вопрос, почему Министерство внутренних дел и Департамент полиции, будучи прекрасно осведомлены об истинном характере союзов русского народа и других подобных ему монархических партий, не только оказывали ему «нравственную» (по выражению Дезобри-Степановой) поддержку, но и выдавали Союзу сравнительно крупные денежные пособия?

[...] На основании изложенного А. А. Макаров, Н. А. Маклаков, А. Н. Хвостов и А. Д. Протопопов достаточно изобличаются в том, что, состоя в разное время с сентября 1911 г. по 27 февраля 1917 г. в должности министров внутренних дел Российского государства и имея по делам подведомственного им Департамента полиции — как за время пребывания каждого из них в означенной должности, так и за предшествующее этому периоду — точные и определенные, основанные на донесениях местных властей сведения о совершенно незначительной и не имевшей никакого общественного значения деятельности СРН и других родственных ему по духу монархических партий и зная из тех же источников, что в указанных организациях большинство членов были лица крайне низкого образовательного и нравственного уровня, а весьма часто и осужденные уголовным судом за разные преступления, что означенные монархические партии как путем печати, так и устно призывали к враждебному отношению и неповиновению правительственной власти и возбуждали классовую и национальную вражду среди населения России, что последствием такой деятельности являлись еврейские погромы, в которых союзы русского народа и другие монархические партии принимали прямое участие при посредстве организованных в их составе вооруженных боевых дружин, что как погромы, так и другие выступления этих дружин сопровождалось убийствами и расхищением имущества разных лиц, что кроме того некоторые руководители союзов русского народа не без достаточных оснований подозревались в организации убийств политических своих противников, а именно: Герценштейна в Териоках, Иоллоса в Москве и Караваева в Екатеринославе, а также в двукратном покушении на убийство графа Витте в Петрограде, что, наконец, все вышеуказанные монархические партии открыто заявляли о своих стремлениях к совершению государственного переворота в смысле восстановления неограниченной царской власти и возвращения к государственному строю, существовавшему в России до 17 октября 1905 г., означенные министры [внутренних дел] вопреки обязанностям своей службы не приняли к пресечению указанной преступной деятельности союзов русского народа и родственников ему по духу монархических партий никаких действительных мер, а поддерживали эти организации как путем выдачи им весьма значительных денежных субсидий, так и посредством соответствующих указаний местным властям с требованием благожелательного отношения к этим организациям, каковое бездействие власти повлекло за собой важные последствия в виде стремления союзов русского народа вмешиваться в распоряжения органов правительства и постоянных с их стороны попыток возбуждения одной части населения против другой.

Означенные преступления предусмотрены для каждого из поименованных выше лиц 338 и 2 ч. 341 ст. Ул[ожения] о наказ[аниях].

Вследствие сего и руководясь 396 ст. Уст[ава] уг[оловного] суд[опроизводства], командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий М. Н. Лебедев постановил: привлечь А. А. Макарова, Н. А. Маклакова, А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова в качестве обвиняемых по настоящему делу и предъявить им обвинение в преступлении, предусмотренном 338 и 2 ч. 341 ст. Ул[ожения] о Наказ[аниях].

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 830, л. 1 33об. Подлинник.

1. Письмо см.: *Союз русского народа. М. 1929.*

№ 223. Список председателей и других главных деятелей местных организаций Союза русского народа.

1917 г.

- 1) Михаил Алексеевич Орфенов — тов. пред. Тульского губ. отд. СРН.
- 2) Михаил Иванович Стебик — тов. пред. Нижегородского Георгиевского губ. отд. СРН.
- 3) Гавриил Минаевич Стрелков — быв. пред. Нижегородского Георгиевского губ. отд. СРН.
- 4) Михаил Матвеевич Уваров — учредитель и казначей Саратовского губ. отд. СРН.
- 5) Ефимей Михайлович Хорошкевич — тов. пред. Виленского губ. отд. СРН.
- 6) Семен Прокофьевич Шустов — организатор и пред. Совета Самарского губ. отд. СРН.
- 7) Григорий Андреевич Бусов — пред. Уфимского губ. отд. СРН.
- 8) Алексей Васильевич Вопилов — пред. Московского центрального Мининского отд. СРН (Москва, Волхонка, 8).
- 9) Александр Гаврилович Громыка — пред. Могилевского губ. отд. СРН.
- 10) Алексей Иосифович Дуплицкий — и. д. пред. Саратовского губ. отд. СРН.
- 11) Валерий Михайлович Карякин — пред. Владимирского губ. отд. СРН.
- 12) Николай Николаевич Лодыженский — пред. Тульского губ. отд. СРН.
- 13) Сергей Иванович Котиков — пред. Бакинского отд. СРН.
- 14) Семен Маркович Рафалович — пред. Витебского отд. СРН.
- 15) Дмитрий Антонович Чернов — пред. Владимирского отд. СРН.
- 16) ...Затеplinский — пред. Таганрогского отд. СРН.
- 17) Максим Николаевич Селенкин — пред. Екатеринодарского отд. СРН (сложил с себя полномочия с началом войны. — Ю. К.).
- 18) Нестор Николаевич Тиханович-Савицкий — пред. Астраханской народно-монархической партии.
- 19) Николай Саввич Мищенко — председательствующий Киевского губ. отдела и Совета СРН (Киев, Владимирская, 62, кв. 5).
- 20) Федор Яковлевич Постный — пред. Киевского СРН (Киев, Александровская, д. 63, кв. 2).
- 21) Николай Николаевич Родзевич — пред. Одесского губ. отд. СРН (ул. Новосельского, д. 94) (Он был председателем Одесского Союза русских людей, причем в конце 1916 г. в связи с призывом в действующую армию его пост занял Амосов. — Ю. К.).
- 22) Федор Дмитриевич Лиховидов — пред. Бакинского отд. СРН. Почетный член Вологодского СРН, член Ярославского отд. СРН и тов. пред. Тифлисского патриотического общества (Владимирский пр., д. № 3, Меблир. комнаты «Франция», № 19, тел. 61-97).
- 23) Подполковник Обрицкий — пред. Калужского губ. отд. СРН, г. Калуга.
- 24) Ф. Яновский — пред. Бессарабского губ. отд. СРН. Г. Кишинев, Пушкинская аудитория.
- 25) И. Ильин — пред. Харьковского отд. СРН.
- 26) Владимир Корнилович Юшко — пред. Одесского губ. отд. СРН (с 22 августа 1916 г.). Адрес: Одесса, Институтская, 9.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Иезуиты в России (1772—1820 гг.)

И. В. Чуркина

В 1719 г. Петр I специальным указом повелел немедленно выслать всех иезуитов из городов и земель российских без права их возвращения когда-либо в Россию. Этот указ свято соблюдался российскими властями.

В 1772 г. по первому разделу Речи Посполитой к России отошли белорусские земли по правому берегу р. Двины, в том числе и г. Полоцк. Он был одним из важных центров иезуитов. Они обосновались в нем еще в 1582 г., вскоре после захвата города польским королем Стефаном Баторием. Он хотел сделать его плацдармом для дальнейшего проникновения католицизма (а следовательно, и польского влияния) в русские земли. Полоцкие иезуиты получили несколько десятков деревень с 16 тыс. крестьян. В своих владениях они активно распространяли католицизм и униатство и к 1726 г. основали там 15 костелов и 22 униатские церкви. Екатерина II отнеслась с должной осторожностью к различным католическим установлениям в белорусских землях. Из них наибольшие опасения у нее вызывал иезуитский орден. В предписании белорусскому генерал-губернатору З. Г. Чернышеву от 28 мая 1772 г. царица подчеркивала: «Иезуитским монастырям, школам и училищам сделайте особую перепись. Вы за ними наипаче смотреть имеете, яко за коварнейшими из всех прочих латынских орденов, ибо у них без согласия начальников подчиненные ничего предпринять не могут»¹.

Однако белорусские иезуиты, во главе которых стоял ректор Полоцкой коллегии Станислав Черневич, повели себя чрезвычайно предусмотрительно. Униатское и католическое духовенство не торопилось признать себя подданными России, их примеру следовала местная шляхта. Иезуиты первыми присягнули на верность Екатерине II. Потом Черневич со своим окружением отправился в Петербург для принесения присяги от имени своих заграничных членов. По возвращении из столицы он всячески превозносил Екатерину, убеждал всех в ее благоволении по отношению к католикам. Вслед за иезуитами стали присягать России сначала представители католического и униатского духовенства, а затем и шляхта.

Такое похвальное поведение иезуитов не осталось без внимания Екатерины. Когда 26 августа 1773 г. папа Климент XIV издал бреве об уничтожении иезуитского ордена, ему подчинились все европейские государи за исключением российского и прусского. Все попытки Климента XIV и его преемника Пия VI добиться, чтобы в России было обнародовано упомянутое бреве и тем самым распущен орден иезуитов, успеха не имели.

Но если со светской властью отношения иезуитов складывались благоприятно, то с главою католической церкви в России Станиславом Сестренцевичем они с каждым годом становились все напряженнее.

Сестренцевич родился в протестантской семье. Он предназначался быть пастором, учился сначала в протестантской школе Слуцка, затем — во Франкфуртском университете. Пастором

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Сестренцевич не пожелал стать. Некоторое время он был на военной службе в Пруссии и Литве, затем воспитателем детей у польского магната Радзивилла. Прослушав курс богословия в коллегии ордена пиаров в Варшаве, Сестренцевич в возрасте более чем 30 лет принял сан католического священника. Высокообразованный человек, чуждый всякого религиозного фанатизма, он представлял собою тип просвещенного прелата, интересовался литературой, агрономией, медициной. По своим взглядам Сестренцевич был близок янсенистам: выступал против неограниченной власти папы, отдавая приоритет светским властям. В ноябре 1773 г. Екатерина II назначила его Виленским, или Белорусским, епископом. Новый епископ стремился поднять образовательный уровень католического духовенства. В 1778 г. он учредил католическую семинарию в Могилеве на 20 человек, которая должна была поставлять кадры образованных священников².

Пий VI пытался добиться запрещения ордена иезуитов в России, используя для этого Виленского епископа. В августе 1778 г. папа дал ему на три года власть над всеми католическими священниками и монахами России. Но в планы Екатерины не входило выполнение предписаний папы. Наоборот, она приказала Сестренцевичу, используя данную ему власть, открыть иезуитский новициат (школу для иезуитских послушников) в Полоцке. Сестренцевич тянул время, но под напором царицы вынужден был 30 июня 1779 г. опубликовать пастырское послание, в котором объявил о создании иезуитского новициата. Поступок Сестренцевича вызвал возмущение Ватикана. Секретарь папы кардинал Паллавичини обратился ко всем заграничным министрам с циркуляром, в котором обвинял виленского епископа в попустительстве иезуитам и сообщал, что папа предписал Сестренцевичу отозвать свое пастырское послание. В ответ на циркуляр Екатерина II написала 14 февраля 1780 г. письмо русскому послу в Варшаве графу Г. Штакельбергу с просьбой передать его содержание папе. В письме она объяснила свое благоволение к иезуитам их полезностью в деле воспитания юношества. «Равным образом Вы должны дать знать римскому двору, — заключала царица свое письмо, — в самых положительных и твердых выражениях, чтобы он ввиду такой нашей твердости прекратил свои докучательства нам под опасением самых неприятных от того могущих произойти последствий, как например: потери и того скромного остатка власти, которую мы представили папе над римскою церковию в нашем государстве»³.

В феврале 1780 г. новициат в Полоцке был торжественно открыт. В город потянулись иезуиты со всех концов Европы. Обучение в новициате велось на латинском и французском языках, однако всем полоцким иезуитам вменялось в обязанность изучение и русского языка. В библиотеке новициата, кроме католической литературы, имелись православные богослужебные книги, а также и русская светская литература. Иезуиты всячески подчеркивали свою лояльность России и желание быть полезными ей.

В мае 1780 г. Екатерина II посетила полоцкую иезуитскую коллегию и осталась очень довольна и приемом со стороны отцов-иезуитов во главе с Черневичем, и системой обучения там. Воспользовавшись благоволением царицы, иезуиты решили сделать дальнейший шаг к укреплению своих позиций. Они стали добиваться права избирать генерального викария. Их поддержали генерал-губернатор Белоруссии граф З. Г. Чернышев и сам князь Г. А. Потемкин. Избрание генерального викария означало для иезуитов выход из-под юрисдикции Виленского епископа. Екатерина II желала иметь своими союзниками одновременно Сестренцевича и иезуитов. В январе 1782 г. она издала указ о назначении Сестренцевича архиепископом Виленским и одновременно главою всех католиков России. Но уже в конце июля 1782 г. вышел указ о праве избрании иезуитами генерального викария. Первым генеральным викарием иезуитов в Белоруссии был избран ректор полоцкой коллегии Черневич. Иезуиты вышли из-под власти Виленского архиепископа. В утешение Потемкин обещал Сестренцевичу добиться утверждения его архиепископом со стороны папы. А вскоре после присоединения к России Новороссии Сестренцевич был сделан главою католической церкви и там.

Екатерине II удалось заставить папу официально признать Сестренцевича архиепископом. В январе 1784 г. он и его коадьютор Бениславский (ставленник иезуитов) были торжественно посвящены в сан архиепископа и епископа папским нунцием в Варшаве Аркетти в петербургском костеле св. Екатерины. Папа должен был пойти на это, боясь потери всякого влияния на католическую церковь в России. Екатерина II и далее покровительствовала иезуитам. Когда она узнала в 1784 г., что в Москве вышла книга, направленная против иезуитов, она приказала конфисковать весь ее тираж и уничтожить. В год смерти Екатерины II (1796) иезуиты имели шесть коллегий (Полоцк, Динабург, Могилев, Мстиславль, Орша, Витебск), два новициата (Полоцк, Динабург) и десять миссий. Они владели 14 тыс. душ крестьян, землями, домами, мануфактурами. Всего их проживало в России 200 человек⁴. Круг их деятельности не выходил, впрочем, за рамки Белоруссии.

Исследователи деятельности иезуитов в России М. Я. Морошкин и Д. А. Толстой считают, что благодаря им Екатерина II могла успешнее противостоять притязаниям папы на руководство католической церковью в России. Вторую причину благоволения царицы они видят в ее желании использовать педагогический опыт иезуитов. И действительно, в письме Пию VI от 1782 г. Екатерина II, в очередной раз отказывая ему в просьбе обнародовать бреве об уничтожении ордена иезуитов, писала, что он «как институт полезный и удобнейший для воспитания юношества, в чем никто еще его заменить не мог, следовательно и не мог никогда настоять и вопрос об уничтожении или реформировании сего ордена в государстве нашем»⁵.

Обе указанные причины, конечно, имели место. Но все-таки главная причина покровительства царицы иезуитам заключалась в том, что она способствовала укреплению власти российского государства в Белоруссии. И за это императрица ценила их больше всего.

При Павле I положение католической церкви в России было как никогда прочным. В первые годы своего правления царь с большим доверием относился к архиепископу Сестренцевичу, поскольку последний часто посещал его еще в то время, когда он был опальным наследником престола. Царь пожаловал ему Андреевскую ленту, а в 1798 г. присвоил ему титул митрополита. В октябре 1798 г. Павел был избран гроссмейстером Мальтийского ордена, а 16 декабря он издал об этом специальный манифест. Это избрание произошло благодаря одному из видных деятелей ордена Джулио Литте. В Петербурге появились мальтийские рыцари, из которых была создана особая гвардия. Павел даже разрешил папе иметь в Петербурге своего нунция. В 1797 г. в Петербург прибыл граф Лоренцо Литта, архиепископ Фивский, брат мальтийского рыцаря Дж. Литты. Братья Литта некоторое время имели большое влияние на российского императора. Они установили тесные связи с иезуитами, всячески старались отеснить Сестренцевича. Их неприязненное отношение к Виленскому архиепископу повлияло и на царя, который стал относиться к нему с недоверием. Однако папский нунций не понял, что решающим для российского самодержца является не союз с папой, а его собственная воля. Л. Литта стал вмешиваться в дела католической церкви в России, не обращая внимания на ее главу Сестренцевича. Мало того, он посмел поспорить с Павлом о кандидатуре на должность епископа в Каменецке. Результат не заставил себя ждать: Павел объявил об уничтожении папской нунциатуры в Петербурге, а Литте приказал в 24 часа покинуть Россию⁶. Власть Сестренцевича усилилась. В специальном регламенте он объявил о распространении своей юрисдикции на иезуитов. Император полностью поддержал его.

Новую эпоху в деятельности иезуитов составило время, когда во главе их стоял австриец Габриэль (Гавриил) Грубер. Он родился в 1740 г. в Вене. В 1755 г. он вступил в орден иезуитов, затем изучал в Граце теологию и философию. В 1769—1786 гг. Грубер преподавал в люблянском лицее черчение, геометрию, механику и гидравлику. Именно к этому времени относится его наиболее активная деятельность как ученого. По его проекту был выкопан канал, с помощью которого осушили большое болото вокруг Любляны; он проявил себя и как архитектор, построив одно из красивейших зданий города — так называемый Груберов дворец. В 1786 г. Грубер из-за недовольства городским магистратом превышением расходов по строительству канала вынужден был тайно покинуть Люблян и отправиться в Россию. Там он поселился в Полоцке, где преподавал в иезуитской коллегии с 1786 по 1799 гг. архитектуру, механику, физику, математику и рисование. Много сделал Грубер для переоборудования учебных кабинетов. Он обставил физический кабинет инструментами своего изобретения. В нем имелись три электрические машины, электрофор. Впечатлял астрономический зал, в котором находились телескоп, барометры, трое астрономических часов, небесный и земной глобусы. Коллекция минералогического кабинета отличалась разнообразием и богатством. Она включала образцы алмазов, рубинов, изумрудов, топазов и других драгоценных камней, золотые, платиновые, серебряные самородки. Удивление посетителей вызывали механические фигуры — купец-робот, торгующий в лавке, купидон, разъезжающий в коляске по залам. Однако вершиной изобретательности Грубера стала говорящая человеческая голова огромных размеров, которая отвечала на вопросы, заданные на любом языке⁷. К сожалению, большинство диковинок, созданных Грубером в Полоцке, не сохранилось.

«Но специальностью Грубера, — отмечал Морошкин, — была не одна механика и архитектура, а все знания и искусства: он был и математик, и историк, и химик, и музыкант, и кондитер, и языковед, знавший языки: латинский, итальянский, французский, немецкий, польский и русский, и живописец. В последнем ряде искусства он оставил много памятников в полоцком коллегиуме; особенно перспективная живопись была отличительным дарованием Грубера и возбуждала удивление во всех знатоках и незнаатоках этого искусства». Будучи преподавателем коллегии, Грубер стал «душою, умом, вождем и гением общества белорусских

иезуитов». Иезуитская коллегия в Полоцке пользовалась популярностью среди знати не только польской, но и русской. В частности в ней некоторое время учился известный русский скульптор и художник Ф. П. Толстой, впоследствии товарищ (заместитель) президента Императорской академии художеств. Именно здесь впервые были замечены его способности к живописи⁸.

В 1799 г. Грубер вместе с группой коллег отправился в Петербург, чтобы представить Академии наук некоторые свои изобретения в области механики (ножницы для стрижки тонкого сукна, различные насосы и др.). Эти предметы были представлены на выставке в Петербургской академии. Изобретения Грубера, его ум, тонкое обхождение произвели впечатление не только на академиков, но и на некоторых представителей высшего общества. Через польских и французских аристократов, группировавшихся вокруг императрицы Марии Федоровны, ему удалось войти к ней в доверие, особенно после того, как Грубер сумел вылечить ей зубы. После этого Грубер был приглашен на аудиенцию к Павлу I. Царь был восхищен манерами, умом и скромностью иезуита. Грубер даже получил разрешение входить в его кабинет в любое время без доклада.

Вскоре Грубер еще более упрочил свое влияние на Павла I. И этому способствовали не только ум и такт Грубера, но и ужас царя перед революцией. Немецкий ученый Э. Винтер приводит в своей книге слова из письма папского представителя в Петербурге Бенвенути статс-секретарю папы кардиналу Консальви о скрытых причинах влияния Грубера на Павла I: «Грубер сумел разъяснить императору, какую роль может играть католическая церковь, иезуитский орден и его учебные заведения в борьбе против революционного движения, и тот пришел к заключению, что иезуиты должны стать опорой его державы. Теперь каждый, кто противился их деятельности, был в глазах императора якобинцем». Письма Грубера, опубликованные русским иезуитом И. С. Гагариным, показывают, что единственное средство против проникновения в Россию безбожия, идей Просвещения и якобинства Павел видел в том, чтобы доверить воспитание подрастающего поколения иезуитам⁹. Они, следовательно, становились главной опорой самодержавных порядков в России.

Грубер прочно обосновался в Петербурге, что открывало для деятельности иезуитов в России блестящие перспективы. Ему удалось добиться, что главная католическая церковь столицы — костел св. Екатерины — перешла в руки иезуитов, о чем был издан указ 11 октября 1800 года. При церкви иезуиты организовали свою коллегия, ректором которой стал Грубер. Она славилась высоким уровнем обучения, в нее принимали как дворян, так и горожан. Получить образование у иезуитов считалось престижным. Многие русские аристократы отдавали своих детей в Петербургскую коллегия. Девять ее выпускников участвовали в восстании декабристов. Этот факт дал возможность одному из иезуитских историков на научном семинаре на острове Капри в 1991 г. заявить, что идеи декабристов возникли и развивались под влиянием иезуитов¹⁰. Петербургская коллегия стала важным рычагом воздействия иезуитов на русское общество.

Наиболее опасного врага иезуиты видели в Сестренцевиче. Пользуясь правом свободного входа к императору, Грубер сумел настроить его против Виленского архиепископа, убедив, что тот стремится присвоить себе власть папы в России. Конкурентов Павел I не терпел. В результате наговоров Грубера Сестренцевич и его ближайшее окружение (всего 27 человек) были отрешены от должностей и высланы из Петербурга. Главою католиков России стал близкий к иезуитам Бениславский¹¹.

Главной целью Грубера и других иезуитов было восстановление иезуитского ордена. Грубер действовал по двум направлениям — через папу и через царя. Ему удалось наладить контакты с новым папой Пием VII, тайным советником которого был бывший иезуит Маротти. Папа признал назначение Павла гроссмейстером Мальтийского ордена при условии, что в ведении царя будут светские дела ордена, а в ведении папы — духовные.

Дальнейшее расширение деятельности иезуитов Грубер обусловил необходимостью признания папой иезуитского ордена в России. Все это он изложил в памятной записке императору в конце 1800 года. Павел написал послание папе, в котором просил об официальном признании ордена в России. Одновременно Грубер направил письмо папе, в котором речь шла о согласовании действий иезуитов и папской курии. В письме Грубер намекал, что в России для католичества раскрываются невиданные перспективы. Ему казалось, что близка уния. Грубер не преувеличивал. Ему действительно удалось убедить Павла I в необходимости объединения православной церкви с католической для того, чтобы успешнее противостоять революционным веяниям. Об этом свидетельствует письмо царя неаполитанскому королю от 30 ноября 1800 года. В нем он просил короля подготовить папу к переговорам о слиянии католической и православной церквей. Царь подчеркивал, что уния необходима для успешной борьбы

с атеизмом. Он полагал, что сможет осуществить ее в России, поскольку соединяет в своем лице достоинство царя и гроссмейстера Мальтийского ордена. Папа Пий VII объявил что в Белоруссии утверждается Общество Иисуса, в своем послании от 7 марта 1801 года. Но послание уже не застало Павла в живых: 11 марта он был убит заговорщиками. С его смертью начался закат деятельности иезуитов в России. Это чувствовал и Грубер, писавший в Рим по поводу гибели императора: «Погиб великий покровитель римской церкви и Общества Иисуса»¹².

Александр I придерживался по отношению к религии широких взглядов. Но иезуиты не вызывали у него особых симпатий. Сразу по восшествии на престол он создал комиссию под председательством генерал-прокурора А. А. Беклешова, которая должна была разобраться в деле Сестренцевича. Комиссия пришла к выводу, что обвинения, по которым были осуждены Виленский архиепископ и его окружение, являлись ложными. Осужденные были возвращены на прежние должности. По прибытии в Петербург в конце 1801 г. Сестренцевич заявил, имея в виду иезуитов: «Государь вскоре увидит, сколь противно политике терять во владениях своих этих людей без всяких правил». Отношения Сестренцевича с иезуитами и далее складывались враждебно. В 1805 г. он пытался провести реформу католической церкви в России, сделав ее независимой от папы. Но иезуиты, действуя через близкого друга царя князя А. Н. Голицына, сумели настроить Александра I против этой реформы. 28 марта 1801 г. Александр I сложил с себя звание гроссмейстера Мальтийского ордена, оставив за собой, однако, протекторат над островом Мальта. Указ папы о создании Общества Иисуса был объявлен Груберу и иезуитам, но при этом им было вручено отношение Российского правительства, в котором указывалось, что преподавание всех наук в иезуитских коллегиях должно вестись на русском языке, что иезуиты не должны позволять себе ничего предосудительного по отношению к православной церкви и не должны привлекать в католичество молодых людей, исповедующих другую веру¹³.

Первым генералом Общества Иисуса в Белоруссии стал Франциск Каре. После его смерти в августе 1802 г. иезуиты избрали своим генералом Грубера, по словам Д. А. Толстого, «едва ли не умнейшего человека когда-либо бывшего в этом ордене». Несмотря на ряд ударов, нанесенных иезуитам после смерти Павла I, они все же занимали достаточно прочные позиции. Сам Грубер пользовался особым покровительством Марии Федоровны, вдовы Павла, имел большое влияние в русских аристократических кругах. Многие дамы из самых знатных российских фамилий приняли католичество из рук иезуитов. Среди них были Толстая, Голицына, Ростопчина, Гагарина, Куракина, даже жены известных русских военачальников генерала М. И. Кутузова и адмирала П. В. Чичагова. В иезуитском пансионе в Петербурге, открытом в 1803 г. аббатом Николя, три четверти воспитанников являлись детьми русской знати (Голицыны, Толстые, Гагарины, Ростопчины, Шуваловы, Кутузовы, Вяземские, Новосильцевы и др.). Ф. П. Толстой в своих воспоминаниях отмечал, например, что Грубер был желанным гостем в доме его дяди П. А. Толстого, генерал-губернатора Петербурга, «и вообще Грубер был уважаем в Петербурге». 26 марта 1805 г. Грубер погиб во время пожара, случившегося в его петербургском доме. Похоронили его в Спасо-Евфросиньевском монастыре в Полоцке. За годы правления Грубера, фактического и официального, число иезуитов в России увеличилось на одну треть — с 220 до 330¹⁴.

Следующим генералом иезуитов был избран секретарь Витебской коллегии Фаддей Бржезовский, польский патриот. Не обладая ни умом, ни образованностью, ни широтой взглядов Грубера, Бржезовский проводил ту же политику, но более грубыми методами. Ближайшим его сподвижником являлся граф Иосиф де Местр, посланник Сардинского королевства, друг и ученик Грубера, человек тонкий и умный. К иезуитам благоволили многие из окружения молодого царя: А. Чарторыйский, В. П. Кочубей и др. Поддерживал их и князь А. Н. Голицын, одно время занимавший пост обер-губернатора святейшего синода, а с 1810 г. возглавлявший управление духовными делами иностранных исповеданий.

С помощью этих людей иезуиты смогли добиться многого. Прежде всего они хотели вынести свои учебные заведения из-под контроля светских властей. Начиная с 1803 г. все монастырские учебные заведения в Белоруссии, в том числе и иезуитские, были подчинены надзору Виленского университета. Поэтому иезуиты попытались им завладеть. В поддержку прошения иезуитов об университете граф де Местр направил письмо министру просвещения А. К. Разумовскому. В нем он указывал на польский характер университета и обещал, что иезуиты смогут сделать его русским. Когда план овладения Виленским университетом не удался, иезуиты решили возвести Полоцкую коллегию в ранг университета. В 1811 г. генерал иезуитов отправил прошение по этому поводу, всячески расхваливая роль иезуитов в европейских университетах и подчеркивая отрицательные стороны светских университетов: необ-

ходимость вложения в них больших средств из казны, безнравственность их студентов. На этот раз просьбу иезуитов поддержал А. Н. Голицын.

В 1812 г. был опубликован указ об учреждении в Полоцке иезуитской Академии. Она подчинялась непосредственно министерству народного просвещения и имела право присуждать ученые степени, ее аттестаты приравнялись к университетским. Академия курировала все иезуитские учебные заведения. Создание ее явилось крупной победой иезуитского ордена, тем более, что количество иезуитских учебных заведений неуклонно росло. Помимо коллегий в Белоруссии и Петербурге, в начале века появились иезуитские школы в Одессе (для горожан и для знати), в саратовских немецких колониях, в Астрахани, в Риге. В Одессе деятельность иезуитов была особенно успешной, так как им покровительствовал сам герцог Арман Эммануэль Ришелье. После его отъезда во Францию их положение усложнилось. Однако аббату Николя удалось превратить иезуитский пансион для мальчиков в Одессе в лицей, получивший наименование «ришельевский». Этот лицей считался одним из лучших в России¹⁵.

После признания ордена иезуитов в России иезуиты усилили прозелитскую деятельность, хотя официально и согласились с предписанием правительства отказаться от всяких попыток обращения в католичество лиц других вероисповеданий. Сначала они хотели добиться для себя хотя бы частичного разрешения на подобную деятельность. В 1802 г. министр внутренних дел Кочубей вошел с ходатайством в кабинет министров позволить иезуитам распространять католицизм среди мусульман и идолопоклонников в Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерниях. Однако это предложение было отклонено министрами. Отказ не охладил пыл иезуитов. В Белоруссии они начали упорную борьбу с орденом базилиан, который препятствовал превращению униатов в католиков. Но за базилиан вступился генерал-губернатор Белоруссии Михельсон. В результате Александр I издал указ «о защищении униатов от притеснений, чинимых им местными католическими консисториями»¹⁶.

Иезуиты пытались распространить свою деятельность и на Сибирь. Им удалось убедить сибирского генерал-губернатора Пестеля, что они смогут способствовать экономическому развитию области, прежде всего распространению там земледелия. В 1811 г. Пестель просил правительство о посылке в Сибирь иезуитов. Но никакой хозяйственной деятельностью они там не занимались, а только пытались обратить местное население, в том числе и православных, в католичество. В 1815 г. Пестель в письме Голицыну вынужден был признаться, что иезуиты «не оправдывают тех ожиданий, какие были в виду при определении их в сибирские губернии, и не оказали еще никакой пользы, пребывая в сем крае». Особенно активно действовали иезуиты в высшем обществе. Они имели успех среди знатных дам, у молодежи, которую отдавали в их учебные заведения. В начале 1816 г. граф де Местр мог с гордостью писать рагузскому архиепископу: «Что за отрадное зрелище! Какое множество обращений и какая быстрота в них, и это в самом высшем здешнем обществе»¹⁷.

В 1815 г. Голицын сделал резкое представление по поводу иезуита Баландре, который с кафедры церкви св. Екатерины публично поносил все христианские вероисповедания, кроме католического. Последней каплей, переполнившей чашу терпения властей, стал переход в католичество по наущению иезуита Жана Людовика Розавена несовершеннолетнего племянника князя А. Н. Голицына Александра. 16 декабря 1816 г. был опубликован правительственный указ о немедленной высылке иезуитов из Петербурга и запрещении им въезда в обе столицы. Иезуиты были вывезены в Полоцк.

13 марта 1820 г. Александр I подписал указ о высылке иезуитов из Российской империи. Указ был написан по докладу князя А. Н. Голицына, всего несколько лет назад помогавшего иезуитам создать в Полоцке свою Академию. В докладе говорилось, что они «вопреки коренным государственным узаконениям осмелились внушениями своими оболыщать и вверенных им питомцев и других людей, принадлежащих к греко-российской церкви, и привлекать их в свое вероисповедание». Иезуиты «поселяют в сердцах ими обманутых жестокою нетерпимостью, стремятся уничтожить оплот царств: привязанность к вере отечественной, и тем разрушить счастье семейств, производя в них гибельное разномыслие». Кроме того, иезуиты обвинялись в плохой заботе о своих имениях и крестьянах. Вследствие этого предлагалось иезуитов «выслать под присмотром полиции за пределы государства и впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию». Все их учебные заведения закрывались, имущество конфисковывалось: имения с крестьянами отдавались в распоряжение казенных палат, деньги шли на благотворительные цели. Уроженцам России, если они покидали орден, разрешалось остаться на Родине. Всего за 1820—1821 годы было выслано 317 иезуитов. 23 человека из российских подданных порвали с орденом¹⁸.

Попытка российского правительства использовать иезуитов для укрепления своей власти во вновь присоединенных районах принесла некоторые результаты только на первых порах.

Упрочив свои позиции, иезуиты перешли в наступление и стали действовать исключительно в интересах своего ордена. Это и привело к их изгнанию из России.

Ликвидация иезуитского ордена в России не стала для них смертельным ударом. Почти полувековое пребывание иезуитов в Российской империи в самое трудное для ордена время, когда он был вне закона во всей Европе, позволило им не только сохранить старые, но и вырастить новые кадры. И когда в 1814 г. папа разрешил восстановить орден, иезуиты смогли достаточно быстро организовать его отделения по всей Европе.

Примечания

1. МАРАШ Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. Минск. 1971. с. 65, 66, 103; ТОЛСТОЙ Д. А. Римский католицизм в России. Т. II. СПб. 1876, с. 16, 17.
2. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 6—12.
3. МОРОШКИН М. Я. Иезуиты в России. Ч. I. СПб. 1867, с. 165-- 168.
4. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 17; МОРОШКИН М. Я. Ук. соч. Т. I, с. 244, 245.
5. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 33, 34.
6. ВИНТЕР Э. Папство и царизм. М. 1964, с. 201; ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 133.
7. GRAFENAUER V. Zgodovina slovenskega naroda. Zv. V. Ljubljana. 1962, S. 75.
8. МОРОШКИН М. Я. Ук. соч., с. 367, 368; Записки графа Ф. П. Толстого — Русская старина, СПб, 1873, т. 7, с. 25.
9. ВИНТЕР Э. Ук. соч., с. 208 —209; ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 136, 137.
10. ОРЛОВ В. Тайны полоцкой истории. Минск. 1995, с. 368, 371.
11. МОРОШКИН М. Я. Ук. соч., с. 395, 418, 434.
12. ВИНТЕР Э. Ук. соч., с. 212- 219.
13. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 152—164; САМАРИН Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. М. 1868, с. 317, 318.
14. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 177, 188 — 193; Записки графа Ф. П. Толстого, с. 41; САПУНОВ А. Заметка о коллегии и академии иезуитов. Витебск. 1890, с. 34.
15. МОРОШКИН М. Я. Ук. соч. Т. II. СПб. 1870, с. 422, 424.
16. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 184 — 185; МОРОШКИН М. Я. Ук. соч. Т. II. с. 209.
17. ТОЛСТОЙ Д. А. Ук. соч., с. 203, 208.
18. Там же, прил., с. 59--66, 225.

Культовые камни и камень Алатырь

И. Д. Маланин

Камень Алатырь (Алатр, Златырь, Латырь, Олатырь) довольно хорошо известен по фольклору: сказкам, былинам, духовным стихам, легендам, присушкам, заговорам, заклинаниям и т. д. Многие исследователи пытались выяснить, откуда появилось название «Алатырь», какую роль играет оно в различных жанрах фольклорного творчества, особенно в заклинаниях и заговорах. Из всех многочисленных предположений о камне Латыре наиболее существенными на данное время являются те, согласно которым название камня Латыря, или Алатыря, происходит из источников, связанных с северозападным и центральным ареалами восточных славян, имеет также сравнительно недавнее происхождение, предполагается связь названия Латыря-камня с алтарем, а реальной основой для Латыря были хорошо известные славянам «целебные и чудесные камни»¹.

Поразительно, что, зная о таких «целебных и чудесных камнях» из краеведческой до-революционной литературы, официальная наука не занималась поисками и изучением таких объектов. Некоторые ученые вообще не признавали существования отдельных валунов с какими-либо изображениями на них, пока краеведы не привлекли внимание археологов и этнографов к так называемым следовикам своими изысканиями и публикациями в массовой печати. Только после того, как в 1965 г. появилась статья специалиста по наскальным изображениям первобытных художников А. А. Формозова, посвященная именно следовикам, эти памятники все больше стали привлекать внимание исследователей. И сегодня культовым камням, в том числе и следовикам, посвящен уже ряд публикаций².

В связи с этим появилась возможность сопоставить некоторые особенности, присущие и реальным культовым памятникам в виде отдельных валунов, как с изображениями, так и без них, и мифологическому камню Алатырю. Конкретизируя одинаковые по сути функции зафиксированных культовых камней и камня Алатыря, сравнивая фольклорные данные о них, выделим несколько примеров.

Так, на Латыре, Алатре, рядом с ним и даже под камнем, согласно заклинаниям, могут находиться всякие святые персонажи: «убогий Лазарь», «Мать Пречистая Богородица», «Иоанн Креститель», «пророк Илия с небесными ангелами», «Господь Иисус Христос» и пр. Как бы в противоположность, в фольклорных материалах возле Латыря-камня встречается и нечистая сила, даже сам сатана. Также обстоит дело и с иными персонажами потусторонних сил: под Алатром-камнем находятся «три тоски тоскучия, три рыды рыдучия», «сила могучая» и т. д. Из Латыря-камня можно «вынять» «палящий и гулящий огонь» и от него «зажечь смолевые пучки». У Олатыря-камня, судя по текстам былин, появляются богатыри. Наконец, сам Алатырь или его окружающие «сила могучая», иные мифологические персонажи наделяются целебными свойствами. Встречаются заклинания с упоминанием Латыря-камня от

Маланин Игорь Дмитриевич — историк, действительный член Русского географического общества.

какой-нибудь одной болезни (например, от зубной боли) или сразу от нескольких, а то и от всех недугов³.

Теперь возьмем несколько реальных легендарных, включая культовые, камней, выявленных исследователями больше с помощью местного населения, и посмотрим на предания об этих памятниках. Вот, скажем, на Украине в Почаевской лавре верующие люди поклоняются камню, на котором якобы оставила след своей стопы сама богородица. В Боровичском р-не Новгородской обл. найден следовик со следом поскользнувшегося на нем Христа. По поверьям местных жителей, углубление на валуне близ д. Медведево Тверской обл. является божьим следом. В Новом Иерусалиме Московской обл. лежит поклонный камень. Как передают богомольные старушки, на нем стоял Христос или же сидел ангел. Разумеется, есть реалии, относимые населением и к нечистой силе. Назовем из них лишь Синий камень в Ярославской обл. и, например, Чортов след в Осташковском р-не Тверской области. К валунам, в которых или под которыми, как говорят легенды, обитают духи, боги и прочие потусторонние силы, относятся сейды, Конь-камень на о. Коневце в Ладожском озере. Углубление на валуне между Пудогой и Архангельщиной, у р. Черевы, согласно местной сказке, является вмятиной от головы Ильи Муромца, использовавшего сей камень вместо подушки. Богатырев след --- камень, лежащий прямо в ручье около оз. Уклеино Новгородской обл., — видимо, культовым не является, но относится к местным достопримечательностям и традиционно связан с верой в существование великанов и богатырей.

Археологами, этнографами и краеведами зафиксированы культовые валуны, по фольклорным данным, излечивавшие или излечивающие от болезней. Уже упомянутый «божий след» на камне у д. Медведево придавал целебную силу воде, скапливавшейся в нем от росы, дождей и талого снега. В свою очередь эта вода излечивала больные зубы у людей, испивших ее. До настоящего времени сохранились валуны, по преданиям, излечивавшие от всех болезней. Такие объекты есть у д. Шитики в Псковской обл., около д. Киндяково Московской обл., в с. Коломенском в Москве и т. д.⁴

На этом сходство представлений о мифологическом камне Алатыре и поверий местного населения о близлежащих легендарных камнях не кончается. Однако в тех же заговорах, сказках и других жанрах фольклора чаще встречается камень без названия Алатырь, Латырь и т. п. Он, как и Алатырь, обладает теми же свойствами, в нем или около могут присутствовать все те же персонажи. Поскольку «Латырь-камень всем камням мати», то любой камень, особенно чем-нибудь выделяющийся (формой, цветом, углублением и пр.), может, вероятно, как потомок Латыря надеяться целебной силой, силой, позволяющей достигнуть желаемого с помощью магических обрядовых действий с самим камнем. Следовательно, любой камень имеет возможность вдруг стать культовым или использоваться в каком-то обряде. Так, закончив посадку капусты, хозяйка в начальном краю гряды ставит большой горшок дном кверху, накладывает на него камень и покрывает белым платком, с приговором: «Щоб капуста была туга, як каменец, головата, як горшок, а бела, як платок!» В другом обряде, взяв земли, нужно идти домой, не оглядываясь, и возле дома стать на камень и очертить топором вокруг камня круг, произнося оберег: «Спаси р.б. [им. р.] от врага и от недруга», — и кинуть топор в северную сторону. И еще пример. Обходя стадо, пастух волочит за собой на веревочке вареную щуку и замок с ключом. После того как «отпуск» прочитан, пастух закапывает щуку и замок с ключом под неподвижный камень, куда не попадает стоячая вода. Щука и замок с ключом лежат под камнем до осени⁵. Не исключено, что в последнем случае камень мог быть общедеревенской (сельской) святыней, представляя собой реальный культовый камень. Тем более, что исследователями найдены валуны с изображениями рыбы и, возможно, ключа. Из фольклорных материалов известно также, что под камень прячут знаки победы: головы, языки убитого змея. А камень, под которым прячут головы, часто является жертвенником⁶.

Все изложенное, на взгляд автора, выступает как дополнительный довод в пользу того, что определенная часть реальных культовых камней вполне могла быть прототипами легендарного камня Алатыря.

Примечания

1. АГЕЕВА Р. А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале). — Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М. 1982, с. 140—142; ПОЗНАНСКИЙ Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М. 1995, с. 271—272.

2. ПОПОВ А. Тайны каменных знаков. Наука и жизнь, 1964, № 6; ФОРМОЗОВ А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики». — Советская этнография, 1965, № 5; АЛЕКСАНДРОВ А. А. Следы язычества на Псковщине. — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1982; МАКАРОВ Н. А. Камень Антония Римлянина. — Новгородский исторический сборник. Вып. 2(12). Л. 1984; ДУЧИЦ Л. В. Культурные валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии. — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1985; МАКАРОВ Н. А., ЧЕРНЕЦОВ А. В. К изучению культовых камней. Советская археология, 1988, № 3, с. 79—90; БУРОВ В. А. «А погост Жабна пуст...». М. 1994; МОРОЗОВ И. Таинственным путем Гермеса. Минск. 1994; и др.
3. Великорусские заклинания. Сб. Л. Н. Майкова. СПб. 1994, № 14, 28, 48, 69, 120, 209, 211, 216, 221; Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М. 1990, № 50; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск. 1983, с. 91, 96, 103.
4. КИСЕЛЕВ Я. Священные камни саамов. Вокруг света, 1981, № 2, с. 33; ДУБОВ И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л. 1990, с. 101; АЛЕКСАНДРОВ А. А. О следах язычества на Псковщине. — Краткие сообщения Института археологии. Вып. 175. М. 1983, с. 12; ЕГО ЖЕ. Культурные городища в Локнянском районе Псковской области. — Земля Псковская, древняя и современная. Псков. 1990, с. 21; ОПАРИН В. Хождение к Буян-камню. Петрозаводск. 1978, с. 21.
5. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI—XIX веков. М. 1991, с. 39; АФАНАСЬЕВ А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М. 1994, с. 34; ЕЛЕОНСКАЯ Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. М. 1994, с. 163—164; КОЛПАКОВА Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л. 1975, с. 20—21.
6. ПОПОВ А. С. В поисках Дивьего камня. М. 1981, с. 127; ДЕМИДЕНКО Е. Л. Значение и функции общефольклорного образа камня. Русский фольклор. Т. XXIV. Этнографические истоки фольклорных явлений. Л. 1987, с. 94—95.

Германская историография Сталинградской битвы

А. И. Борозняк

Для немцев военных и послевоенных поколений катастрофа вермахта на берегу великой русской реки — это обнаженный нерв массового исторического сознания, непреходящий сюжет национальной историографии. Правдивое освещение сражения под Сталинградом является необходимым компонентом сложного, неоднозначного, мучительного процесса «преодоления прошлого», извлечения уроков из трагедии третьего рейха. «Этот город, — писала 30—31 января 1993 г. газета «Die Welt», — не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории».

В конце 1992 — начале 1993 г., когда отмечалось 50-летие битвы на Волге, Сталинград, по оценке геттингенского профессора А. Людтке, стал «центральной темой печатных и электронных средств массовой информации»¹. Память о Сталинграде многосложно сплелась с проблемами общественной жизни сегодняшней Германии. Значительный резонанс вызвали коллективные труды, авторы которых, несмотря на различие отдельных подходов, едины в оценке войны против Советского Союза как криминальной, противоправной акции, убеждены в том, что поражение 6-й армии стало предвестником закономерного краха нацистской системы. Речь идет о следующих изданиях: «Сталинград. Мифы и реалии одного сражения» (под ред. В. Ветте и Г. Юбершера, сотрудников Военно-исторического ведомства ФРГ), «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (под ред. Ю. Фёрстера, также работающего в том же ведомстве), «Сталинград — немецкая легенда» (под ред. берлинского исследователя Й. Эберта)².

В основе этих сборников — полидисциплинарная методология реконструкции прошлого, синтез усилий военных историков, психологов, педагогов, медиков, литературоведов. Солидное участие в деятельности авторских коллективов, в розыске и публикации новых документальных свидетельств Сталинградской битвы приняли российские ученые, архивисты, музейные работники.

Путь к постижению исторического смысла сталинградской трагедии оказался и для граждан Федеративной Республики Германии, и для ее историков трудным, длительным и противоречивым. В 50—70-е гг. обширная литература о поражении 6-й армии имела по преимуществу оправдательно-мифологический характер, общая направленность публикаций нередко отражалась в названиях книг: «Преданные битвы», «Утраченные победы»... Тональность многочисленных мемуарных свидетельств генералов и офицеров вермахта о событиях под Сталинградом определялась, по оценке известного историка М. Керига (Фрайбург), «духом холодной войны и дискуссиями о перевооружении Западной Германии». Фельдмар-

---

Борозняк Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического института.

Автор благодарит за финансовую поддержку фонд «Культурная инициатива».

шал Эрих фон Манштейн и другие авторы мемуаров стремились, перекладывая всю вину за гибель немецких солдат на Гитлера, оправдать собственные действия, отрицать свою ответственность за происходившее. Не случайно Фридрих Паулюс, прочитавший книгу Манштейна после возвращения из плена, отзывался о ее содержании «с горечью, возмущением и разочарованием»³.

Объективные научные труды о битве на Волге были редким явлением. И все же перу авторов, представлявших «поколение Сталинграда», принадлежат честные, правдивые публикации о трагедии 6-й армии. В 1962 г. прошедший через окружение и плен бывший подполковник 6-й армии И. Видер опубликовал — небольшим тиражом в малоизвестном мюнхенском издательстве — книгу «Сталинград и ответственность солдата» (в русском переводе вышла в 1965 г. под названием «Катастрофа на Волге»). Тень русского города, убежден Видер, «нависла над всем немецким народом», настоятельно требуя от него «найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории», «взглянуть в глаза всей правде» вопреки «сытому равнодушию и тупому пренебрежению к моральным и духовным ценностям»⁴.

Тяжкий груз ответственности за бессмысленную гибель солдат, утверждал автор, лежит не только на Гитлере, его военном и политическом окружении, не только на генералах и офицерах, командовавших окруженными частями, но и на каждом военнослужащем вермахта, последовавшем за преступниками. «Наш поход на Волгу, — писал Видер, — предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. Самого себя я увидел как бы запроваженным в гигантский и бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью вплоть до саморазвала и уничтожения». Сталинградское побоище, по оценке Видера, было «расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером»⁵.

Забытый труд Видера, умершего несколько лет назад в скромной должности провинциального библиотекаря, был возвращен в 1993 г. немецкому читателю усилиями ветерана Национального комитета «Свободная Германия», депутата бундестага ФРГ графа Г. фон Айнзиделя. Издатель именуется книгу Видера «самым основательным анализом трагедии, разыгравшейся на Волге 50 лет назад»⁶.

В феврале 1963 г., в разгар «холодной войны», на страницах швейцарского военного журнала была опубликована статья Х.-А. Якобсена (Бонн), одного из самых авторитетных историков ФРГ, который дал бескомпромиссно жесткую характеристику тогдашних интерпретаций Сталинградской битвы, сводившихся зачастую к «оправданию собственных действий, бессмысленных жертв, преступного злоупотребления жизнями солдат». Широко распространенный вывод о единоличной вине Гитлера за катастрофу является, по мнению Якобсена, «чересчур дешевым и чересчур упрощенным». Полностью сохраняют свое значение суждения автора о проблеме ответственности представителей нацистской военной и политической элиты за агонию 6-й армии: «Чем выше их чины, чем шире понимание общей ситуации, тем значительнее мера их ответственности». Сталинградскую трагедию нельзя понять, убежден автор, вне ее взаимосвязи с войной против СССР, вне ее характера и способов ведения. Во время этой войны (он именуется ее «раковой опухолью режима») «речь шла с самого начала не о высоких, благородных задачах, о коих лгали нацистские власти, но — о необузданных, преступных целях». «Нельзя останавливаться на полпути, — указывал Якобсен, — надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелегкие вопросы и получать нелегкие ответы»⁷.

Голоса Видера и Якобсена не были услышаны в тогдашней Западной Германии — ни историками, ни общественным мнением. Справедлив относящийся к 1984 г. диагноз лауреата Нобелевской премии Генриха Бёлля: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных»⁸.

Показателем наступавшего поворота в научном освещении и массовом осознании уроков великого сражения второй мировой войны стала вышедшая в 1987 г. книга В. Р. Байера — известного философа, исследователя творчества Гегеля, президента Международного Гегелевского общества «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна». Эта книга — сгусток личных впечатлений солдата Байера, пережившего трагедию окружения, тяжело раненого и вывезенного из котла одним из последних самолетов. Это и эссе о современном значении философии Гегеля (подзаголовок книги воспроизводит, чуть видоизменив, формулу великого мыслителя из его «Философии права»). Это и квалифицированный, острый критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о катастрофе 6-й армии. Содержание книги находится

как бы на рубеже двух сознаний: сознания солдата — одного из многих, брошенных на гибель своими командирами, и сознания умудренного годами человека, обреченного, по его словам, «тащить на себе в течение всей своей жизни груз выстраданной истории»⁹.

Байер именует большую часть западногерманских работ о Сталинграде «оправдывающей литературой», «комбинацией недостоверных сведений, иллюзий и фактов». Авторы публикаций подобного рода, лишь «прикрывающиеся именем исторической науки», нередко прямо повторяли «ложь, сфабрикованную Министерством пропаганды», воспроизводили тезисы «приказной публицистики третьего рейха», равно как и положения «сконструированных мемуаров» гитлеровских военачальников. В качестве источников при этом привлекаются преимущественно документы командования, но совершенно игнорируются, подчеркивает Байер, действия и мысли «тех, кто были внизу», тех, кто стал «жертвами стратегических планов и конструкций». Освещение сталинградской катастрофы вермахта с точки зрения простых солдат является, по его глубокому убеждению, непременным условием «гуманистической трактовки исторических событий»¹⁰.

Выводы ученого органически связаны с обновлением теоретико-методологического инструментария историографии ФРГ, с дискуссиями о пересмотре традиционных моделей социальных процессов и возможностей их познания, о путях активного вторжения исследователей в сферу «истории повседневности», «истории снизу». Отголоски этих споров слышатся и в современных публикациях о Сталинградской битве.

Придать истории сражения на берегах Волги и Дона человеческое измерение оказалось возможным лишь тогда, когда в научный оборот были введены прямые свидетельства жизни и смерти окруженных немецких солдат, когда была осуществлена критическая проверка материалов, считавшихся прежде бесспорными.

В 1954 г. крупная западногерманская издательская фирма «Бертельсман» выпустила на книжный рынок новинку, сразу ставшую бестселлером: «Последние письма из Сталинграда»¹¹. В подборку вошло 39 фрагментов, многократно цитировавшихся зарубежными и отечественными историками, которые не сомневались в аутентичности текстов. В. Р. Байер был первым, кто поставил под сомнение подлинность «последних писем», осуществил их квалифицированный источниковедческий анализ и неопровержимо доказал, что они являются фальсификацией.

Вызывает сомнение, отмечал Байер, сугубо анонимный характер издания: не указаны реквизиты авторов и адресатов писем, имя публикатора. Во введении к сборнику изложена следующая версия: из семи мешков с почтой, вывезенных из окружения последним самолетом и оказавшихся в Новочеркасске, были по приказу командования отобраны 39 писем для выяснения настроений солдат и офицеров. В дальнейшем письма хранились где-то на территории ГДР и были тайно переданы издателю. Подозрения Байера были вызваны не только нарочито запутанным происхождением «последних писем», но прежде всего их содержанием. Тексты относятся к разным датам и к отрезанным друг от друга районам боевых действий. Уже поэтому они не могли находиться в одной партии полевой почты. Письма достаточно пространны. Но у солдат, свидетельствует Байер, не было ни бумаги, ни карандашей, ни времени для сочинения длинных посланий. Авторы писем не раз утверждают, что через какое-то время из окружения отойдет последний самолет. Но откуда можно было в той кошмарной обстановке всеобщей паники и неразберихи знать, какой самолет окажется последним? Не соответствуют действительности многочисленные детали фронтового быта. Солдаты прекрасно знали, что каждое письмо внимательно прочитывается цензором, поэтому были невозможны то и дело встречающиеся высказывания типа «Гитлер нас предал».

Авторами текстов, полагает Байер, могли быть только люди, которые «находились в совсем ином мире», но не в сталинградском котле. «Театральность» писем, их «хвастливый, заносчивый» тон, темы, которые «никак не затрагивали простых солдат», — все это приводит автора к заключению: «последние письма» представляют «топорно сработанную фальшивку». Выводы ученого подтверждены современными авторами. «Последние письма», по мнению В. Ветте, «должны рассматриваться как подделка». Они, отмечает Г. Юбершер, «не содержат надежных сведений о настроениях и действиях немецких солдат в Сталинграде и не могут поэтому использоваться исследователями»¹².

Но в чем причина того, что вопрос об аутентичности «последних писем» не ставился в течение десятилетий в научной и популярно-исторической литературе ФРГ? В том, очевидно, что форма и содержание псевдоисточника соответствовали стереотипам западногерманского общественного сознания в годы «холодной войны». Сталинград повсеместно трактовался только как трагедия солдат и офицеров вермахта, а восприятие ужасающей правды

о подлинных целях войны против СССР, о преступлениях вермахта вызывало аллергию у большинства граждан Федеративной Республики. Налицо было невысказанное желание уйти от решения вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию размежевания между Гитлером и вермахтом, стремление если не оправдать немецкую армию, то, во всяком случае, представить ее действия в более приемлемом виде, что становилось особенно понятным накануне и в период вступления ФРГ в НАТО.

Труд В. Р. Байера сыграл серьезную роль в обновлении основ германской историографии Сталинградской битвы. Отныне, по образному выражению Юбершера, «была распахнута дверь для осознанного рассмотрения опыта и переживаний простых солдат», «повседневная жизнь маленького человека на войне стала предметом исследований и публикаций»¹³. Осуществить эти задачи было невозможно без введения в научный оборот принципиально новых достоверных источников, раскрывающих «другой лик войны», свидетельствующих об обстоятельствах жизни и смерти «тех, кто были внизу».

Такие источники — в результате самоотверженных усилий российских архивистов и работников музеев — были обнаружены и стали достоянием мировой науки, «недостающим звеном» в цепи познания реальной истории боевых операций под Сталинградом. Речь идет о комплексе уникальных эпистолярных источников — о подлинных письмах из 6-й армии. В 1943 г. в фонды Сталинградского государственного музея обороны (ныне Государственный музей-панорама «Сталинградская битва») поступили большие коллекции немецких документов, захваченных в ходе ликвидации окруженной группировки противника, в том числе несколько мешков с письмами полевой почты. До 1953 г. они хранились (в первоначальном, неразобранном виде) в запасниках музея, но затем последовало категорическое распоряжение КГБ: «уничтожить вражеские документы». Мешки с письмами были сожжены в котельной, но, как свидетельствуют бывшие сотрудницы музея Т. Н. Науменко и А. С. Бондаренко, им удалось спасти от уничтожения часть писем. В 1983 г., после переезда музея в новое здание, хранитель письменных источников О. Г. Ратке обнаружила деревянный ящик с неучтенными немецкими документами, начала их перевод и первичную научную обработку¹⁴.

Первым немецким специалистом, получившим в 1986—1987 гг. возможность изучения материалов, прежде совершенно недоступных и для отечественных, и для зарубежных историков, был Й. Эберт, аспирант Берлинского университета им. Гумбольдта (в 1989 г. он защитил диссертацию «Между мифом и реальностью. Битва под Сталинградом в немецких документальных и литературных текстах»). Первая научная публикация эпистолярных документов была осуществлена в июне 1991 г. в сборнике материалов, подготовленном учеными Волгограда, Берлина, Мангейма и приуроченном к открытию в Берлине (район Кройцберг) экспозиции «Сталинград — письма из котла»¹⁵. Эберт, который был одним из основных организаторов выставки, воспроизвел и откомментировал (на страницах указанного сборника, а годом позже в книге «Сталинград — немецкая легенда») 25 текстов из коллекции волгоградского музея-панорамы.

В новой политической обстановке, когда в Германии шел активный процесс эрозии «образа врага», интерес общественности к выставке был столь велик, что ее оговоренный срок в Кройцберге был продлен, а в марте-июне 1993 г. экспозиция была развернута сначала в Майнце, а затем в берлинском районе Шпандау. Выставка стала событием, о котором подробно сообщали средства массовой информации.

Одновременно с открытием выставки в Кройцберге в дни, когда отмечалась полувековая годовщина нападения гитлеровской Германии на СССР, общественная организация «Мюльхаймская инициатива», действующая во имя примирения и сотрудничества народов наших стран (среди ее руководителей — проф. Х.-А. Якобсен), провела презентацию книги «Вырваться из этого безумия. Немецкие письма с Восточного фронта»¹⁶. Документы были извлечены из закрытых прежде фондов Особого архива (Москва), совместно изучены и опубликованы российскими архивистами Л. Головчанским, В. Осиповым, А. Прокопенко и немецкими историками У. Даниэль и Ю. Ройлекке — сотрудниками университета города Зиген (Северный Рейн-Вестфалия).

Около трети объема книги (67 писем из 200) составляет не доставленная адресатам корреспонденция из сталинградского окружения. «По моему мнению, — писал в предисловии к сборнику Вилли Брандт, — эти документы, именно в силу их индивидуального характера, представляют для ныне живущих запоздалую возможность извлечь уроки из опыта военного поколения, уроки того, как можно «привыкнуть» к войне, уроки того, во что превращает людей война». Немецкие публикаторы книги отмечают, что письма с Восточного фронта, эти «камешки мозаичной картины войны», резко «отличаются от прежних трактовок историков», «выпадают из общепринятых стандартов»¹⁷.

В течение 1991—1992 гг. в распоряжении исследователей оказался значительный массив извлеченных из российских архивов принципиально новых источников, свидетельствующих о «повседневности катастрофы» в сталинградском котле. К ним следует добавить аналогичные тексты, выявленные в ФРГ и бывшие до сих пор не востребованными: в Библиотеке современной истории в Штутгарте (коллекция Р. Штерца), в фондах Федерального военного архива во Фрайбурге и Главного архива земли Рейнланд — Пфальц в Кобленце. К сожалению, вне поля зрения германских ученых оказалась осуществленная в 1944 г. специалистами безупречная в археографическом отношении публикация переводов писем и дневников военнотружеников частей вермахта, окруженных под Сталинградом¹⁸.

Р. Пападопулос-Киллиус (Франкфурт-на-Майне) сопоставила содержание 192 писем, относящихся к последним неделям окружения. Она с полным основанием утверждает, что через призму эпистолярных источников «и через 50 лет все еще ощущается безвыходное положение, в котором оказались солдаты». В письмах, датированных первой половиной января 1943 г., главным становится мотив предчувствия смерти: «мы никогда уже не покинем Россию»; «каждый из нас здесь и погибнет»; «если из-за этого письма меня притянут к военному трибуналу и расстреляют, это будет для меня благом». «Читая потрясающие человеческие документы о преисподней Сталинграда, — указывает исследовательница, — мы не можем упускать из виду причинно-следственные связи. Речь идет о разочарованиях людей, которые несли другим смерть». В письмах нет признаков прямой оппозиции режиму, они, по оценке проф. У. Хойенкампа (Берлин), «не свидетельствуют ни о чувстве вины, ни о начальной фазе самообвинения». «Битва под Сталинградом, — считает Г. Юбершер, — стала символом не только сокрушительного поражения Германии на Восточном фронте, но и слепого послушания Гитлеру»¹⁹.

Но нараставшая день ото дня у солдат депрессия была предвестником серьезных перемен социально-психологического характера, что подтверждается опубликованными В. Ветте отчетами отдела военной цензуры, проверявшего корреспонденцию из сталинградского котла. В соответствии с директивой разведотдела Верховного командования вермахта на военную цензуру были возложены не только функции перлюстрации полевой почты, но и задачи подготовки строго доверительных докладов, по которым можно было воссоздать «нефальсифицированную картину настроений в армии».

В первом отчете (за 14—22 декабря 1942 г.) настроение солдат 6-й армии еще оценивалось как «спокойное на 90%», а их поведение как «в высшей степени дисциплинированное, хотя и с отдельными исключениями». Отмечалась всеобщая «готовность к жертвам во имя фюрера, народа и отечества». Жалобы солдат на холод, скверное снабжение и плохую организацию ухода за ранеными относилась к категории досадных недоразумений. Тональность второго отчета (за 22 декабря 1942 — 9 января 1943 г.) меняется весьма существенно. Настроение войск именуется уже «неизменно хорошим на 70%» и даже «героическим», но выдержки из писем, которые должны были стать основанием для этих выводов, служили, скорее, их опровержению: «если мы выйдем из котла, то все окажемся в лазарете»; «каждый из нас похож на свою смерть, остались только кожа да кости»; «надеюсь, я окончательно отморожу ноги и попаду в госпиталь». От внимания цензоров не ускользнуло то, что значительная часть вскрытой корреспонденции оказалась «фактически прощальными письмами». В третьем отчете, охватывающем период до 16 января (после этого дня воздушная перевозка почти прекратилась), достаточно откровенно сказано: у солдат «нет никаких надежд на освобождение, раздаются сомнения в том, есть ли еще выход»; «наступило всеобщее отупение, все думают только о еде»²⁰.

Содержание писем может служить одним из индикаторов медленно, подспудно развивавшихся сдвигов в сознании и подсознании немецкого общества. «Мы не часто спрашивали в Сталинграде о смысле событий, — свидетельствует В. Р. Байер, — мы не часто думали об этом. Все это пришло позднее». Но, убежден он, — пребывание в котле «сформировало нас и наше мировоззрение», «определило нашу жизнь, перевернуло ее», тот, кто был там, «стал другим человеком». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать». «И у тех, кто послушно участвовал в преступных акциях, потому что они должны были участвовать, возникла мысль: а не является ли ошибкой этот общественный порядок, если им порождено все происходящее?». Для простых солдат, продолжает Байер, для «фронтового быдла», Сталинград «означал требование мира». Существовал только один путь — «путь безусловного отказа от войны, от агрессии, от захвата чужих земель... Это была наша цель, даже тогда, когда мысль о ней скрывалась от самих себя. Но мысль возникала вновь и вновь»²¹.

Архивные разыскания, которые были осуществлены историком медицины В. Эккартом

рмансом, привели ученых к неопровержимому выводу, ломавшему традиционные воззрения: причиной гибели немецких войск под Сталинградом была «не героическая гибель в боях против превосходящих сил противника, но — жалкая голодная смерть». 6-я армия уже в октябре оказалась без собственных продуктовых ресурсов: командование рассчитывало исключительно на организованный грабеж захваченных российских территорий. После 19—23 ноября, когда замкнулось кольцо окружения, продовольствие перебрасывалось по воздуху, но обещанный Герингом авиационный мост действовать исправно не мог. В начале декабря ежедневная хлебная норма была уменьшена до 200, а к концу месяца до 50—100 граммов. В середине января солдатам перестали выдавать продовольствие. «Мимо этого факта,— подчеркивает Мюллер,— проходило большинство историков германо-советской войны». Автор не просто повествует о голодной смерти солдат в окружении, он ставит главный вопрос — об ответственности нацистской элиты за гибель солдат. 6-й армия, утверждает он, «стала жертвой той судьбы, которая была уготована советскому населению»²².

Противоречит ли реконструкция сталинградской катастрофы вермахта глазами «тех, кто был внизу», «традиционной» интерпретации военных событий «с точки зрения генерального штаба»? Возможно ли совмещение этих ракурсов? Современные немецкие историки отвечают на последний вопрос утвердительно. Ю. Фёрстер следующим образом излагает принципы, положенные в основу изданного им сборника: «Война, как ее видит простой человек, не противопоставляется взгляду на нее политиков и генералов, а делается попытка соединить историю «сверху» с историей «снизу»... «Классическая» история дипломатии и военная история выступают на равных правах с психолого-исторической интерпретацией писем из Сталинграда»²³. Этот синтез становится возможным при условии, если в центр исследования ставится проблема военной и политической ответственности за поражение 6-й армии.

Фрайбургский ученый Б. Вегнер (итоги его многолетних разысканий по сталинградской тематике опубликованы в 6 томе коллективного труда «Германский рейх и вторая мировая война») именуется авантюрой весь замысел наступления 1942 г. на Волгу и на Кавказ. Автор считает, что из-за действий немецкого верховного командования армия Паулюса «уже за несколько недель до ее окружения была армией, сражавшейся без надежды на успех». К аналогичному выводу приходит и М. Кериг. Рассматривая подготовку безответственной, по его мнению, операции по деблокированию окруженных войск, опираясь на данные личного фонда Паулюса в Федеральном военном архиве, на записи радиопереговоров между Манштейном и Паулюсом, Кериг указывает: при попытке прорыва из кольца «рассчитывать можно было только на чудо». Он аргументированно опровергает попытки Манштейна (предпринятые в мемуарах последнего) снять с себя ответственность за катастрофу²⁴.

Г. Юбершер впервые публикует полные тексты радиообменов между Верховным командованием вермахта и штабом Паулюса. Историк с полным основанием считает, что командующий армией, требуя «сражаться до последнего патрона» и гарантируя — вслед за Гитлером — спасение окруженных войск, был повинен в «обмане собственных солдат». Нацистские военачальники начали снимать с себя ответственность за поражение еще до завершения Сталинградской операции. В воспроизведенном Юбершером (также впервые) приказе Манштейна от 25 января 1943 г. содержится строгий запрет подчиненным «обсуждать причины краха 6-й армии». Дискуссии об этом «могут принести вред» и поэтому «не должны иметь места». Военнослужащим группы армий «Дон» категорически предписывалась «обязанность молчать» о причинах и обстоятельствах гибели своих товарищей²⁵.

Германская историография Сталинградской битвы, отмечает А. Людтке, отходит от односторонней ориентации на описание действий «собственной стороны», от трактовки 6-й армии «исключительно в качестве жертвы», с которой «снималась вина за участие в преступлениях». Немецкие ученые сделали первые шаги к постижению «действий и страданий советских солдат и гражданского населения», в изданиях последних лет дается объективная характеристика оборонительных и наступательных операций вооруженных сил СССР на различных этапах сражения в междуречье Волги и Дона. По мнению Г. Юбершера, «была продемонстрирована способность Красной Армии нанести вермахту поражение, обладая оперативным превосходством, умением вести операции на окружение и уничтожение противника». В июле-августе 1942 г., по словам Б. Вегнера, советские войска, несмотря на весьма значительные потери, выиграли «то, что в данной ситуации весило больше, чем кровь и сталь, — время». М. Кериг высоко оценивает результаты Котельниковской операции левого крыла Сталинградского фронта 12—30 декабря 1942 г., приведшей к срыву попытки деблокирования окруженной немецкой группировки. Характеризуя стратегические результаты

Сталинградского сражения, Э. Шварц (Бергиш-Гладбах) отмечает: «Общий итог военных действий зимы 1942—1943 г. был для немецкой стороны удручающим... Время побед прошло для вермахта навсегда. Впереди были только отступления. Инициатива на Восточном фронте Гитлером и его генералами была утрачена окончательно»²⁶.

Впервые взгляд «с того берега» обращен к духовному миру советских бойцов и командиров, оборонявших Сталинград и разгромивших у его стен войска вермахта. С. Арнольд (Билефельд) изучила неопубликованные письма защитников города, извлеченные из фондов музея-панорамы «Сталинградская битва», Центрального музея Вооруженных сил, бывшего архива ЦК ВЛКСМ. Исследовательница убеждена в том, что содержание красноармейских «треугольников» адекватно отражает «самосознание фронтовиков, в особенности, если сравнивать их с письмами немецких солдат». У советских бойцов «было гораздо больше причин сражаться, чем у немцев»: воины Красной Армии «защищали Родину, не желая отдавать свою землю захватчикам, творившим зверства на оккупированной территории», они «знали, кто виноват в их бедах, четко ощущали справедливость своей нравственной позиции». Надежды на возвращение домой, к мирной жизни неразрывно связывались у советских солдат и офицеров с перспективой разгрома гитлеровцев. Поэтому, подчеркивает С. Арнольд, становится понятным повсеместно встречающееся в письмах «сочетание нежности по отношению к семье и нескрываемых проклятий по отношению к немцам». Письма убедительно показывают, считает С. Арнольд, «какое облегчение ощутили солдаты Красной Армии, когда немецкие войска были окружены в районе Сталинграда... К чувству ненависти по отношению к немцам добавилась гордость победителей... Перелом в войне происходил в головах советских солдат, а войска противника одновременно все больше охватывала апатия»²⁷.

В. Ветте и Й. Эберт раскрывают механизм формирования и функционирования нацистского «мифа о Сталинграде». Во второй половине сентября 1942 г. пресса по прямой команде Геббельса провозгласила Сталинград символическим воплощением перспектив войны и самого существования третьего рейха. 8 ноября, выступая в Мюнхене, Гитлер торжественно заявил, будто бы Сталинград — за исключением «нескольких небольших островков» — взят немецкими войсками. Эта поспешная декларация, от которой уже трудно было отказаться, во многом предопределила содержание и тональность материалов прессы и радио в последующие недели и месяцы. В сводках Верховного командования говорилось «не о том, как происходили события, а о том, как они должны были выглядеть». Только через пять дней после окружения немецких войск в сводке ОКВ появилось сообщение о «прорыве оборонительного фронта на Дону». Слово «Сталинград» вплоть до середины января исчезло со страниц газет, термин «окружение» было запрещено употреблять. «В понимании военного и политического руководства, — замечает Эберт, — окружение вражеских войск оставалось прерогативой непобедимого германского вермахта». По радио и в прессе толковали об «оборонительных боях в районе Волги и Дона», о «фанатическом сопротивлении» немецких частей, о «невыносимости» русской зимы, о «впечатляющем численном перевесе» Красной Армии, о «последних резервах Сталина». 16 января в военной сводке было сказано об «оборонительных боях против сил противника, нападающих со всех сторон». Был признан, таким образом, сам факт окружения армии Паулюса, а немцам отводилась роль защищающейся от нападения стороны. «Эти словесные выверты, — указывает Ветте, — должны были предать забвению тот факт, что вермахт вторгся на несколько тысяч километров на территорию Советского Союза и, уничтожая все на своем пути, дошел до Сталинграда»²⁸.

30 января 1943 г., выступая в день десятой годовщины прихода нацистов к власти, Геринг говорил уже о «мертвых героях Сталинграда», о жертвах Нибелунгов и битве при Фермопилах. Высокопарные тирады в устах Геринга, еще несколько недель назад обещавшего окруженной армии «спасение по воздуху», произвели самое тягостное впечатление на слушавших его по радио солдат. Р. Оверманс приводит фрагмент из воспоминаний одного из немецких солдат: «Мы слушали у себя в подвале надгробную речь по нам самим, произносившуюся на далекой родине, — речь, в которой нас сравнивали с героями Спарты, а затем вычеркнули из числа живых». 3 февраля, проводя по поручению Геббельса очередной инструктаж редакторов газет, Дитрих (статс-секретарь в министерстве пропаганды, обергруппенфюрер СС) потребовал от подчиненных трансформировать национальную катастрофу в «самую героическую песнь германской истории». В речи Геббельса 18 января память о павших солдатах послужила лишь поводом для патетических призывов к «тотальной войне». Тема Сталинграда, констатирует Ветте, была уже «пропагандистски отработана». Новый мотив фашистской пропаганды (столь существенный для последующих лет): после Сталинграда Германия «защищает Европу и европейскую культуру». Так происходила, пишет

Б. Рузинек (Дюссельдорф), «трансформация агрессивного национал-социалистического расизма в оборонительную концепцию спасения Европы от большевизма». Нацистская пресса и радио утверждали, что все военнослужащие 6-й армии погибли, сражаясь «до последнего патрона». Скрывались данные о пленении Паулюса и других генералов. Как сообщает Ветте, был издан строжайший приказ не доставлять семьям в немецком тылу письма из советского плена, изредка прорывавшиеся через Международный Красный крест. По недосмотру цензуры письмо военнопленного генерал-полковника Хайтца было вручено его родным, но им категорически запретили упоминать об этом, а о пребывавших в сталинградском котле сказали: «Они должны быть мертвыми. Таково указание сверху»²⁹.

Вопреки усилиям Геббельса и его подручных, результатом сталинградской катастрофы оказались начинавшиеся серьезные сдвиги в сознании и подсознании немецкого общества. Существо этих сдвигов профессор М. Бросат, один из крупнейших специалистов по истории третьего рейха, определил следующим образом: «внутренний отход широких кругов немецкого общества от идеологии национал-социализма»³⁰.

Сотрудник Федерального архива в Кобленце Х. Боберах, на основе подготовленной им многотомной публикации секретных донесений СД, пишет в статье об осведомительной службе СД, что на нее работало 30 тысяч агентов, подчинявшихся 36 управлениям и 515 территориальным отделам. В конце августа 1942 г., докладывала агентура, бои за Сталинград находились в фокусе внимания большинства немцев, рассматривавших ожидаемое скорое падение города в качестве «решающего поворота» в войне. Но общая оптимистическая картина была заметно подпорчена тем обстоятельством, что определенная часть населения трактовала «поворот» как «прекращение похода на Восток», а некоторые полагали, что силы русских «все еще не ослаблены». Согласно данным, поступившим в начале ноября, «название города» уже действовало «подобно кошмару». Из обзора от 26 ноября явствовало, что нацистской пропаганде не удалось скрыть факт окружения 6-й армии³¹.

Если настроение немцев оценивалось в начале января 1943 г. как «удовлетворительное», то чрезвычайно быстро наступила очередь иных формулировок: «скептически-выжидательное состояние», «весь народ в высшей степени взбудоражен», «глубокое потрясение», «четко выраженное уныние», «пораженческие настроения», «усталость от войны, нарастающая от недели к неделе». Отмечалось нараставшее недоверие к официальным источникам информации, обвиняемым в «губительном обмане». Немцы, с тревогой докладывали осведомители, вновь ежевечерне слушают иностранное радио, прежде всего московскую станцию, которая передает на немецком языке списки солдат и офицеров, взятых в плен под Сталинградом. И. Шодрински (Центр исследований по проблемам национал-социализма, Гамбург) указывает на неоднородность и неоднозначность реакции различных групп немецкого населения на агонию 6-й армии. Доминантами взбудораженного общественного сознания, по оценкам исследователя, являлись (в том числе и у сторонников режима) «сомнение и скепсис», «ощущение тревоги и неуверенности», особенно «страх перед отмщением со стороны противника». В умах немцев сочетались «нацистский миф о Сталинграде и стремление к миру». Военная катастрофа в далекой России привела к «кризису сознания», росту «принципиального недоверия по отношению к нацистской партии». Однако большинство населения, считает Ветте, продолжало «активно поддерживать диктаторский и милитаристский режим или же терпело его существование». Призывы немногочисленных и разрозненных групп Сопротивления не находили отклика, осталась в изоляции и была уничтожена героическая группа мюнхенской молодежи «Белая роза», пытавшаяся побудить немцев извлечь политические уроки из сталинградской трагедии³².

Уцелевшие офицеры и солдаты 6-й армии стали ядром антифашистских групп в советском плену. Генерал-майор О. Корфес говорил позднее: «Движение «Свободная Германия» возникло из кошмаров Сталинграда». В современной немецкой историографии на смену предвзятому отношению к «Свободной Германии» приходит объективный подход к людям, для которых, считает А. Фишер (Бонн), «Сталинград стал символом предостережения», которые поняли, что «все происходившее на берегах Волги предвещало политическую и моральную катастрофу нацистского режима»³³.

Для наметившейся перспективы диалога и сотрудничества российских и германских историков немалое значение имеют недавно появившиеся в ФРГ взвешенные, квалифицированные характеристики советской историографии Сталинградской битвы. Х. Гирц (Потсдам) высоко оценивает некоторые работы прошлых лет, в том числе коллективный труд под редакцией Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, известное исследование А. М. Самсонова, биографию Паулюса, опубликованную А. С. Бланком и Б. Л. Хавкиным. Немецкий историк одновременно подвергает критике появившийся, в частности,

на страницах 5-го тома «Истории второй мировой войны» возврат к объяснениям, «в соответствии с которыми высшее советское руководство всегда или почти всегда занимало правильную позицию». Гирц считает, что наши военные историки до сих пор обходят проблему цены победы под Сталинградом. А между тем, пишет он, «масштабы собственных потерь — это важный, но мало принимаемый в расчет критерий качества военного руководства и его искусства». В публикации С. Арнольд, как и в статье Гирца, содержится критика установок ряда широко известных у нас «многотомных трудов, которые переписывались в зависимости от политической погоды». Но в ее статье есть и своевременное, как нам представляется, предостережение от иной опасности в трактовке Великой Отечественной войны — опасности «весьма субъективных интерпретаций», проникнутых не тяготением к истине, а преимущественно или только «ненавистью к коммунистической системе»³⁴. Время покажет, сумеем ли мы осознать и преодолеть этот соблазн, а пока мы с горечью вынуждены признать: в нашей стране, одержавшей победу под Сталинградом, не вышло в последние годы (в отличие от ФРГ) ни одного обстоятельного труда об этом эпохальном событии XX века.

Современные германские исследователи сражения на Волге справедливо полагают, что в их работах «нет окончательных ответов» на поставленные вопросы, что задача написания «критико-аналитической истории» великого события войны все еще впереди.

Существует ли, — спрашивают Г. Юбершер и В. Ветте, — база для совместного с российскими авторами изучения Сталинградской битвы, если «для каждого из бойцов Красной Армии она была частью справедливой, оборонительной войны, а для немцев — вопреки пропагандистскому туману — эпизодом захватнической, преступной истребительной войны» и если «за прошедшие 50 лет ничего не изменилось»?³⁵. Такая основа существует, это — восприятие войны как трагедии обоих народов, это — стремление восстановить правду о войне, какой бы горькой она ни была.

Примечания

1. SOWI (Sozialwissenschaftliche Informationen), 1993, Hf. 1, S. 2.
2. Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M. 1992; Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. München. 1992. Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М. 1994; Stalingrad — eine deutsche Legende. Reinbek. 1992.
3. MANSTEIN E. v. Verlorene Siege. Frankfurt a. M. 1955; Stalingrad. Mythos... S. 207, 210.
4. WIEDER J. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. München. 1962. Русский перевод: ВИДЕР И. Катастрофа на Волге. М. 1965, с. 160, 326—327.
5. Там же, с. 147, 218.
6. WIEDER J. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. München. 1993, S. 8.
7. JACOBSEN H.-A. Zur Schlacht von Stalingrad — 20 Jahre danach // Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift, 1963, Hf. 2, S. 63—69.
8. БЁЛЛЬ Г. Способность скорбеть // Новое время, 1988, № 24, с. 37.
9. BEYER W. R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M. 1987, S. 59.
10. Ibid., S. 9, 12, 28, 34, 46.
11. Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh. 1954.
12. BEYER W. R. Op. cit., S. 64—66; Stalingrad. Mythos..., S. 91, 194.
13. Stalingrad. Mythos..., S. 209.
14. Сообщено автору главным хранителем фондов Государственного музея-панорамы «Сталинградская битва» Л. Ф. Петровой (письмо Л. Ф. Петровой от 25 января 1993 г. хранится в архиве автора).
15. Materialien zur Ausstellung «Stalingrad — Briefe aus dem Kessel» vom 20. Juni — 4. August 1991 im Kunstamt Kreuzberg. Brl. 1991.
16. Ich will raus aus diesem Wahnsinn. Deutsche Briefe von der Ostfront 1941—1945. Wuppertal. 1991.
17. Ibid., S. 8, 301, 313.
18. Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М. 1944.
19. Materialien zur Ausstellung..., S. 11; Stalingrad. Mythos..., S. 42, 155—159.
20. Stalingrad. Mythos..., S. 92—101.
21. BEYER W. R. Op. cit., S. 10, 12—13, 23, 40, 59.
22. Stalingrad. Mythos..., S. 131, 145.
23. Сталинград, Событие..., с. 9—10.
24. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart. 1990; Сталинград, Событие..., с. 21, 33, 86, 101, 105—106.
25. Stalingrad. Mythos..., S. 34—35.

26. SOWI. 1993, Hf. 1, S. 2; Stalingrad. Mythos..., S. 39; Сталинград. Событие..., с. 30, 101—102, 135.
27. SOWI. 1993, Hf. 1, S. 7—11.
28. Stalingrad — eine deutsche Legende, S. 7, 21; Stalingrad. Mythos..., S. 48.
29. Сталинград. Событие..., с. 451—452; Stalingrad. Mythos..., S. 57, 59; SOWI. 1993, Hf. 1, S. 33.
30. Von Stalingrad zur Nahrungsreform. München. 1988, S. XXV.
31. Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 1—18. Hersching. 1984.
32. Stalingrad. Mythos..., S. 45, 61—66; SOWI. 1993, H. 1, S. 23—29; Stalingrad — eine deutsche Legende, S. 189.
33. Stalingrad. Mythos..., S. 40; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.1.1993.
34. Великая победа на Волге. М. 1965; САМСОНОВ А. М. Сталинградская битва. М. 1960, 1989; БЛАНК А., ХАВКИН Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. М. 1975; Stalingrad. Mythos..., S. 214—220; SOWI. 1993, Hf. 1, S. 5.
35. Stalingrad. Mythos..., S. 14.

J. HÖSLER. *Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie — und Organisationsgeschichte.* Verlag Otto Sagner. München. 1995. 359 S.

Й. ХЕСЛЕР. Советская историческая наука. 1953—1991.

Российские историки не могут пожаловаться на невнимание зарубежного ученого мира. Не только в крупных, но и в малых странах вышли книги, посвященные как советской историографии в целом, так и ее послевоенному периоду, отдельным отраслям и выдающимся представителям. В 1994 г. австралиец Р. Марквик защитил диссертацию о советских историках-«ревизионистах» 1956-74 годов. В 1995 г. итальянская русистка Дж. Лами выпустила книжку о духовной перестройке российской интеллигенции и ее спорах о судьбах России¹. Влияние марксизма на советскую историографию обсуждалось в историографической комиссии на всемирном конгрессе историков в Монреале, причем один доклад был посвящен журналу «Вопросы истории». Доклад, сам по себе мало примечательный, был сделан молодым немцем, и это не случайно. Именно немецкие историки первенствуют в зарубежной Европе в изучении советской историографии. Тут сказались разные причины. Германия имеет самую давнюю традицию изучения России; восточная ее треть почти полвека жила под прямым и сильным влиянием СССР; историки ГДР поначалу учились у своих российских коллег, а затем и охотно популяризовали на Западе советскую науку (журнал «Sowjetwissenschaft»!). В ответ и в противовес марксистам «зоны» власти ФРГ не жалели средства на развитие «остфоршунга», с неменьшей заинтересованностью к восточному соседу Германии.

Не удивительно, что на послевоенном книжном рынке Германии появлялись книги о М. Н. Покровском, Е. В. Тарле, А. С. Ерусалимском, об изучении всеобщей истории в России / СССР. В обеих частях разделенной страны выросли и состарились знатоки советской историографии; в нескольких немецких университетах издаются серии трудов по истории Восточной Европы, включая Россию, Укра-

ину, Белоруссию. Одним из таких центров является западногерманский университетский город Марбург. В российской культурной традиции он связан с годами учения М. Ломоносова и Б. Пастернака, с марбургской школой неокантианцев, передавших эстафету так называемой невеликой школе ранних советских философов, откуда вышел М. М. Бахтин. Там, в Марбурге, и защищена рецензируемая книга Йоахима Хеслера как докторская диссертация в русском понимании (немецкая диссертация Б.). Автор ее дважды стажировался в 90-х годах на кафедре историографии и источниковедения МГУ под руководством Ю. А. Мошкова. Пребывание в Москве в ее «минуты роковые» оставило след в душе Хеслера, проникшегося глубокой симпатией к предмету исследования. Хеслер открыто берет сторону советских (точнее московских) поборников самостоятельной марксистской истории, не зависящей от политической конъюнктуры и считающей себя равной, а не подчиненной истмату. Вместе с тем не скрывает своей приверженности к западногерманской левой «социальной истории».

Важным преимуществом Хеслера перед его западными и при том самыми сильными предшественниками (например, Н. Хеер в США или Р. У. Дэвис в Англии) состоит в привлечении советских архивных фондов к историографическому исследованию, в том числе из Центра хранения современной документации, т. е. материалов отделов ЦК КПСС за послесталинские 50-е и отчасти за 60-е годы. Получил он доступ и к находящемуся в частном владении фонду Сектора методологии Института истории, не преминул проинтервьюировать видных ученых и политиков, которые порой были с ним более откровенны, чем с земляками. Проработан обширный печатный материал. Книга может служить ценным справочником — особенно

за пределами России — по организации и руководящим кадрам советской исторической науки.

Насчитав 11 различных дефиниций понятия «историография», автор выбрал, следуя, между прочим, виднейшему методологу бывшей ГДР В. Кюттлеру, понимание этой дисциплины как истории смены методологических основ исторической науки. Этот процесс автор изучает на советском материале и полагает, что делает это впервые. Тут я должен немного огорчить немецкого историка. Хеслер не знает моей книги, написанной еще в Москве, в пору «отказа», но изданной в Осло на малодоступном новонорвежском языке². Мои и Хеслера выводы весьма сходны. Прослеживая борьбу науки с партийным диктатом, «ревизионистов» и «сталинистов», Хеслер выходит за рамки теории и методологии, но исследует также их применение к изучению истории советского общества (главным образом ранней) и советской историографии. Более подробно и основательнее, чем я, освещает он общее состояние исторической науки в СССР в отдельные периоды (периодизация в обеих книгах совпадает), а также организационную, «институциональную» сторону дела. Пытается Хеслер, в частности подвести итоги и перестроенного периода. Хеслер, однако, обходит вопрос об участии советских философов в развитии исторической науки.

Первые две — вводные — главы раскрывают задачи автора, знакомят с периодизацией и организацией советской исторической науки. В центре более обширной третьей главы, посвященной годам «бури и натиска» — 1953—1960, находится журнал «Вопросы истории» с его новой редколлегией³. Следующая, столь же крупная глава трактует 60-е годы как «пору профессионализации и диссидентства». Русский читатель легко поймет ошибочность такого обозначения: о профессионализации исторического знания говорить вообще поздно, новаторы же в историческом цехе 60-х годов отнюдь не были диссидентами, во всяком случае, сотрудники Института истории АН СССР, о которых больше всего пишет автор. Однако суть теоретического вклада «шестидесятников» схвачена Хеслером верно (с учетом его самоограничения, о котором чуть ниже). Пятая глава — «Под знаком рутины и отставания» — посвящена бесплодной, с точки зрения Хеслера, 15-летней цезуре. Кульминационная стостраничная последняя глава о 1987—1991 гг. удачно названа «Подъем — перелом — слом».

Резюмируя содержание работы, автор подчеркивает, что цепь поражений советской науки в борьбе с партийным диктатом увенчалась в конце концов победой науки, но сама эта победа есть лишь необходимое условие для коренного обновления теоретико-методологического фундамента послесоветской исторической науки, которое приходится осуществлять в весьма тяжелых условиях (с. 301—302).

Не фиксируя внимание на немногих фактических ошибках, укажу на существенные упущения автора. Главное из них роднит Хеслера с большинством западных авторов, пишущих не только о советской исторической науке, но и о науке других социалистических (в прошлом) стран. Подобно вышеназванным Хеер и Дэвису, а также финскому исследователю исторической науки в расколотой в 1945 г. Германии⁴, Хеслер ограничился политически важнейшими, злободневными разделами советской историографии в основном по периоду, начинающемуся 1917 годом, который как раз пострадал больше всего от политического диктата и контроля. В области же новейшей истории автор начисто (если не считать книги А. М. Некрича «22 июня 1941 г.») отвлекается от изучения истории Запада и бурно развивавшегося после 1953 г. советского востоковедения. Такое самоограничение автора имело свои основания, но Хеслер явно не продумал «цену» своего решения и, в отличие от названного финляндского историка, даже не предупредил о нем читателя.

Другое упущение автор разделяет со своим рецензентом: оба проглядели рождение и успехи советской семиотики (тартуско-московской школы), т. е. по сути дела немарксистской культурологии, которую не пресек и консервативный идеологический поворот на рубеже 70-х годов⁵. Хеслер прошел и мимо новой советской медиевистики 70-х годов, воспринявшей уроки школы «Анналов» (А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный), и трудов Л. М. Баткина. Порой «сбора урожая» были 70-е годы и в плане советской теории исторического познания — марксистской, но в известной мере внеистматовской. Никогда ни до ни после не издавалось в Союзе столько трудов на эту тему, не в последнюю очередь работ М. А. Барга и Е. Б. Черняка. Зачарованный своим главным устным информантом С. С. Неретиной, Хеслер игнорирует и философско-исторический семинар А. В. Гулыги (кроме печатных трудов этого семинара 1969 г.), и Сектор общих проблем всемирно-исторического процесса в Институте всеобщей истории, пришедший на смену Сектору методологии во главе с М. Я. Гефтером. Для Хеслера вслед за Неретиной вся теоретическая работа историков, не говоря уж о философах, оборвалась с опалой Гефтера⁶.

Профессиональный уровень историко-методологических работ 70-х годов был во всяком случае не ниже сборников Сектора методологии 60-х годов. Однако, высокая эрудиция и ясная мысль Барга и Черняка, если не обесценивалась, то существенно умахалась их верноподданическим марксистско-ленинским кредо. Пафос, критический запал историков-теоретиков 60-х годов, был нацелен на отечественных догматиков, преследовал цель обновления марксистской теории формаций и в особенности — нашего понимания истории XX столетия, ее дальнейшей «десталинизации». Теоретики же 70-х годов боролись прежде

всего с пресловутой «буржуазной идеологией» или с «ревизионизмом», т. е. с западным творческим марксизмом.

Есть в чем упрекнуть автора по части упущений и в рамках избранной им советской тематики. Вне поля его зрения оказалась закулисная кампания против ресталинизации, проходившая при прямом участии парткома Института истории, то есть как раз тех, ныне широко и заслуженно известных историков, которых сам Хеслер знает и читает: В. П. Данилова, П. В. Волобуева, К. Н. Тарновского, Я. С. Драбкина и др. Автор справедливо считает разделение Института истории в 1968 г. на две части поражением прогрессистов. Хеслер, однако, не знает или, возможно, недооценивает тот факт, что усилиями столичных историков-партийцев и их единомышленников в аппарате ЦК был снят с поста секретаря МГК по идеологии мракобес Ягодкин. Вообще ходячее противопоставление просвещенной «науки» и невежественной «власти» (например, с. 295) уже не вполне соответствовало действительности в брежневское время. Воспоминания академика-аппаратчика Г. А. Арбатова и особенно бывшего заместителя заведующего Международным отделом ЦК, историка по профессии А. С. Черняева, а также публикация А. А. Курносова из архива ЦК⁷ убеждают в том, что идейное противостояние не миновало и самой Старой площади («многоподъездная система!»). Ответственные работники аппарата ЦК, не исключая даже зловещего Трапезникова, одергивали порой зарвавшиеся сталинские «низы» (в том же Институте всеобщей истории). В недрах Международного отдела и Отдела социалистических стран зрело понимание необходимости модернизации общественных наук, не исключая истории.

Много внимания уделил автор — и совершенно справедливо — статьям таких историков-теоретиков, как Барг и Гуревич. Он, однако, не заметил, что они отнюдь не были единомышленниками. Своеобразный советский «спор о методе» (по аналогии со спором немецким вокруг К. Лампрехта в конце прошлого века) разделил в 60-х годах сторонников единой общенаучной методологии (Барг и др.) и поборников качественного своеобразия гуманитарного знания — Гуревича, Гулыгу. Эти группы можно уподобить англо-американским «ассимиляционистам» и «автономистам» 1930-х годов⁸. Первые, естественно, тяготели к сциентистскому структурализму на Западе, вторые же — к герменевтике. В 70-х годах «сциентисты» — в сущности ортодоксальные марксисты-ленинцы — были взяты под за-

щиту Е. М. Жуковым и трудились в его секторе. «Автономисты» же, опальные, но публикуемые, исподволь сменив «парадигму» на рубеже 70-х годов, снискали заслуженную популярность у фрондирующей интеллигенции. Так готовилось и распределение лавров перестроечной поры. Для ортодоксов марксизм из спасательного круга вскоре обернулся гирями, обузой. Адепты же герменевтики, школы «Анналов» подняли знамя обновления, возглавляемые историографом и политиком-демократом Ю. Н. Афанасьевым, сумевшим во-время отряхнуть марксистско-ленинский прах со своих ног.

Пусть не все из указанного в рецензии увидел немецкий исследователь. Сделанного им с лихвой хватает не только на докторскую степень, но и позволяет ему занять одно из ведущих мест в западной советологии, а также рассчитывать на признательность российских историков.

А. С. КАН

Примечания

1. MARKVIK R. D. Resurgent Intelligentsia: The Politics of Revisionist Historiography in the Soviet Union, 1956-74. Ph. D. Thesis. University of Sidney. 1994; LAMI G. Perestrojka il vecchio e il nuovo tra gli intellettuali russi. Milano. 1995.
2. KAN A. I pavente av friggjoringa. Sovjetisk historieteori mellom Stalin og Gorbatsjov. Oslo. 1988. Рец.: History and Theory, 1989, № 3, Soviet Studies, 1989, № 3, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1990, № 1.
3. Досадно, однако, что Хеслер упустил из виду статью покойного Е. Н. Городецкого и опубликованный им доклад Э. Н. Бурджалова 1956 года. — Вопросы истории, 1989, № 9, 11.
4. HENTILÄ S. Jaettu Saksa, jaettu historia. Kulmä historiasota 1945—1990. SHS. Helsinki. 1994.
5. KAN A. Neue theoretische Ansätze der sowjetischen Historiker (eine Skizze). In: The Soviet System and Historiography, 1917—1989. The Influence of Marxism-Leninism on the Historical Sciences. Budapest. 1995.
6. Ср. НЕРЕТИНА С. С. История с методологией истории. — Вопросы философии, 1990, № 9.
7. КУРНОСОВ А. А. За кулисами. По материалам Центра хранения современной документации. — Полис, 1995, № 2.
8. BREISACH E. Historiography, Ancient, Medieval and Modern. 1983, p. 330—332.

Книга доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Института социологии РАН В. З. Роговина продолжает его исследования по истории внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Как и две предыдущие книги («Была ли альтернатива?», «Троцкизм»: взгляд через годы» и «Власть и оппозиция»), этот труд освещает историю внутрипартийной борьбы в ВКП(б) и международном коммунистическом движении. Сквозь призму этой борьбы рассматриваются важнейшие исторические события в период, отделяющий завершение насильственной коллективизации от наступления Большого террора.

Основной тезис книги состоит в том, что ленинизм резко отличается от сталинизма. Последний же является результатом по сути антибольшевистского переворота. Автор на многочисленных примерах показал это. Это не значит, что большевизм нельзя критиковать: надо просто объективно оценить и то и другое течение — большевизм и сталинизм. Когда Виктор Некрасов в 1973 году выступал в парижском Институте восточных языков, я задал ему вопрос: «Существует ли последовательность — от Ленина до Сталина?» Он ответил: «Рекомендую Вам читать Солженицына... Ленин начал, Сталин продолжал по-своему». Но именно это «по-своему» все меняет. Надо упрекать Ленина за то, что он сделал, а не за то, что его «наследники» действовали много хуже. Приведу пример из французской истории: во Франции в конце XIX века в касте офицеров царил страшный антисемитизм. Как известно, капитан Дрейфус стал жертвой этого антисемитизма. Но из этого не следует, что французская армия того времени является предшественником нацистской политки уничтожения евреев.

Ленинизм и сталинизм не просто различались между собою, они располагались в разных мирах. Это понимали в 30-е годы два великих русских мыслителя, Н. А. Бердяев и Г. П. Федотов, которых Роговин обильно цитирует. К сожалению, на Западе плохо знают Федотова, которого даже такие крупные специалисты, как А. Некрич и М. Геллер цитируют в своей книге «Утопия у власти. История СССР с 1917 года до наших дней» только один раз. Роговин показывает, что на самом деле Бердяев и Федотов во многом правильно понимали развитие советской системы, хотя и исходили из совсем другой точки зрения, нежели Троцкий. Явная симпатия Роговина к идеям Троцкого не мешает ему отдать должное этим двум выдающимся представителям русской эмиграции, которые отличались «стремлением к честному духовному поиску» (с. 326). Возвращение этих крупных фигур в русскую историографию — большая заслуга Роговина.

Читатель ознакомится с такими яркими фигурами, как жертва Гулага оппозиционерка Т. И. Мягкова или «рабочий Таров». Последний, бывший

офицер Красной Армии (настоящее его имя Армен Тавтян), после невероятного побега из СССР приехал в Париж, где во время немецкой оккупации участвовал в Сопротивлении, как и многие другие русские эмигранты: М. Вега, Б. Вилде, А. Левицкий, Д. Лифшиц и другие. Он был расстрелян нацистами вместе с группой своих товарищей.

В книге есть спорные места. Зачем два раза одобрительно цитировать П. Тольятти, который свирепствовал в Испании против троцкистов и против всех антисталинистов вообще? Почему ни разу не упоминается Е. С. Варга, который в течение двадцати лет был официальным сталинским экономистом?

Удивляет ссылка на «Окаянные дни» И. А. Бунина в 23-й главе, где речь идет об оценке сталинского террора русской эмиграцией. Бунин писал о «свирепой жажде гибели» большевиков в 1919 году. Сомнительно, чтобы в 1935 г. он по-прежнему руководствовался этой страстью (см. с. 142). В 30-е годы, насколько я знаю, Бунин не проявлял никакой радости по поводу истребления большевиков Сталиным. Кроме того, Бунин не был политиком, так что нельзя его цитировать как представителя какого-нибудь эмигрантского течения. Вообще, надо отметить, что большинство русских эмигрантов с негодованием встретило сталинский террор. Одним из ярких свидетельств этого являются воспоминания Н. Берберовой. Русские эмигранты вели себя гораздо честнее многих западных деятелей культуры. Роговин справедливо пишет в главе «Сталинизм и общественное мнение на Западе» о «позорном молчании западной интеллигенции» (с. 318). Но молчать — еще полбеды. Даже в 1952 г. Ж. П. Сартр (один из властителей дум моего поколения) писал о Н. И. Бухарине, как об изменнике и враге народа, солидаризируясь со сталинистами. Сартр утверждал, что «Бухарин — конспиратор и изменник, который униженно признался в своей измене революции, гнилой член революционного коллектива».

Интересные страницы посвящены Андре Жиду, которого автор характеризует как одного из наиболее пронзительных оппонентов сталинизма. Еще в 1932 г. Жид записывал в дневнике: «Страшное расстройство после чтения троцкистских манифестов, переданных Пьером Навиллем. Но несмотря на правдивость некоторых критических замечаний, мне кажется, что нет ничего вреднее партийных разногласий».

В целом же книга Роговина отличается глубиной анализа, широтой взглядов, научным подходом.

М. ЛЕ ГЕВЕЛЬ

История автомобильного транспорта России до 1917 г. НИИАТ. М. 1944, 495 с.

В рецензируемую работу вошли авторский текст, подборка документов и библиографический указатель.

Болезненная проблема тех или иных приоритетов отечественной науки и техники негативно сказалась и на исследованиях истории автомобильного транспорта. В ряде случаев оказались вычеркнутыми и забытыми люди, события, даты, относящиеся к истокам российского автомобилизма. Более того, до недавнего времени многие авторы уверенно заявляли, что до 1917 г. автомобильного транспорта в России практически не существовало и только Русско-Балтийский завод выпустил небольшое число легковых автомобилей. Данное утверждение не имеет ничего общего с действительностью. В России работали автомобильные предприятия П. А. Фрезе, П. П. Ильина, И. П. Пузырева, «Дукс» (Ю. А. Меллера), Г. А. Лесснера, В. А. Лебедева, «А.М.О.», «Аксай». К тому же Россия была крупным импортером автомобилей. Характерно, что первые четыре международные автомобильные выставки состоялись именно в России.

Авторы и составители восстанавливают ряд незаслуженно забытых славных имен отечественных автомобилистов. Как ни печально сознавать, отрицательную роль сыграл акад. Е. А. Чудаков, обобщивший в своем основном труде «Теория автомобиля» исследования многих соотечественников, использовавший их многочисленные публикации, но ни разу на них не сославшийся.

Очень важны включенные в книгу документы, в том числе и впервые публикуемые, архивные. Приводится действовавшее на протяжении тринадцати лет первое постановление министра путей сообщений от 11 сентября 1896 г. о порядке и условиях перевозки тяжестей и пассажиров по шоссе ведомства путей сообщений в «самодвижущихся экипажах», а также технические правила движения автомобилей с учетом их конструкции и особенностей езды (1909 г.). Интересны обязательные постановления городских дум столицы об автомобильном грузовом и пассажирском движении, об эксплуатации таксомоторов и автомобильно-извозном промысле, принятые в 1900—1915 годах. Эти документы обогащают наши представления об отношениях рядовых граждан с городскими властями.

Тема автомобилизации русской армии представлена серией документов. В их числе рапорт командующего Иркутским военным округом А. Селиванова о возможности использования автомобилей в условиях Забайкалья (1910 г.), письма начальников управлений военного министерства и Генерального штаба относительно мобилизационных возможностей автомобилей: использования грузовиков для нужд крепостной артиллерии и пе-

реброски войск, организации специализированных автоперевозок, оснащения автотранспортом первых отечественных военных радиотелефонных станций. Опубликовано высочайшее повеление «Об утверждении положения о военно-автомобильной повинности» (19 июля 1914 г.). О том, что военное командование тесно сотрудничало с Российским автомобильным обществом, свидетельствуют письмо вице-президента этого общества В. В. Свечина о перспективах создания Всероссийской добровольной автомобильной дружины, рапорт командира учебной автомобильной роты П. Секретева об автопробеге 1912 года. Характеристику, данную военным министром А. А. Поливановым Секретеву как командиру автороты, дополняет объяснительная записка последнего о состоянии и подготовке автомобильного имущества в 1916 г. на английских заводах, осуществленной комиссией под его руководством. Здесь был бы не лишним комментарий о личности содействовавшего работе данной комиссии великого князя Михаила Михайловича и об обстоятельствах его вынужденного пребывания в Англии.

Завершают документальный раздел составленные по архивным и статистическим источникам список курсов по подготовке шоферов, сведения о количестве автомобилей по губерниям, ввозе их в Россию, количестве машин, приобретенных военным ведомством.

Обширный библиографический указатель содержит 791 наименование книг и законодательных актов, а вместе с журнальными статьями — 5097 номеров. Он составлен на основании просмотра значительного массива периодических изданий за 1885—1917 годы. Добрую услугу окажут историку, краеведу, любителю автомобильной старины вспомогательные указатели: именной, географический, а также организаций, фирм и предприятий.

Вступительная статья к разделу «Место библиографии в изучении истории автомобильного транспорта дореволюционной России» ставит ряд существенных методологических проблем, в том числе и о библиографии как особой исторической дисциплине, а также об исследованиях библиографических источников в рамках особого раздела исторического источниковедения. Такие попытки уже имели место (А. П. Кулаков, Н. В. Здобнов и др.). Поддерживаю мысль составителей книги о том, что библиографические материалы и пособия играют все более значительную роль в исторической науке.

Книга, вышедшая в прямой связи со 100-летием отечественного автомобильного транспорта, заинтересует широкие круги читателей — и в столицах, и на периферии. Материалы, содержащиеся в этом издании убеждают в том, что русская техническая, и в частности, автомобильная мысль

уже в самом начале своего развития вполне соответствовала мировому уровню. Появление автомобиля — нового вида транспорта — воспринималось в те годы как новинка и в технике, и в образе жизни. Ощущение специфичности автомобильной эпохи сохранялось на всем ее протяжении. Автомобиль занял важное место в массовом сознании россиян.

Продолжение исследования истории автомобильного транспорта нашей страны в послереволюционный период, годы нэпа, довоенных пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенное время позволит более масштабно и целостно осмыслить всю вековую историю отечественного автомобильного транспорта

А. А. ДОРОФЕЮК

Ю. М. КОБИЩАНОВ. *Полюдьё: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций.* М. Российская политическая энциклопедия. 1995. 320 с.

Древнерусское слово «полюдьё» буквально означает хождение по людям. Так в Киевской Руси именовался осенне-зимний, после сбора урожая, объезд князем с дружиной подвластных ему земель для сбора дани и взимания штрафов с насельников. Так же была названа и сама дань. Позже полюдьём именовали в Западной и Северной Руси фиксированные подношения подданных разъезжавшему по своим волостям феодалу. Однако автор книги, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН Ю. М. Кобищанов использует этот термин не только традиционно, но и расширительно, что связано с его главной теоретической посылкой. Разрабатывая концепцию «большой феодалной формации» и проводя ее через серию своих исследований¹, Кобищанов, сохраняющий древнерусское слово не в силу отечественной приоритетности, а просто для удобства обобщения, рассматривает полюдьё как типичную раннефеодалную форму отчуждения прибавочного продукта. «Географический диапазон полюдьё,— пишет автор,— широк, он охватывает большую часть средневековой Европы, Кавказ, степной пояс Евразии, Сибирь, Древнюю Переднюю Азию, Северную и Северо-Восточную Африку, большую часть Тропической Африки, Мадагаскар, Полинезию и Микронезию в Океании, Южную и Юго-Восточную Азию, а также, вероятно, Древний Китай и раннесредневековую Японию» (с. 3). На основе изучения многочисленных источников и использования обильной литературы он характеризует «полюдные» обычаи у примерно 100 обществ и наделяет полюдьё функциями не только экономическими (поступление ренты) и политическими (подчиненность), но также социальными, судебными, религиозными и ритуально-символическими. В целом полюдьё оценивается им как всемирно-историческое явление. На такую роль полюдьё указывал ряд ученых еще и до Кобищанова. Однако лишь он представил доказательные материалы в столь широком пространственном и временном диапазоне — от древности до нового времени.

В книге подробно описаны многовариантные

местные разновидности полюдьё в их историческом развитии: древнеегипетские подати в пользу «спутников бога Хора», дань «царскому сыну Куша» в древней Нубии, ритуальные приношения царю в Митанни, регулярные пиры в честь правителя у хеттов, угощения при 40-дневных объездах скифскими вождями их владений, обрядовая ашвамедха ради повелителя при ритуальном шествии священного коня по арийским территориям древней Индии, подношения путешествующим «Желтым владыкам» в древнем Китае, подати тибетцев их цэнпо и далай-ламам, дары японским «сыновьям Неба» при совершении ими куними — обозрения подвластных земель, содержание местными жителями обширного царского хозяйства при поверочных поездках кхмерских повелителей в средневековом Ангкоре, сиддхиятра — оплачиваемые населением паломничества правителей в средневековой Индонезии, церемониальные пиры для племенных вождей на о-вах Таити и Тонга, сибирский ясак, норвежская вейцла, англо-саксонский феорм, польское гощенье, разнообразные приношения вождям у африканских банту и суданцев, местные кормления эфиопских императоров со свитой при их бесконечных передвижениях, обеспечение махалла — походных лагерей правителей в странах Магриба, рентные сборы для эмиров и беков в Таджикистане, гостевая пахта подчиненных жителей в Дагестане, широкие трапезы без предварительного приглашения для разъезжающей грузинской знати, подарки князьям в Адыгее и Кабарде, дань кочующим хазарским каганам и многое другое.

Виды полюдьё автор классифицирует по типам развития, от простейших к более сложным (с. 235): зачаточные, очень ранние и ранние, нерегулярные, одноразовые, регулярные, рентные, пограничные, ритуальные, государственно-оброчные. При этом он намечает стадии развития полюдьё: становление, полное функционирование, сосуществование с иными видами поборов, упадок, время постепенного исчезновения, когда оно существовало в виде пережитков.

В книге рассматривается место «полюдных» комплексов в общественной жизни народов. Тут автор связывает каждый комплекс с определенной социально-экономической формацией, в целом же ведет речь о зарождении, расцвете и упадке полюдья как типично феодального института. Любопытно анализируемое Кобищановым экономическое «попутное» назначение полюдья: для потребления феодалом на месте тех припасов, которые не могут быть привезены в его резиденцию; для перераспределения ренты среди приближенных лиц сюзерена; для поощрения транзитной торговли. Несомненно, прав автор, устанавливая тесную зависимость между обычаем полюдья и тем фактом, что в раннефеодальном обществе территориальные сюзерены «буквально не вылезали из седла» (с. 242), постоянно ведя подвижный образ жизни. Тут полюдье играло также роль военно-политическую (укрепление власти на местах, усмирение непокорных, расширение границ, отражение вражеских набегов) и судебную (отправлений правосудия в отдаленных владениях, сопровождаемое сбором судебных пошлин и штрафов). Наконец, сакральное его значение состояло в организации сплоченности всего населения на базе единых религиозных представлений, поддерживаемых из центра.

Весьма интересны такие описываемые автором «сопроводительные» проявления полюдья, как ритуальная охота, действия тайных обществ, участие периферийной знати в упрочении государственной иерархии, циркуляция удельных владений, консолидация правящей касты, становление вассальных отношений. Как заключает Кобищанов, полюдье присуще едва ли не всем раннегосударственным образованиям там, где еще присутствовали жизнеспособные институты доклассового

общества, а феодальные отношения только складывались (с. 300).

Нам представляется, что значение данной незаурядной книги состоит, с одной стороны, в том, что автор продвигает вперед теорию исторического процесса, а с другой в том, что он показывает колоритное многообразие, проявляющееся даже там, где налицо совпадающие детали или идентичные ступени развития. Вместе с тем хотелось бы видеть более четкую авторскую позицию при определении исходной основы исследования: придерживаясь формационной концепции (первобытный строй, феодальный, капиталистический), Кобищанов одновременно и в заглавии книги, и в ходе исследования использует порой цивилизационную концепцию. Это смешение заметно в самом тексте, создавая двойственное восприятие процесса развития. Оно ощущается еще и потому, что автор, взяв для обобщений термин «полюдье», не стал характеризовать подробно его содержание на его исторической родине и ограничился отдельными упоминаниями о древней Руси.

А. Я. ШЕВЕЛЕНКО

Примечания

1. КОБИЩАНОВ Ю. М. Аксум. М. 1966; его же. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М. 1980; его же. На заре цивилизации (Африка в древнейшем мире). М. 1980; его же. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М. 1985; его же. Теория большой феодальной формации. — Вопросы истории, 1992, № 4—5; и др.

Т. Н. ДЖАКСОН. *Исландские королевские саги о Восточной Европе. С древнейших времен до 1000 года.* М. Наука. 1993. 303 с.; *ее же. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Первая треть XI века.* М. Наука. 1994. 255 с.; **А. В. НАЗАРЕНКО.** *Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков.* М. Наука. 1994. 240 с.

После четырехлетнего перерыва историки-руссисты получили три новых тома серии «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы». Подготовленные на современном научном уровне публикации текстов зарубежных источников, сопровождаемые переводами на русский язык и комментарием, открывают новые возможности перед историками и дают творческие импульсы их исследованиям. Новые публикации стали возможны благодаря усилиям сотрудников группы по изданию Свода (Институт российской истории РАН) под руководством Е. А. Мельниковой и поддержке Министерства образования и культуры Исландии и Российского фонда фундаментальных исследований.

Изучение исландских саг в отечественной науке имеет давнюю традицию. Нигилистически-отрицательные (Н. М. Карамзин) оценки перемежались с восторженно-романтическими (О. И. Сенковский). Подлинно научное исследование саг как исторического источника, в том числе и по истории Руси, отмечено именами Ф. А. Брауна, Е. А. Рыдзевской, М. И. Стеблин-Каменского, А. Я. Гуревича. Теперь оно нашло достойное продолжение в работах Т. Н. Джаксон. Многолетние и кропотливые исследования отдельных памятников, сюжетов, известий о Руси и соседних с ней народов, древнерусской географической номенклатуры, отраженные в десятках ее статей, создали основу этого фундаментального издания. Своды королевских саг, совме-

щающие черты историографических и литературных памятников (*Heimskringla*, *Fagrskinna*, *Eldreyjarbók* и др.), в определенной степени схожи с древнерусскими летописными сводами: они также имеют сложный состав, для которого характерны использование предшествующих сводов, их соединение и пополнение другими, в том числе документальными материалами. Историческая информация одной и той же саги существенно различается в разных сводах. Чтобы учесть сведения, представленные в разных редакциях саг, Джаксон пришлось создать новый тип издания королевских саг; параллельную публикацию фрагментов, содержащих материалы о Руси, по всем известным редакциям и вариантам — в противоположность традиции издания каждого свода самостоятельно (заметим, что на русский язык сделан перевод одного из сводов саг — «Круга земного» Снорри Стурлусона).

Существенным достоинством является четкая источниковедческая характеристика каждого из сводов и каждой из редакций саги. Автор аргументированно показывает степень достоверности того или иного известия о Руси. Изданные и исследованные Джаксон тексты вводят в круг древнерусской истории немало лиц, событий, явлений, неизвестных по летописям. Это и русский князь Виссивальд, неудачно сватавшийся к шведке Сигрид Гордой (возможно, Всеволод Владимирович), и обстоятельства ранения Ярослава Мудрого, вызвавшего его хромоту, и обычай взимания виры за убийство во времена Владимира Святославича («Сага об Олаве Трюггвасоне») и многое другое. Древнерусское государство предстает на страницах саг в тесных и многообразных связях с северной и Западной Европой как один из важнейших центров средневекового мира.

Хочется обратить внимание читателей на обстоятельный, содержащий ряд новых интерпретаций исследовательский историко-географический комментарий, составляющий особый раздел книги — «Этногеографический справочник». Многие восточноевропейские топонимы в древнескандинавской письменности, такие как *Cardariki*, *Holmgardi* и др., являются предметом дискуссий, берущих начало еще в XVIII веке. В книге не только учтены все основные гипотезы, но и предложены оригинальные толкования некоторых наименований. Представляется, в частности, удачной интерпретация скандинавского названия Ладоги: *Aldeigjuborg* из финского *Alode-joki* (название р. Ладога).

Рецензируемое издание отличают глубина понимания публикуемого источника, точность и ясность переводов, владение историографией проблемы, умение находить связи между подчас достаточно неопределенными сведениями зарубежных источников и летописными свидетельствами о событиях русской истории.

Подготовленный Назаренко выпуск Свода —

первый из планируемых трех томов немецких источников по истории Руси — охватывает древнейшие памятники Восточно-франкской империи, содержащие сведения о Древней Руси. Среди них как хорошо известные в науке и важнейшие для истории русско-германских отношений и собственной истории Руси памятники так называемый «Баварский географ», Раффельштеттенский таможенный устав, «Хроника» Титмара Мерзебургского), так и ранее не обращавшие на себя внимание тексты, в частности грамота короля Людовика Немцкого (843—876 гг.) Алтайхскому монастырю, датированная 862/863 г., содержащая одно из древнейших упоминаний Руси в западноевропейских источниках. К сожалению, не вошло в этот том известие Бертинских анналов 839 г. (о посольстве росов в Византию и их пребывании при дворе Людовика Благочестивого), которое будет рассмотрено в одном из следующих томов. Тем не менее, представленные в томе источники рисуют картину активной и целенаправленной внешней политики Древнерусского государства, умело игравшего на противоречиях между Византией и Германией и использовавшего их в своих целях. Подробное исследование русско-германских отношений в X в., основанное на представленных в Своде источниках, опубликовано Назаренко в вышедшем также в 1994 г. ежегоднике «Древнейшие государства Восточной Европы».

Большая часть опубликованных Назаренко источников известна и имеет давнюю традицию изучения. Тем не менее он сумел сказать свое слово в истолковании публикуемых источников, не избегая при этом дискуссионных вопросов. Следует особо остановиться на научном комментарии к тому. При всей лапидарности сообщений источников автор сумел извлечь из них разнообразную и часто лежащую глубоко под поверхностью текста информацию. Комментарий представляет собой серию оригинальных исследовательских заметок. Возможно, не все предложенные Назаренко толкования выдержат проверку позднейшими исследованиями. Однако даже спорные интерпретации будят мысль, способствуют более глубокому изучению источника.

Изданные тома являются достойным продолжением фундаментальной серии, основанной В. Т. Пашуто в начале 1970-х годов. Монументальное издание, задуманное этим ученым, не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной науке (в таких авторитетнейших сериях, как *Monumenta Germaniae Historica*, греческая и латинская *Patrologiae cursus completus*, публикация оригинальных текстов не сопровождается комментарием). Готовясь к выполнению этой поистине грандиозной задачи, Пашуто привлек к работе в созданном им в 1969 г. секторе истории древнейших государств Института истории СССР АН СССР филологов: классиков, скандинавистов, византинистов, арабистов и др. С выходом подготов-

ленного Е. А. Мельниковой первого тома в 1977 г. («Скандинавские рунические надписи»), открывшего целый комплекс ранее неизвестных источников, «Свод» стал одной из наиболее авторитетных серийных публикаций источников в мировой науке.

Свод синтезирует данные зарубежных источников по истории Руси в диахронии (от античности до XIV в.) и синхронии (от арабского востока до скандинавского севера). Закономерным, более того необходимым хронологически нижним рубежом издания являются древнегреческая и римская литературы. Античное видение Восточной Европы и народов, участвовавших впоследствии в формировании Древнерусского государства, заложило основы средневековых представлений о Древней Руси. Не случайно вплоть до XVI в. мы находим в западной историографии такие обозначения Руси, как Скифия, Тавроскифия, Сарматия. Восточная Европа представляется ограниченной Рифейскими горами, откуда нахлынули орды монголо-татар. Поэтому изданные и готовящиеся ныне публикации античных источников (А. В. Подосиновым), наряду с их самоценным значением, создают необходимый фундамент для изучения источников более позднего времени.

Из средневековых памятников следует особо выделить издание в 1989 г. трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (под редакцией Г. Г. Литаври-

на и А. П. Новосельцева) — важнейшего из византийских источников по истории Руси. В отличие от других изданий Свода, сочинение Константина Багрянородного опубликовано целиком, а не во фрагментах. Это дает читателю полную и объективную картину представлений автора о Руси. Отбор фрагментов для публикации — своего рода интерпретация источника. Поэтому публикация некоторых памятников в полном объеме в таком издании, как Свод, безусловно целесообразна.

Научное значение трех новых томов, как и всего Свода в целом (на сегодняшний день опубликовано 13 томов), трудно переоценить. Круг отечественных источников по истории домонгольской Руси замкнулся уже более ста лет назад. Сегодня не приходится рассчитывать на находку нового, сколько-нибудь оригинального памятника древнерусской письменности (кроме, разумеется, эпиграфики). Поэтому каждая неизвестная ранее крупная информация, сколь бы мала она ни была, является бесценной находкой для историка. Каждый следующий том Свода расширяет источниковую базу для изучения древнерусской истории. Завоевавший высокий международный авторитет, свод «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы» составляет гордость российской исторической науки.

Н. Ф. КОТЛЯР

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Надо собирать свидетельства о судьбе пленных и заключенных в СССР

Одной из многих трагических страниц истории второй мировой войны является судьба военнопленных. Начиная с 70-х годов в Германии увидел свет ряд исследований о судьбе советских военнопленных на ее территории и в подвластных странах. Среди этих исследований особенно значителен труд К. Штрайта¹. В основном на материалах немецких исследователей написана одна из последних работ на эту тему М. Е. Ерина², убедительно, кстати, свидетельствующая об объективности и основательности работ немецких коллег. К сожалению российские историки до последнего времени не отвечали им взаимностью. Судьба военнопленных вермахта в СССР руководителей научных центров военной истории России видимо мало интересует и теперь, что не может не свидетельствовать о пренебрежении к познанию подлинной истории собственной страны. Прорыв в запретную прежде тематику сделал в 1996 г. исследователь из Вологды В. Б. Конасов, опубликовавший книгу о судьбе немецких военнопленных в СССР³. Круг его архивных и мемуарных материалов очень широк, но тема далеко не исчерпана. Ныне все более очевидной становится мысль, что исследование данной проблемы невозможно основать только лишь на архивах. Нельзя, например, думать, что в архивах исчерпывающе отражены преступления воевавших сторон!

Учитывая строгую секретность преступных деяний в отношении военнопленных, на первый план выступают не архивы, а свидетельства очевидцев, их воспоминания. В СССР к такого рода источникам относились крайне негативно. Историкам не позволили опросить советских пленных, вернув-

шихся из Германии. Не было и опроса советских граждан, общавшихся с советскими пленными в сталинских лагерях смерти, а с немецкими тем более. Немецкие историки, опубликовав 22-томную историю своих пленников, российских коллег опередили на много⁴. Еще возможно задать вопрос по российскому радио и телевидению о положении пленников в годы войны. Заинтересованные исследователи получили бы свидетельства о военнопленных, в том числе о советских в Германии. Сейчас же историки вынуждены целиком полагаться на германские архивы. В дальнейшем такая зависимость может оказаться постоянной — на все времена. Будет утерян способ проверки достоверности путем сравнения различных показаний, ввиду отсутствия соответствующих опросов.

Чтобы иметь возможность сравнения свидетельств очевидцев с возможными архивными находками, а при их вероятном отсутствии для раскрытия ценности устных свидетельств расскажу о некоторых известных мне событиях и фактах.

О пленных в нашей стране я услышал сразу же после демобилизации, приехав на побывку в деревню Улыбышево в 1946 году. Деревня эта расположена в 12 километрах от областного центра на юг, недалеко от одноименной железнодорожной станции на линии Владимир-Тума. Дорогу когда-то предполагали довести до Рязани, но споткнулись на Оке. Во время войны офицеры воинской части, охранявшей железнодорожный мост через реку Клязьма, свободное время проводили в деревне Улыбышево, развлекая девушек. В один из вечеров зимой 1942—1943 гг. офицеры не явились на свидание. На другой день вынуждены были объяснить подругам свое поведение.

Под строгим секретом они поведали потрясшее слушательниц известие. На перегон от Владимира до клязьминского железнодорожного моста прибыл эшелон замороженных тел военнопленных. Их надо было разгрузить и закопать, чем они и занимались всю ночь.

Для меня такой факт стал уже явлением повторяющейся действительности. О замораживании людей в неотапливаемых вагонах рассказал еще до войны мой отчим, вернувшись из Комсомольска-на-Амуре, где он работал в 1933—1938 гг. на заводе «Амурсталь», завербовавшись за длинным рублем. Во время больших морозов начальник цеха приказал его бригаде потеплее одеться, взять с собой еды и немедленно отправиться на выполнение специального задания. Рабочие погрузились в товарный с железной печкой вагон, прицепленный к дрезине. Ехали по направлению к Хабаровску. Железная дорога, построенная наспех, осела в болоте. Встречный эшелон застрял. Рабочим надлежало раскрыть вагоны и разгрузить их. Когда товарняк открыли, ахнули! Вагоны битком были заполнены замороженными телами людей, среди которых по одежде и волосам узнавали священников. Трупы сбрасывали в болото. Надо бы разыскать это место, установить там часовню памяти зверств преступников и их жертв.

Не удивившись замораживанию неугодных военнопленных, я все же решил проверить рассказы деревенских девушек. Вернулся в Москву, написал своему родственнику: не помог бы он разыскать свидетелей захоронения? Он вскоре меня навестил и сказал: «Зачем тебе искать. Сам видел. На другой день рано утром шел я из Улыбышева во Владимир. Тогда это было надежнее езды на поезде. Перейдя по льду Клязьму, миновав прибрежный лес, приблизился к железной дороге. Увидел солдат, колавших ров. Рядом стояли несколько раскрытых вагонов. Заглянул в вагоны. В различных позах там увидел трупы замороженных людей без шинелей в немецких френчах: сидящих, лежащих, скрюченных».

Известие о том, что пленные были без шинелей, сообщили и офицеры деревенским девушкам. Всех оно поразило: и военных и гражданских. На основе такого известия возможно говорить, что пленные чем-то досадили соответствующим властям. Эшелон с военнопленными был велик. Военской части не хватило ночи захоронить половину состава. Другую половину, по словам офицеров-охранников моста, отправили на перегон между станциями Улыбышево и Головино. Такого рода факты надо было выявлять, пока живы свидетели. И это будет немалым вкладом в дело познания нашего страшного прошлого, укрепления дружбы и доверия между воевавшими народами. До сих пор у нас правда о войне декларируется, что будто бы она нужна, но на деле ее сторонятся. Уж больно есть чудовищные факты. Давать о них информацию в печати, по радио и телевидению — это непатриотично?! Мой бывший коллега по работе отка-

зался передать такого рода заметки в редакцию одного из журналов, боясь, что его участие может быть истолковано как поддержка непатриотического дела. Между тем немецкие историки не боятся раскрывать преступления гитлеровцев.

С изучением положения советских военнопленных в Германии успешно справляются немецкие коллеги, отказавшиеся от идеологических и националистических шор. Российским же историкам более доступно изучение быта пленников на своей территории, в том числе и вернувшихся из Германии в сталинские лагеря Сибири, на шахты Донбасса и Воркуты, на различные стройки коммунизма. Пока нет никаких сведений о пребывании военнопленных на островах Новая Земля и Вайгач. До сих пор это заповедная тема. Помочь могли бы радиослушатели и телезрители в ответ на призыв рассказать правду о преступлениях коммунистического режима в СССР в деле содержания военнопленных.

Еще одна проблема изучения может быть решена путем сравнения положения пленных в СССР и царской России. В этой связи хотелось бы напомнить, что на территории Улыбышевской административной единицы низшего звена, до революции именовавшейся Подольской волостью Владимирского уезда, бывали военнопленные и в досоветские времена. Но их не закапывали замороженными тайно во рвы. В документальной повести Н. Н. Златовратского «Деревенские будни» есть рассказ о пребывании там турецких военнопленных, захваченных в ходе войны России с Турцией 1877—1878 годов. Свободно гулявших по Владимиру пленников предприимчивый человек пригласил поработать на сенокосе, разумеется, за деньги. Узнав о добросовестности турок в сельскохозяйственном труде, крестьяне деревни Конюшино, в полутора километрах от Улыбышева, сажали, после некоторых колебаний, пленников, как дорогих гостей, в красный угол за обеденный стол, то есть под православные иконы. И это невзирая на мусульманскую веру работников.

Сравнительное изучение положения военнопленных в СССР, России и сопредельных странах, с которыми велись войны, тема нужная в деле установления взаимного доверия между государствами и их историками.

*В. В. Фарсобин,
кандидат исторических наук*

Примечания

1. STREIT CHR. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und sowjetschen Kriegsgefangenen 1941—1945. Stuttgart, 1978.
2. М. Е. ЕРИН. Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны. Вопросы истории, 1995, №№ 11—12.

3. КОНАСОВ В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда. 1996.

4. MASCHKE E. (Hg.). Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. 22 Bände-München, 1962—1974.

Правда, да не вся

26 июня 1941 г. с аэродрома Боровское, что под Смоленском, поднялись в воздух все оставшиеся после первых дней боев самолеты 207-го авиаполка 42-ой авиадивизии дальних бомбардировщиков. Целью вылета было нанесение бомбового удара по танковой колонне немцев в районе поселка Радошковичи (в 40 км западнее Минска). Возглавляли ту группу самолетов (разбитую на две подгруппы) комэски капитаны А. С. Маслов и Н. Ф. Гастелло. Во главе всей группы летел Маслов. Боевое задание было выполнено. Врагу был нанесен значительный урон. Наши потери были сравнительно невелики: всего два экипажа. Это, наверное, можно объяснить тем, что истребители врага не подоспели вовремя, а зенитную батарею, прикрывавшую развилку дорог, удалось уничтожить огненным тараном. Двумя экипажами, не вернувшимися с боевого задания, оказались экипажи Маслова и Гастелло. Уже через месяц Родина высоко оценила подвиг Гастелло. Имена же трех остальных членов экипажа самолета Гастелло были преданы забвению на долгие годы. Но я хочу остановиться на судьбе второго экипажа — Маслова. О нем ничего не было известно, а в течение 10 лет он вообще считался «пропавшим без вести». 26 июня 1941 г. у подвига были очевидцы из числа оставшихся в живых экипажей и двое местных жителей — братья Дворецкие. Те, что были на земле, не знали, чьи останки они захоронили, а те, кто доложил о подвиге (старший лейтенант Воробьев и лейтенант Рыбас), думали, что это был экипаж Гастелло.

В 1951 г., к 10-летию подвига Гастелло, было решено перезахоронить останки — перенести их в центр Радошковичей к памятнику капитану Гастелло. Но при вскрытии могилы был обнаружен футлярчик с документом, принадлежащим старшему сержанту Г. В. Реутову — стрелку-радисту самолета Маслова. Так стало ясно, что в пылу боя, произошедшего 26 июня 1941 г., ведомые Гастелло не заметили, как был подбит и отвалил в сторону самолет их командира. А объятый пламенем самолет Маслова пошел на второй заход для уничтожения (ценой жизни экипажа!) зенитной батареи, подбившей машины Гастелло и Маслова. Боевые друзья Гастелло приняли самолет Маслова за машину своего ведущего.

Результаты вскрытия братской могилы (ввиду их сенсационности) были доложены в ЦК КП(б) Белоруссии и Министерство обороны СССР.

В Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО, из материалов о безвозвратных потерях за 1953 г., оп. 977131, д. 68. лл. 489—492) хранится ответное письмо с грифом «Секретно», направленное из ЦК КП(б) Белоруссии радошковичскому райвоенкомму подполковнику Котельникову: «На № 911 от 6.XII 1951 года. По восстановленной надписи на документе, хранившемся в пластмассовом футлярчике, который Вы обнаружили при вскрытии братской могилы около м. Радошковичи, было установлено, что данный документ принадлежал ст. сержанту [1]) Реутову Григорию Васильевичу, рождения 1918 года, уроженцу Чкаловской области, Покровского района, дер. Кулагино.

Последующей проверкой было установлено, что Реутов Г. В. проходил службу в должности воздушного стрелка-радиста в 42 авиационной воздушной дивизии, 207 авиавоздушном полку и по данным отдела по учету потерь Советской Армии значился пропавшим без вести 26 июня 1941 года, о чем данный отдел сообщил Ново-Сергиевскому райвоенкомату Чкаловской области 6 августа 1951 года за № 905146. По этим данным о Реуове Г. В. было также установлено, что вместе с ним на самолете были капитан [2]) Маслов Александр Спиридонович, рождения 1907 г., уроженец Московской области, Коломенского района, лейтенант [3]) Балашов Владимир Михайлович, рождения 1919 года, уроженец гор. Горького (ул. Краснофлотская, дом 92) и [4]) младший сержант Бейскбаев Бахтурас рождения 1920 года, уроженец Алма-Атинской области, Ильинского района. Все эти товарищи, выполняя 26 июня 1941 года на самолете ДБ-3Ф боевое задание командования полка, не вернулись в свой полк, и командование полка, не имея никаких сведений о них, посчитало их без вести пропавшими.

Больше никакими сведениями по данному вопросу мы не располагаем, и в случае необходимости каких-либо документов рекомендуем Вам обратиться в отдел по учету потерь Советской Армии.

П.п.зав.Административным отделом
ЦК КП(б) Белоруссии — Перепелицын».

22 ноября 1951 г., в день рождения Маслова, всем членам экипажа самолета ДБ-3Ф, который он вел в бой, формулировка «пропал без вести» была изменена на «логиб при выполнении боевого задания 26 июня 1941 года».

Радошковичский районный военный комиссариат 21 декабря 1951 г. сообщил Коломенскому

Райвоенкому Московской обл., что при «перезахоронении останков братских могил погибших воинов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Радошковичском районе обнаружались останки экипажа советского самолета, героически погибшего 26 июня 1941 г. в боях с немецко-фашистскими захватчиками в районе м. Радошковичи, Молодченской области, БССР. Среди них капитан Маслов Александр Спиридонович 1907 года рождения, уроженец Московской области, Коломенский район, село Коломна [Андреевское]. По показаниям местных жителей героический экипаж вел мужественный бой с немецко-фашистскими стервятниками, но будучи поврежден уже горящим повел свой самолет в немецкую колонну войск, двигавшихся в г. Минск. Останки героически погибшего экипажа самолета перенесены в центр м. Радошковичи и похоронены в сквере в братской могиле с отданием воинских почестей».

Получив официальное известие о происшедшем, вдова Маслова — С. Е. Маслова стала ходатайствовать о присвоении ее мужу звания Героя Советского Союза (посмертно). Но, как оказалось, 22 сентября 1964 г. в Центральном архиве МО СССР важнейшие документы в деле Маслова по акту № 34651 были уничтожены «по срокам хранения».

На запрос начальника Историко-архивного отдела Историко-архивного и военно-мемориального центра ГШВС СССР полковника Ю. Н. Семина заместитель начальника ЦАМО полковник И. Лучкин ответил 30 августа 1991 г. (исх. № 4,2969): «В тщательно проверенных архивных материалах 42 авиационной дивизии имеется книга учета боевых потерь Управления и частей, входивших в ее состав, где значится: «26 июня 1941 г. не вернулся экипаж 207 бомбардировочного авиационного полка в составе: командир авиаэскадрильи капитан Маслов Александр Спиридонович, стрелок-бомбардир лейтенант Балашов Владимир Михайлович, воздушный стрелок-радист мл. сержант Бейскбаев Бахтурас (фамилия так в документе), воздушный стрелок мл. сержант Реутов Григорий Васильевич». Других сведений в документах 42 ад не имеется. Документов 207 бап за 1941 г. на хранении нет (в ЦАМО не сдавались).

Дополнительно сообщаем, что в приказе Главного Управления Кадров СА № 01542 от 22 ноября 1951 г. значится: «Внести изменения в ст. 71 ГУФ КА № 0150—1942 г. на капитана Маслова Александра Спиридоновича. Напечатано: «пропал без вести в 1941 г.», следует читать: «погиб при выполнении боевого задания». Справка: Донесение начальника

7 отдела Управления Кадров ВВС СА № 1885622 от 12.10.51 г. Основание: ф. 20105, оп 2, д. 6, л. 3об.; ф. 33, оп. 595608с, д. 4, л. 337.

Для сведения сообщаем, что в книге учета боевых потерь 42 ад указано, что 26 июня 1941 г. экипаж командира авиаэскадрильи 207 бап капитана Гастелло Николая Францевича совершил огненный таран, врезался в группу фашистских танков. Основание: ф. 20105, оп. 2, д. 6, л. 3об. В наградном листе о представлении к званию «Герой Советского Союза» командира 4 адэ 207 бап 42 ад капитана Гастелло Николая Францевича есть свидетельства ведомых из его группы ст. лейтенанта Воробьева и лейтенанта Рыбаса, которые видели, что «Гастелло, развернув свой горящий самолет (подбитый ЗА противника), направил его в гущу танков, последовал огромный столб огня, горели фашистские танки и их экипажи». Основание: ЦАМО, д. 5280, лл. 10, 11. Представление к званию «Герой Советского Союза» реализовано Указом ПВС СССР от 26.7.1941 г.

Дополнительно сообщаем, что документальных данных о внесении изменений по ст. 71 ГУФ КА от 22.11.1951 г., т. е. донесение УК ВВС СА № 1885622 от 12.10.1951 г. на хранении не имеется (уничтожены по срокам хранения)».

В 1991 г. мне удалось отыскать эти документы в деле старшего сержанта Реутова, и я доложил об этом сессии Коломенского городского совета народных депутатов (Маслов родился и вырос в Коломенском р-не, а вдова его до последних своих дней жила в Коломне). Сессия приняла решение возбудить ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно) лейтенанту В. М. Балашову, уроженцу Нижегородской обл.; младшему сержанту Б. Бейскбаеву, уроженцу Алма-Атинской обл.; капитану А. С. Маслову, уроженцу Коломенского р-на Московской обл.; старшему сержанту Г. В. Реутову, уроженцу Оренбургской области.

После того, как в феврале 1992 г. все собранные мной документы были повторно направлены в Верховный Совет России, главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами СНГ приказом № 43 от 27 апреля 1992 г. наградил всех членов экипажа Маслова орденами Отечественной войны I степени. Городская администрация приняла решение о присвоении новой улице города имени летчика Маслова.

8 мая 1996 г. в «Российской газете» был опубликован Указ Президента Российской Федерации о присвоении всем четверым звания Героя Российской Федерации.

Э. В. Харитонов, г. Коломна

Contents

Articles: **Ju. K. Kiriyyenko**. The Cossacks in Exile: Discussions on Their Fate (1921—1945); **B. M. Shpotov**. General Motors Corporation and the Rise of American Management. Historical Profiles: **V. A. Kuchkin**. Jurij Dolgorukij. To the Help for Teachers and Students. History and Culture of the Peoples of Asia, Afrika and Latin America (Since Ancient Times up to Our Days). 18th and 19th Chapters (by **V. P. Titov**). History and Fates: **A. V. Golovnin**. A Memoir for the Few. Historians on Time and Themselves. The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Publications: Correspondence of Right-Wingers and Other Materials on Their Activities in 1914—1917. People. Facts. Events: **I. V. Churkina**. Jesuits in Russia (1772—1820); **I. D. Malanin**. Cult Stones and the Stone of Alatyry. Historiography. **A. I. Boroznjak**. German Historiography of the Battle of Stalingrad. **Reviews on Books:** *J. Höslér*. Die Sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991; *V. Z. Rogovin*. Stalin's the most new economic policy; *A. A. Dorofejuk*. A History of the Russian Automobile Transport before 1917; *Ju. M. Kobishchanov*. Poludje: A Phenomenon of Domestic and World History of Civilizations; *T. N. Jahkson*. Icelandic Royal Sagas on Eastern Europe. From Ancient Times up to 1000, *eadem*. Icelandic Royal Sagas on Eastern Europe. The 1st Third of the Eleventh Century, *A. V. Nazarenko*. German Sources in Latin. The Ninth—Eleventh Centuries. Letters to the Editor.

**Учредители: ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Регистрационный № 894

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 10, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 18.09.96. Подписано в печать 06.11.96. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,25. Тираж 10 200. Заказ 1998. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16